

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

**ВИКТОР БОЧКАРЕВ
АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ**

СУПЕРФРАУ ИЗ ГРУ

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2002

ББК 67.401.212
Б 865

*Исключительное право публикации книги В. Бочкарева и А. Колпакиди
«Суперфрау из ГРУ»
принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС-Образование».
Выпуск произведения или его части без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону.*

Художник

Бочкарев В. В., Колпакиди А. И.

Б 865 Суперфрау из ГРУ. — М.: ОЛМА-ПРЕСС-Образование,
2002. — с.: ил. — (Досье)

ISBN 5-94849-085-8

Биография крупнейшей советской разведчицы XX века, немки по национальности Рут Вернер, урождённой Урсулы Кучински, по мужьям Гамбургер и Бёртон. Полковник ГРУ и известная писательница, радистка и резидент — Рут Вернер, она же «Соня», начинала свою шпионскую карьеру под руководством Рихарда Зорге в Китае. Накануне II мировой войны создала агентурную сеть в Швейцарии («Красная капелла») и сыграла немаловажную роль в похищении секретов атомной бомбы. И это только часть её боевого пути.

В книге использован материал из архива ГРУ (соавтор — полковник В. В. Бочкарев — ветеран ГРУ, председатель секции стратегической разведки ГРУ, председатель ветеранской секции ГРУ лично встречался с ней в СССР и в Германии).

Рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 67.401.212

ISBN 5-94849-085-8 © Издательство «ОЛМА-ПРЕСС-Образование», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно в издательстве «ОЛМА-ПРЕСС» вышла книга Владимира Лота «ГРУ и атомная бомба», в которой автор довольно подробно останавливается на контактах разведчицы ГРУ Урсулы

Бертон (урожденная Кучински, оперативный псевдоним «Соня», литературный псевдоним Рут Вернер) с известным физиком Клаусом Фуксом. В 1941—1943 годах он передал ГРУ ряд ценных материалов, содержащих теоретические расчеты по расщеплению атома урана и созданию атомной бомбы.

Поэтому весьма примечательно, что в этом же издательстве подготовлена книга «Суперфрау из ГРУ», в которой рассказывается об оперативной работе разведчицы не только в Англии, но и в Маньчжоу-Го (Маньчжурия), Китае, Польше, Швейцарии, а также о ее общественной и литературной деятельности на родине в Германии.

Касаясь личности «Сони», следует отметить, что ее отец Роберт Кучински и брат Юрген были крупными учеными, профессорами ведущих научно-исследовательских центров Германии и Англии, а сестры Бриджет Льюис и Рената Симпсон (урожденные Кучински) посвятили себя литературной и научной деятельности. В семье «Соня» приобрела опыт общения с немецкой и английской интеллигенцией, познакомилась с известными учеными, научилась анализировать и обобщать научную информацию.

В юности она работала библиотекарем и продавцом в книжных магазинах, что впоследствии дало ей возможность соответственно легендировать свою трудовую деятельность, в частности в период командировки в Мукдене, где она выступала в качестве представителя фирмы по продаже пишущих машинок.

Ее активная работа в комсомольской, а затем и партийной организации в довоенное время в Германии пригодилась при вербовке источников информации и соблюдении правил конспирации.

Работая в странах, где проходили военные действия в период второй мировой войны, она прошла все основные этапы разведывательной работы: была хозяйкой конспиративной квартиры,

связником, радисткой, руководителем оперативной группы и нелегальной резидентуры.

«Соня» работала вместе с такими замечательными разведчиками, как Рихард Зорге, Шандор Радо, Клаус Фукс; встречалась с известными сотрудниками Центра — генерал-полковником Х. Мамсуровым, генерал-лейтенантом С. Д. Кремером, полковниками Н. В. Аптекарем, Н. И. Щечковым, подполковниками Н. В. Звонаревой, М. И. Поляковой.

«Соня» является единственной нашей разведчицей, которая долгое время находилась на нелегальной работе вместе со своими тремя детьми, хотя прекрасно знала, как может сложиться их судьба в случае ее провала. Естественно, что ее семейная жизнь складывалась подчас непросто, ведь ей приходилось решать проблемы не только с учетом личного желания, но и в соответствии с требованиями оперативной работы.

Настоящая книга особенно ценна тем, что в ней приведены материалы, которые публикуются впервые.

А. Г. Павлов,
генерал-лейтенант в отставке

ЛИТЕРАТУРА

Васильевич И., Сгибнев А. Возвращение нежелательно. М.: Политиздат, 1991.

Вернер Р. Соня рапортует. М.: Прогресс, 1980.

Болтунов М. А. Мы, брат, из разведки // Ориентир. 2000. № 5.

Горбачева Ю. Мне удалось недорого купить автоматическую авиационную пушку // Общая газета. 1996. 5—11 мая.

Иванов М. Памяти Рихарда Зорге и его друзей // Проблемы дальнего Востока. 1994. № 5.

Ивашутин П. Разведка, интегрированная в политику // Независимое военное обозрение. 1998. № 22.

Ковтун И. Здесь память о прошлом хранят // Красный воин. 1997. 15 нояб.

Колпакиди А. Империя ГРУ. В 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Колчанов Р. Она всю жизнь любила Рихарда Зорге // Труд. 2001. 7 марта.

Лота В. ГРУ и атомная бомба. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Лота В. План «Z» отменяется навсегда // Красная звезда. 2001. 3 окт.

Лота В. Правда о Шандоре Радо // Совершенно секретно. 2000. № 1.

Лота В. Резидент Мария // Совершенно секретно. 1999. № 11.

Лота В. С атомной бомбой в кармане // Красная звезда. 1999. 3 июля.

Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988.

Павлов А. Разведка необходима в «век партнерства» // Красная звезда. 1993. 11 февр.

Попов Е. Наш первый инкор // Тассовец. 2001. Дек.

Поросков Н. Без грифа «секретно» // Красная звезда. 1995. 4 нояб.

Пороскопов Н. Без грифа «секретно» // Красная звезда. 1995. 15 апр.

Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М.: Воениздат, 1973.

Темирбиев С. Рихард, Рамзай, Инсон // Труд. 1995. 31 окт.

Фесюн А. Дело Зорге. Неизданные документы. СПб. – М.: Летний сад, 2000.

Штеменко С. Генеральный штаб во время войны. М.: Воениздат, 1985.

Щегольков Н. Имени Рихарда Зорге // Ветеран войны. 1997. № 4.

Blankenfeld J. Die Tochter bin ich Der Kinderbuchverlag. Berlin, 1987.

Kampen T. Es Blü die Weltrevolution. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 13.7.2000.

Kuczynski J. Probleme der Autobiographie Aufbauverlag. Berlin und Weimar, 1983.

Werner R. Der Gong des Porzellanhändlers. Verlag Neues Leben. Berlin, 1978.

Werner R. Kursespräche. Neues Leben. Berlin, 1988.

Werner R. Muhme Mehle Spotless-Verlag Berlin 2000.

Werner R. Olga Benario. Verlag Neues Leben, 1961.

Werner R. Sonjas Rapport. Verlag Neues Leben, 1977.

Zimmermann B. Sohja rapportiert nicht mehr. Neues Deutschland. 8/9. Juli 2000.

РАЗВЕДЧИЦА СОНЯ

Во всем мире эта женщина известна под своим литературным псевдонимом – Рут Вернер. Ее настоящее имя – Урсула Кучински. А в советской военной разведке она известна как Соня – легендарная разведчица, работавшая во многих странах мира и выполнявшая ответственные задания. Она участвовала в работе группы Рихарда Зорге в Китае, «Красной капеллы» в Швейцарии, помогала добывать информацию о разработке атомной бомбы. Когда ей вручали второй орден Красного знамени, представитель ГРУ сказал: «Ваши радиogramмы, товарищ «Соня», были всегда снарядами, были сильнее снарядов... »

В условиях своей опасной и напряженной работы она вела полноценную, жизнь, умела радоваться красотам природы и наслаждаться произведениями искусства, умела любить и быть любимой. «Без отрыва от основной работы» она родила и вырастила троих детей. Не раз ей приходилось работать ключом, держа на коленях засыпающего ребенка. Все ее дети выросли достойными людьми, воспринявшими идеалы своей матери.

В сложной обстановке предвоенной и военной Европы Урсула оставалась верна

идеалам своей молодости, всю жизнь будучи убежденной коммунисткой. Не будем

обсуждать здесь вопрос, насколько правильны были ее идеалы, но она сумела

сохранить верность однажды избранному пути, несмотря на сомнения и

опасности. В конце 90-х годов немецкая тележурналистка Сабина Мидер взяла у Рут Вернер интервью, в котором пыталась узнать, не меняла ли она свои политические убеждения в сложные исторические периоды: во время политических репрессий в Советском Союзе, когда погибли многие ее товарищи, в условиях послевоенной Европы, когда вчерашние союзники по антигитлеровской коалиции стали врагами, в конце 80-х – начале 90-х годов, когда была ликвидирована ГДР. Ответ Рут Вернер во всех случаях был однозначным. Положительных эмоций у нее все эти события не вызывали, но она, по ее собственному выражению, «соблюдала политическую верность».

Рут Вернер всегда обижалась, когда ее называли шпионкой. «Шпион, – говорила она, – это человек, которого покупают за деньги. Меня никто не покупал. То, что я делала, было нелегальной партийной работой. Это не жажда приключений, а работа для партии». А ее дочь Янина, родившаяся в Варшаве в 1936 году, (причем ее рождение даже не нарушило расписание сеансов связи с Центром) говорила: «Мои мать и отец были очень скромными людьми и не пытались хвастаться своими подвигами. Отец воевал в Испании, мать работала в Китае, Польше, Швейцарии и Англии. Они очень любили жизнь, но отдали бы свою жизнь для того, чтобы победить фашизм, чтобы миллионам людей жилось бы лучше. К этим миллионам относимся мы, трое ее детей, а также наши дети и внуки».

Глава 1

ДЕВОЧКА ИЗ ЦЕЛЕНДОРФА

Урсула Кучински родилась 15 мая 1907 г. на окраине Западного Берлина, в

семье немецкого ученого-статистика Рене Роберта Кучински. Семья жила

небогато, хотя, глядя со стороны, этого можно было и не заметить – отцу от состоятельного деда досталась огромная вилла на берегу озера Шлахтензее. Позднее Урсула писала брату: «Твою идею написать семейную хронику я нахожу просто дикой. Кроме папы и тебя, у нас в семье нет никого, кем мы могли бы чваниться. Один дед был богатым банкиром, другой растранил половину состояния. Один прадедушка торговал в Галиции шнурками для ботинок с тележки, другой был, как это тогда называлось, политически свободомыслящим, что ли? Но, может, – подкалывает она брата, – ты придашь всему этому более историко-социальный оттенок?»

Впрочем, богатство семьи было в прошлом. Даже в относительно благополучные времена заработка отца-ученого не хватало, чтобы прокормить большую семью, в которой было шестеро детей: старший брат и пятеро дочерей.¹ Урсула была самой старшей сестрой. Мать – художник по профессии – воспитывала детей и экономила, как могла. Несмотря на домашние заботы, она не бросала живопись, и одна из комнат в доме была отдана под студию.

Детство и юность Урсулы пришлись на тяжелые времена. Шла первая мировая война, в стране царили кризис и инфляция. В десятилетнем возрасте Урсулу, из-за сильного истощения, отправили жить в деревню к знакомым. Оттуда, из Гросмарценса, она писала матери письма, дотошно описывая свою жизнь. Надо сказать, что Урсула была жизнерадостным и неприхотливым ребенком. Родители

¹ Братья и сестры Урсулы: Юрген (р. в 1904г.), Бриджет (1910), Сабина (1912), Барбара, Рената (1912)

не баловали ее – в десятилетнем возрасте у нее уже было, кроме старшего брата, любимца матери, две младшие сестры, восьми и шести лет. Девочка пыталась убедить родителей в том, что у нее все замечательно – но иногда, по письмам, можно понять, каково жилось тогда ей и ее семье. Пишет она, в основном, о еде. <В картошке было четыре яйца и кусочки сала. Картошка плавала в жире. После этого можно было еще отведать желе с ванильным соусом. Объевшись до смерти, я отправилась спать>. <Привет от твоей счастливой дочки. Можешь себе представить: пока я здесь, я съела всего четыре бутерброда, поскольку здесь много других чудесных вещей. Это действительно так>. И так далее, в том же духе...

Война подходила к концу, через восемь месяцев в Германии должна была

разразиться революция. И без того трудная жизнь стала еще труднее. И вновь Урсулу, теперь уже с младшей сестрой, отправили подальше от Берлина, на побережье Балтики, в санаторий. Теперь на Урсуле лежала обязанность следить за сестрой, которой было всего шесть лет. Рева, так прозвала ее старшая за постоянные слезы, впервые покинула дом. Урсула, как умела, воспитывала малышку, учила ее вести себя за столом, не переставая повторять: <Ты должна есть прилично>, хотя вся <вина> младшей сестры была в том, что она обкусывала хлеб по краям, оставляя масло напоследок. Однажды, не выдержав нытья Ревы, Урсула воскликнула: <Если бы, когда ты начинаешь

плакать, я давала бы тебе конфету, то во всем Берлине их скоро бы не осталось

ни одной!> Через месяц она писала: «Мама, мы поправились на три и четыре фунта». А в Берлине в это время уже не было не только конфет, но и картошки...

В пансионате Урсула часто беседовала со взрослыми, которых, естественно, больше

всего волновали события в стране. Рене Кучински был довольно известным

человеком в Берлине. Как-то, после разговора с городским советником Рабновым, Урсула, лежа в кровати, долго пыталась понять слово <пацимист> – так назвал советник ее отца. Впрочем, она уже знала, что смысл этого слова – <за мир>...

Пылающая Германия

На время взросления Урсулы пришлось много самых разных событий. Послевоенная Германия была страной побежденной, но не умиротворенной. Ее раздирали политические и классовые противоречия, время от времени переходящие в настоящие бои. Как и в России, в Германии война закончилась революцией и падением монархии.

3 ноября 1918 года матросы в Киле отказались продолжать ставшую к тому времени бессмысленной войну. Через несколько дней вся уставшая от войны страна была охвачена революционным пожаром. Рабочие объявляли забастовки, захватывали заводы и шахты, брали штурмом казармы и полицейские участки, освобождали политзаключенных. По примеру России, в охваченных выступлениями рабочих областях возникали советы рабочих и солдатских депутатов. 8 ноября группа «Спартак» в Берлине, совместно с лидерами рабочих с крупных заводов выступила с призывом начать всеобщую забастовку и вооруженное восстание. Но забастовки и вооруженные выступления и без того уже шли по всей стране. 9 ноября десятки и сотни тысяч рабочих и солдат в стране вышли на улицы городов. Правительство и кайзер были низложены. В тот же день левые, социал-

демократические партии объявили о создании нового правительства – Совета народных уполномоченных.

Однако уже в то время обозначились, а вскоре усилились до антагонизма разногласия между разными течениями германской социал-демократии – правосоциалистической Социал-демократической партией Германии, центристской, антивоенно настроенной Независимой социал-демократической партией Германии и левыми радикалами, которые на съезде, проходившем 30 декабря – 1 января 1919 года, создали Коммунистическую партию Германии. Правые социал-демократы, заседавшие в правительстве, нашли общий язык с военными кругами. Коммунисты же стали во главе вооруженных выступлений, однако, при отсутствии единого руководства и расколе рабочего движения германская революция была обречена и вскоре жестоко подавлена. В начале мая 1919 года потерпел поражение последний оплот революции – Баварская Советская республика. В июне были убиты вожди КПП Карл Либкнехт и Роза Люксембург. 14 августа вступила в силу новая конституция, принятая Национальным Собранием в Веймаре – образовалась так называемая Веймарская республика.

Незадолго до того, в начале мая 1919 года, в Версале был подписан мирный договор – так называемый Версальский мир. Согласно этому договору, территория Германии была урезана примерно на одну восьмую, часть страны оккупирована иностранными войсками. Страна, охваченная экономическим кризисом, должна была выплатить огромные репарационные платежи. Ей запрещалось иметь свою армию, производить современные вооружения. Национальное унижение, возмущение кабальными условиями договора послужило основой для развертывания националистической пропаганды, а

поражение рабочих в Ноябрьской революции — основой для наступления на права трудящихся.

Уже летом 1919 года по Германии прокатилась волна выступлений против махинаций в продовольственном снабжении, получившая название «колбасных бунтов». В некоторых городах они вылились в открытые вооруженные столкновения с полицией и войсками. В июле по стране прошли забастовки протеста против версальского договора и в поддержку русской и венгерской революций. Экономический кризис тем временем принял угрожающие размеры. В 1919 году промышленное производство сократилось на одну треть по сравнению с далеко не благополучным 1918 годом. Половина фабрик простаивала из-за нехватки угля, непрерывно росли цены. Даже у тех, кто имел работу, заработная плата была на 25-30% ниже прожиточного минимума.

13 января 1920 года берлинские рабочие организовали у рейхстага демонстрацию протеста против намерения Национального собрания принять закон против заводских советов. Военный министр, социал-демократ Густав Носке, который во время Ноябрьской революции сам себе присвоил прозвище «кровавая собака», отдал приказ стрелять в собравшихся. 42 человека было убито и 105 ранено. По стране снова прокатились митинги протеста.

13 марта Германия получила удар, исходящий от противоположного крыла политического спектра. В Берлин, под черно-бело-красными кайзеровскими знаменами, вошла бригада морской пехоты Эрхарда. Путчисты без боя заняли правительственные здания, распустили Национальное собрание и провозгласили военную диктатуру, объявив, что любая попытка сопротивления будет караться смертной казнью. Рейхсканцлером стал юнкер из Восточной Пруссии

Вольфганг Капп, по имени которого эта попытка переворота была названа капповским путчем. Военные выступили и по всей Германии.

Рабочие в ответ поднялись на забастовку, а вскоре перешли к вооруженной борьбе. Путчисты не смогли удержать власть. Правительство Каппа просуществовало всего четыре дня и 17 марта отказалось от власти. Попытка изъять у рабочих оружие, розданное им властями в ходе подавления путча, привела к новым столкновениям и забастовкам.

Экономический кризис в Германии продолжал развиваться. В январе 1921 года Парижская конференция держав-победительниц установила размер репараций – огромную сумму в 226 миллиардов золотых марок. Рабочее движение испытывало некоторый спад, а предприниматели все более настойчиво требовали отменить восьмичасовой рабочий день. Ответом стала новая волна забастовок, расстрел рабочей демонстрации и чрезвычайное положение в Гамбурге, аресты и увольнения.

Новые вспышки классовых волнений прокатились по стране в 1923 году. 11 января французские и бельгийские войска оккупировали Рурскую область – важный промышленный район Германии, что привело к дальнейшему развитию экономического кризиса и ухудшению положения трудящихся. В стране усилилась националистическая пропаганда. Социал-демократы выступили за установление «классового мира» с работодателями, коммунисты – резко против. Рабочее движение было окончательно расколото.

Между тем положение населения Германии стало катастрофическим. В августе 1923 года курс золотой марки составлял 1 млн., в сентябре – 23,5 млн., в октябре – 6 млрд., а в ноябре – 522 млрд. бумажных марок. Молоко, жиры, мясо для большинства населения были недоступны, не хватало даже хлеба и картофеля.

Землевладельцы отказывались продавать продукты за бумажные деньги, торговцы придерживали товары, еще больше провоцируя инфляцию. Положение народа было сравнимо с тем, каким оно было в конце войны. Рабочие голодали, средние классы были разорены, даже чиновники выражали, недовольство.

По всей стране начались голодные бунты. В городах формировались продотряды, состоявшие из рабочих и безработных, которые отправлялись в деревни и конфисковывали придерживаемое продовольствие. Горожане выкапывали на полях картофель и собирали зерно. В сентябре снова начались забастовки. Резко возросло влияние коммунистов, которые организовывали по всей стране политические акции, направленные против взвинчивания цен, укрывательства продовольствия, работали в резко «полевевших» заводских советах. При помощи и под руководством Коминтерна коммунисты стали готовиться к вооруженному захвату власти.

22 октября, на встрече представителей Всеобщего германского объединения профсоюзов, социал-демократов и коммунистов решено было провести всеобщую забастовку. Однако виды на эту акцию у разных участников совещания были разные. Социал-демократы надеялись, что всеобщая забастовка ослабит накал столкновений на местах. А коммунисты планировали переход забастовки в вооруженные выступления с последующим захватом власти. Коминтерн должен был помочь немецким коммунистам оружием, прислать организаторов и военных советников.

Во главе борьбы встала парторганизация Гамбурга во главе с Эрнстом Тельманом. Руководство КППГ решило в одностороннем порядке призвать к всеобщей забастовке не 9 ноября, как было намечено ранее, а на две недели раньше. В Гамбурге срочно готовились к вооруженному восстанию, которое должно было дать

сигнал к выступлениям по всей Германии. 22 октября забастовали рабочие верфей, к ним присоединились портовики, рабочие пакгаузов и угольных складов, начались массовые демонстрации безработных, разгром хлебных лавок. 23 октября боевые группы гамбургской организации КППГ, чтобы добыть оружие, захватили полицейские участки. В предместьях города начали строить баррикады.

Однако даже в Гамбурге, не говоря уж о всей Германии, организовать всеобщую забастовку так и не удалось – против выступили социал-демократы, имевшие большой вес в рабочем движении. Начать вооруженные выступления коммунисты так и не смогли. Революционные рабочие Гамбурга оказались в одиночестве, и их восстание было быстро подавлено. Началась реакция, многим коммунистам пришлось уйти в подполье. Эти события получили название «германского красного октября».

После подавления восстания в стране воцарилось спокойствие – впрочем, весьма и весьма относительное. На время закончились вооруженные выступления рабочих, только и всего. Забастовки, демонстрации, стычки между коммунистами и социал-демократами продолжались.

Глава семьи в шестнадцать лет

В 1923 г. Урсула окончила лицей западного района Берлина. На каникулы она отправилась в путешествие по стране (это в 1923 году!), что много говорит о характере девушки, бесстрашном и даже склонном к некоторому авантюризму. Материальные трудности не пугали ее, наоборот, придавали более острый привкус впечатлениям. Однако путешествие не было легким. Денег не хватало. Ей пришлось одолжить пять тысяч марок, и отнюдь не на излишества пошли эти деньги. <Цены здесь такие, что волосы встают дыбом. К счастью, хлеб

мы получили по карточкам... Не посылай только шляпу. Если хочешь что-нибудь послать, то тогда колбасу. Здесь она стоит 15 тысяч марок за четверть фунта>. Еще ей очень хотелось сахару, но о сахаре она не просила, лишь намекала: «очень хочется, но без него можно обойтись»... Уже из этих писем можно догадаться, как жила тогда Германия – ведь Урсула была далеко не из бедной семьи.

После лицея она поступила в торговую школу – изучала машинопись, стенографию, торговое дело, бухгалтерию. В 17 лет стала ученицей в книжном магазине «Прагер», где опять изучала торговое дело, а также антиквариат и прочие премудрости, имеющие отношение к книжной торговле (свидетельство о том, что она может работать продавцом в книжном магазине, Урсула получила лишь два с половиной года спустя). В том же году она вступила в комсомольскую организацию района Целендорф и стала членом профсоюза служащих.

В это время Роберт Кучински получил приглашение поехать на работу в США, вместе с женой. Это была возможность заработать хоть какие-то деньги для семьи – доллар к тому времени стоил три миллиона марок. Стоит ли удивляться, что он принял предложение. Мать решила отправиться с ним, и в августе 1923 года родители уехали. Заботы о доме взяла на себя знакомая родителей, но фактически главой семьи стала Урсула. На ее плечи легла обязанность следить за младшими, кормить их. Брат, несмотря на то, что был на 2,5 года старше, от хозяйственных обязанностей был, как мужчина, освобожден. <Мамочка, у нас нет ни грамма сахара, – пишет Урсула родителям в Америку. Это ужасно. О муке: шесть талонов я, правда, нашла, но давно их уже использовала – дети так много едят>...

И все ж таки вряд ли родители Урсулы так уверенно могли бы уехать,

оставив в Германии маленьких детей, если бы не Олло. Так Урсула с детских лет называла свою няньку, Ольгу Мут. Родители Олло умерли, когда она была еще ребенком. Отец ее был матросом кайзеровского флота, и девочку приняли в приют для сирот – детей военных, где она и выросла. Она так и не вышла замуж, и главный смысл ее жизни составили шестеро детей Кучински.

Олло появилась в доме на Шлахтензее после рождения второй дочки Бригитты, когда Урсуле было три года. Сначала она была няней малышки, но вскоре без нее уже никто не мог обойтись. Мама была жизнерадостной красавицей, имевшей уйму интересов и широкий круг знакомств. Когда с детьми приключалось что-нибудь серьезное, мама нежно и самоотверженно заботилась о них, при столь большой

семье у нее хватало и мелких повседневных забот, но почти всеми бытовыми делами ведала Олло. Она мыла, одевала и кормила малышей, следила за тем, чтобы старшие не опаздывали в школу, выхаживала их во время болезней, бинтовала разбитые коленки, улаживала ссоры, пела своим прелестным голосом детские песенки, шила и вязала одежды. «Больше всего на свете ей хотелось бы не делить нас ни с кем. Бывало, она ссорилась с хозяйкой, и тогда укладывала свои вещи и уезжала. Детям отчаянно не хватало налаженного распорядка жизни и твердой руки Олло, пока в один прекрасный день она не появлялась снова: <Не могу без ребятишек!> Впоследствии эта безграничная привязанность к семье едва не обернулась бедой: впрочем, речь об этом еще впереди.

Выбор сделан

Итак, в 1924 году Урсула устроилась на работу – ученицей в книжный магазин юридической и общественно-политической литературы. С этого момента началось серьезное формирование ее

мировоззрения. Масса политической прогрессивной литературы, теперь доступной ей, помогала девушке ориентироваться в сложном мире политики. И Урсула, не задумываясь, отдала предпочтение идеям коммунизма. Здесь играло роль не только страстное желание девушки помочь бедным, но и юношеский максимализм – лозунги Коммунистической партии Германии были наиболее радикальными, они предлагали быстрое решение проблем многих людей. В своих политических пристрастиях стремлениях Урсула не была изгоем в семье. Научная работа ее отца служила интересам рабочего класса, в Америку отец уехал изучать американский финансовый капитал. Старший брат Юрген писал свою первую книгу – <Назад к Марксу>. Однако идеи ее пока не привели к членству в конкретной политической партии.

Впрочем, такая неопределенность длилась недолго. Однажды утром, в начале месяца Урсула не нашла на рабочем месте свою лучшую подругу.

– Но ведь Марта – она всегда так хорошо работала! Ее так любили покупатели! – недоуменно обратилась девушка к управляющему

– В стране безработица, если ты не знаешь. Радуйся, что у тебя пока есть работа, – грубо оборвал ее возмущенную речь управляющий.

Слова больно задели Урсулу. На собственном примере она ощутила страх взрослых перед увольнением в конце каждого месяца. Выйдя после работы на улицу, Урсула сразу заметила двоих бедно одетых людей. Они просили милостыню, но в глазах их не было униженной просьбы. Одного из них она недавно видела за прилавком соседнего магазина. Всю ночь Урсула размышляла о несправедливости этого мира. О том, как ее устранить, как помочь людям. Заснуть ей удалось только в четыре утра. И когда она уже

почти уснула, вместе с предрассветными лучами, заглянувшими в ее широкое окно, мелькнула мысль о богатстве немногих и бедности большинства. Это был переломный момент в жизни Урсулы.

Со страхом шла девушка на следующее утро на работу. Кого она не

застанет сегодня? Во время обеденного перерыва к ней подошел один из

учеников продавца – Хейнц Альтман. Он видел, как она переживала увольнение подруги, заметил яростные огоньки, промелькнувшие в темных глазах. Альтман давно уже состоял членом Коммунистического союза молодежи Германии. Весь перерыв

Урсула и Альтман проговорили в кафе. В магазин девушка вошла с твердым решением вступить в КСМГ.

...Летом, во время отпуска, Урсула отправилась в горы. Родители вернулись, и это позволило ей на время оставить малышей. Снежные вершины, темно-зеленые леса окружали ее. Она совершенно забыла рабочий день в магазине, когда приходилось по девять часов стоять за прилавком, забыла пыльный и шумный Берлин. Жизнерадостная

девушка получала письма и открытки ото всех, даже от контролера билетов вокзала Целендорф-Вест. Ей писали мама и младшие сестры. Смешно и грустно одновременно было платить штраф на почте за допотопные марки, которые мать из экономии наклеивала на конверты. Расстраивало Урсулу только одно – Юрген не писал ей. А она так любила старшего брата! Тогда она сама написала ему: <Дорогой Юрген, читать одного Маркса скучно, тяжело и непонятно. Я сейчас читаю Витфогеля <История буржуазного общества>. Это я понимаю лучше>.

В сентябре родители снова уехали в США. Теперь они каждый год уезжали туда и проводили в Америке по шесть месяцев. Урсула вела хозяйство и в письмах уверяла родителей, что все в полном порядке. Писала и о событиях в стране. Это было время политического подъема. Девушка проводила незабываемые дни, работая в Союзе молодежи. На празднование Международного дня молодежи пришло не меньше десяти тысяч молодых людей. Вскоре от КСМГ должна была отправиться делегация в Россию. Урсуле так хотелось поехать, познакомиться с рабочими, посмотреть на воплощение в жизнь идей, за которые она готова была бороться. Выдавая желаемое за действительное, она писала родителям: <Не удивляйтесь, если получите от меня следующую открытку из Советского Союза>. Но тут же, отдавая дань чувству реальности, добавляла: <К сожалению, о моей кандидатуре речь не идет>.

Урсула выполняла самую обыкновенную работу в германском комсомоле, до времени подавляя кипучую жажду иной деятельности. Например, писала реферат на тему <Профсоюзы и работа с молодежью>. Она считала, что 75 процентов работы молодых коммунистов должна состоять работа в профсоюзах. А это было далеко не так просто, как может показаться теперь. В письме к брату она красочно описывает порядки, царившие в тогдашних немецких профсоюзах, и повадки их лидеров. Например, на демонстрации, посвященной 25-летию со дня создания профсоюзного Интернационала молодые коммунисты несли плакат: <Вступайте в профсоюзы, поднимайтесь на классовую борьбу!> Один из профсоюзных функционеров вырвал у них плакат и растоптал его. <Для господ это звучит слишком радикально, – насмешничает Урсула. И продолжает: – И по другим вопросам их позиция просто невероятная. Если у нас в партии выступает молодой коммунист и

говорит дельные вещи, то к его высказываниям относятся точно так же, как и к словам ветеранов. В профсоюзах такого сразу обрывают на полуслове. Причем звучит это так: <Мы уже столько лет в профсоюзе, сколько тебе от роду, так что же ты хочешь?> Не так уж проста была она, работа в профсоюзах...

...И вновь Урсуле удалось провести летний отпуск вне Берлина. Деревушка Аренсхооп была цветущим зеленым островком. Урсула жила у своей тети Алисы. И самым большим кошмаром было застегивать 24 пуговицы тетиного выходного платья.

В 1926 году в Америку уехал и Юрген. Урсула официально стала главой семьи. Но в ее сердце все больше места занимал не дом, а работа в Союзе молодежи, непосредственное участие в политических событиях Германии. Окрыленная, возвращалась она по темным прохладным улицам Берлина с митинга протеста против сделки с Гогенцоллернами. Вспоминая две тысячи участников, Урсула почти с ужасом думала, что могла бы оказаться в числе тех тысяч людей, которые не попали на митинг. Выступали Ледебур, Тельман, Фридлендер, Вильгельм Пик, Анна Шульце! Если бы отец был здесь, он бы наверняка выступил тоже!

А отца Урсулы в это время назначили председателем Комитета по конфискации собственности князей. Этот комитет занимался тем, что в июне 1926 г. организовывал и направлял кампанию народного плебисцита против выплаты компенсации князьям.

В мае 1926 года Урсула стала членом коммунистической партии – ей не было еще и девятнадцати лет! Ее сразу же отправили на многомесячные партийные курсы, которые она закончила 16 ноября 1926 года. Факты она усвоила уже после прочтения книг, однако гораздо больше ей дала сама форма организации работы курса.

Количество работы резко увеличилось. Как-то двадцать четыре вечера подряд Урсула провела в разъездах. Однажды, вернувшись поздно вечером, девушка застала в гостиной отца и мать. Мама выглядела суровой, даже обиженной. Отец смотрел в окно.

– Урсула, ты молодая девушка, а возвращаешься так поздно! У тебя мало работы дома? Мать одна не справляется, – отец упрекал ее грозным голосом, но Урсула видела, что все не так страшно.

– Но папа, это все ради твоего плебисцита!

Отец и дочь взглянули друг на друга и рассмеялись.

После очередного отъезда родителей Урсуле вновь пришлось гораздо больше времени уделять детям. В центре внимания всего дома была младшая сестренка, Рени – ей было всего три года, и те, кому не приходилось с ней возиться, неизменно улыбались, глядя на нее. <Глава семьи> с совершенно взрослыми интонациями писала матери в Штаты: <Ты как мать много теряешь, не имея возможности видеть, какими восхитительными и совершенно иными стали ваши дети. С той поры, как ты уехала, дети ведут себя очень хорошо. Так хорошо быть с малышами, что, если бы не партийные дела, я бы с удовольствием оставалась дома. Малыши меня любят, обижаются, когда я долго отсутствую>. Но она все-таки уходила – партийная работа была для нее важнее.

Что значит быть активистом Компартии

...При свете настольной лампы Урсула склонилась над штопкой. Это был один из редких вечеров, проведенных дома. Дети улеглись, и никто не мешал девушке. За работой она обдумывала доклад, с которым скоро должна была выступить. Вдруг в дверь негромко постучали. Отложив рукоделие, Урсула подошла к двери:

– Кто там? – спросила она. Было уже почти десять часов, и никто не должен был прийти.

– Урсула, это Герхард Дегенхардт, друг Юргена. Вы помните меня?

Конечно, Урсула помнила этого высокого светловолосого юношу. Он часто приходил к Юргену, когда тот еще учился в школе. Открыв дверь, Урсула рассмеялась – оказывается, Герхард был совсем невысоким. Конечно, ведь тогда, когда они виделись, Урсула была еще девочкой, и друзья брата все казались ей большими.

– Заходи, Герхард. Только тише, девочки спят, – пригласила она.

Теперь за круглым, покрытым скатертью столом они сидели вдвоем. Чай остывал, а молодые люди увлеченно болтали. От пустяков разговор быстро перешел к любимой теме Урсулы. Они взволнованно обсуждали политическую ситуацию в стране. Оба считали, что необходимо что-то предпринимать. Но что именно? Тут их мнения расходились. Девушка покраснела, глаза ее горели. Герхард оказался полным и безнадежным идеалистом.

– Совсем необязательно впадать в крайности, политическая борьба – это только способ для достижения цели. Если бы я хотел вступить в партию, то выбрал бы партию друзей природы, – заметил гость.

– Я считаю, что Организация друзей природы делает нужное и полезное дело, – согласилась Урсула. – Однако мне думается, что если сознаешь необходимость классовой борьбы и революции, то надо вступать в организацию, которая непосредственно ведет классовую борьбу, идет кратчайшим путем к революции.

– Но послушай, Урсула...

Ничего не отвечая, девушка выбежала из комнаты. Через минуту она вернулась с ворохом книг, брошюр, газет. Вывалив все это на стол, она стала объяснять Герхарду основы марксизма, доказывая, что коммунистическая партия и то, за что она борется – единственно возможный путь спасения сотен безработных и нищих от голода и болезней. Немного остыв – Герхард не прерывал ее – она откровенно рассказала и о недостатках Союза молодежи. Гость задумчиво смотрел на круглое пятно от лампы.

– Когда у вас следующее собрание?

И Урсула поняла, что победила.² Через какое-то время после их разговора один из друзей Дегенхардта написал ему письмо с просьбой разъяснить, что такое коммунизм. Герхард отправился к Урсуле. Молодые люди встретились, и девушка перечислила список литературы, который необходимо купить. По ходу встречи, чтобы голова лучше работала, они съели три молочные шоколадки <Корос> – сказочное лакомство в те трудные времена! Она по-прежнему осталась лакомкой, хотя это и несколько расходилось с ее идеалами. «Рольф подарил мне плитку шоколада, – пишет она брату. И тут же оправдывается. – Но он ее не покупал. Такие глупости мы не делаем. Но если ему кто-нибудь что-нибудь дарит, то он всегда делится со мной».

Вот уже четыре года Урсула дружила с Рольфом – так друзья называли Рудольфа Гамбургера. Он был старше ее на четыре года и давно учился на архитектора. Это был высокий темноволосый молодой человек, с приятными манерами, сдержанный и хорошо воспитанный. Происходя из буржуазно-либеральной семьи, он имел достаточно средств, чтобы учиться в Берлинском университете.

² Впоследствии Герхард Дегенхарт стал коммунистом. В годы нацизма его арестовали. Погиб он во время войны в штрафном батальоне № 999.

Урсуле доставляло удовольствие разговаривать с ним, а Рольф с самого начала заглядывался на высокую стройную девушку. Однако последнее время Урсула казалась ему далекой, ее мысли блуждали совсем не там, где ему хотелось бы. Молодой человек был давно влюблен в Урсулу и имел, как говорится, «вполне серьезные намерения» – но разве его будущая жена может настолько увлекаться политикой?

Поздним вечером Рольф, как это бывало часто, провожал девушку домой. Они разговорились о России, о пролетарской революции: Урсула была возбуждена, горячо спорила, убеждала. Наконец, Рольф не выдержал:

– Урсула, пойми, рабочие не способны что-либо создать! Для этого необходимо образование, умение анализировать, способность оценивать прошлое и будущее.

– Как ты можешь так говорить? Ты подвергаешь сомнению социализм вообще и наши убеждения в частности! Твои взгляды определяются эмоциями и лишены малейшего научного фундамента по такому вопросу, как коммунизм! – горячо возражала девушка. На ум ей приходили многочисленные цитаты Маркса и Сталина, но она была столь возбуждена, что боялась ошибиться, приводя их.

– Хорошо, Урсула, не будем ссориться. Мировая революция не повод кричать друг на друга, – согласился Рольф, пытаясь успокоить девушку. На глазах ее выступили слезы:

– Для тебя это лишь различие во взглядах! Как при оценке картины или книги!

<Ну почему он меня не понимает? Ведь речь идет о самом важном для меня, о мировоззрении! Нет, сейчас он чужой мне>. Урсула отвернулась и даже не пожала руки Рольфа, когда он выходил на своей остановке. Поглощенная переживаниями, девушка проехала

Целендорф. Опомнившись, она выскочила на следующей станции и в полночь прошла по чудесной дороге вокруг озера Шлахтензее. Прохладный ветер с озера остудил ее, она успокоилась. Дома Урсула застала письмо от брата из Америки, он писал про свою очередную книгу о Марксе. Воодушевившись, девушка побежала в свою комнату, достала произведения Сталина – все, что у нее было – и выписала ясные и четкие цитаты о диктатуре пролетариата и социализме. Засыпая, уже под утро, она мечтательно думала, как завтра отдаст их Рольфу. Эти цитаты и были ее <научным фундаментом>.

Конечно, они помирились. Рольф явился с билетами в Государственную оперу.

– Сегодня мы будем слушать <Разбойников>! Режиссер – Пиксатор.

Эта опера была так называемой «новой» постановкой. От Шиллера осталось не так уж много, но молодые люди были в восхищении.

- Гениальная режиссура! – воскликнула Урсула. И Рольф с ней согласился.

Приближалось 7 ноября. В Линденпарке должен был состояться митинг памяти героев русской революции. Красные плакаты трепетал на домах Целендорфа. Урсула была полностью поглощена подготовкой к празднику: изучала пьесу, где играла русскую крестьянку. Также она исполняла роль руководительницы международного конгресса, проходящего в России. А кроме того, дирижировала передвижным хором и была занята в массовых сценах. Актеров было сорок человек, и бедная Урсула разрывалась, пытаясь навести порядок. К счастью, все репетировали с энтузиазмом и были захвачены своими ролями. Празднование прошло невероятно

успешно. Линденпарк, самый большой зал в Целендорфе, был переполнен. Актеры играли превосходно – Урсула была просто счастлива. По пути домой к ней подходили незнакомые люди, жали руку, благодарили.

А дома ее ждали суровые будни. У младших сестер, Бригитты и Пчелки, да и у самой Урсулы, совершенно не было зимней одежды. Попытки сшить пальто Пчелке закончились неудачно – старая материя расползалась по швам. Бригитте материала не хватило вовсе. Пришлось написать родителям в США, попросить у матери совета – сколько можно истратить на зимние пальто.

Родители вернулись, и ее положение в семье стало сложным. Девушка начинала тяготиться материнской опекой. <Мои письма Юргену я должна направлять непосредственно ему самому – оправдывается она, – чтобы не ранить как-либо его и свои чувства>. С братом она более откровенна. <Почему вы настраиваете маму против нас? Я разделяю твое мнение о ней как о чудесной женщине, которую можно любить независимо от того, что она наша мать. Однако прошло то чудесное время свободы, когда я в половине двенадцатого ночи уходила от Рольфа и, счастливая, садилась в автобус. К тому же без отца мать всего лишь <полчеловека>. Это было, действительно, так. Несколько позднее Урсула описывала брату, как они с матерью встречали на вокзале отца: <Надо было видеть, как они встретились! Пожалуй, в этот момент окружающие за десять миль могли почувствовать, как они любят друг друга. Причем внешне все выглядело обычно, только описать это невозможно>.

Как-то брат прислал ей доллар. «Да, – подумала Урсула, – права поговорка: <Чем больше нужда, тем ближе родня>. Деньги она потратила с пользой и с удовольствием: дважды ходила в кино, и не одна, а с безработным товарищем, – на русские фильмы <Сын гор> и

<Черное воскресенье 1905 года>. Оба фильма ей понравились, но, все-таки, с <Броненосцем <Потемкиным> никакого сравнения. Затем, на празднике Союза красных фронтовиков она с восьми вечера до трех утра не пропустила ни одного танца – все-таки Урсуле было только девятнадцать! И, наконец, купила книгу художника Мазереля со 165 картинками, изданную в народном издании и очень дешевую. Сколько удовольствий можно получить всего на один доллар!

Рольф вступил в организацию <Красная помощь>. Любовь к Урсуле заставила его задуматься и признать ее правоту. Он радовался любой победе коммунистической партии, готов был поддерживать КПГ делами, деньгами, покупкой партийных марок. Строго следил, чтобы возлюбленная не пропускала ни одного мероприятия.

– Ты не должна не доделывать что-то из-за меня, – убеждал ее методичный и обстоятельный Рольф. – Быть с тобой – коммунисткой – для меня очень много значит.

И у Урсулы становилось легко на сердце. Они собирались жить вместе, и вопрос вступления Рольфа в партию был лишь вопросом времени. К сожалению, прежде ему необходимо было закончить университет.

С декабря 1926 года Урсула возглавила агитпроп партийной организации 10-го района. Ей предстояло организовывать массовое мероприятие – вечер на широкой общественной основе, более широкой, чем 7 ноября, для установления близких контактов с сочувствующими коммунистической партии. И вот вечером, после работы,

она сидит на полу перед кучей незаштопанных чулок, на столе лежит <Арбейтер иллюстрирте цейтунг> и начатая книга Полгара <Небесный оркестр>, а на стуле – портфель с материалами для

подготовки к вечеру памяти Люксембург – Либкнехта – Ленина, который должен состояться в середине января.

Урсула была поистине неугомонна. После вечера памяти состоялся костюмированный праздник под девизом <Прочь от грязи и хлама>. Девушка веселилась <по полной программе>. В ярко-красных облегающих брючках, узком кителе со стоячим воротничком, она танцевала и танцевала.

– Ты поцеловала двадцать парней! – возмущалась «общественность».

– Если не считать Рольфа, то таковых наберется не больше девятнадцати! – весело отвечала Урсула и уносилась в очередной танец. Домой она вернулась в половине седьмого утра. Было воскресенье, и через два часа она выехала в Берлин на курсы, организованные партией при прусском ландтаге. Центральные курсы работали каждое воскресенье с 9 утра до 4 часов дня. Урсула была счастлива, что от Целендорфа на курсы отправили именно ее. <Как здорово, что Целендорф такой маленький район>, – думала девушка. – <Где бы что ни происходило, посылают меня>. Ведь из каждого района на этих курсах обучалось только по одному человеку.

Урсула устроилась на новую работу – к братьям Ульштайн, которые ничего не знали о ее политической деятельности. Она работала в отделе журналов и архиве отдела пропаганды. Одновременно выполняла новое партийное поручение. К этому моменту у нее уже был богатый опыт работы в партии и Союзе молодежи. Поэтому, получив письмо от брата – он сообщал, что собирается издавать свою книгу и надеялся, что ее с удовольствием будут читать рабочие, – она ответила ему: <Мне было трудно понять даже твою статью. Тем же, кто разбирается в экономике хуже меня, будет еще труднее. Пиши проще, короткими фразами. Тебе не следует

упрощать свои идеи, но в то же время надо стремиться к простоте изложения, с тем, чтобы каждый мог

понять. Подчас текст лишь усложняется, когда его для большей убедительности повторяют в двух, трех местах, меняя лишь форму и структуру фразы». К чести Урсулы надо сказать, что, окончив только школу-десятилетку, она стремилась понять сложные идеи, изложенные не только в произведениях ее брата, но и Маркса, Энгельса, Ленина. И тому же брату она как-то писала: <Мне, несчастной идиотке, потребовалось три часа, чтобы прочитать двадцать страниц <Вопросов ленинизма>.

Без работы

15 мая 1927 года Урсуле исполнилось двадцать лет. К этому моменту через издательство <Ульштайн> ей удалось напечатать в <Роте фане> комментарий к одному политическому труду. 1200 экземпляров раздали бесплатно у подъездов и имели, по замечанию самой Урсулы, некоторый успех.

В конце лета 1927 года Роберт Кучински купил библиотеку у Артура Холлитчера, леворадикального писателя. Урсула с восторгом описывала ее брату, перечисляла авторов: Вассерман, Томас Манн, Фонтане, Лариса Рейснер, Шоу, Эптон Синклер, Голсуорси, все тома протоколов Коммунистического интернационала. Мать Урсулы была вне себя: <Теперь нам придется жить впроголодь!> – восклицала она.

Празднование очередного 7 ноября девушка отметила вместе с отцом – он возглавлял делегацию, членами которой были Иоганнес Бехер и Кетэ Кольвиц. Кстати сказать, отец Урсулы уже побывал в России, но работы в Америке не прервал. Встречая отца на вокзале, девушка слышала от него фразу, которую запомнила на долгие годы: <Раньше я никогда не понимал, почему Англия хочет войны с

Россией. Теперь я это понимаю и нахожу позицию Англии оправданной – ни одно капиталистическое государство не может видеть, как расцветает и из года в год добивается новых успехов страна не капиталистическая, а коммунистическая>. Урсула почти ревела от радости – <Как было бы ужасно, если бы отец не признал все то, что происходит в

России!>

Однако в 1928 г. политическая деятельность Урсулы стала известна ее работодателям – братьям Ульштайн.

– Ты должна уволиться, – заявил Герман Ульштайн.

– Почему? – довольно нахально спросила Урсула, догадываясь, в чем дело.

– На демократическом предприятии коммунисты лишены возможности

продвижения по службе.

Девушке были известны некоторые политизированные сотрудники, члены радикальной партии, которые могли <продвигаться по службе> в этом магазине. Но это была не коммунистическая, а национал-социалистическая партия. Она безропотно ушла со службы.

Итак, Урсула оказалась без работы. Роберт Кучински предложил дочери поехать работать в США. Два года, 1928 и 1929, она провела в Америке. Сначала она жила в Филадельфии, где давала уроки немецкого языка детям одной квакерской семьи, потом служила горничной в гостинице <Пенсильвания>. Затем ей посчастливилось найти работу по специальности – в книжном магазине в Нью-Йорке. Жила она в еврейском квартале – здесь можно было не платить за квартиру, но надо было два раза в неделю выполнять <социальную работу> в детских яслях и клубах для матерей, или в спортивных

клубах. В Штатах ей не понравилась, и Урсула вернулась в Германию, которую она любила, но где так и не смогла найти работу.

В 1929 году берлинское окружное руководство партии поручило ей организовать марксистскую молодежную рабочую библиотеку. Урсула стала ее заведующей. Денег у них не было, приходилось брать с читателей абонементную плату – десять пфеннигов. Они арендовали подвал на Гренадирштрассе, где раньше держали голубей. Книги для библиотеки собирали у товарищей и в издательствах и привозили в свой подвал на ручной тележке. Им помогали товарищи по партии: Эрих Хеншке, Макс Кахане, Герд Дегенхардт. Позднее организованная Урсулой библиотека была присоединена к Марксистской рабочей школе.

В 1929 году старший брат Юрген женился на эльзаске Маргарите – скромной, умной и образованной девушке. Их книга <Фабричные рабочие в экономике Америки> была переведена на русский язык. В это же время Рольф закончил учиться. Несколькими месяцами позже Урсула вышла замуж за архитектора Рудольфа Гамбургера.

Ни хорошей работы, ни каких-либо перспектив в охваченной экономическим кризисом Германии не было, и молодожены решили уехать из страны. Один из лучших друзей Рольфа, доктор Гельмут Войдт, работавший в Китае представителем фирмы «Сименс», пообещал им помочь. Он был честолюбивым коммерсантом, гордился взлетом из самых низов, с интересом и симпатией относился к Китаю. И в один прекрасный день от Вальтера пришла телеграмма: требуется архитектор в городское управление, во главе которого стоит английская администрация. Это учреждение, под названием «Шанхай Муниципал Каунсил», управляло большей частью Шанхая. Рольф

послал ответную телеграмму с предложением своей кандидатуры. Все прошло удачно. К большой радости Урсулы, супругам предложили выехать в Шанхай немедленно. Урсула сообщила в ЦК о том, что уезжает и намерена работать с китайскими коммунистами. Она сразу даже не поняла, почему это наивное заявление так взволновало товарищей.

– Только помните: вы должны быть очень осторожны, очень... В Китае быть

коммунистом крайне опасно. Нужна строжайшая конспирация. Не надо спешить: когда вы прибудете в Шанхай, с вами будет установлена связь, – предупредил Урсулу один из членов КСМГ.

Но простимся на время с нашей героиней...

Глава 2

ДАЛЕКО НА ВОСТОКЕ

Гроза в Поднебесной

20-30-е годы были далеко не самым легким временем для Китая. После поражения в войне с Японией 1894-95 гг. и подавления в 1901 году восстания «боксеров» страна попала в зависимость от своего могущественного островного соседа, фактически став полуколонией Японии. В 1911 году революция свергла власть Цинской династии, однако новое правительство во главе с Сунь Ят-сеном контролировало лишь шесть провинций на юге страны (Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и часть провинции Хунань), а реальную власть имело только в провинции Гуандун. Фактически в начале 20-х годов Китай представлял собой конгломерат полуавтономных территорий, каждая со своей властью. Управляли территориями так называемые «провинциальные милитаристы», или «военные лорды» – китайские

генералы, власть которых, обеспеченная подвластными им войсками, была бесконтрольна и безгранична. По более поздней аналогии можно сказать, что это было много маленьких Чили со своими маленькими пиночетами.

В 1921 году была образована Коммунистическая партия Китая, которая, после

реорганизации правящей партии Гоминьдан в 1923-24 гг., вступила в него. В 1925 году умер вождь Гоминьдана Сунь Ят-сен. Вскоре после его смерти, в 1925-27 годах, в стране начался революционный подъем, в основе которого лежало антифеодальное движение крестьян против крупных землевладельцев, и подпитывала который всеобщая ненависть к японцам. Сформированная в Кантоне национально-революционная армия во время своего Северного похода завоевала политическую власть в Южном и Центральном Китае. Излишне говорить, что революция возле восточных границ СССР не обошлась без советской помощи. В 1924 году в Гуанчжоу (Кантон) прибыла группа советских военных советников, которой командовал Блюхер.

Это было время, когда молодое советское правительство, а в особенности Коминтерн, политика которого была достаточно независима, всерьез взяли курс на «мировую революцию». В 1923 году Коминтерн, при всемерной поддержке Советского Союза, предпринял печально известную авантюру с «германским красным октябрём», закончившуюся провалом. Вторая ставка делалась на Китай и китайскую революцию. Планы «экспортеров революции» были далеко идущими: «советизация» антифеодального и националистического движения и, в перспективе, строительство социализма. Эта политика, в отличие от Германии, в Китае имела определенный успех.

В СССР у этого курса были как сторонники, так и противники. К последним можно отнести наркома иностранных дел Михаила Литвинова, полпреда в Японии Виктора Коппа и других. Самыми рьяными сторонниками китайской революции были глава группы советских политических советников в Китае Михаил Бородин (Грузенберг) и полпред в Китае Лев Карахан (Караханян), которые зачастую действовали по собственному усмотрению, не очень-то советуясь с Москвой. Бородин взял курс на вооруженное восстание в Китае, провозглашение революционного правительства и создание китайской Красной Армии. Даже наши военные советники, не страдающие недостатком коммунистического радикализма, приняли этот план в штыки, а Блюхер прямо заявил, что эти директивы преступны. Однако на сторону Бородина стал Сталин, и план был принят к исполнению. Естественно, в отношении двух стран такая политика ничего хорошего привнести не могла.

В 1927 году отношения между Китаем и СССР резко обострились. Чан Кай-ши узнал о планах Бородина и К^о и тут же начал наступление на Шанхай, потопив начавшееся восстание в крови. В результате, план Бородина реализовался с точностью до наоборот. Чан Кай-ши пришел к власти в стране, а советские военные и политические советники вынуждены были покинуть Китай. Начался жесточайший террор.

Работавший в начале 30-х годов в Китае советский разведчик и военный советник Отто Браун писал: «Поддерживаемые международной полицией, ищейки Чан Кай-ши каждый день устраивали облавы на крупных текстильных предприятиях, а ночью – в китайских кварталах. Они охотились за коммунистами. У тех, кого схватывали, был один выбор: предательство или смерть. В то время в Китае тысячи лучших партийных работников были обезглавлены,

расстреляны или задушены. Уничтожались не только они, но и их семьи. Эти акции истребления начались в 1927 году, сразу же после поражения национальной революции и разгрома восстаний в Шанхае, Ухани, Кантоне и других городах и проводились систематически, с неослабевающей силой. (Автор цитируемой книги приехал в Китай в 1932 году – Авт.) В них, наряду с полицией, участвовали и гангстерские банды, давно сотрудничающие с гоминданом, и «синерубашечники» – члены фашистской организации, незадолго до этого созданной Чан Кайши. Они загнали коммунистов в глубочайшее подполье»³.

В апреле того же 1927 года китайская полиция, в нарушение всех международных норм, произвела обыск в советском консульстве в Пекине. В ходе обыска было найдено огромное количество документов, в том числе и не имеющих ни малейшего отношения к дипломатии. Там были шифры, списки агентуры, документы о поставках оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи в разведработе. Нашли и директивы из Москвы, в которых говорилось, что «не следует избегать никаких мер, в том числе грабежа и массовых убийств», с тем, чтобы спровоцировать конфликты между Китаем и западными странами. После этого налета оперативную работу военной разведки в Китае пришлось практически начинать заново.

Работе в Китае советская военная разведка придавала очень большое значение. Еще в 1922 году Разведупр Штаба РККА направил туда в качестве военного атташе очень серьезного человека – комкора А. И. Геккера, крупного советского военачальника, руководившего до этого военной академией РККА. Он проработал в Китае 6 лет, сначала

³ Отто Браун. Китайские записки (1932 - 1939). М., 1974. Стр.9.

как военный атташе, а потом — как один из руководящих сотрудников КВЖД.

В 1924 году, вместе с миссией Блюхера, в Китай прибыли и другие военные разведчики, причем их ряды все время пополнялись. В 1926 году там появились, например, такие известные в мире разведки люди, как Христофор Салнынь, Иван Винаров, Иосиф Зильберт, Владимир Горев и другие. Формально их основной задачей была помощь китайской национально-революционной армии в организации разведки и контрразведки, но они вели и самостоятельную работу. Это был не первый «десант» Разведупра в Китай. Незадолго до того, весной 1925 года в страну прибыло несколько десятков кадровых сотрудников советской военной разведки, был создан пекинский разведцентр, который руководил работой всех местных резидентур.

В 1927 году, как уже говорилось, все пришлось начинать заново, в условиях

строжайшей конспирации. Если в либеральной Европе разведчикам грозило, в худшем случае, тюремное заключение, то в Китае нравы были простые: провал означал пытки и смерть. Теперь центром деятельности советской разведки стал Шанхай. Это был крупный промышленный город, где находилось четверть предприятий тяжелой и четыре пятых — легкой промышленности, крупные банки и морской порт. В Шанхае существовала легальная резидентура под руководством Алексеева, но основную работу вели нелегалы.

В конце 1927 года в Шанхае начала действовать нелегальная резидентура Салныня. Его помощником был Винаров, а курьером — его жена Галина Лебедева, шифровальщица советского посольства в Пекине. Для прикрытия они организовали крупную экспортно-импортную торговую фирму со множеством филиалов в различных городах, которая, попутно с торговлей и разведкой, занималась и

доставкой оружия китайским коммунистам. К началу 1929 года резидентура включила в сферу своей деятельности и Харбин – там прикрытием была консервная фабрика.

Кстати, именно эта группа в 1928 году ликвидировала генерала Чжан Цзо-линя,

фактического главу пекинского правительства. После 1927 года позиция этого генерала стала резко антисоветской и прояпонской. Из-за постоянных провокаций против советских служащих под угрозой находилась и работа КВЖД. Поэтому генерала решили убить, причем так, чтобы подозрения пали на японских военных. Для этого к Салныню был направлен из Москвы специалист – Н. Эйтингтон, тот самый человек, который позднее организовал убийство Троцкого. Операция была проведена превосходно: Чжан Цзо-линь погиб во время поездки по железной дороге при взрыве своего спецвагона. (Кстати, Салнынь и Винаров, отозванные в Москву весной 1929 года, внесли весомый вклад в победу СССР в конфликте на КВЖД. Немалую роль тогда сыграли специальные диверсионные группы, которые сумели нарушить переброску китайских войск и боеприпасов в район боевых действий. Руководил этими группами специально прибывший из Москвы Салнынь).

В начале 1930-х годов Шанхай по-прежнему оставался основным местом действия

советской разведки в Китае. Самой известной из действовавших там в то время групп была резидентура легендарного советского разведчика Рихарда Зорге («Рамзай»).

Разведка «в стиле казино»

Рихард Зорге, сын немца и русской, родился в 1895 году в России. Образование получил в Берлине. Во время Первой мировой войны

воевал, был трижды ранен. В 1917 году, еще будучи солдатом, стал членом независимой социал-демократической партии Германии. В 1919 году вступил в немецкую компартию, в 1925 году стал членом ВКП(б). Он считал, что коммунизм – единственный путь предотвращения новой войны. В 1921 году Зорге женился на Кристине. В 1924 году увез жену в Москву, где она работала в библиотеке Института марксизма-ленинизма. Но молодой немке не понравилось в России, она вернулась в Германию. В 1932 году Кристина получила развод и вышла замуж за американца. В том же, 1932 году, во время кратковременного пребывания в СССР, Рихард женился на Екатерине Максимовой. Их брак был зарегистрирован 8 августа 1933 года, когда Зорге был уже в Японии...

... Он был на редкость хорош собой. Высокий, слегка прихрамывающий – сказывалось полученное на фронте ранение – с красивым породистым лицом, он производил сильное впечатление на всех, с кем общался. «К нему тянулись и женщины, и мужчины, – вспоминала первая жена Зорге, Кристина Герлах. – У него был глубокий, пронизывающий взгляд, привлекающий к себе и от которого нигде, казалось, нельзя скрыться. Если женщина попадала в обозримое им поле, она была уже в его плену. В плену легком, туманном, обаятельном... »⁴ Многие вспоминают, что это был жизнерадостный человек, полный энергии и оптимизма, остроумный, иногда ироничный. Только очень

внимательные люди умели рассмотреть за этим жизнелюбием меланхолию, которая временами омрачала лицо разведчика. Зорге великолепно, с азартом играл самые разнообразные роли, которых от него требовала работа. В жизни он никогда не был аскетом – любил

⁴ Михаил Ильинский, Сергей Голяков. Дамы его сердца. Новое время N 47, 2000г.

выпивку, женщин, поездки на мотоцикле с недозволенной скоростью. Но работа была важнее всего. Позднее, уже в Токио, как-то раз он, управляя мотоциклом в нетрезвом состоянии, врезался в стену. Авария не была для него чем-то из ряда вон выходящим, но у Зорге были с собой секретные документы. Он вызвал в больницу помощника и не позволял себе потерять сознание до тех пор, пока не передал ему все, что при нем было. Сейчас никто уже не спорит с тем, что этот лихач и красавец-сердцеед был одним из лучших резидентов за всю историю советской разведки.

Зорге начал сотрудничать с разведкой в 1925 году. Сначала это была разведывательная секция Коминтерна, в которой начинали многие деятели «эпохи великих нелегалов». После недолгих командировок в Великобританию и Скандинавию он был переведен в военную разведку и направлен в Шанхай, помощником нелегального резидента Разведупра Александра Улановского. В 1930 году Улановский был раскрыт, ему пришлось покинуть Китай, и вместо него резидентом стал Зорге. «Звездный час» его наступит позднее, в Японии, но и в Шанхае он сделал немало.

В Китае Зорге много общался с немецкими офицерами, участвовал в их попойках и заодно выуживал ценную информацию, по выражению Герхардта Эйслера,

представителя Коминтерна в Китае, это была жизнь «в стиле казино», впрочем, вполне соответствующая наклонностям этого человека. Отчаянно смелый водитель, он сумел стать членом «Китайского автомобильного клуба», президентом которого был Чан Кай-ши. Участие в этом элитарном клубе давало возможность, запросто общаясь за рюмкой, (в которой был отнюдь не лимонад), добывать ценнейшую информацию. Хотя Зорге и тут не обходился без авантюрных мероприятий. «Чан Кай-ши как автомобилист был

большим хвастуном, – вспоминает тот же Герхардт Эйслер, – что тут же вызвало у Рихарда желание проучить хвастливого генералиссимуса. Перед одним ралли он начинил свечи зажигания в машине Чан Кай-ши обычным графитом, так что искра отклонилась и не произошло контакта. Привыкший к победам президент клуба ни разу не вышел на старт, пока не нашел неполадку. Таким же именно способом Зорге однажды вывел из строя машину курьера, который был на пути к Чан Кай-ши. Курьер прибыл с большим опозданием, и объединение китайских патриотов, которое сражалось против наемников Чан Кай-ши, заняло ряд городов, прежде чем

противник вследствие опоздания курьера смог принять свои меры»⁵.

В Шанхае в группу Зорге входили Карл Римм, который был его заместителем,

Григорий Стронский, фотограф, радисты Иозеф Вайнгартен и Макс Клаузен.

Карл Мартынович Римм родился в 1891 году в Эстонии. Сын батрака, он сумел

закончить гимназию в Дерпте, работал сельским учителем. В 1918 году стал членом местного Совета крестьянских депутатов, тогда же вступил в РКП(б). Организовал первый в Эстонии отряд Красной гвардии. После оккупации Прибалтики Германией уехал в Россию. В Красной Армии был командиром пулеметной роты, воевал в Екатеринбурге, Архангельске, под Нарвой. В 1924 году Римм окончил военную академию РККА. Участвовал в коммунистическом восстании в Эстонии в декабре 1924 года, был начальником штаба. Затем

⁵ (Распечатка.....)

начальник командных курсов РККА, начальник штаба дивизии. С 1930 года – заместитель и военный советник Зорге в Шанхае. Работал там под именем ветеринара Зельмана Клааса. Его жена, Любовь Ивановна (Луиза Клаас), родилась в 1994 году. Дочь грузчика. Гимназисткой вступила в нелегальную революционную организацию. До революции работала гувернанткой, затем

закончила курсы медсестер и работала в Московском институте матери и ребенка. В Китае была шифровальщицей.

Иозеф Вайнгартен – выходец из Баварии, член Компартии Германии. Служил радистом на немецком военно-морском флоте. Потом женился на русской эмигрантке, жил в Шанхае на территории французской концессии.

Макс Готфрид Фридрих Клаузен родился в 1899 году в Германии. Отец его держал лавку, а также был мастером по ремонту велосипедов. Мальчик с детства увлекался радиотехникой, став постарше, освоил профессии кузнеца и слесаря. В 1917 году был призван в германскую армию, окончил курсы радистов и служил в корпусе связи на Западном фронте. Демобилизовавшись в 1919 году, снова стал работать кузнецом. В 1921 году Клаузен уезжает в Гамбург. Там он работал портовым рабочим, затем механиком на торговых судах, в 1922 году вступил в Союз германских моряков. В том же году участвовал в забастовке, за что получил три месяца тюрьмы. В 1927 году побывал в СССР, после чего стал коммунистом. В 1928 году снова отправился в СССР, прошел обучение в разведшколе и в марте 1929 года был командирован в Китай.

Немало, особенно вначале, помогала Зорге в его работе американская журналистка Агнес Смедли.

Точная дата рождения Агнес Смедли неизвестна. Она родилась в 90-х годах 19 века в бедной крестьянской семье в штате Миссури. Отец ее, по происхождению индеец, был разнорабочим, мать – прачкой. Агнес почти не имела возможности ходить в школу – ей с детства приходилось работать. Она была судомойкой, официанткой, поденицей на табачных плантациях, продавицей газет. Но, работая, она использовала любую возможность, чтобы учиться. Ее журналистская карьера началась в редакции одной из газет, где она работала машинисткой и распространителем подписки. Вскоре она опубликовала свои первые статьи.

Благодаря поддержке родственников, она все-таки смогла получить образование. Сначала она училась в педагогическом училище штата Аризона, затем на вечернем отделении Нью-йоркского университета, и, наконец, в педагогическом институте. Некоторое время она работала учительницей в деревенской школе в штате Нью-Мексико. Живя в Сан-Франциско, она вышла замуж за инженера Эрнста Брендена, в котором вскоре разошлась. Во время Первой мировой войны она работала машинисткой в редакции Нью-Йоркского журнала «График». Затем была репортером ведущей Нью-йоркской социалистической газеты «Колб» и вела профсоюзную работу во Всемирной ассоциации промышленных рабочих. Примерно в это же время она познакомилась с индийцем Чаттопадья и установила контакт с индийскими эмигрантами в США. Это было ее первое соприкосновение с Азией.

После войны Агнес переселилась в Берлин, где в то время было около пяти тысяч эмигрантов из колониальных стран. Она стала

подругой Вирендраната Чаттопадья. В июне 1921 года они вместе поехали в Москву на III Конгресс Коминтерна – это была ее первая поездка в Советский Союз. Постепенно по своим убеждениям Агнес становилась все левее и левее, пока ее убеждения не стали коммунистическими. Она занималась, в основном, проблемами азиатских стран. В 1928 году вышла в свет ее первая книга «Индия и будущая война». В том же году она приняла предложение поехать на Дальний Восток в качестве специального корреспондента «Франкфуртер цайтунг унд хандельсблатт» и нескольких итальянских газет (позднее она работала еще и на «Манчестер гардиан»). В Китай она отправилась через СССР, где приняла участие в работе VI Конгресса Коминтерна.

После нескольких месяцев, проведенных в Харбине, Тяньцзине, Пекине и Нанкине, Агнес Смедли в мае 1929 года поселилась в Шанхае. Сначала она жила на территории французской концессии, а затем, в сентябре 1929 года, переселилась в европейскую часть «международного сэттльмента». Едва прибыв в Шанхай, она тут же стала агентом пристального внимания агентов разведок разных стран. Она сама описывала во «Франкфурте цайтунг» то, о чем ей поведали коллеги в первый же день ее пребывания в Шанхае. «Они сами рассказали мне, что японцы располагают в Китае самой лучшей агентурной сетью, и у них можно узнать много нового. «Разумеется, речь при этом идет о северных районах, – говорили они. – На юге особенно сильна британская разведка. Можете быть уверены, что ей точно известно, когда вы прибыли в Китай, и все остальное о вас тоже, вплоть до того, как часто вы меняете нижнее белье»⁶.

⁶ Юлиус Мадер. Репортаж о докторе Зорге. Военное издательство ГДР, 1988. Стр.71.

Неутомимая журналистка развила в Китае бурную деятельность. Ей сразу же заинтересовалась полиция, поскольку она имела не то два, не то три паспорта – один британский и не то один, не то два американских. В разное время она активно участвовала в работе таких политических организаций, как «Друзья Советского Союза», «Всекитайская федерация труда», «Китайская лига защиты прав человека», «Комитет защиты супругов Ноуленс». Она много ездила по стране, знакомилась с огромным количеством людей, активно занималась журналистикой. Так, только для «Франкфуртер цайтунг» с 1929 по 1932 годы она написала более шестидесяти статей. Ее связи были огромны и обширны. Она была в дружеских отношениях с Сун цин-лин, вдовой Суть Ят-сена, сестра которой была замужем за самим Чан Кай-ши, а министр финансов Китая был ее родным братом. По этим каналам она получала множество информации о политическом и экономическом положении Китая. Скрупулезно и тщательно она собирала и заносила в картотеку данные на высокопоставленных китайских генералов. Вскоре в ее картотеке имелись сведения о 218 генералах, как официально произведенных, так и самозванных.

Рихард Зорге слышал об Агнес Смедли еще в Европе, читал все ее репортажи из Китая. Приехав в страну, он познакомился с Агнес лично, и вскоре подружился с ней. Журналистка вводила своего нового друга везде, куда была входа сама. Так, например, именно благодаря контактам с ней советский разведчик стал членом «Китайского автомобильного клуба». Агнес же познакомила его и с Сун цин-лин. Естественно, он имел доступ и ко всей информации, которой располагала журналистка. Через Агнес он также свел знакомство со своим лучшим агентом, внесшим огромный вклад в советскую разведработу на Востоке.

Японец Ходзуми Одзаки, сын журналиста, принадлежал к древнему самурайскому роду. Он вырос на Тайване, где его отец работал редактором газеты «Тайван ници-ници симбун». Учился в лучших школах, изучил английский язык, затем поступил в Токийский университет. Вскоре он обратился к марксизму. В Японии Одзаки поступил в штат газеты «Асахи симбун» и в 1927 году в качестве корреспондента газеты отправился освещать восстание в Китае. Там он задержался на несколько лет. В конце 1930 года в книжной лавке Коминтерна в Шанхае Агнес Смедли познакомила его с Зорге. Они подружились, но в то время Одзаки еще не стал агентом советской разведки. Это произошло позже, в Японии, когда Зорге сказал другу, что тот может помочь бороться с фашизмом, если будет поставлять сведения Коминтерну.

Итак, к 1930 году в Шанхае работала сильная группа, которая регулярно поставляла в Москву сведения о политическом и экономическом положении в Китае, военную информацию, материалы о производстве оружия. Наши нелегалы и напрямую помогали китайским товарищам, как в нелегальной работе, так и в организации военных операций. Было много и других дел.

Новый резидент

В 1933 году Рихарда Зорге в Шанхае сменил Яков Бронин (Лихтеншталь).

Сын раввина Яков Григорьевич Лихтеншталь родился под Ригой в 1900 году. В 1918-м сдал экстерном курс гимназии в г. Кременчуге. До 15 лет он был правоверным иудеем, а в 1920 году уже вступил в РКП(б) и стал не менее страстным пропагандистом коммунизма. Работал журналистом, редактором газеты. В 1922 году пошел на

службу в РККА. Был политработником, редактировал армейский журнал, затем – начальник бюро печати ПУР РККА. С октября 1928 по октябрь 1930 года – слушатель Института красной профессуры. Затем поступил в распоряжение Разведупра. В 1930-33 годах работал в Германии, потом отправился в Шанхай.

В апреле 1934 года к нему прибыла радистка – молодая француженка Рене Марсо, которая должна была сменить прежнего радиста «Вилли» – тот начал пить. Мы еще встретимся с Рене Марсо, которая, кстати, вскоре стала Элли Брониной...

Ее работа в Китае началась с курьеза. Элли надо было найти квартиру достаточного размера для того, чтобы натянуть 15-метровую антенну. Наконец, это удалось. Она собрала рацию, вышла в эфир и... обнаружила, что где-то рядом действует мощная радиостанция. Яков навел справки – оказалось, что этажом ниже работала рация Коминтерна. Так что коллеге из сопредельного ведомства пришлось искать себе другую квартиру. Да, оказывается, Шанхай не так уж велик...

Познакомилась Элли и с Зорге – ей пришлось съездить к нему на консультацию в Токио. Причем не опытный разведчик консультировал молоденькую радистку, а наоборот. У него был высокочастотный радист, но рация почему-то не работала.

Так что Элли пришлось ехать в Токио, разбираться. Впрочем, знания теории работы передатчика от нее не потребовалось. Она включила рацию – и оказалось, что все в порядке, все работает. Дело было не в рации, а в радисте – он просто боялся выходить в эфир, так как в Токио действовали пеленгаторы. Радиста отправили в Союз, Элли вернулась в Шанхай.

А вскоре пришла беда. Однажды Яков, который к тому времени уже был ее мужем, принес домой пачку секретных документов и запер в сейф. Обычно он никогда не хранил дома подобные вещи, а тут почему-то сделал исключение. Вечером они пошли в гости – провожать товарища, уезжавшего в Москву. Расходились, как и полагалось по правилам конспирации, поодиночке. Элли пришла домой одна, стала ждать мужа, но в этот вечер он не пришел, и вообще он больше не вернулся домой. Вскоре она узнала, что Яков арестован. При нем не было его собственных документов, зато нашли несколько фальшивых паспортов. «Что же делать?! – мучительно думала Элли. – Если установят его личность и адрес, придут с обыском, найдут и эти документы» Если это случится, она не обольщалась по поводу приговора – в Китае в условиях военного времени это означало смертную казнь.

Яков Бронин утверждал, что он француз, только что приехал в Шанхай. Паспорта? Паспорта ему подложили. Его били в тюрьме, но он стоял на своем. Полиция опубликовала в газетах фотографию арестованного «мистера Х», как прозвали Бронина те же газетчики, но китайцы предпочитали держаться от своей полиции подальше, и никто его не опознал. Естественно, вся агентурная сеть была тут же оповещена и законсервирована, но что делать с содержимым сейфа? Элли сообщила в Центр, что на квартире остались секретные документы и попросила разрешения забрать их. Центр ответил запретом, но у отважной молодой женщины было свое мнение о том, что нужно делать. Она, все-таки, пошла домой. Ключей от сейфа у нее не было, но на помощь пришел их бой-слуга. Его приятель открыл сейф без малейшего труда. Всю ночь она жгла в камине компрометирующие документы.

Вскоре состоялся суд. Несмотря на то, что личность Бронина так и не установили, а обвинения были сомнительные, его приговорили к 15 годам тюрьмы и отправили в Ханькоу, тюрьма которого славилась особо тяжелыми условиями. Правда, просидел он всего два года. В 1937 году его обменяли на старшего сына Чан Кай-ши. Элли после суда вернулась в Союз. Как она вспоминает, на корабле она увидела почти всех своих знакомых, работавших в Китае, включая и того товарища из Коминтерна, которого они так невежливо вытеснили с насиженного места...

Коминтерн в Китае

О Коминтерне сейчас говорят и пишут мало. Между тем это была очень интересная структура, оказывавшая немалое влияние на ход событий в мире. По сути, это была хорошо законспирированная организация, занимавшаяся координацией деятельности компартий и беззастенчиво экспортировавшая революцию. Так сказать, устройство по «раздуванию мирового пожара». Кроме того, несмотря на категорическое запрещение сотрудничества советской разведки с коммунистическими партиями, на практике оно выполнялось только на низовом уровне. С руководящим аппаратом как компартий, так и Коминтерна разведка поддерживала связи, и они всегда были готовы помочь. Наконец, Коминтерн поставлял разведке и превосходные кадры. В качестве примера можно привести того же Рихарда Зорге и самую героиню нашей книги Урсулу Кучински.

До 1927 года Отдел Международных связей Коминтерна, отвечавший за снабжение, связь и разведку, использовал для работы в Китае помощь советских дипломатических миссий. Однако налет полиции на советское посольство показал, что в Китае это прикрытие ненадежно, и ОМС стал работать сам по себе. Появились новые

методы работы, больше соответствующие нелегальной деятельности, новые люди. В 1929 году шанхайское отделение возглавлял Абрамович, его жена Эльвира отвечала за связь и финансы. Хилари Нуленс, был, что называется, «человеком за все» — занимался организацией встреч, разъезжал по делам ОМС, переводил, был техническим секретарем Дальневосточного Бюро Коминтерна. В июле 1929 года Нуленс покинул Шанхай после ареста одного японского коммуниста, с которым он был тесно связан, но в марте 1930 года вернулся и возглавил деятельность ОМС в Шанхае. В июле к нему приехала жена с двухлетним сыном. Обязанности Нуленса состояли, в первую очередь, в поддержании связей между Исполкомом Коминтерна, Дальневосточным Бюро, компартией Китая, компартиями других стран Дальнего Востока — он связывал всех со всеми, обеспечивал обмен письмами, материалами, посылками. Занимался распределением денег, снимал дома и квартиры, обеспечивал адреса для прикрытия, абонентские ящики и т. п. — в общем, все, связанное с квартирами, финансированием, связью. Если бы Нуленс был арестован и заговорил, деятельность Коминтерна в Китае была бы уничтожена.

Кроме ОМС, существовало еще Дальневосточное бюро Коминтерна, которое осенью 1928 года было реорганизовано. «Оно состояло из немца Герхардта Эйслера, также известного как «Роберт», (которого мы еще не раз встретим на страницах этой книги — Авт.), Рыльского, также известного как «Остен», польского коммуниста (оба — политические представители Исполкома Коминтерна), представителя Коммунистического Интернационала молодежи Мэсси, также известного как «Бернс», и представителя Профинтерна Харди, также известного как «Джордж», с его женой. Кроме вышеперечисленных, американец Джим Дольсен, также известный как

«Билли», был представителем МОПР. (Это «также известный как... » просто бесподобно! – Авт.).

Весной 1930 года Исполком Коминтерна решил усилить деятельность Дальневосточного Бюро в Шанхае. Вместо Мэсси, который покинул Шанхай в конце 1929 года, новым представителем КИМа в Шанхае был назначен Беспалов, также известный как «Вилли», летом 1930 года был также отозван Харди, а на его место Москва вначале прислала человека, чье подлинное имя неизвестно (его кодовое имя в Профинтерне – «Леон», а в Шанхае его называли Джеки), а затем – американца Стюарта, также известного как «Кеннеди», который прибыл в Шанхай вместе со своей женой Элис, также известной как «Дэйзи». Рыльский вернулся в Шанхай (после того, как побывал в Москве для доклада) вместе со своей женой, носившей фамилию Волынская (также известна как «Роза»), по всей вероятности, в октябре. Волынская стала техническим секретарем Дальневосточного Бюро. В Шанхай были также направлены три военных советника: этой группой руководил латвиец, которого называли Том, вторым был некий Малышев, также известный как «Клайнс», третий вскоре снова покинул Шанхай. Политический глава всего Бюро, Павел Миф, также известный как «Вильгельм», был направлен в Шанхай осенью 1930 года, вместе со своей женой. Эйслер покинул Шанхай в январе 1931 года.

Дальневосточное бюро Коминтерна, таким образом, включало в себя Шанхайское Бюро Тихоокеанского секретариата профсоюзов (само по себе являвшееся частью Профинтерна), представителя КИМа, а также военную секцию. Представитель МОПР, как представляется, не принадлежал к Дальневосточному Бюро»⁷.

⁷ Фредерик Литтен. Дело Нуленса.

О Герхардте Эйслере, которого мы еще на раз встретим на страницах этой книги, надо бы поговорить особо.

Родился он в 1897 году, в Австрии, выходец из интеллигентной семьи, брат известной троцкистки Рут Фишер. Член компартии Австрии с 1918 года, был редактором журнала «Kommunismus». В 1921 году переехал в Германию, в 1923-м – вступил в КПП, где принадлежал к левой оппозиции, а в 1924-25гг. был сторонником группы центра. С 1927г. – кандидат в члены Политбюро КПП. В 1928г. был противником «ультралевого курса», одним из ведущих «примиренцев» с правым крылом партии. В связи с этим был отстранен от работы в КПП. В 1929-31гг. – эмиссар Коминтерна в Китае.

В 1931 году над Дальневосточным Бюро нависла опасность. Один за другим были арестованы «директор по внутренним связям» ЦК Компартии Китая и руководитель секретной службы компартии, причем последний, будучи арестованным, перешел на сторону гоминьдана. Большая часть аппарата Бюро после этих провалов отправилась в Москву. В Шанхае остались Рыльский, Стюарт и Нуленс, который не мог передать свою работу никому другому.

Дело Нуленс-Ругов

1 июня 1931 года в Сингапуре был арестован курьер Коминтерна Жозеф Дюкруа. При нем обнаружили листок бумаги с адресом, с помощью которого шанхайская полиция довольно быстро вышла на Хилари Нуленса. Его сначала взяли под наблюдение, а 15 июня вместе с женой арестовали. При обыске в одной из его квартир нашли много

документов шанхайского отделения Тихоокеанского Секретариата профсоюзов и Дальневосточного бюро Коминтерна.

Нуленс свято следовал правилу: «Говори что хочешь, но не признавайся, что ты работаешь на СССР». Сначала он называл себя бельгийцем, утверждая, что он и его жена должны быть переданы под юрисдикцию Бельгии, которая пользовалась в Китае правом экстерриториальности. Министерство иностранных дел Бельгии отказалось подтвердить их подданство, и дело было, все-таки, передано китайскому суду по международным поселениям. Тогда Нуленс объявил себя швейцарцем по фамилии Бере – но Швейцария его также не признала за своего. Китайский суд – это было очень плохо, в Китае с коммунистами не церемонились, но ничего сделать было нельзя.

Почти с самого начала в дело вступила «международная общественность». В августе французские профсоюзы начали громкую кампанию в защиту «ни в чем не повинного секретаря профсоюза». Кампанию поддержал печатный орган Коминтерна «Инпрекор», руководил ею известный немецкий пропагандист-коммунист Вилли Мюнценберг. В ответ китайская печать опубликовала некоторые из захваченных документов. Но кампания протеста все ширилась, распространяясь по всему миру. Осенью 1931 года имя заключенных опять изменилось. Начиная с сентября 1931-го в письмах протеста все чаще звучит фамилия Руг. Что любопытно – эти письма опередили в изменении

«легенды» самого арестованного. Нуленс стал называть себя швейцарским гражданином Полем Ругом только в ноябре, после того, как получил в тюрьме по этому поводу инструкции из Москвы (по некоторым данным, эти инструкции ему переправила вдова Сунь Ят-сена). К кампании в защиту Нуленс-Ругов, развернутой по всему миру,

примкнули такие известные люди, как Альберт Эйнштейн, Клара Цеткин, Анри Барбюс, Теодор Драйзер, Максим Горький.

Супругам грозила смертная казнь. Однако в такой обстановке никто не хотел брать на себя ответственность за этот приговор. 17 декабря 1931 года Военный Совет Китая решил, что дело должно решаться не военным судом, а гражданскими властями. В начале 1932 года дело должно было быть рассмотрено судом первой инстанции, но нападение японцев на Шанхай заставило перенести суд в Нанин, где расследование было начато заново. Обвинения были чрезвычайно серьезными — руководство подрывной деятельностью, финансирование коммунистов и т. п. Супруги объявили голодовку, требуя, чтобы их судил Суд Особых областей и защищали европейские адвокаты. Пока они были в больнице, компартия Китая предложила обменять их на захваченных миссионеров — однако миссионеры китайские власти интересовали мало, и предложение осталось без ответа.

В конце концов, Нуленсы предстали перед судом в Нанине. Западных адвокатов им не предоставили, однако Москва не бросила коминтерновцев на произвол судьбы и приняла свои меры. Незадолго до суда из Харбина в Шанхай были отправлены два курьера, каждый из которых имел при себе по 20 тысяч долларов США. Этими людьми были Отто Браун (мы еще встретимся с ним) и Герман Зиблер. Они встретились с Зорге и передали ему деньги, которые тот должен был использовать, чтобы спасти арестованных от смертной казни, а если возможно, то и купить им свободу. Трудно сказать, как повлияли эти деньги на приговор, достоверной информации, как нетрудно догадаться, нет. Наши разведчики утверждают, что подсудимым с помощью этих денег удалось купить жизнь, западные исследователи сомневаются в этом. Впрочем, коррупция в Поднебесной всегда

процветала, а в то время ее масштабы были просто умопомрачительны. Факты таковы: несмотря на тяжесть обвинений, казнены подсудимые не были. 19 августа Нуленс был приговорен к смерти, но, поскольку в июне в Китае была объявлена амнистия, приговор заменили на пожизненное заключение – ему и его жене.

Кем же, на самом деле, были эти люди, ради спасения которых был поднят такой шум на весь мир и Москва не жалела очень больших денег? Нелегальную работу «Хилари Нуленс» начал еще в 1918 году на охваченной гражданской войной Украине...

Яков Матвеевич Рудник родился в 1894 году под Киевом, в бедной еврейской семье. Окончил коммерческое училище, затем учился в Петербургском политехническом институте, откуда был призван в армию. Окончил военное училище, получил звание прапорщика. Участвовал в Февральской революции, а в марте 1917 года вступил в партию большевиков. Участвовал в штурме Зимнего, подавлении восстания юнкеров, мятежа Керенского – Краснова. Организатор Красной гвардии Финляндии.

С 1918 года начал работать в ВЧК в Петрограде, затем – в политотделе высшей военной инспекции. Летом 1918 года руководил нелегальной доставкой оружия в Киев. В конце 1918 – начале 1919 года учился в Академии Генерального штаба, затем работал на нелегальной работе на Украине, в Крыму. В марте 1919 года, спасаясь от ареста, вместе с демобилизованными французскими солдатами отправился во Францию, там успел активно поучаствовать в коммунистическом и забастовочном движении, вызвав резкое неудовольствие властей. В сентябре 1920 года вернулся в Россию, был политработником на Южном фронте, затем работал в аппарате Коминтерна. В феврале 1921 года направлен резидентом советской

разведки во Францию, где арестован и осужден на два года тюрьмы. С 1925 года – сотрудник ОМС Коминтерна сначала в Австрии, потом в Китае.

В китайской тюрьме он и его жена пробыли до августа 1937 года, когда были выпущены для того, чтобы найти залог. После этого они бежали в Шанхай и в июле 1939 года вернулись в Москву. Репрессии обошли их стороной. Известно, что Яков Рудник после возвращения работал в институте востоковедения, с 1941 по 1943 год был в армии, затем работал в Красном Кресте, потом – в институте международных отношений. Умер Яков Рудник в 1963 году.

Его жена, Татьяна Николаевна Моисеенко-Великая, родилась в 1891 году в Санкт-Петербурге, в дворянской семье. В 1917 году она закончила Бестужевские курсы по специальности «математика и теоретическая механика» и стала учителем математики в школе. Затем работала в комитете по культуре Петроградской Думы, в наркомате образования, в институте Красной Армии. Весной 1921 года произошел ее первый контакт с ОМС – она была назначена в севастьяпольское отделение. Через год Татьяна Моисеенко вернулась в Петроград, работала на экономическом факультете Университета, даже стала депутатом Петросовета. Изучала грузинский и турецкий языки, и, как выяснилось, не зря. В конце 1923 года ее направляют учителем в Турцию – на самом деле это была «крыша» для работы в Иностранном отделе ОГПУ. В мае 1925 года она возвращается в Москву, а уже в ноябре вновь направлена за границу – на сей раз на работу в советское посольство в Вену. Там она знакомится с Рудником. Однако в 1926 году ее направляют в Рим,

откуда она вернулась в Москву только в 1928 году. В 1929 году Татьяна вместе с мужем выехала на работу в Китай.

Ее, как и ее мужа, репрессии не коснулись. Вернувшись в СССР, она работала в школе кадров Исполкома Коминтерна, где преподавала немецкий и русский языки. Чем она дальше занималась, неизвестно. Умерла она в 1964 году.

Арест Нуленсов был тяжелым ударом для представительств Коминтерна в Шанхае. Но прибывали новые люди. В 1932 году туда был направлен немецкий коммунист Артур Эверт. Осенью того же года прибыл Отто Браун – для того, чтобы войти в число сотрудников военной секции. В сентябре 1933 года он отправился в Центральный совет в Янцзы. В начале 1933 года для того, чтобы возглавить военную секцию, в Китай прибыл Манфред Штерн. Работа продолжалась...

Люди-легенды: Отто Браун, Артур Эверт, Сабина Эверт, Ольга Бенарио

Эта история не имеет прямого касательства к работе советской разведки в Китае. Но в ней замешаны люди, с тремя из которых сталкивается и работает наша героиня. А о четвертой она позднее, когда станет писательницей, напишет одну из своих первых книг.

Итак, Отто Браун. Родился он в сентябре 1900 года в семье торговца, четвертым из пяти детей. Вскоре после рождения сына, в 1902 году, отец его умер. Мать переехала в Мюнхен и стала работать учительницей. Семья жила в бедности, Отто посещал народную школу, созданную городом на частные пожертвования для нуждающихся детей. Затем, с 13 лет, он учился в Королевском

баварском училище для подготовки учителей. В июне 1918 года его призывают на военную службу, но уже в ноябре демобилизуют. В 1919 году он сдает экзамены и получает место учителя, однако к работе так и не приступает. Ему не до учеников...

В декабре Отто Браун одним из первых вступает в «Союз свободной социалистической молодежи», а уже в 1919 году становится коммунистом. Дальнейшая его жизнь профессионально связана с партийной работой. Он участвует в боях за Баварскую советскую республику в 1919 году, в мартовском путче 1921 года в Средней Германии. С 1921 года – на руководящей работе в нелегальном военном аппарате КПГ, в то же время являясь сотрудником советской разведки.

Впервые он был арестован в 1921 году, после участия в налете на квартиру русского полковника Фрейберга, представителя генерала Семенова, откуда они с товарищами вынесли два чемодана политических документов. Поскольку деньги и ценные вещи остались нетронутыми, а арестованный так и не признался, на кого он работает, его приговорили к 7 месяцам тюрьмы. Отбывать наказание Браун не явился. Был отдан приказ об его аресте, и он перешел на нелегальное положение. С этого времени и до ареста в 1926 году он был одним из руководителей разведывательного аппарата КПГ. В 1926 году его арестовали. Теперь обвинения были куда более серьезными, чем в первый раз – Отто Браун обвинялся в государственной измене и других преступлениях.

В 1921 году Отто женился – правда, уже в 1923-м он разошелся с женой. Вскоре его подругой стала Ольга Бенарио. (Дочь мюнхенского адвоката, родилась в 1908 году, с Отто познакомилась в 1924-м). После ареста Ольга ходила к нему в тюрьму на свидания. 11 апреля

1928 года, в 9 часов утра, она пришла на очередное свидание, которое, как обычно, происходило в комнате судебного следователя. Вслед за ней в комнату ворвались еще шесть человек, вооруженных пистолетами, нейтрализовали охрану и служащих, после чего все, включая Ольгу и Отто, бежали.

Скандал был грандиозный. Сообщения об акции обошли все газеты, за головы Ольги и Отто было обещано вознаграждение в 5 тысяч марок. Но разыскиваемые как сквозь землю провалились. На самом деле, Ольга к тому времени была уже в Москве. Браун еще находился в Берлине, но скоро и он приехал в СССР.

В Москве они поселились в доме, принадлежавшем КИМу. Здесь уже почти все слышали о них. Ольга была избрана членом ЦК КИМ. Она работала, учила иностранные языки... и у нее совсем не оставалось времени для Отто. Ее друг в семейной жизни оказался совсем не «передовым» — он ревновал, возмущался, но все было бесполезно. В 1931 году они расстались.

Ольга отправилась по заданию КИМа в Париж. По возвращении в Москву она узнала, что избрана членом президиума Коминтерна. Вскоре ее направили на учебу в Военно-воздушную академию им. Жуковского, и, пожалуй, она смогла бы стать одной из первых в России женщин-летчиц, но судьба распорядилась иначе. Все ж таки она оставалась сотрудницей Коминтерна, и была по-прежнему готова выполнить любое задание.

... Осенью 1934 года Ольгу вызвали в Исполком Коминтерна. С ней разговаривал сам секретарь ИККИ Мануильский. Речь шла о работе за границей, причем работе по-настоящему важной. Ей сказали, что один из самых мужественных коммунистов настаивает на возвращении на родину. Коминтерн согласился с его решением,

но не хочет посылать его одного. Ольге предлагается поехать с ним в Латинскую Америку в качестве напарницы. Ей дали сутки на размышление, и только после того, как она сказала «Да!» назвали имя этого человека.

В 1931 году в СССР приехал легендарный Луис Карлос Престес, бразильский

революционер, руководитель восстания в этой стране, проходившего с 1924 по 1928 год. Его имя знали все коминтерновцы, слышали о руководимом им восстании, спорили, правда ли, что он с боями прошел со своей колонной 25 тысяч километров. Теперь он возвращался на родину, чтобы еще раз попытаться поднять народ на революцию.

В Бразилию они отправились под видом молодоженов, португальского коммерсанта Антонио Вилара и его жены Марии. Ольге тогда было 26 лет, Луис – на 10 лет старше. В ходе путешествия возникло непредвиденное обстоятельство: молодоженам во время медового месяца полагалось жить в одной каюте. Роскошная каюта «люкс» океанского лайнера, молодая красивая женщина... много ли надо в таких условиях, чтобы фиктивный брак превратился в настоящий? Да, их «поженил» Коминтерн... и именно эту организацию они должны благодарить за то счастье – к сожалению, недолгое – которое выпало им в жизни.

Престеса в Бразилии ждали – и не только товарищи. В первую очередь его ждала секретная служба. Еще не забылось восстание, а, кроме того, можно было не сомневаться, что, уж коль скоро он появился в стране, то не для того, чтобы дышать воздухом и пить кофе. Его приезд ничего хорошего для властей не означал. Вслед за Престесом, разными путями, в страну прибыла небольшая группа иностранцев. Все они были коммунистами, профессиональными

революционерами, и все отправлялись в Москву по заданию Коминтерна. Среди них был плотный благодушный американец Гарри Бергер и его жена Маша Ленчицкая – на самом деле их звали Артур и Элиза Эверт (друзья называли ее «Сабо»). Увидев «Гарри», Ольга вспомнила Москву – в промежутке между двумя опасными загранкомандировками Эверт вел занятия в Коммунистическом университете.

Еще до начала первой мировой войны двадцатилетний Артур Эверт, вместе с Элизой Саборовски, которая потом стала его женой, покинул родную Восточную Пруссию и уехал в США, в Детройт – город, славившийся бурной политической жизнью и борьбой рабочего класса. В 1917 году они переехали в Торонто, в Канаду. Два года спустя полиция провела обыск на явочной квартире, которую они содержали, нашла оружие и марксистскую литературу. Проведя несколько месяцев в тюрьме, Эверты были высланы в Америку. Через несколько лет Артур вернулся в Берлин, вступил в компартию. С 1923 года он уже был членом секретариата КПП, а вскоре его пригласили на работу в Коминтерн.

В 1928 году он, вместе со своим другом Герхардтом Эйслером, резко выступил против Тельмана, который вел политику раскола между коммунистами и социал-демократами. Эверт был за единые действия с СДПГ. Получив ярлык «соглашателя», он был на некоторое время отстранен от активной партийной работы. Через год Эверт отказался от прежних взглядов – не то чтобы он переменял убеждения, но для него конкретная партийная работа была важнее отстаивания своего «я», тем более что это все равно ничего бы не изменило.

Его послали в командировку в Монтевидео (кстати, одной из целей командировки было задание собрать информацию о Престесе). Затем он некоторое время работал в Шанхае. Задание у него было чрезвычайно сложным – Сталин намеревался заключить договор с Чан Кай-ши, и надо было утрясти этот вопрос с КПК – этот договор мог серьезно испортить отношения СССР с китайскими коммунистами. В Китае он встретил Ли Те – под этим именем там работал не кто иной, как все тот же Отто Браун, который был военным советником ЦК КПК, помогая Мао Цзе-дуну и Чжу Дэ в подготовке «Великого похода». На съезде партии, который вручил Мао полноту власти, «товарищ Ли Те» представлял Сталина. Под именем «профессора Альберта Листа» вместе с Линь Бяо Браун руководил Военной академией Красной Армии Китая.

Там же, в Китае, Эверт близко сошелся с англичанином, имя которого неизвестно широкому кругу читателей, но многое скажет человеку, знакомому с историей разведки. Звали его Роджер Холлис – тот самый Роджер Холлис, который несколько лет спустя станет во главе британской секретной службы «Ми-5». Знакомство с Эвертом заставит исследователей гадать – а не был ли Холлис завербован во время своего пребывания в Шанхае и не был ли он еще одним советским агентом в верхах английской секретной службы, которая пригрела Кима Филби и его товарищей. Впрочем, на этот вопрос ответа до сих пор не существует...

... Отто Браун остался в Китае, а Эверты в июле 1934 года получили новое задание. Через несколько месяцев они были уже в Бразилии и полным ходом включились в подготовку восстания. Генеральный секретарь Бразильской Компартии Миранда убедил Москву, что все признаки революционной ситуации в стране имеются.

Неугомонный Коминтерн, потерпев поражение в Германии и Китае, сделал ставку на установление власти коммунистов и строительство социализма в этой огромной латиноамериканской стране.

Поначалу все вроде бы шло хорошо. Коммунисты имели вес и влияние в созданном в 1935 году движении Национально-освободительный альянс, объединившем все демократические силы страны. Бразилия, после восстания, в котором участвовал Престес, пережившая еще одну революцию в 1930 году, полным ходом шла к новому взрыву. В «альянс», почетным председателем которого избрали Престеса (считалось, что он в эмиграции) ежедневно вступало до трех тысяч человек. Оптимисты говорили, что число участников движения уже приближается к миллиону. Компартия разворачивала работу в армии. Однако летом 1935 года Престес несколько поторопился – издал манифест, где призывал к свержению диктатора Варгаса и созданию революционного правительства. Этот документ дал Варгасу долгожданную возможность запретить деятельность «Альянса». Большая часть членов движения, особенно демократы и либералы, при всей своей оппозиционности, подчинились решению правительства. Так что вскоре «Альянс» уже представлял собой не общенародное движение, а подпольную организацию революционеров-коммунистов, которая, несмотря ни на что, упорно держала курс на вооруженное восстание.

Бразильская революция состоялась 27 ноября 1935 года, продолжалась менее двенадцати часов и окончилась грандиозным провалом. Всеобщая забастовка, на которую рассчитывали заговорщики, не состоялась, также не поддержали их армия и флот. Начались аресты. Месяц спустя были арестованы Эверт и Сабо, а в феврале – Престес и Ольга.

Если с мужчинами все было ясно — они готовили восстание и были виновны — то что делать с женщинами, никто толком не знал. Формально они преступлений не совершали, по крайней мере, доказательств их «подрывной работы» не было никаких. Но совершенно ясно было, что жены коммунистических лидеров тоже участвовали, не могли не участвовать в подготовке переворота. Отпускать их было нельзя, а держать в тюрьме — незаконно. И тогда их решили выслать из страны. Для Ольги, как и для Сабо, депортация ничего хорошего не означала — их могли выслать только на родину, в фашистскую Германию. Но для бразильских властей это было решением проблемы.

История получила огласку. Во всем мире поднялась кампания протеста. Бразильские коммунисты призвали докеров всех европейских портов осматривать приходящие из Бразилии суда. Докеры, народ сплоченный и дисциплинированный, вняли их призыву, а когда власти попытались запретить «досмотры» судов, объявили всеобщую забастовку. Ольгу и Сабо это не спасло — но зато были спасены другие «нежелательные иностранцы», которых находили в трюмах пароходов и освобождали. Ольгу же, несмотря на то, что она была беременна, выслали в Германию. Та же судьба ожидала и Сабо.

Когда об этом стало известно, немецкая антифашистская группа, находившаяся в Париже, подготовила боевую операцию, чтобы освободить Ольгу, как только теплоход прибудет в один из французских портов. Кстати, в подготовке этой операции участвовала немецкая антифашистка Елена Радо — мы еще встретим ее и ее мужа Шандора на страницах этой книги. Но их переиграли — теплоход не зашел во Францию, а пошел прямо в Гамбург. Ольга попала в руки гестапо. Ее дочку Аниту, рожденную в тюрьме, ценой больших усилий

удалось вырвать из рук нацистов – позднее она воспитывалась в Мексике, у бабушки. А Ольгу отправили в Равенсбрюк, а потом в Бернбург, где она и погибла. В концлагере погибла и Элиза Эверт – Сабо.

Их мужья остались в Бразилии... и выжили. В 1945 году, после победы над Германией, Бразилия восстановила дипломатические отношения с СССР. Режим в стране явно «теплел». Правительство объявило амнистию политзаключенным, и Луис Карлос Престес и Артур Эверт были освобождены. Весть об освобождении Престесу в тюрьму принес лично сотрудник МИДа. Первые вопросы Луиса Карлоса были о судьбе Ольги и Эвертов. Об Ольге МИДовец ничего не знал. А судьба Эверта была печальна – в тюрьме он сошел с ума, и сразу же после освобождения был помещен в клинику. Через год Артур был отправлен в советскую зону Германии, а в 1959 году умер. Разум к нему так и не вернулся. Что же касается Престеса, то он остался в Рио-де-Жанейро. Он был секретарем Бразильской Компартии до 1980 года, когда, из-за своих сталинистских убеждений, вышел из состава ЦК БКП. Его дочь Анита тоже жила в Рио, преподавала в университете. Из компартии она вышла вместе с отцом.

Военный советник

У Отто Брауна была совсем другая судьба, его работа в Китае была долгой и успешной. Итак, весной 1932 года он, окончив Военную академию имени Фрунзе в Москве и расставшись с Ольгой, по заданию Исполкома Коминтерна направляется в Китай в качестве военного советника. Осенью 1932 года он поселился в Шанхае в Американском пансионе, и через несколько дней связался со своим старым знакомым, еще по Германии – Артуром Эвертом, который был в то время представителем Коминтерна при ЦК КПК. Кроме него, в

представительство Коминтерна входили русский Николай Зеулер и два американца – один от КИМа, другой от Профинтерна.

Работали в условиях строжайшей конспирации. Иностранцам было легче, они жили на территории международного сэттльмента и могли, не вызывая подозрений, общаться хотя бы между собой. Но иметь контакты с китайцами было куда труднее и опаснее. Раз в неделю Браун и Эверт посещали конспиративный дом ЦК. В то время секретариат ЦК КПК поддерживал регулярную связь по радио с Исполкомом Коминтерна в Москве и с Центральным советским районом Китая, где находилось временное революционное правительство и базировалась китайская Красная Армия. С другими «красными» и партизанскими районами не было даже радиосвязи – только нерегулярно циркулирующие курьеры. С партийными организациями в других городах связь была не лучше. Как в такой ситуации ЦК ухитрялся руководить партией – совершенно непонятно, а, скорее всего, что никак не руководил, и события текли сами по себе.

Как ни странно, в получении информации Отто Брауну немало помогала все та же Агнес Смедли, с которой его познакомил Артур – еще одно доказательство того тезиса, что журналисты – народ всепроникающий. Агнес в то время собирала материал для книги «Китай борется» и давала Отто читать свои записи, а также снабжала его информацией, поступавшей от вдовы Сунь Ят-сена Сун Цин-лин. Все же информации было очень мало, и она была противоречивой. А ведь Отто Брауну пришлось с первых дней уже давать рекомендации по военным вопросам, и такое положение не могло его не беспокоить. Правда, существовал еще главный военный советник, его начальник, но он выехал из Москвы и пропал где-то в дороге.

А революционное движение ширилось, все больше приобретая характер гражданской войны. Одни руководители считали главным

врагом японцев, другие – гоминдан, третьи – в равной мере и тех и других, но все сходились в одном – что врагов надо бить. Что и проделывалось достаточно успешно в советских и партизанских районах. В 1931 году был созван первый съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, образовано временное революционное правительство во главе с Мао Цзе-дуном и Реввоенсовет, руководителем которого стал Чжу Дэ. Съезд провозгласил главной задачей преобразование революционных вооруженных сил в Красную Армию, консолидацию и расширение советских районов, и усиление партизанской войны в районах, контролируемых гоминданом. А ЦК партии пытался руководить этой борьбой из Шанхая.

В конце 1932 года, наконец, руководители китайской Компартии пришли к простой и естественной мысли: коль скоро в Шанхае работать с каждым днем становится все труднее, да и большинство членов ЦК находятся кто в Москве, кто в советских районах, то не лучше ли перевести в Центральный советский район само ЦК? Что и было выполнено весной 1933 года. Члены ЦК потребовали откомандировать туда же и Брауна, Исполком Коминтерна согласился, и Отто направили в Центральный советский район в качестве советника с ограниченными полномочиями. Конкретных директив ему не дали, а главного военного советника все еще не было. По техническим причинам отъезд отложили до осени. Отто готовился к командировке, усиленно занимаясь китайским языком. И тут, наконец-то, прибыл и долгожданный главный военный советник. Он добирался в Китай через Европу, Америку и Японию и опоздал на несколько месяцев, пропустив все сроки встречи. К счастью, больших сложностей с опознанием не было, поскольку Браун знал Манфреда Штерна еще по Москве. Правда, между ними сразу же возникли разногласия – впрочем, к счастью, не политические, а всего лишь

военные: оба были опытными людьми, но по-разному понимали стратегию. Впрочем, пунктуальный немец Браун, как нижестоящий, подчинился руководству без излишних споров и конфликтов.

Осенью Отто Браун отправился в Центральный район. Там тоже было непросто. В районе существовали две группировки – Мао Цзе-дуна и Чжоу Энь-лая. Вскоре остававшееся в Шанхае бюро ЦК было арестовано, гоминдановцы захватили радиостанцию, связь с представительством Коминтерна прервалась. Изоляция ЦК КПК от Москвы продолжалась до 1936 года. Впрочем, она вполне устраивала Мао в его борьбе за власть.

На новом месте службы авторитет и влияние Отто Брауна были велики. Несмотря на то, что военный советник не имел никаких полномочий, а мог только советовать, все равно все военные вопросы обсуждались сначала с ним, а потом уже выносились на Военный совет. В 1936 году Браун участвовал в Великом походе китайской Красной Армии, затем преподавал в Военной академии. Однако постепенно его взгляды все больше отходили от линии Мао Цзе-дуна, и Браун перестали посвящать в важные вопросы политической жизни и вообще начали потихоньку отстранять от дел. Тогда он посчитал свою задачу в Китае выполненной, тем более что он находился здесь уже более четырех лет – в то время это был очень большой срок для работы в одной стране. Начиная с 1936-го и по 1938 год Браун неоднократно просил отозвать его в СССР, но все его просьбы оставались без ответа. А друзья из КПК советовали ему не настаивать на отзыве, предупредив, что в Советском Союзе его могут ждать большие неприятности. Впрочем, Отто и сам уже кое-что знал о «врагах народа». Тем не менее, он решил, что ему все равно надо отчитаться в Москве за свою работу в Китае. Но вызова все не было, и Браун настроился остаться в Китае надолго, может быть, навсегда.

Он вступил в КПК, женился на китайке-певице Ли Ли-лянь и начал всерьез изучать язык. Мао предложил ему быть военным советником в штабе тыла. Но работы там для Брауна не было, да и работники штаба явно показывали, что его сотрудничество нежелательно. Наконец, он понял, что его просто прикрепили к штабу тыла, потому что надо было где-то числиться. Впрочем, похоже, что после перехода Брауна в КПК Мао стал относиться к нему благожелательнее – нет, военный советник не стал его сторонником, но он уже не был столь важной фигурой, чтобы обращать на него серьезное внимание как на политического противника.

Дальше все было внезапно. «В один из воскресных дней осенью 1939 года, незадолго до восхода солнца, меня разбудил посыльный из Центрального Комитета. Он передал мне записку, в которой говорилось: «Немедленно поезжай на аэродром, ты летишь в Москву». Легко представить себе охватившие меня чувства. После нескольких лет полной изоляции от внешнего мира – и вдруг такое сообщение! С лихорадочной поспешностью я оделся, наспех попрощался с Ли Ли-лянь и с другими обитателями пещеры, вскочил на своего чахарского пони и галопом помчался на аэродром. Там в окружении многих видных деятелей стоял Мао Цзе-дун. Он прибыл проводить Чжоу Энь-лая, который вместе с женой и приемной дочерью тоже летел в Москву. Самолет стоял наготове, но отлет задерживался. Ко мне подошли проститься мои старые знакомые, узнавшие, что я покидаю Китай. Даже Мао Цзе-дун пожелал мне счастливого пути. Он сделал это с холодной вежливостью, не сказав ни слова благодарности или признательности. Тем временем на аэродроме появилась Ли Ли-лянь. Она хотела лететь со мной. Я попросил разрешения на ее отъезд у Мао. Он отослал меня к Ло Фу, а тот заявил, что для нее нет визы в Советский Союз. Вмешался Чжоу Энь-лай и пообещал все уладить в

Москве. Не знаю, пытался ли он выполнить свое обещание, но Ли Лиянь я уже больше никогда не видел»⁸.

По прибытии в Москву начались странности. Отто Браун неделями отвечал на вопросы, писал отчеты и докладные. Сначала он думал, что так положено, но потом понял, что за этой дотошностью скрывается нечто большее, чем должностная инструкция. В декабре его пригласили на беседу с представителями КПК, где присутствовали и некоторые руководящие работники Исполкома Коминтерна. Там Брауну предъявили множество обвинений, от которых, впрочем, он успешно отбился. Обвинения касались стратегии и тактики, а не политики: если бы она была политическими, Браун бы так просто не выпутался, но в общеполитические вопросы он с самого начала мудро не вмешивался. Впоследствии он узнал, что присутствовавшие на совещании Чжоу Эн-лай и младший брат Мао Цзе-дуна Мао Цзэ-минь получили задание: добиться в Москве не просто исключения Брауна из партии, но уничтожения его как «врага народа». Однако из этого ничего не получилось. Никаким репрессиям Отто Браун не подвергался, все время он спокойно жил и работал сначала в Москве, а потом в ГДР. Все ограничилось тем, что его уволили из армии и отстранили от дел, связанных с Китаем, предложив помалкивать о том, что там происходит. Эту рекомендацию он неукоснительно выполнял вплоть до 1964 года, когда выступил в «Нойес Дойчланд» со статьей «От чьего имени говорит Мао Цзе-дун?»

Главный военный советник

В 30-х годах на страницах партийной печати время от времени появлялись статьи о Китае за подписью М. Фреда. Немногие знали, кто скрывается под этим именем. Еще меньше людей знало, что М.

⁸ Отто Браун. Китайские записки (1932-1939). М., 1974. Стр. 350.

Фред и герой гражданской войны в Испании, командир интербригады Эмиль Клебер – это одно и то же лицо. Настоящее имя этого человека Манфред Штерн.

Родился он в январе 1896 года в деревне Волока, на территории Австро-Венгрии (сейчас это территория Украины). Он был вторым сыном бедного крестьянина – всего в семье было 12 детей. Тем не менее, он сумел окончить гимназию в Черновцах и даже поступить в Венский университет. Там он и примкнул к революционному рабочему движению.

Когда началась война, Манфреда Штерна призвали в армию. Сначала он был унтер-офицером, затем закончил офицерскую школу. В 1916 году попал в русский плен и был отправлен в Россию. После революции он сразу же стал на сторону большевиков. Еще в 1918 году Штерн вступил в интернациональное воинское подразделение, сражавшееся на стороне красных, затем в Красную Армию. В начале 1920 года под Читой он был ранен, после выздоровления вернулся на фронт, где был принят в члены ВКП(б). В 1921-23 гг. был слушателем Военной академии им. Фрунзе. В дни гамбургского восстания был военным советником КПП, затем работал в Профинтерне, занимался проблемами рабочего движения Германии, Латинской Америки и Азии. Уже тогда особо интересовался Китаем.

В конце 1932 года его направляют в Китай в качестве главного военного советника ЦК КПК. Впрочем, подчинялся он не ЦК, а Дальневосточному бюро Исполкома Коминтерна, которое в то время возглавлял Артур Эверт, а помощником его по организационным вопросам был опытный конспиратор, польский коммунист Рыльский.

Обстановка была сложная. После провала четырех карательных походов против Красной Армии Китая Чан Кай-ши пригласил в качестве главного военного советника опытного немецкого генерала фон Секта, одно время бывшего начальником немецкого Генерального штаба. Кроме него, в гоминдановской армии работало еще около ста других иностранных военных советников. (Пятый поход начался в октябре 1933 года). Манфред Штерн был не только опытным военным специалистом, но еще и хорошо знал стратегию и тактику немецких генералов. Кстати, его опыт не ограничивался классовыми боями. За время жизни в СССР он приобрел и богатые теоретические знания. (Кое о чем говорит тот факт, что свой испанский псевдоним он выбрал в честь Жана Батиста Клебера, который руководил подавлением мятежа в Вандее во время Французской революции). Кроме того, он свободно владел русским, немецким, французским, испанским и другими языками, имел большой опыт революционной и конспиративной работы.

После переезда ЦК КПК в советский район Манфред Штерн остался в Шанхае, откуда информировал ЦК о военных приготовлениях и планах гоминдановских войск, давал рекомендации. В советский район он отправил своего помощника Отто Брауна, работавшего в Китае под именем Ли Дэ. Браун участвовал в разработке оперативных планов Красной Армии, а Штерн разрабатывал стратегические планы, в соответствии с указаниями Коминтерна. Кроме того, он занимался и «политикой» – добивался создания единого национального антияпонского фронта. Он встречался со многими известными демократическими деятелями, в том числе и с вдовой Сунь Ят-сена Сун Цин-лин.

В Шанхае Манфред Штерн находился до 1934 года. Дольше оставаться там было нельзя, коммунистическое подполье потерпело

ряд серьезных провалов, а за «Фредом» и полиция международного сеттльмента, и агенты гоминдана охотились особо. Его отозвали в Москву, где он продолжал заниматься китайскими делами, пока не был командирован в Испанию.

«Даже по прошествии стольких лет передо мной встает яркий образ М. Штерна: высокий, красивый мужчина богатырского сложения. Он казался не по возрасту серьезным, несколько угрюмым, даже суровым. Но в действительности это был добродушный, жизнерадостный и душевный человек. Он был замечательным

собеседником и чутким товарищем, много знавшим и много видевшим. Ему были

свойственны исключительное трудолюбие и работоспособность. Внешне этот

элегантный представительный мужчина походил скорее на ученого, литератора или дипломата, трудно было представить, что это легендарный храбрый военачальник»⁹.

В СССР Манфред Штерн вернулся в печально памятном 1937 году. В 1938-м он был репрессирован и умер в 1954 году в лагере на станции Сосновка.

Глава 3

В ГРУППЕ РИХАРДА ЗОРГЕ

На «избалованная кошечка», но притворяется ею

Переезд до места назначения супругам Гамбургер не оплатили, несмотря на то, что это было общим правилом при выезде на работу за границу. Объяснялось это тем, что договор о найме вступал в силу

⁹ Го Шаотан (А.Г.Крымов) Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., Наука. 1990. Стр.318

только после длительного испытательного срока. Все бумаги подписывались в Шанхае. Все их сбережения уходили на дорогу. В Китае Рольф и Урсула оставались фактически без гроша. В любой момент все могло сорваться, а у них не оставалось денег даже на обратную дорогу.

И все же они уехали. В июле 1930 года они добрались до Москвы, а оттуда

транссибирский экспресс домчал их до восточной границы Советского Союза. Конечно же, ехали они не первым классом, в целях экономии питаясь супом, который разогревали на маленькой спиртовке. «Кроме того, у нас был хлеб, копченая колбаса и сало». Паяк эмигрантов.

Ехали они долго. Урсула играла с Рольфом в шахматы, любовалась пролетающими за окном пейзажами. Суровая красота Урала, затерянных в Сибири городов, озеро Байкал, березовые леса и бескрайняя тайга очаровали молодую женщину. Каждую остановку в пути она воспринимала с восторгом. «Как-то мы два часа простояли на лесной опушке. Ступени вагона были слишком высоки, чтобы спуститься на землю, однако все жаждали движения и свежего воздуха. Из всех вагонов повыпрыгивали мужчины, женщин они подхватывали на руки. Кто-то играл на губной гармонике, начались танцы. Мы смотрели на все это и тоже начали танцевать... ». Но вот позади граница СССР, Манчжурия и Чанчун. Супруги доехали до Дайрена, а оттуда пароходом отправились в Шанхай.

Это было совсем непохоже на Германию. Уже в порту Урсула поняла, как

благополучна была их разоренная войной страна. С первых шагов она столкнулась с ужасающей нищетой. По узким мосткам шли грузчики с тяжелыми ношами, пот струился по их голым спинам, на

шее, лбу и ногах проступали разбухшие вены. Пароход, на котором плыли молодожены, окружили джонки, битком набитые калеками, инвалидами, больными детьми, и все протягивали руки, прося милостыню. Урсула сошла на пристань, потрясенная до глубины души.

На набережной их ждал Гельмут. Ярким контрастом с окружающей убогостью и нищетой смотрелись он, в светлом полотняном костюме и тропическом шлеме, и его элегантная жена с огромным букетом цветов.

Дом Войдтов произвел большое впечатление на Урсулу. Так она еще не жила. Слуга-китаец в белых перчатках, подававший гостям прохладительные напитки, просторные комнаты, восхитительные цветы... Такая роскошь была незнакома девушке, выросшей в небогатой семье.

Первая ночь на новом месте. Влажность, жара, москиты, облепившие сетку кровати... Но эти неудобства не пугали Урсулу; утомленная путешествием, она крепко заснула.

Началась новая жизнь супругов. Иностранцы в Шанхае, которых было около миллиона, проживали в специальных районах, пользующихся правом экстерриториальности и не подчинявшихся местным законам. В «Международном сеттльменте» и во «Французской концессии» были собственные власти с собственной полицией. Общались иностранцы почти исключительно друг с другом. Рольфа утвердили на должность, он занял видное положение, благодаря чему последовали многочисленные приглашения в гости. Урсулу навещали дамы, ожидавшие ответных визитов. Окружающий мир, «светское» общество, в котором она очутилась, вызывали у молодой женщины отвращение. Она возненавидела бесконечные

визиты, приемы, на которых следовало себя вести согласно правилам этикета, непрменные партии в бридж или

новомодную игру <вегольф>...

При всем отвращении к такой жизни Урсула не противилась ей, понимая, что это необходимо. «Если я, как коммунистка, хочу начать нелегальную работу, то внешне буржуазный характер жизни служил бы надежным прикрытием», – думала она, ожидая известий от партии. В письмах домой Урсула описывала Шанхай как «скучный город» для тех, кто привык к труду. В доме Войдтов всю работу выполняли слуги – бой-слуга, повар и кули. Кроме вынужденного безделья, страдания доставляла чудовищная жара, сковывающая свободу движений – неприятная особенность местного климата. «Это не палящая жара, а влажная. Потеешь просто фантастически – пот не проступает каплями, а просто течет по тебе», – писала Урсула.

С проявлениями снобизма она сталкивалась постоянно. Например, выходные дни супруги проводили у некоего доктора Вильгельма, известного адвоката. Его гости играли в теннис, отдыхали в саду на шезлонгах; между ними бесшумно сновали слуги, предлагая чай, виски с содовой, фруктовые напитки. А любимым выражением хозяина дома, доктора Вильгельма, было – «люди низшего класса». Даже развлечения строго разделялись. «Бывать там не рекомендуется, туда ходят только люди «низшего класса», – говорил доктор Вильгельм о каком-нибудь увеселительном заведении, кинотеатре или просто магазине. Урсула была вынуждена выслушивать все это, не имея возможности возразить.

«Дамы – роскошные кошечки высшего класса», – пренебрежительно отзывалась молодая женщина об окружающих ее женах, подругах и дочерях обеспеченных иностранцев. То, что в Европе назвали бы простой обеспеченностью, в Китае было

богатством. В какой бы дом она ни приходила с визитом, везде ее ожидало одно и то же: ленивые, скучающие барыни, изысканно одетые, поглощенные исключительно собственной персоной. Они не работали, не занимались домашним хозяйством, не проявляли интереса к науке и искусству, подчас не заботились даже о собственных детях, перепоручая их заботам местных нянек.

О мужчинах Урсула отзывалась несколько лучше:

– Они имеют профессию и хотя бы немного работают.

Эти бесконечные чаепития нагоняли тоску и вызывали раздражение. Однообразие тем для разговоров повергало в ужас. Немцы, русские белогвардейцы-эмигранты, американцы, англичане – все говорили об одном и том же. Светская жизнь и неотъемлемые ее компоненты – приемы, бридж, собачьи бега, последние кинокартины «самого идиотского содержания». Все кинотеатры Шанхая, за исключением одного, показывали американские звуковые фильмы с пением. Эти глуповатые «опереточные» постановки вызывали буйный восторг у представителей «высшего класса».

Дома Урсула с горечью описывала мужу свои впечатления о стране, людях.

– Общий упадок, моральное разложение – вот что царит в обществе, в котором мы оказались! – восклицала она, нервно ходя по комнате.

Рольф оторвался от газеты, посмотрел на жену.

– Я не понимаю, что тебе так уж не нравится. В Германии у тебя не было работы, ты жила впроголодь, твоя мать вечно экономила. А здесь у тебя масса свободного времени хотя бы для того же чтения.

– Нам бы еще научиться играть в бридж и ма-лонг, покрикивать на слуг – вот мы и стали бы стопроцентными шанхайцами! – не хотела успокаиваться она.

Но невозможно жить среди такого разношерстного общества и не иметь хотя бы знакомых. О некоторых из них Урсула довольно подробно рассказывает в своих многочисленных письмах.

Вот, например, некий Бернштайн из Бреслау. Холостяк, в период войны 1914-1918 гг. был взят в плен и пережил, по его выражению, «лучшие годы своей жизни» в качестве гражданского пленного в Британской Индии, где он проводил время с друзьями, не ограничивая себя в еде и занимаясь спортом. Конец войны он определил иронической фразой – «разразился мир». Господин Бернштайн был расчетливым дельцом, продавал паровозы фирмы «Оренштейн и Коппель» и заключал крупные денежные сделки.

– Он делит людей на хороших и плохих и совершенно не задумывается о том, что многих волнует другой вопрос: хватает ли еды всем этим людям! – характеризовала Бернштайна Урсула.

Еще один знакомый – учитель Кук. Молодой человек, с пробором посередине, с большими круглыми глазами в роговых очках. Когда-то он хотел стать животноводом, но теперь «пас» детей в немецкой школе в Шанхае.

– Его жизнь однообразна и скучна до отвращения, вызываемого педантичным расписанием каждого дня. Каждое воскресенье он ходит на концерт городского оркестра и слушает музыку, жуя при этом инжир. Каждое воскресенье после концерта он играет в хоккей, сражаясь с командой полицейских. И так из месяца в месяц, – иронично рассказывала о новом знакомом Урсула.

Супруги Канн. Она – душа здешнего немецкого театрального союза. Он – биржевой маклер, душа артистического клуба. Уж лучше бы он занимался своим маклерством – настолько скучен его клуб. «Было бы иначе, Рольфу там бы понравилось», – заметила Урсула в одном из писем домой.

Доктор Зеебом – служащий фирмы «ИГ Фарбен», обладатель титулованных родственников и трех сотен граммофонных пластинок. Он очень любил Рольфа, что Урсула объясняла благоприятным воздействием уравновешенности и спокойствия своего мужа на этого «вздорного человека». Профессор Штумпф – инженер, работающий в германо-китайском университете, основатель «Немецкого братства по оружию». Коктейль у Унгерн-Штернбергов, «сверхпородистых, рафинированных интеллигентов»: ее брат – граф Кайзерлинг, его брат – «балтийский барон, белогвардеец, замешанный в шпионские авантюры реакции». Американец Честерфриц, владелец крупнейшей фирмы биржевых маклеров, «сказочно богат», по выражению Урсулы.

Все эти люди не были друзьями Урсулы и Рольфа, но их можно было вполне назвать их приятелями – приятелями поневоле. Если Урсула и терпела их присутствие в своей жизни, то только ради того, чтобы создать себе надежное прикрытие. Рольф попытался принять участие в жизни «общества» – выступил в качестве режиссера спектакля по пьесе Цукмайера «Капитан из Кёпеника». Однако осуществиться его планам помешало гневное письмо от генерального консула Рюдта фон Калленберг-Бёдинхайма, в котором он требовал отменить постановку. «Отвратительный спектакль, – говорилось в письме. – К тем беднякам, которые в этом спектакле показываются, можно испытывать не сострадание, а только отвращение. Театральный союз должен стремиться к более высокому уровню... »

– Этот консул – просто болван, – отзывалась Урсула о Калленберге-Бёдинхайме. – А вам, – обращалась она к Рольфу и Гельмуту, – надо подать протест. – Все-таки молодая женщина не могла даже на время забыть о борьбе за справедливость.

Впрочем, протест делу не помог, и спектакль так и не был показан – театральный союз не осмелился преступить «высочайшее неудовольствие».

Урсула и Рольф не только ходили с визитами, но и приглашали в гости сами. В числе тех, кто посещал субботние чаепития, были: японец Мацумото, представитель фирмы Уфафильм, Велинг и уже знакомый нам Зеебом от ИГ Фарбен, Корф – глава фирмы Мельхерс и доктор Фогель – президент немецкой торговой палаты в Шанхае. Последних двоих Урсула считала людьми выше среднего уровня по интеллекту. Еще в кругу ее знакомых фигурировал некий Плаут из «Трансокеанской нью-йоркской службы сервиса», который в дальнейшем сыграет свою роль в общем спектакле.

Описывая своих новых знакомых, Урсула подчеркивает забавные особенности их характеров. Руководитель группы инженеров фирмы «Симменс-Гальске» по имени Джимсон посылал супругам удобрения для цветов, он был просто помешан на цветах! Коллега Рольфа, англичанин Мирамс не брал в рот сэндвичи, если они не были приготовлены по английскому образцу, так что в доме Урсулы и Рольфа ему так и не удалось их отведать.

В целом, общие взаимоотношения между иностранцами и населением страны, куда их забросила судьба, хорошо иллюстрирует история, которую рассказала Урсуле жена американца Зауэра из той же фирмы <Симменс-Гальске>, португалка, родившаяся в Китае. Как-то раз на прогулке за городом они встретили крестьянина. Женщина заговорила с ним. Он сказал: <Вы говорите по-китайски, а ваш муж знает всего три слова. Давно ли он в Китае?> <Тридцать лет>, – ответила та. <Значит, требуется десять лет, чтобы выучить одно китайское слово>.

«Ты радуешься, что я хорошо себя веду здесь в обществе, – писала Урсула брату в Германию. – К сожалению, об этом нельзя даже сказать: с волками жить – по-волчьи выть, скорее: жить с баранами и блеять вместе с ними». В этой фразе слились отвращение Урсулы к буржуазному образу жизни и уверенность в том, что, когда придет время, ненавистное ей общество сможет сослужить хорошую службу. А пока – жаркие, скучные первые месяцы пребывания в незнакомой стране. Грязь, бедность, жестокость, озлобленность людей не способствовали установлению контакта молодой женщины с китайским народом. Здесь был чуждый ей мир, так отличавшийся от того мира, к которому она привыкла дома. Все усилия Урсулы сводились на нет, чем она была очень расстроена, вина во всем себя.

Положение усугублялось еще и постоянным плохим самочувствием. Каждый день ее мучила тошнота, она быстро худела. Местные врачи объясняли все недомогания Урсулы неблагоприятным воздействием климата. Потом выяснилось, что молодая женщина находится на пятом месяце беременности, после того, как она стала ощущать какое-то «движение к кишечнику». Оказалось, что двигается не кишечник, а ребенок. Как врачи не догадались обследовать молодую замужнюю женщину по этому поводу – не знает никто. Урсула с радостью восприняла неожиданное известие.

Постепенно она адаптировалась в незнакомой стране. Как только жара немного спала, супруги начали гулять по улицам, выбираться за город в свободные от работы дни. Урсула много читала, изучала китайский язык, знакомилась со страной, с ее обычаями, ее богатой культурой. Однако более всего ее мысли занимала политика.

В октябре 1930 года супруги отправились на автобусную прогулку за город. Среди пассажиров они были единственными европейцами. На остановке у реки Рольф помог Урсуле сойти. Куда ни

глянь, всюду были видны небольшие деревни и дома крестьян, бамбуковые леса и хлопковые поля. Сидя на высоком берегу, молодая женщина просматривала свою записную книжку, делилась соображениями с мужем.

– В Шанхае более трех миллионов жителей, в иностранных кварталах живут 48 тысяч иностранцев и 140 тысяч китайцев. Я изучаю различные стороны жизни Китая и прихожу к выводу, что если бы бедняки захотели освободиться от иностранцев...

- Урсула, прекрати. Сейчас не время. Помни, что благодаря такому положению вещей у меня есть работа. Кроме того, ты ждешь ребенка!

Но будущая мать ничего не хотела слушать. В задумчивости она продолжала:

– Оказывается, здесь есть три так называемые красные провинции. Любопытно, что их территория равна территории Германии, и численность населения такая же, как в Германии. Они управляются народным правительством. Земля в деревнях общая, амбары с рисом – тоже, помещичья собственность ликвидирована. Красная Армия этих провинций насчитывает 190 тысяч бойцов, за которыми стоят жители деревень. Ты знаешь, что два месяца назад Чан Кай-ши начал крупную кампанию подавления «красных»? Численность его войск была 390 тысяч – в два раза больше, чем Красная Армия. Да еще иностранные державы поддерживают их, иностранные военные корабли вошли в реку Янцзы и обстреливают подразделения Красной Армии...

С тоской, долгим взглядом окинула она рисовые поля и подумала: люди борются за лучшую жизнь, воюют, а у нее по-прежнему нет связи с партией, хотя она провела в Шанхае довольно долгое время и много раз писала домой. В одном из писем Урсула

намекнула брату, что, видимо, ее товарищи в Германии ничего в этом отношении не предпринимают. Со дня на день она ждала определенного ответа – а его все не было...

Ее знаменитая подруга

Именно сейчас, когда Урсула в ожидании ребенка оставила всякие попытки найти себе серьезное занятие, работа нашлась сама собой, интересная и полезная для разведки. 21 октября 1930 года руководитель телеграфной Трансокеанской службы Киомин, уже знакомый нам Плаут пригласил ее работать к себе. Урсула привела в порядок политический архив, состоящий из вырезок из немецкой и английской прессы. Попутно она задавала Плауту множество самых разнообразных вопросов, так как он оказался одним из крупнейших знатоков Азии и Китая. Он познакомил молодую женщину с несколькими журналистами, в том числе с представителем ТАСС. Урсуле было обидно до слез, что она не может прекратить играть роль представительницы

«шанхайского общества» и вынуждена общаться с советским журналистом, соблюдая множество условностей. Ей страстно хотелось выложить Плауту всю правду о себе, однако, как признала позже сама Урсула, «у меня хватило ума не сделать этого».

Плаут оказался не только интересным, но и весьма полезным человеком. Сам того не зная, он сыграл решающую роль в судьбе Урсулы. Как-то раз он сказал ей, что знает американскую писательницу Агнес Смедли, которая живет в Шанхае. Еще в Германии Урсула с большим интересом прочитала ее автобиографическую книгу «Одинокая женщина». Теперь Агнес Смедли работала в Китае корреспонденткой газеты <Франкфуртер цайтунг>, хотя придерживалась гораздо более левых взглядов.

– У меня с ней вышла забавная история, – рассказывала Урсула мужу. – Помнишь, в Берлине, кажется в 1929 или 1930-м, партия организовала большую выставку на Потсдамской площади? Ту, на которой мне поручили продавать книги? К моему прилавку подошли два индуса, я вспомнила про Агнес, и мне захотелось продать им книгу «Одинокая женщина». Я рассказала им содержание книги, с особенным упором на то, что автор была замужем за индусом. «Все правильно, – ответил один из них. – Я тот индус, который был женат на Агнес Смедли».

Урсуле очень хотелось познакомиться со знаменитой американкой, но она стеснялась проявить инициативу, считая ее, как она говорила, <значительно более крупной личностью>. Узнав, что Плаут знаком с Агнес, Урсула попросила его помочь и организовать встречу. Плаут связал их по телефону, и женщины договорились встретиться на следующий день.

– Мой рост метр семьдесят, – объясняла Урсула, – очень темные волосы, большой нос. Думаю, вы узнаете меня при встрече.

Американка рассмеялась.

– Вы, европейцы, всегда так точны? Мне тридцать четыре года. Особых примет не имеется...

Днем их встречи, по случайному стечению обстоятельств оказалось 7 ноября, 13-ая годовщина революции. Урсула купила букет красных роз, и поставила его дома, вспомнив, как весело она и ее товарищи отмечали этот праздник в Германии. В центре города былолюдно, но Урсула и Агнес сразу же узнали друг друга. Американка не была красавицей, хотя Урсула считала черты ее лица правильными. Каштановые волосы, не слишком густые, зеленые глаза, выступающий вперед лоб, простая одежда. Типичный образ «интеллигентной работницы» – охарактеризовала ее Урсула.

У Агнес в руках был букет ярко-красных роз, почти таких же, какие стояли дома у Урсулы. Он резко выделялся на фоне ее скромного темно-синего платья. Подарок представителю ТАСС, с которым Урсула уже была знакома.

Женщины зашли в кафе. Там, не спеша попивая охлажденный чай, Урсула отвечала на подробные расспросы Агнес, впервые после прибытия в Шанхай рассказывая о своей принадлежности к компартии, причем фактически постороннему человеку. Однако, упомянув о своей изоляции, Урсула не стала просить Агнес помочь ей установить контакты. А вдруг писательница не коммунистка, хоть и придерживается левых взглядов?

«Ей здесь нелегко», – подумала Урсула. Она уже слышала о случае, когда Агнес оскорбила американскую «богему» тем, что на чаепитии американского клуба поинтересовалась, почему за столом не присутствуют китайцы. – Извините, – ответили ей, – среди членов клуба и гостей китайцев нет. Им не разрешено посещать клуб. После этих слов Агнес Смедли поднялась и ушла, не попрощавшись. Англичане ее тоже терпеть не могли из-за того, что в прошлом она имела отношение к революционному движению в Индии. Китайцы также следили за каждым ее шагом. Действительно, трудная жизнь.

Урсула и Агнес подружились. Они встречались или беседовали по телефону каждый день. Обширная домашняя библиотека Агнес, состоящая из немецких, английских, индийских, китайских книг, была предоставлена в распоряжение Урсулы.

На рождество 1930-го года Урсула и Агнес побывали в китайском театре, где все роли, даже женские, исполняли мужчины. Звездой среди них был актер по имени Мейланфань, мастерство и пластичность которого восхитили Урсулу. Это был настоящий

праздник. Дома и у знакомых ее ждала гора подарков, в основном книги. Горький, Стендаль, Эренбург, Рильке...

Агнес предложила ей еще работу – аннотировать пять книг для журнала левой направленности, нелегального и постоянно меняющего названия. Издавал его китайский поэт Лю Сун, с которым она быстро подружилась. В то время журнал назывался «Поток». В дальнейшем она часто сотрудничала с этим журналом – конечно, под псевдонимом. Как взвились бы на дыбы ее знакомые из «высшего общества», если бы узнали, что она пишет статьи для китайского «левого» журнала! Переводила для газеты, в которой работала Агнес, статью о крестьянах и Красной Армии в Китае. И постоянно поддерживала своим присутствием находившуюся в вечно подавленном состоянии Агнес. Американка отличалась сложным характером. Это была очень эмоциональная и нервная женщина, требовавшая к себе всяческого уважения, обижавшаяся даже по самым незначительным поводам. Настроение ее часто менялось. Иногда она была неумно весела, заражая своим весельем окружающих, но гораздо чаще пребывала в подавленном состоянии, и инстинктивно тянулась к более уравновешенной и оптимистичной Урсуле. Могла позвонить в три часа ночи, страдая от депрессии, и Урсула мчалась к ней.

Агнес не признавалась в своей принадлежности к партии. Иногда в оценке ситуации была слишком эмоциональна, иногда выражала свою точку зрения туманно и расплывчато, но даже споры и разногласия не могли помешать женщинам крепко дружить.

– Я боготворю Агнес, – признавалась Урсула мужу.

Когда та переехала в квартиру неподалеку от дома, где жили Рольф и Урсула, супруги были очень рады, а Рольф оказался столь любезным, что помог обставить новое жилище, спроектировал мебель – скромную, но со вкусом. Агнес страдала неврозом, в 1932 году ее

положили в больницу. Обострение болезни было вызвано тем, что писательница с головой ушла в работу над новой книгой о Китае. Урсула денно и нощно была подле нее, спала рядом с ней, навещала ее в больнице.

Но именно эта неуравновешенная американка оказала Урсуле услугу, круто изменившую ее жизнь. Вскоре после знакомства, присмотревшись к молодой немке, она сказала, что, если та согласится, ее мог бы навестить один коммунист, которому можно полностью доверять. Так она познакомилась с Рихардом Зорге...

«Я его всегда очень любила»

Впервые Урсула и Зорге встретились в ноябре 1930-го года, когда молодые супруги еще жили у Вальтера. В то время легендарный разведчик был в самом расцвете сил. Ему было тридцать пять лет, он был и красив, и обаятелен, и, что называется, неотразим. «О нем нельзя думать, не видя его перед собой», – признавалась Урсула, описывая его привлекательную внешность. <Продолговатое лицо, густые, выющиеся волосы, глубокие уже тогда морщины на лице, ярко-голубые глаза, обрамленные темными ресницами, красиво очерченный рот>...

В их первую встречу Урсула еще не знала его имени, да оно ничего бы ей и не сказало. Рихард говорил, что слышал о том, что она хочет помочь китайским товарищам в их борьбе. Он честно предупредил ее об ответственности и опасности того, чем ей предстоит заниматься, порекомендовал еще раз все обдумать, тем более что Урсула ждала ребенка – это уже было заметно. – Пока вы можете отказаться, – сказал он. – Вас никто в этом не упрекнет.

Ей показался обидным вопрос, сможет ли она работать в духе интернациональной солидарности? Она не понимала, что перед первой

встречей он не раз задавал этот вопрос сам себе, и что не пришел бы, если бы не был уверен в ее согласии. Потом она стала лучше понимать, какое это опасное и ответственное дело – вербовка, как точно надо рассчитывать каждый шаг...

– Смогу, – резко ответила Урсула. – Я с тем и ехала сюда, чтобы заниматься партийной работой.

Согласие было получено, и Рихард перешел к делу. Следующие полчаса они

посвятили обсуждению ее первого задания. Это была организация встреч с

китайскими коммунистами. Встречаться с ними на территории города, вне европейского поселения, было опасно. Во-первых, это сразу бросалось в глаза, а во-вторых, город сам по себе был опасен. В китайской части города часто совершались ограбления и убийства. Поэтому неплохо было бы организовывать встречи на территории сеттльмента.

Итак, Урсула предоставляет для совещаний комнату в своей квартире, но сама она присутствовать при разговоре не должна. На этом они пока и остановились. Вскоре начались встречи. Зорге руководил ими два года, затем, в 1932 году, на этой работе его заменил Карл Римм.

Должно быть, для проверки и тренировки Зорге предложил ей присутствовать на демонстрации на центральной улице города – естественно, не в качестве участницы, а как стороннего наблюдателя. Как эта демонстрация отличалась от манифестаций в ее родной Германии! Она стояла, прижав к груди пакеты с покупками, играя роль благовоспитанной буржуазной барыни, напуганной происходящим. Но ее лицо, как она ни старалась, все равно выдавало ее истинные чувства, темные глаза гневно сверкали. Женщина видела,

как избивают и арестовывают китайцев, видела их лица – лица людей, подписавших себе смертный приговор, потому что в Китае арест во многих случаях был равнозначен смерти. Тогда она поняла, что ради этих людей она готова выполнить любую работу, которая от нее потребуется.

Представитель Коминтерна в Китае Герхард Эйслер, с которым Урсула была знакома еще по работе в Германии, увидел молодую женщину возле витрины магазина, рядом с которым происходила кровавая расправа с демонстрантами. Урсула понятия не имела, что он в Китае, да и видела его за все время пребывания в этой стране только один раз. Эйслер посоветовал ей постараться выглядеть более женственной – хотя бы надеть шляпу. В глазах Урсулы женственность не сочеталась с коммунистическими взглядами – но, впрочем, если это нужно для дела...

Эйслер знал и о том, что отец Урсулы был активным участником немецкого рабочего движения и пользовался заслуженным уважением. Вскоре после того, как они встретились с Герхардом, Коминтерн также предложил ей сотрудничество. Совмещать эти две работы было невозможно: пришлось выбирать между Зорге и Коминтерном.

– Я считаю, что вы должна работать в моей группе, – довольно твердо сказал как-то Зорге. – Замена, с точки зрения конспирации, нежелательна. Однако окончательное решение все равно за вами.

Урсула осталась с Зорге и его группой. В то время она даже не задумывалась, кто они такие и какие задачи выполняют. Лишь значительно позднее она узнала, что все это время работала на разведку Генерального штаба Красной Армии. Впрочем, для нее это ничего не меняло, более того, известие о том, что Зорге работает на СССР, обрадовало ее. Это было время, когда иностранные

коммунисты всем, чем только могли, старались помочь первой стране победившего социализма.

В 1931 году у Урсулы родился сын, которого она назвала Мишей в честь Михаила Голда, американского коммуниста и писателя, редактора американского левого журнала «Нью мессес».

Рихард поздравил ее с этим событием. Урсула подвела его к детской кроватке, немного смущенная тем, что речь идет не о работе, а о таком сугубо личном деле, как ребенок. Он склонился над кроваткой, осторожно отвернул край одеяльца и долго молча рассматривал малыша. «В чем дело? – удивилась Урсула, не ожидавшая от своего начальника такого внимания. – Наверное, такого маленького он еще никогда не видел...» Она не понимала еще, что даже такой оптимист, как Зорге, не может не чувствовать одиночества, что он тоже мечтает о семье, о детях... Вскоре после этого, в 1932 году, находясь в Москве, он встретит Катю Максимову и начнет заговаривать с руководителями Разведупра о свадьбе, о семейном уюте, о детях. Кто знает, какую роль сыграл в этом крохотный Миша? Впрочем, мечта останется мечтой: брак с Катей был зарегистрирован 8 августа 1933 года, когда Зорге был уже в Японии, откуда он так и не вернулся...

Ребенок занял все мысли Урсулы. Вскоре после его рождения она писала Юргену и Маргарите: <Не могу нарадоваться на своего ребенка и в то же время не приходить в ужас от того, что он поглотил меня всю, с головы до пят. От меня нынче ничего не осталось ни для Рольфа, ни для политики, книг и вас. Только он один – все остальное лишь в той мере, в какой это касается ребенка. Это новый для меня мир, с совершенно новыми чувствами и мыслями>.

Но как же недолго продолжалось это <поглощенное> состояние – всего одиннадцать дней! А потом вновь появилась политика, и в

следующем письме – к матери – рассказы о ребенке уже чередуются с рассуждениями о советской пятилетке.

В этом же году Урсула и Рольф переехали на новую квартиру. Этому событию

предшествовал разговор Урсулы и Зорге.

– Гельмут ничего не знает о моей нелегальной деятельности, – ответила женщина на настойчивое предложение Зорге снять другую квартиру. – Его репутация и дом вне подозрений. Это отличное место для прикрытия. – Зато его жена вечно сидит дома. А мы не можем так рисковать. Зачем подвергать наших товарищей и, кстати, вашего друга лишнему риску?

Урсула и сама понимала, что Рихард прав. Гельмут был старым другом Рольфа, с восемнадцати лет. Он с интересом и симпатией относился к Китаю, знал и о ее политическом прошлом. Вместе с тем, у нее и в мыслях не было рассказать ему о своей работе. Их друг был удачливым коммерсантом, честолюбивым и гордящимся своим взлетом из самых низов. Он много внимания уделял своей карьере, хотя и видел слабости буржуазного общества. Рихард был прав: Урсула не имела права друга такому риску – если бы явка в его доме была раскрыта, не только карьера потерпела бы крах, но ему грозили куда более серьезные неприятности. Впрочем, они с Рольфом и так давно уже подумывали о том, чтобы зажить своим домом, и предложение Зорге только подтолкнуло неизбежное.

Урсула и Рольф подыскивали подходящий дом в районе, находящемся под французским управлением. 1-го апреля 1931 года супруги переехали на авеню Жоффа, 1464. Поселок был расположен как бы в маленьком парке, каждый дом окружали деревья. Из дома имелось два выхода, что было очень важно для безопасности встреч. Комнаты были изолированы, слуги без звонка не появлялись, пройти

незаметно по лестнице, ведущей на второй этаж, было невозможно. Примерно раз в неделю Рихард Зорге и его соратники рано утром приходили сюда. Урсула не присутствовала при их беседах и лишь следила, чтобы им не мешали. Они все время приходили в разное время и уходили тоже поодиночке, с короткими интервалами. Зорге задерживался дольше всех, давал Урсуле для обеспечения алиби какую-нибудь журналистскую работу, но, в принципе, в Шанхае контакты между европейцами были делом естественным и не нуждались в объяснении. Китайские товарищи обучали Урсулу языку, что создавало их визитам видимость легальности. Впрочем, конспирация была

поставлена отменно: за два года Зорге, как минимум, восемьдесят раз побывал в их доме, и об этом никто не знал.

Урсула понимала необходимость конспирации, а также то, что ей не следует ни присутствовать при разговорах, ни вообще проявлять какой-то интерес к тому, что ее не касается. «Однако, — как вспоминала позже она, — мое стремление не показаться любопытной порождало во мне неуверенность — я не знала, о чем мне следует говорить с Рихардом». В своем стремлении Урсула дошла до того, что на вопросы Зорге она отвечала практически односложно. Долгих разговоров не получалось. Однажды, после неловкой паузы, возникшей во время их более чем сдержанной беседы, Урсула сказала: «Вам пора уходить». Он был единственным из ее партийных товарищей, к кому она обращалась на «вы».

— Итак, меня выгоняют, — спокойно и немного грустно констатировал Зорге, взял шляпу и вышел. Урсула опустила голову, но промолчала и не задержала его. Чутким женским взглядом она не раз замечала то, чего не видели другие. Бывали дни, когда этот человек, обычно веселый и жизнерадостный, приходил молчаливым и

подавленным. Только спустя двадцать лет Урсула до конца поняла, как же тяжела жизнь разведчика – тогда, когда она ответила советскому представителю в Берлине: «Я занималась этим делом двадцать лет – с меня хватит!»

А в первые недели весны 1931-го года он пригласил Урсулу прокатиться с ним на мотоцикле. Они мчались так быстро, как это было возможно. Скорость привела Урсулу в восторг, она словно заново родилась, забыла обо всем на свете – она никогда до того не ездила на мотоцикле. Она смеялась, сбросив маску солидной дамы, которую носила до этого, шутила, болтала без умолку.

– Быстрее, еще быстрее, Рихард! – смеясь, требовала она, и мотоцикл мчался по дороге еще быстрее, ветер свистел в ушах. Лишь спустя полгода, навещая Рихарда в больнице после очередной аварии – его нога была в гипсе – она узнала, что он всегда ездил с недозволенной скоростью. А тогда... Зорге вел машину уверенно, и ей совсем не было страшно. После этой прогулки Урсула перестала испытывать смущение, напряженность и скованность в их общении растаяли без следа. Право же, ради такой поездки стоило и нарушить строгие правила конспирации.

Зорге не учил Урсулу конспирации. Она научилась сама – в условиях Китая это получалось естественным образом. Как она позднее писала, <опыт других может, конечно, оказаться полезным, но ответственность за собственную жизнь учит особенно основательно думать о других и своей собственной судьбе и соответственно действовать>. Она проверяла, нет ли за домом слежки, часто приглашала в дом представителей «высшего общества», чтобы нелегальные гости терялись на их фоне. Зорге расспрашивал Урсулу о ее прежних знакомых – Зеебоме, Вальтере, Бернштайне... Всех их она приглашала, если было нужно, и скрупулезно передавала содержание

их бесед. Ей нравилось смотреть, как Рихард слушает ее. По выражению его лица она чувствовала, насколько важной была информация, и постепенно научилась направлять беседы со знакомыми в нужное русло. Урсула становилась разведчицей.

«Мы с Рихардом», – гордо говорила Урсула. Работая вместе, они дополняли друг друга, создавая достаточно гармоничный союз – хотя она по-прежнему не знала, на кого работает. Зорге выслушивал ее мнение, ее оценки, иногда соглашался, иногда – нет, но всегда относился к мнению Урсулы с интересом. Если она была слишком лаконична, он спрашивал: «А что вы по этому поводу думаете?» «Зачем ему мое мнение? – недоумевала Урсула. – Да и сама информация – неужели она важна для него? Ведь у него огромные связи». Но как-то раз он сказал: «Хорошо, хорошо, правильный анализ», – и Урсула поняла, что он учил ее. Она училась с радостью, и была счастлива, что находится бок о бок с такими замечательными людьми, как ее новые товарищи, рядом с Рихардом. Это была та жизнь, о которой она мечтала. Она по-прежнему не знала, на кого работает, но никогда не спрашивала об этом. Урсула знала лишь столько, сколько было необходимо, и не стремилась узнать больше, понимая, что, чем меньше человеку известно, тем меньше он в случае провала может выдать.

Постепенно Урсула приобретала опыт, ее знания ширились. Рихард стал давать ей все более и более сложные поручения. Она обрабатывала поступающую информацию, переводила донесения с английского языка на немецкий, фотографировала документы. Получала почту и донесения, встречалась с теми китайцами, которые по разным причинам не могли приходить к ней. Понемногу занималась и вербовкой. Постигала основы конспирации. «Конспирация стала моей второй натурой, поскольку товарищи,

которых надо было уберечь, действовали в условиях постоянной опасности. Забота о них вошла у меня в плоть и кровь, так же, как и забота о моем маленьком сыне... Так же как меня будило малейшее проявление жизни ребенка, точно так же я настораживалась при малейших неожиданностях, возникавших в окружении товарищей>.

Работа и жизнь

Урсула считала, что, занимаясь конспиративной работой, надо как можно меньше играть. Не следует отказываться, если есть хоть какая-то возможность, действовать в гармонии с собой. В соответствии с этим принципом она избрала для себя роль <дамы демократического склада ума с прогрессивными взглядами и интеллектуальными запросами>. Для европейской женщины такое поведение не было чем-то необычным – впрочем, в Китае женщины традиционно были людьми второго сорта, и их взгляды мало кого интересовали. Правда, ее коммунистическое прошлое в любой момент могло стать известным – но и тут для молодой женщины не было никакой опасности. Для выходцев из буржуазной среды в то время были характерны прогрессивные взгляды разной степени радикализма, кое-кто в молодости заигрывал с коммунизмом, а потом <поумнел> и теперь вел обычный образ жизни обеспеченного буржуа.

Китай был своеобразной страной, где достаточно широкий либерализм уживался с самыми жесточайшими репрессиями. С одной стороны, при Чан Кай-ши не были запрещены демократические и даже умеренно левые организации, особенно в среде европейцев, которые имели особые права и особые привилегии. С другой – с 1927 года по 1939 год в стране погибло около 40 тысяч коммунистов. Очень немногие вышли из тюрьмы – а большинство туда вообще не

попадало, их убивали раньше. В провинции было в обычае выставлять головы казненных коммунистов на кольях у городских стен...

Проблема конспирации тесно переплелась с личной жизнью Урсулы. Рольф презирал шанхайское общество не менее чем сама Урсула, и становился все ближе ей в политическом отношении (впоследствии он также станет коммунистом и советским разведчиком). Он хорошо относился к китайскому народу. Тем не менее, он настоятельно просил Урсулу отказаться от партийной работы, едва узнал об этом ее желании. Произошло это еще до знакомства с Рихардом.

– Эта страна – чужая нам, – говорил он. – Пойми, я должен обеспечить семью, ведь я ответственен за тебя и нашего будущего ребенка. А ты переоцениваешь свои силы. Если тебя коснутся жестокость и зверства, я не смогу это выдержать.

Урсула молчала.

– Я никогда тебе ничего не запрещал, – продолжал он взволнованно, – ни в чем не ограничивал твою свободу, но теперь вынужден настоять на своем. Пойми, это даже не ради тебя, а ради нашего ребенка. Ты сама еще не знаешь, что он будет значить для тебя...

Уже тогда Урсула твердо решила, что, если она установит связь с партией, то ничего не скажет об этом мужу. Это было нелегко. С самого начала совместной жизни они решили, что принципом их брака будет честность: лучше причинить спутнику жизни боль, чем лгать ему. Но тепер следование этому принципу

стало невозможным, и Урсула так ничего и не сказала мужу о том, кем на самом деле был Рихард. В течение трех лет их жизни в Шанхае Рольф не знал, что их квартира использовалась для нелегальных встреч (Зорге провел их более 80-ти), что в шкафах

хранятся секретные материалы. Ее друзей он считал коммерсантами, и в его присутствии она общалась с ними, как с коммерсантами. Она ни о чем не говорила с мужем, не рассказывала ему о партийных друзьях, о работе. Рихард был удивлен, когда она рассказала ему об этом: вероятно, у него было другое впечатление.

«Я принимала участие в движении Сопротивления, – вспоминала позже Урсула, – а спутник моей жизни отговаривал меня от этой борьбы и устранился от нее».

Хотя, к чести Рольфа, нужно сказать, что вел он себя сдержанно, смирился с частым отсутствием жены и сложными обстоятельствами, надеясь сохранить семью. Но, наверное, именно тогда в их отношениях и возникла та трещина, которая позже привела к разрыву.

Новые друзья

Некоторые члены группы Рихарда Зорге стали близкими друзьями Урсулы. Двух китайцев – подвижного, темпераментного Хана и медлительного, основательного Венга – Рольф знал как учителей китайского языка своей жены. Она же, в свою очередь, учила их немецкому и английскому. Оба китайца работали в

Государственном институте социально-экономических проблем и могли передать Урсуле такую информацию, какую иностранцам было не так-то легко заполучить. Но они не только обучали ее китайскому языку и снабжали теоретической информацией. С Ханом она ездила в Нанкин, где побывала на хлопчатобумажной фабрике «Лишин». От увиденного она пришла в ужас, впервые столкнувшись с таким уровнем эксплуатации. Это была живая иллюстрация к Марксу.

На фабрике работало две тысячи человек, из них полторы тысячи женщин и около двухсот детей, начиная от десяти лет. Все они трудились в ужасающих условиях, в жаре и духоте, при непрерывном

грохоте, по 12 часов в день. Единственным <послаблением> женщинам и детям был лишь небольшой перерыв в течение рабочего дня. Зарплата, в переводе на немецкие деньги – от 8 до 12 марок в месяц. Жили рабочие в фабричных домиках. Жилье одной семьи, насчитывавшей пять человек, составляла пустая комната, где можно было поставить две кровати, и за это <жилище> надо было платить полторы марки в месяц. Дети в этой семье работали на фабрике, начиная с десяти лет – первые полгода бесплатно, затем получая 15-20 пфеннигов в день. Выходных не предусматривалось, в месяц бывало два-три свободных дня – по техническим причинам. Впрочем, люди, имевшие даже такую работу, считали себя счастливыми. В соломенных хижинах вне городской черты нашли себе приют безработные. В городе из 48 шелковых фабрик работали только четыре...

Профессор Янг, преподаватель университета, и его супруга также помогали Урсуле. Как и брат Юрген, профессор Янг обладал неиссякаемым запасом остроумия и шуток. Янг был худ и мал ростом, походил скорее на хрупкого юношу, чем на профессора. У его жены было интеллигентное красивое лицо, ямочки на щеках и белоснежные зубы. Она активно принимала участие в политической работе и обладала организаторским талантом. Вскоре с ними познакомился и Рольф. Янг был видным ученым, и общение с ним было абсолютно безопасным – он считался китайцем «из хорошего общества». Когда у них стал бывать Янг, начала чаще появляться и Агнес – она заходила поговорить, так как профессор был полезен ей в ее журналистской работе. Входила в круг ее новых знакомых, соратников Зорге, и интеллигентная молодая китаянка, увековеченная в образе Ма-Ин в книге «Необычная девушка», которую Урсула написала много позже. Она тоже была из «высшего общества» – ее отец был гоминдановский

генерал. Правда, он выгнал дочь из дому за то, что та осмелилась выйти замуж по своему выбору. Ее муж был болен болезнью легких, и Урсула, по просьбе Зорге, сняла для него бунгало в горах и навещала его там.

Кроме китайцев, в ближайшее окружение Зорге входили и европейцы – в основном, как она узнала позже, тоже советские разведчики. Это были радист Макс Христиан Клаузен, позднее работавший с ним в Японии, Йозеф Вайнгартен, тоже радист, Пауль, заместитель Зорге. Йозеф, невысокий плотный краснощекий мужчина, был женат на русской эмигрантке – ей не очень-то нравилась жизнь, которую ведет ее муж. Зорге, как и Урсула, не слишком доверяли его жене. Впрочем, добродушный Йозеф к жизни относился легко. Так же, как и Макс, он был моряком – впрочем, среди товарищей было много моряков. Эта профессия помогала выполнять курьерскую работу, обычно с нее и начинали. Если при этом человек проявлял себя с положительной стороны, его направляли на дальнейшую учебу.

Чаще всего Урсула встречалась с помощником Зорге. Иногда друзья называли его Гриша, ему это нравилось, и Урсула тоже стала звать его так. Это был поляк Григорий Стронский (настоящее имя Гирш Герцберг, родился в 1904 году, в польском городе Лодзь. По специальности инженер-электрик), обладатель на редкость эффектной внешности. Ему было около двадцати пяти лет. Как вспоминает Урсула, «у него были темные, с залысинами на висках, вьющиеся волосы, мраморно-белый лоб, темные глаза и скуластое лицо. О себе Гриша рассказывал мало. Замкнутый и серьезный, он производил впечатление более сложной натуры, чем Макс или Йозеф»¹⁰.

Гриша работал в фотомагазине, используя его как прикрытие для своей работы фотографа группы. Как-то он попросил Рольфа

¹⁰ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. Стр.56.

заняться переоборудованием внутренних помещений – это было хорошим оправданием для его посещений дома Урсулы и Рольфа. Ловкая Урсула сумела устроить так, что формально не она познакомила Гришу с Рольфом, а Рольф представил молодого фотографа своей жене. Гриша целовал ей руку и называл ее «милостивая государыня». Вскоре появилось и еще одно оправдание их контактов. Рольф подарил Урсуле «Лейку», она занялась фотографией, а Гриша проявлял ее снимки.

Заместитель Рихарда Карл Римм был по национальности эстонцем. У него была круглая, почти лысая голова, маленькие глазки, движения большого тяжелого тела медлительны и неторопливы. Умный, спокойный и добрый, он скрывал за флегматичной внешностью твердость и страстность революционера. Несколько раз Урсула встречалась и с его женой, тоже полной и спокойной – она была по национальности латышкой. Карл владел рестораном в Шанхае.

Партийная работа оставляла очень мало свободного времени. Политика

«конкурировала» с маленьким сыном Урсулы, хотя она неоднократно говорила, что ребенок играет большую роль в ее жизни, и это было действительно так. Она никогда, по примеру других разведчиков, не расставалась со своими детьми и сумела вырастить всех троих достойными людьми, несмотря на полную тревог и опасностей жизнь.

Партийные соратники Урсулы очень любили Мишу, который рос приветливым и умным мальчиком. Агнес Смедли была свидетелем первых шагов ребенка. Супруги Янг много возились с ним. Но больше всех к Мише была привязана ее подруга Иза (Ирена Видермайер – немка, член группы Зорге).

В 1931 году Урсула впервые познакомилась с Изой. Двадцатитрехлетняя рыжеволосая девушка с голубыми глазами и белой, усыпанной веснушками кожей открыла маленькую книжную лавку, торгующую немецкой, английской и французской литературой радикального направления, которую приобретали, главным образом, китайские студенты. Она долгое время жила в Москве со своим спутником – китайцем, потом вместе с ним приехала в Китай, чтобы нелегально вести партийную работу в Шанхае. По соображениям конспирации им нельзя было жить вместе. Судьба сурово обошлась с юной женщиной. Иза оставила своего ребенка – двухлетнюю дочь – в Москве и очень по ней скучала. Потом ее муж примкнул к одной из троцкистских групп, и из-за политических разногласий они рассталась. Дочка Изы, оставшаяся в Москве, вскоре умерла от менингита.

Иза крепко подружилась с Урсулой и Рольфом, и вскоре стала ей близкой, как сестра. О партийной работе ничего не говорилось. Урсула не знала, известно ли Изе что-нибудь о группе Зорге, а Иза, в свою очередь, не спрашивала ни о чем Урсулу. Они беседовали о книжной лавке, об искусстве, Урсула помогла подруге организовать выставку работ Кетэ Кольвиц. Их частые встречи не могли никого насторожить, так как обе имели одну и ту же профессию – книготорговцы. И всегда, приходя в них, Иза просила позволения выкупать или одеть Мишу. О своем ребенке она рассказала Урсуле только тогда, когда девочка умерла.

Конспиративные встречи в доме Урсулы и Рольфа продолжали происходить достаточно регулярно.

Принося чай в комнату, где собирались ее партийные товарищи, Урсула часто видела чемоданы. Она не знала, что в них, но полагала, что там хранятся печатные и рукописные материалы. Один из

чемоданов Урсула передала товарищам — там лежали секретные документы. Но один раз, принеся чай, она застала Карла и Рихарда с револьверами в руках. Оружие лежало и в одном из чемоданов, который стоял на полу с откинутой крышкой. Они были недовольны ее появлением, а Урсула радовалась — значит, кроме бумаг, в чемоданах есть еще и оружие! До сих пор она считала свою работу слишком незначительной. Она еще не понимала до конца цену «бумажек»...

Потом чемоданы опустели, а над нашими разведчиками, по-видимому, нависла какая-то угроза. Зорге посоветовал ей приготовить чемодан со своими и Мишиными вещами — возможно, придется срочно уехать во внутренние районы страны и искать там убежище у товарищей. Она радовалась, что кормит ребенка грудью, потому что в глубинке достать детское питание было невозможно. Ребенку тогда было около шести месяцев. Урсула не решалась отлучаться из дома, чтобы не пропустить телефонный звонок, означающий бегство. А Рольф по-прежнему ничего не знал...

К счастью, отъезд не состоялся, чемоданы снова наполнили бумагами, возобновились конспиративные встречи. Однако с этих пор Урсула поняла, что беда может разразиться в любой момент и всегда держала наготове упакованный чемодан, в любую минуту готовая к вынужденному отъезду.

Потом встречи вновь прервались, когда Зорге попросил Урсулу спрятать в своем доме китайского коммуниста, которому грозила смертельная опасность. Этого нельзя было сделать без ведома Рольфа, и произошло то, чего она опасалась — он снова ответил: нет. Опасность, угрожающая жене и сыну, слишком велика.

-Ты понимаешь, что твой отказ может стоить ему жизни? – воскликнула Урсула. – Если так случится, я не смогу тебе этого простить.

В конечном счете, Рольф согласился, но с этого момента трещина в их отношениях стала расти. Китайский товарищ жил у них в доме две недели, и после его ухода дом Рольфа и Урсулы был временно закрыт для друзей из-за опасности быть рассекреченным.

Зорге дважды давал Урсуле рукописи для перепечатки. Первый материал был посвящен состоянию внутреннего рынка страны, а второй представлял собой

развернутую характеристику экономического положения Китая. Составил ее

представитель Коминтерна Лайош Мадьяр, венгр, хорошо знавший немецкий язык. Тогда же Урсула познакомилась с японским писателем и журналистом, ближайшим соратником Рихарда Зорге Ходзуми Одзаки. Совместная нелегальная работа сблизила их. Одзаки часто показывал Урсуле фотографии своей маленькой дочери, он всегда носил их с собой. Через много лет Урсула снова услышала это имя и увидела знакомое лицо на газетной фотографии – в день, когда она узнала о казни Одзаки.

Хотя в Китае и было сложно жить, бытовые условия оставляли желать лучшего, Урсула чувствовала, что ее связи с этой страной крепнут. Она предложила Юргену приехать в Китай навестить ее. Урсула заманивала брата неизученностью страны, доказывала, что знакомство с Азией расширяет кругозор и гораздо полезней, чем исследование Америки.

Кругозор кругозором, а на здоровье китайский климат влиял не лучшим образом. К лету 1931 года вес Урсулы упал до 107 фунтов (около 43 килограммов) – это при росте-то в 170 сантиметров! <Жить

в Китае – это не так-то просто, – пишет она брату. – Что бы сказала Маргарита, если бы в ее квартире по стенам ползали рыжие жирные сороконожки 15-сантиметровой величины. Если одна из этих тварей прикоснется к телу, то на много месяцев, иногда целый год на теле остается гнойный ожог. Они неистребимы, эти твари. Рольф убивает их молотком. Миша от них совсем теряет голову. Муравьи здесь также вчетверо крупнее, чем в Германии».

Летом Урсула и Рольф уехали к морю в Пантайхо – чудесный уголок, окаймленный цепью гор и морем. После отдыха они снова вернулись в Шанхай, к своим друзьям. Неутомимый профессор Янг и его жена открыли и зарегистрировали школу изучения иностранных языков, предложив Урсуле работу преподавателя немецкого. Но через три дня школу неожиданно закрыли без всяких объяснений. Оказалось, чиновники магистрата захотели взятку в тысячу долларов. Без взяток в Китае не делалось ничего. Не без юмора Урсула описывала брату местные нравы:

«Партнер Рольфа по договору, занимающийся строительством, как-то рассказал об одном европейском детективе, который должен был «выявить» запрещенные опиумные притоны. В Шанхае их 36, и к своему дню рождения этот детектив получил от каждого притона по 30 тысяч шанхайских долларов в качестве подарка... »

После Рождества 1931 года тема была продолжена: «Гигантский сахарный торт в форме башни, 16 фунтов ветчины, два живых индюка, одиннадцать фунтов сахара, четыре фунта высокосортного чая, великолепно сделанная корзина, набитая бутылками с вином, виски, ликерами. Все это прислал компаньон Рольфа, китайский подрядчик по строительству, в качестве подарков. Другой предприниматель, с которым Рольф почти не имел дела, подарил нам чек на 100 долларов,

выписанный на магазин «Винг-Он» – крупнейший в Шанхае. Брать такие подарки в Китае считается само собой разумеющимся».

А в то же время 15-летняя дочь Мишиной няньки теребила шерсть в мастерской за 10 центов в день. Этот «скромный» подарок был равен ее трехлетнему заработку...

Невзирая на строгие правила конспирации, иногда советские разведчики позволяли себе собраться вместе на вечеринку или вылазку за город. Впрочем, особого риска здесь не было – большинство европейцев в Шанхае были знакомы друг с другом. В январе 1932 года в номере одного отеля произошла такая «неконспиративная» встреча. Присутствовали Отто Браун, его подруга, Гриша, Рихард. Хозяином был незнакомый Урсуле человек по имени Фред. Встреча получилась неформальной и веселой, с демонстрацией гимнастических упражнений и пением.

Через два дня Рихард попросил Урсулу отнести Фреду пакет. Она выполнила поручение. Фред долго расспрашивал Урсулу о ее жизни. Сама не зная почему, она вдруг начала рассказывать этому малознакомому человеку о своем конфликте с Рольфом. Не следует ли им разойтись ради интересов дела? Какой совет она получила, Урсула не помнила, зато запомнила самого Фреда. Много лет спустя она узнала его по фотографии как «героя Мадрида» – это был Манфред Стерн, знаменитый генерал Клебер, герой Мадридского фронта, а в то время главный военный советник при ЦК коммунистической партии Китая.

Иногда они выезжали на природу. Одной из самых замечательных поездок было

трехдневное путешествие с Агнес, Артуром Эвертом, его женой Сабо и подругой Отто Брауна. Урсула уже встречалась с Артуром и

Сабо, но как следует познакомились они только теперь. Сабо прекрасно готовила еду в маленькой печурке на их лодке. Это была очаровательная пара, как вспоминала она, «неразлучная на всю жизнь».

Экскурсии по стране продолжались. Казалось, ничто уже не могло удивить привыкшую к картинам самой ужасающей нищеты Урсулу. Однако она продолжала поражаться. В одной из таких вылазок, куда ее пригласили друзья – поехали Рихард, Карл, Гриша, Йозеф и Макс – они посетили промышленный квартал Потунг. Урсула пишет: <Мы были в районе глиняных хижин, где живут нищие, кули и безработные. Хижина – это звучит слишком громко для этих нор. Они сколочены из ржавой жести, в них нет ни окон, ни пола. Маленькая печка для приготовления еды находится во дворе. Взрослые ходят почти нагишом, лишь тряпки прикрывают тело. Некоторым семьям повезло – их дети нашли работу на находящейся поблизости фабрике. Заработок детей – 6 долларов в месяц. Эти хижины – собственность обитателей, но они должны платить 2 доллара ежемесячно за землю, на которой стоит их <дом>. Самое удивительное, что эти люди еще живы...» А по соседству, как вызов, дом с красивым садом, принадлежащий богачу, бывшему надсмотрщику в артели кули...

Война

Но все ужасы мирной жизни вскоре померкли перед ужасами войны. В сентябре 1931-го Япония напала на Манчжурию. Предлог для нападения был до смешного прост, все обошлось даже без приграничной провокации – просто-напросто перенаселенная Япония нуждалась в жизненном пространстве. Это была самая обычная колонизация. Китайское правительство практически не сопротивлялось, войска были заняты борьбой с коммунистами

<красных> провинций. Однако простые китайцы все были настроены против японцев.

Южная Манчжурия была оккупирована. Европейские державы мягко пожурили агрессора, один Советский Союз отреагировал жестко, усилив вооруженное присутствие на Дальнем Востоке. Тогда японцы изменили свои планы и в конце января 1932 года напали на Шанхай. Несколько недель солдаты 19-й китайской армии сражались с захватчиками. Однако Чан Кайши, бросив их на произвол судьбы, подписал перемирие с японцами. Японцы предъявили ультиматум мэру Шанхая и, спустя два часа после того, как он был полностью и безоговорочно принят, открыли огонь по городу...

Европейцы и во время войны жили в безопасности — их поселения не обстреливались, японские солдаты не появлялись на улицах сэттльмента. Жители привилегированных кварталов с крыш в бинокли и подзорные трубы наблюдали за ходом битвы. С крыши дома Урсулы было видно, как горят город, вокзалы, здание газеты... Китайский квартал был объят пламенем, по улицам, спасаясь, шли тысячные потоки людей. Дома переполнены беженцами. Родственники слуг Рольфа и Урсулы, спасаясь, пришли к ним. Хозяева пустили бесприютных людей и... получили упрек от английской компании, которой принадлежал дом: согласно договору, дома не могли сдаваться китайцам. Впрочем, мнение англичан по поводу ее действий Урсулу не интересовало. Более весомым был упрек Зорге, который сказал, что стремление оказать помощь слугам бросается в глаза. Прочие иностранцы вели себя совсем по-другому...

Возможно, именно эти события послужили переломными в жизни Рольфа и способствовали тому, что он стал коммунистом и советским разведчиком. В январе 1922 года он пишет родителям: «Все это заставляет сжиматься сердце. Напасть на слабую страну, отнять у

бедных грабежом и разбоем последнее – тревожный и возмутительный факт... отношение иностранцев к происходящему возмутительно. Общество, симпатизирующее тем, от кого оно ожидает наибольшего барыша, и продающее тех, кому оно обязано своим благополучием, заслуживает презрения... »¹¹

Рихарда интересовало положение дел в китайском квартале, в японском квартале Хонкен, настроение населения, поведение европейцев, моральное состояние армии. Урсула бесстрашно выполняла его поручения. В поисках арестованного друга-китайца она отправилась в японский квартал, где он жил. Там она застала типичную картину воюющего города – вымершие улицы, трупы, проезжающие время от времени тяжелые машины. Единственный документ, оправдывающий ее присутствие там – визитная карточка Ходзуми Одзаки. Впрочем, все посты пропускали европейскую женщину без лишних вопросов. Затем пропали еще двое знакомых китайцев, которых она тоже разыскивала. На поиски Урсула ходила еще с одной женщиной. Она не упоминает, с кем – скорее всего, это была Агнес или Иза. Даже Зорге признал, что для этой миссии лучше всего подходят европейские женщины.

Иностранные поселения находились, все-таки, в безопасности, и семье Урсулы пришлось потесниться. Они жили в одной комнате, остальные были заняты беженцами. Стрельба не прекращалась. «К стрельбе так привыкли, что не обращаем на нее внимания», – писала Урсула. Трудней было привыкнуть к бедствиям местного населения. 600 тысяч беженцев из китайских кварталов разбрелись по всему городу. Фабрики остановились, нищета достигла немыслимых

¹¹ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. Стр.70.

размеров. На границах селтльмента европейских волонтеров заменили регулярные войска – охранять европейское поселение от китайцев.

Через некоторое время представилась возможность установить контакт с 19-й

китайской армией, Урсула и Зорге в сопровождении Хана дважды посетили

госпиталь, где лежали раненые солдаты. Прикрытием их визитов служила

благотворительность. Урсула расспрашивала солдат об их настроениях, о том, что побудило их вступить в армию, попутно выясняя факты, касающиеся японской армии в Шанхае... Все сведения она передавала Зорге. Большую помощь в сборе информации оказал Гельмут Войдт, имевший связи с представителями китайских деловых кругов и нанкинским правительством. Война вызвала в его сознании подлинный переворот.

– Я считаю, Гельмута надо привлекать к работе, – заявила Урсула Зорге.

Рихард согласился с ней, оценив масштаб той пользы, которую он мог принести. И только потом, волнуясь и заранее не зная, каков будет ответ, Урсула переговорила с Гельмутом.

– Речь идет о поддержке китайских коммунистов, – запинаясь, объяснила она. Больше сказать она не имела права. При положительном ответе остальную информацию должен был передать Зорге.

– Я готов сотрудничать, – сказал доктор Войдт.

Рихард и Гельмут, которому присвоили псевдоним «Коммерсант», работали вместе долгое время. Зорге произвел огромное впечатление на Гельмута, возможно, это обстоятельство послужило стимулом для его вступления в ряды партии. Однако в

дальнейшем, как вспоминала Урсула, он отошел от их работы, хотя врагом коммунистов не стал. В последний раз Урсула видела его в мае 1936 года.

В апреле 1932 года положение иностранцев в Шанхае более-менее нормализовалось. Однако условия проживания по-прежнему оставались ужасными, повсюду были сожженные дома, руины, количество убитых и количество безработных нищих было одинаковым. От этого кошмара можно было спастись, только уехав. Поэтому в любое свободное время Урсула и ее друзья выбирались во внутренние районы Китая, которые начинались для них сразу за пределами Шанхая. Пасху они отметили в буддийском монастыре. Монахи открыто общались с гостями. Они все время спрашивали Урсулу, откуда она знает китайский язык — для них непостижимо было, как вообще женщина может знать что-то лучше мужчины. Впрочем, Рольф поднял свой авторитет, нарисовав пару портретов, для которых ему позировали монахи, и сделав набросок храма.

Летом 1932 года Урсула и Агнес поехали в Гуйлинь, расположенный в провинции Шанси на высоте тысяча двести метров над уровнем моря. Поначалу с ними должна была поехать Сун Цин-лин, вдова президента Китая Сунь Ят-сена, сторонница сотрудничества с Советским Союзом. Ее сестра была замужем за самим Чан Кай-ши, а брат был министром финансов его правительства. Из-за этого Рихард очень не хотел, чтобы Урсула появлялась в обществе Сун Цин-лин, и последняя не поехала в Гуйлинь, как планировалось. Кстати, поездка совместила приятное с полезным. Местные красоты практичная Урсула примеряла к нуждам Красной Армии.

Время расставаний

Внезапно и без видимых причин прервалась дружба с Агнес. Поводом послужило всего лишь резкое – впрочем, совершенно справедливое – замечание Урсулы за обеденным столом. Два их товарища, супруги Ноленс-Руг (представители отдела международных связей Коминтерна Яков Рудник и его жена) были арестованы, им грозила смертная казнь. У них остался пятилетний сын, которого Агнес очень любила и засыпала подарками. Урсуле это не нравилось, она считала, что ребенка нельзя воспитывать как изнеженного принца, особенно мальчика. Она предложила взять ребенка к себе. Но Зорге был против – это могло помешать нелегальной работе, и от затеи пришлось отказаться.

Когда они были в Гуйлине, им стало известно, что Ноленс-Руг объявили голодовку. За обедом Агнес заявила, что тоже не притронется к еде.

– Этим ты им не поможешь, – заметила Урсула.

Может быть, это прозвучало слишком резко, потому что, вернувшись с прогулки, она не нашла Агнес, зато обнаружила ее прощальное письмо. Подруга вернулась в Шанхай, на прощание обвинив Урсулу в излишнем эгоизме – она-де слишком заботится о своем личном счастье, о своей семье, и вообще она не тот человек, каким должен быть революционер.

Прощальное письмо жестоко обидело Урсулу, а внезапный разрыв столь тесной дружбы стал для нее тяжелым ударом. Она не могла понять, отчего все произошло, почему у подруги сложилось такое мнение о ней? Потому что она любила жизнь, любила своего ребенка? Она не скрывала от Агнес, что хочет иметь еще детей, и как-то та со вздохом заметила: «Я принесла моих детей в жертву борьбе».

Через полтора месяца Урсула тоже вернулась в Шанхай. Зорге, узнав о разногласиях между ней и Агнес, отреагировал на просьбу Урсулы помирить их однозначно и по-мужски:

– Все это женские размолвки и меня не касается. Миритесь сами.

Пожалуй, он был прав. Урсула еще встречалась с Агнес в Шанхае, не встречаться было невозможно, американка даже приходила к ним в гости, но прежние отношения не возобновлялись. Она чувствовала, что мнение Агнес о ней остается прежним. Но больше всего ее беспокоило не это. А вдруг так же думает и Рихард? «Если и он утратит доверие ко мне, я не знаю, что со мной станет,» – думала она. Она с еще большим нетерпением ожидала каждой встречи, не зная, что приближается разлука – навсегда.

В середине декабря 1932 года Урсулу ожидал новый удар. Как-то раз ей позвонил Гриша и сказал, что во второй половине дня она должна прийти к нему домой. Зорге хочет поговорить с ней. Урсула знала – должен быть второй звонок, уточняющий. Но Гриша не позвонил, и молодая женщина решила, что все сорвалось. Жалко, но что ж поделаешь...

В этот вечер у них с Рольфом были гости, пришло много народу, но вечер не удался: все были скучны и неразговорчивы. В разгар этого грустного празднества, когда хозяева пытались расшевелить гостей, неожиданно зазвонил телефон. Урсула извинилась, встала из-за стола и вышла в узкую прихожую, отделенную от жилой комнаты расписной бамбуковой занавеской. Телефон стоял на столе в нише. За спиной Урсулы гудели голоса, позвякивала посуда.

Она сняла трубку.

– Алло?

– Я ждал тебя два часа, – раздался голос Рихарда. – Потом я звонил, но никого не было. Ты выходила?

– Да.

– Хорошо. Я хочу попрощаться с тобой.

Урсула без сил опустилась на стул, дыхание перехватило, на мгновение она

потеряла дар речи. Что это может значить?

– Ты слушаешь?

– Да... Да, – выдавила она.

– Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для нас сделала, – его голос потеплел. – Тебе еще многое предстоит сделать, Урсула. Обещай мне, что будешь всегда аккуратной и внимательной, держи ушки на макушке и не грусти. Всего хорошего тебе. Прощай.

Урсула слышала короткие гудки в трубке. Все? Больше он не придет? Не будет разговоров, шуток, она больше не услышит его смех? Рядом с ней как будто бы образовалась пустота, и только теперь Урсула поняла, как же был дорог ей этот человек. Он всегда был рядом, и вдруг...

Позднее ее тоже записали в «амурный список» легендарного разведчика. Но это не соответствует действительности, хотя сама Урсула впоследствии признавалась в том, что она очень любила Зорге. «Меня потом много раз спрашивали, не спала ли я с ним. Я даже ни разу его не поцеловала! Да и быть того просто не могло – я только что вышла замуж, родила ребенка»¹². Но никогда, за всю ее жизнь, не было на стене ее дома другой мужской фотографии, кроме фото Рихарда Зорге.

Но надо было взять себя в руки – гости не должны ничего заметить. Она вздохнула, собралась с силами, улыбнулась и вошла в

¹² Рудольф Колчанов. Она всю жизнь любила Рихарда Зорге. Труд-7, 7 марта 2001г.

комнату – никто ничего не заподозрил. Может быть, только Рольф понял, что случилось что-то не то...

Конец расстройств не предвиделось. Сорвалась долгожданная поездка в Берлин, куда Урсула с семьей хотела выбраться в отпуск. Но весной 1933 года из Германии пришли страшные вести – к власти пришли нацисты. В Шанхае на здании немецкого консульства развевался флаг с уродливой свастикой. Среди членов немецкой колонии тут же обозначились нацисты, которые внимательно присматривались к своим соотечественникам. Репутация Рольфа в политическом смысле была безупречна, что же касается Урсулы – то, даже если оставить в стороне ее национальность, снова всплыли слухи о ее принадлежности к германской компартии.

Каждый день в город приезжали немецкие безработные, и Урсула радовалась, что ее муж работает в английской фирме, и пока им бояться нечего. Теперь она лелеяла другую мечту – пригласить сюда всех своих родственников из Берлина. Красота экзотической страны захватила ее. Еще несколько лет, проведенных здесь, – и Урсула не захочет покинуть Китай, она была в этом больше, чем уверена. Однако уехать пришлось, и скорее, чем она думала...

Глава 4

В РАЗВЕДШКОЛЕ

Должно быть, это Зорге, вернувшись в Советский Союз, переговорил с Центром об Урсуле. И в один прекрасный день Карл и Гриша зашли к ней домой. Разговор шел о ее будущем.

– Урсула, готова ли ты на полгода или, может быть, на более длительный срок поехать в Москву на учебу? – задали они вопрос, ради которого пришли. Положительный ответ на это предложение в

корне менял жизнь Урсулы. Если она ответит «да», это будет означать переход от <добровольной помощи> советской разведке к профессиональной разведработе. С этого момента она переставала принадлежать себе. Не было никакой гарантии, что она вернется в Шанхай – ей предстояло работать там, куда ее пошлют. Кроме того, согласие означало, что на весь период учебы ей предстоит разлука с сыном. Ребенок не должен был знать русского языка, который он непременно освоил бы за полгода в Союзе. От нее требовалось немедленное решение – и она, не раздумывая, согласилась.

Впрочем, у Урсулы не возникало даже и мысли о том, чтобы оставить нелегальную работу и зажить <нормальной> жизнью. А учеба помогла бы ей еще лучше делать то, чем она уже и так занималась. На ее решение повлияли также и военные действия Японии против Китая, свидетельницей которых она постоянно была. Она также знала, да и товарищи все время повторяли, что <Гитлер – это война>, и все прекрасно понимали, против кого в однажды обратятся оба агрессора. Это было решение ее личной судьбы – но принимала она его, исходя из международного положения. Такое было время, и так поступала не она одна.

Итак, Урсула согласилась, но в душе у нее царило смятение. Поездка в Москву означала разлуку с мужем – может быть, навсегда. Впрочем, в то время их семейная жизнь уже дала трещину. Но с ребенком она еще не расставалась ни разу в жизни. Тем более что Урсула не знала, куда пристроить Мишу. Ее родители не могли забрать его к себе – было бы безумием отправлять еврейского ребенка в нацистскую Германию. В их доме на Шлахтензее не раз делали обыск, отец уже тайно покинул Германию, собиралась эмигрировать вместе с остальными детьми и мать. Мальчика согласились взять родители Рольфа, которые жили в маленьком домике на

чехословацкой стороне Ризенгебирге, неподалеку от германской границы. Они не задавали лишних вопросов, почему Урсула так поступает. Достаточно было сказать, что Мише необходима перемена климата и что так вместе с ней считает и Рольф. Впрочем, для иностранцев в Китае было обычным делом посылать своих жен и детей в период отпусков на родину.

С тяжелым сердцем уезжала Урсула из страны. Ее товарищи оставались в смертельной опасности.

Путешествие началось на борту норвежского грузовоза, который должен был доставить Урсулу с ребенком во Владивосток. Гриша привез их в порт. Необходимо было еще избежать опасной встречи с известным всем шпиком по имени Бернхард. Поэтому они решили, что чемодан с почтой Гриша провезет отдельно, на джонке, под покровом темноты.

Корабль стоял в некотором отдалении от причала. Перебравшись на борт,

Урсула еще долго сидела на палубе, пока не услышала в темноте тихий оклик

Гриши. Вдвоем они затащили на борт по корабельной лестнице тяжелый чемодан с почтой — он несколько лет стоял в боксе спальни Урсулы и Рольфа. Она в последний раз взглянула на Гришу и проводила его до джонки.

На корабле Урсулу с сыном приняли не слишком дружелюбно. Грузовоз обычно

пассажиров не перевозит, и помощнику капитана пришлось уступить нежданым пассажирам свою каюту. Команда сторонилась их. Урсула с сыном жила изолированно, даже еду им подавали отдельно. Но молодая мать не обращала на это внимания. Не так уж часто ей удавалось целиком посвятить несколько дней ребенку, и она

вся была сосредоточена на Мише, а мальчик радовался тому, что у мамы так много свободного времени. Почти все время они проводили на палубе, наслаждаясь прекрасной погодой, запахом леса, которым был нагружен корабль. Она рассказывала ребенку выдуманные истории, которыми он упивался, читала ему книжку с картинками. Они рассматривали канарейку, которая жила на палубе в клетке. Постепенно тяжелое настроение уходило, а на смену ему приходили страсть к приключениям и жгучий интерес к новой жизни, неизвестным поворотам судьбы. И все же, когда она думала о разлуке с ребенком, внутри у нее все сжималось. Утешала только мысль о том, что малыш будет жить у любящей бабушки, в здоровом горном климате.

Гриша предупредил, что во Владивостоке ее встретят. Однако, когда они сошли на берег, никто к ним не подошел. Сгрузили багаж, советские таможенники попытались осмотреть содержимое чемоданов. Этого нельзя было допустить, даже на территории Советского союза никто не должен был видеть почту. Таможни, пусть даже и советской, следовало избегать.

– Я еду транзитом, – заявила Урсула.

– В таком случае мы должны опечатать ваши чемоданы, – был ответ.

– Ну что ж, должны – так опечатывайте!

И вот Урсула сидела в порту на опечатанных чемоданах, не зная ни слова по-русски, и ждала, отказываясь от предложений доставить ее в гостиницу или на железнодорожную станции. Сама она дальше ехать не могла – не знала адресов ни в Москве, ни во Владивостоке. Оставалась только ждать и надеяться. Жара, раскаленный булыжник...

Прошел уже целый час, а никто так и не пришел за ними. Миша просил пить. Урсула, не любившая ждать, теряла терпение.

Она заметила, что огромный рыжебородый лоцман не спускает с них глаз. Наконец он подошел и заговорил по-английски.

– За мной должны прийти, – раздраженно отмахнулась Урсула от ненужного ей внимания со стороны. Уловив нетерпеливые нотки в голосе молодой женщины, лоцман положил ей руку на плечо:

– Посмотрите на небо, видите, как высоко вошло солнце и как далеки звезды. По сравнению с вечностью два часа – это мгновение.

Это довольно банальное рассуждение оказалось как раз тем, что нужно было в этот момент Урсуле. Она успокоилась. А вскоре пришел и тот, кого она ждала – морской офицер с золотыми галунами на рукаве. Он доставил семейство к другому офицеру, у которого была дочь, чуть помладше Миши. Оставив сына, Урсула поехала осматривать город. Несмотря на досадную задержку в порту, первое общение с советскими гражданами оставило у Урсулы самые теплые впечатления.

Уезжая, на вокзале она получила следующие инструкции:

– Вы поедете через Москву в Прагу, а затем в приграничную турбазу в горах. В Москве вас встретят и заберут чемоданы. Ни о чем не беспокойтесь.

По крайней мере, в ближайшие девять дней беспокоиться ей и не пришлось. Именно столько она добиралась на поезде из Владивостока в Москву. В первый вечер Миша не хотел спать и все время смотрел в окно, а Урсула все думала о том, как тяжело ей будет расставаться с сыном.

Мальчик скоро стал общим любимцем всего вагона. Пассажиры заботились о нем и баловали его. Урсулу бесконечно восхищала любовь русских к детям. Все же она с тревогой думала, как его

желудок перенесет то сочетание сладостей и соленых огурцов, которыми пассажиры закармливали мальчика. Она вспоминала свой первый переезд на Дальний Восток по этой же дороге – с Рольфом. Сколько событий произошло за эти годы!

Однако в Москве ее опять никто не встречал. К счастью, в поезде она познакомилась с одной немецкой коммунисткой, которая, уже хорошо зная русских, дала ей адрес своей подруги из Гамбурга, жившей в Москве. После долгого и бесплодного ожидания на вокзале, Урсула взяла извозчика и отправилась по этому адресу. Она рассказала хозяйке какую-то вымышленную историю о себе. Впрочем, та не вдавалась в подробности, а просто взяла на хранение чемоданы, сказав, что Урсула может забрать их тогда, когда сочтет нужным. Через несколько дней они с Мишей уехали в Чехословакию.

Родители Рольфа встретили ее с распростертыми объятиями. После первых радостных приветствий она огорошила их новостью, которую она придумала по дороге, чтобы оправдать свое поведение – они с Рольфом думают переселиться в Советский Союз.

– Но почему именно туда? – недоумевали бабушка с дедушкой. План им явно не очень-то нравился.

– О том, чтобы жить в Германии, все равно не может быть и речи, а в Союзе нужны архитекторы. Я тоже не останусь без работы – буду изучать русский язык и преподавать английский. Я уже договорилась с одной школой...

То, что она говорила, было неправдой только отчасти. Рольф настолько продвинулся в своих политических взглядах, что супруги всерьез обсуждали возможность жить в Советском Союзе. Впрочем, что бы ни думали родители мужа об их планах, они, как всегда, отнеслись к Урсуле дружелюбно и предупредительно и охотно оставили у себя любимого внука. Повидаться с ними приехала из

Германии и мать. Урсула была счастлива видеть ее и, особенно, похвастаться ребенком. Однако бабушка, жившая в Германии, ничему уже не могла радоваться.

Прощание было очень тяжелым. Урсула не знала, когда вновь увидит сына. Миша тоже чувствовал, что расстается с матерью надолго.

– Мамочка, останься, прошу, прошу тебя остаться, – жалобно плакал он.

Школа

На этот раз в Москве на вокзале Урсулу встречал товарищ, который отвез ее в гостиницу <Новомосковская>, на набережной Москвы-реки. Туда же привезли и ее чемоданы. Общительная женщина не теряла времени даром. Она сразу познакомилась и подружилась с рабочими из Гамбурга, которые приехали в Советский Союз в порядке международной помощи, когда стало известно, что первой в мире стране социализма требуются квалифицированные специалисты. Жену одного из них звали Лизой. Они с мужем оба работали на меховой фабрике, жили в Сокольниках, в старом деревянном домишке. Другие дома на улице были такими же старыми, мостовая не была замощена. Но в доме было тепло и уютно, дети хозяев напоминали ей об оставленном ребенке, тем более что мальчик был ровесником Миши. Урсула часто навещала новых друзей, которые были рады ей от всей души.

Вскоре ее привезли в дом на Арбате, где тогда находился Разведупр. С ней говорили два офицера.

– Как вы себя чувствуете? Все ли вам нравится? – интересовались они.

Урсула чувствовала себя отлично, если не считать тоски по сыну. Но об этом она молчала. Настоящая коммунистка должна быть твердой и не поддаваться слабостям.

Офицеры называли Урсулу Соней. Сначала она несколько удивилась, а потом

обрадовалась, узнав, что этот псевдоним выбрал для нее Рихард. На сердце сразу потеплело. Она вспомнила популярную в шанхайских кафе песенку: «Когда Соня отплясывает русского, в нее нельзя не влюбиться. Нет более красивой женщины, чем она. В ее крови Волга, водка, Кавказ. Даже Владимир от нее без ума, отставляет в сторону стакан с водкой, лишь бы видеть Соню... » Имя прозвучало как еще один, последний привет от него.

Урсула хотела сразу же заняться учебой, но ей предложили отдохнуть. Она

отправилась на четыре недели в дом отдыха на Черное море. Это означало, что она увидит сына на месяц позже, но отдохнуть очень хотелось.

По сравнению с Дальним Востоком черноморские курорты были недалеко от Москвы – поездка длились три или четыре дня. Урсула наслаждалась морем, жарким и сухим климатом, столь отличным от китайского. Много общалась с русскими, которые сразу ей понравились. В Одесском доме отдыха, кроме Сони, немцев не было. Но неожиданно приехали Макс (Клаузен) и Франц (Вайнгартен), которые вместе с женами осели в Москве – впрочем, в Одессу они приехали без жен. Урсула подружилась и с болгарским товарищем, в прошлом сотрудником Димитрова, а теперь – военным служащим Красной Армии. С ним она ходила гулять. Они познакомились с достопримечательностями города, посетили болгарское поселение.

Впервые она увидела знаменитую одесскую лестницу, которая стала известна всему миру по фильму «Броненосец «Потемкин».

Урсула вернулась в Москву. Занятия еще не начались, и она по-прежнему жила в гостинице. Как-то раз, поднимаясь в свой номер, в лифте она задумчиво следила за движением лампочки, обозначающей этажи – и вдруг кто-то тронул ее за плечо. Она обернулась:

– Агнес! Это ты? Откуда ты здесь?

Да, это, действительно, оказалась Агнес Смедли, с которой так нехорошо они расстались в Шанхае. Американка тоже не знала, что Урсула в Москве, встреча была действительно случайной. Они обнялись, и все обиды тут же были забыты. Агнес приехала в Москву для того, чтобы опубликовать свою книгу, в которой она резко выступала против Чан Кай-ши и его партии. Ее присутствия потребовали внезапные трудности. В то время СССР выступал за единый фронт всех антияпонских сил, и кое-кто считал, что не стоит публиковать книгу, столь резко направленную против Чан Кай-ши. Как и в прежние времена, молодые женщины прекрасно дополняли друг друга. Они часто встречались, и жизнь Урсулы, благодаря Агнес, хорошо знавшей Москву, стала значительно богаче. А вскоре начались и занятия.

Школа, в которой училась Урсула, размещалась в большом здании из красного кирпича на одно из дальних московских окраин – до центра приходилось долго добираться на автобусе, мимо Ленинских гор и парка Горького. Ворота охранял часовой. В этом здании они учились и жили.

Еще в 1932 году в Москве на Ленинских горах, в селе Воробьево, было создано подразделение под открытым названием «Отдельная радиолaborатория Народного Комиссариата Обороны

(ОРЛ НКО). Неофициально лаборатория имела более простое название «Воробьевка». Это подразделение размещалось в новом трехэтажном здании, которое находилось в окружении больших вишневых садов (сейчас там ровное место). В последующие годы оно было расширено и преобразовано, получало другие наименования и размещалось уже в других местах. По нынешним меркам здание это было небольшим, но тогда оно полностью удовлетворяло своему назначению. Над частью здания находился куполообразный четвертый этаж, «оборудованный» для размещения прямопередающей радиоаппаратуры ОРЛ. Слово «оборудованный» взято в кавычки, потому что, кроме проходящих через стены изоляторов для ввода приемных и передающих антенн, другого технического оборудования это помещение не имело. На станции были установлены два радиопередатчика. Один мощностью около 500 вт, второй – не более 250 вт. В качестве приемной аппаратуры использовался один радиоприемник фирмы «Телефункен». Это было все техническое оснащение центра.

Урсула училась на радистку. В группе были, вместе с ней, немецкая коммунистка Герта, умная, очаровательная француженка Кэт, немецкий моряк Лутц, чех Марек, грек Нико. Позже к группе присоединилась еще одна француженка Герта. Всем им было по двадцать – двадцать пять лет. Соседкой Урсулы по комнате была немка Герта, с которой они неплохо уживались вместе – но и только. Особой близости между ними не возникало. Герта страдала отсутствием аппетита и страшно боялась холода. Урсуле она казалась не совсем здоровой. К тому же Герта, которая была очень мила, тщательно следила за собой. Урсула еще сохранила взгляды времен своей комсомольской молодости – в те времена им казалось, что

невозможно быть хорошим коммунистом и придавать какое-то особое значение одежде, губной помаде,

парфюмерии. Однако Герта так не думала, и Урсула считала ее поверхностной особой – впрочем, не лишенной чувства товарищества.

Другой близкой знакомой Урсулы была француженка Кэт – с ней отношения сохранились на долгие годы. Она была не менее очаровательна, чем Герта, но вдобавок к тому – умная, мыслящая, с ясным классовым сознанием. Кэт была небольшого роста, несколько полновата, с черными волосами, которые блестели, будто покрытые лаком. Она бегло говорила по-немецки и интенсивнее других изучала русский язык. Урсула считала, что ей не больше восемнадцати лет, хотя на самом деле Рене Марсо (таким было настоящее имя Кэт), дочь французского рабочего, родилась в 1913 году и ей было уже двадцать – или всего двадцать? Окончив школу, она отправится туда, откуда только что вернулась Урсула – в Шанхай, где станет радисткой, а потом и женой нового резидента, Якова Бронина.

Вскоре в группе появилась еще одна француженка – тоже Герта. Остальные члены группы были мужчины. Лутц, немецкий моряк, красивый парень – от поклонниц не было отбоя. Марек, рабочий из Чехословакии, был старше других – подумать только, ему было больше двадцати пяти лет! Учеба давалась ему трудно, но он был упорен и настойчив. Он работал больше других, и Урсула, которая справлялась с заданием раньше него, принималась танцевать вокруг, поддразнивая: «Образцовый ученик, образцовый ученик!» Эта дразнилка стала первыми немецкими словами, которые он выучил. Урсула почти не говорила по-русски и, тем более, по-чешски, а Марек не знал немецкого. Все ж таки, каким-то образом они ухитрялись беседовать. А грек Нико не мог объясняться вообще ни с кем,

поскольку говорил только по-гречески. Поэтому все, а особенно женщины, его немножко опекали.

Состав преподавателей тоже был интернациональный. Радиоподготовку организовывал инструктор по радиоделу Шичков, один из основоположников создания и развития Службы радиосвязи военной разведки. Он учил не только Урсулу, но и Макса Клаузена, занимался подготовкой Рихарда Зорге, так как Центр решил на всякий случай подготовить «Рамзая» и в этом направлении.

Николай Иванович Шичков родился в 1906 году во Владимирской области. В разведку попал в 1932 году, после демобилизации из Балтийского флота, где окончил военно-минную школу. До 1935 года работал радиотелеграфистом и мастером по ремонту аппаратуры в Отдельной лаборатории разведуправления, а с 1935 по 1963г. на Центральном радиоузле начальником оперативной части, а затем в центральном аппарате. Воин-интернационалист, участвовал в событиях в Китае в 1937-1941гг. участвовал в Великой отечественной войне. Уволился в запас в звании полковника. Умер в 1991 году.

Радиоделу их обучал немец, с которым у них личные отношения не налаживались. Зато помогал ему не кто иной, как ее старый друг Иозеф Вайнгартен. Вопросами жизни и быта слушателей занимался человек, которого Урсула в воспоминаниях называла Карлошем – он был старше них и с юности принимал участие в революционном движении. Постоянно занимаясь устройством чужого быта, он никак не мог наладить свой – каждый раз, как ему обещали квартиру,

кончалось тем, что он уступал ее кому-нибудь, кто в ней нуждался, по его мнению, больше, чем он. Сам же он так и жил на кухне.

Увидев Гертю, старый большевик Карлош потерял из-за нее голову. Урсула выговаривала ему в своей прямой, может быть, не совсем тактичной манере, объясняла, что в своих оценках он должен быть объективным, даже если речь идет об очень красивой женщине. Он соглашался, но поделаться с собой ничего не мог.

Урсула быстро освоилась с новой жизнью. Она с удовольствием занималась монтажом аппаратуры, показывала хорошую скорость в работе с ключом, и только теория ей не нравилась. Она собирала приемники, передатчики, переключатели постоянного тока, механизм настройки волн. Изучала русский язык, с удовольствием занималась своей любимой политучебой. Жизнь без забот и тревог, в безопасности хорошо сказалась на Урсуле. Она расцвела, ее щеки покрылись румянцем, а вес достиг небывалой ране величины – сто тридцать фунтов! (Около 52 килограмм – это при росте в 170 сантиметров!) Друзья говорили, что с нее надо писать плакаты, агитирующие за СССР. Все было бы хорошо, если бы она не скучала по Мише. Она могла писать родителям Рольфа всего раз в месяц, и так же раз в месяц, получала ответ.

Каждую субботу, после занятий, Урсула ездила в гости к Агнес, которая жила в то время в квартире уехавших друзей-журналистов. Они готовили ужин и шли гулять или болтали, сидя дома, если Агнес чувствовала себя усталой. Общение с ней наполняло жизнь Урсулы новыми впечатлениями и интересными и полезными людьми. По воскресеньям подруги ходили завтракать к Михаилу Бородину. Их связывал Китай – в двадцатые годы Бородин был советником президента Китая Сунь Ят-сена, который выступал за сотрудничество

с Советским Союзом. Бородин руководил группой политических советников, в то время как генерал Блюхер был военным советником.

Знакомство с Бородиным произвело огромное впечатление на Урсулу и надолго осталось в ее памяти. Он был большого роста, широкоплечий, говорил

басом. Его необыкновенный талант оратора, почти магическая способность захватывать своих слушателей и влиять на их сознание обеспечивали ему успех и непререкаемый авторитет: каждое его слово казалось Урсуле весомым и глубоко продуманным, каждый жест наполнялся для нее силой и значением. В то время, когда Урсула познакомилась с Бородиным, он работал главным редактором выходящего на английском языке еженедельника <Moscow News> и с большим энтузиазмом встречался с американскими журналистами, много знавшими о Китае. В том числе и поэтому беседы с ним представляли для Урсулы немалый интерес. За завтраками Бородин рассказывал о своей жизни в Китае, Агнес задавала много вопросов. Разговор все время вращался вокруг излюбленной темы – Китай и возможность создания единого фронта, оценка роли рабочего класса в отношении крестьянства, опасности из-за слишком слабого знания марксизма. Особенное впечатление слова Бородина производили на Агнес.

Иногда к завтраку собирались его сыновья, невестки и другие гости. Жена Бородина отлично готовила, и стол ломился от вкусных блюд. Как вспоминала потом Урсула: «В этот день нам уже не было необходимости обедать». Супруги бегло говорили по-английски, что существенно облегчало подругам общение с ними. Энтузиазм, с которым Урсула относилась к Советскому Союзу, вызывал в Бородине симпатию. Он организовывал молодым женщинам прогулки на пароходе и осмотра достопримечательностей.

Однажды Агнес познакомила Урсулу с венгром, Лайошем Мадьяром. Урсула передала ему рукопись о Китае, один экземпляр которого Рихард Зорге разрешил ей перепечатать. Лайош был сотрудником <Инпрекора>. С ее же помощью она познакомилась с умным темпераментным Михаилом Кольцовым, корреспондентом <Правды> – тем самым, который так прославился несколько лет спустя в Испании, и чья книга об испанской войне считалась лучшей книгой на эту тему. Также Урсула общалась с бывшим мужем Агнес – Чатто, приехавшим из Ленинграда. Был у них и еще один знакомый – китаец Лю. К Лю подруги ходили особенно часто. По пути в гости Урсула и Агнес не раз обсуждали причину большого количества гостей в этом доме.

– Уму непостижимо, сколько у Лю бывает народу, – обычно восклицала Урсула.

– Ничего удивительного, его жена обладает редким даром принимать всех так, что каждый чувствует себя, как дома, – отвечала более старшая Агнес. Лю был женат на немке-работнице из Южной Германии. У них был шестилетний мальчик, имя которого переводилось с китайского как «молодой сокол».

Самыми интересными в этом доме бывали те дни, когда приходил Ван Мин – один из руководителей Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и представитель КПК в Коминтерне. Всю жизнь Ван Мин отстаивал марксистско-ленинскую линию в Китае. Он производил на Урсулу сильное впечатление.

Нет, Китай не оставлял их. Именно с Китаем связан и дебют Урсулы в журналистике. Однажды Агнес получила заказ от издательства МОПР. Журналистка должна была написать о детях в красных провинциях.

– Послушай, Урсула, у меня очень много дел. Не могла бы ты мне помочь?

– Конечно, Агнес.

– Я получила заказ на написание брошюры о детях Китая, но у меня совершенно нет времени. Ты не хочешь этим заняться?

Урсула была польщена и восприняла предложение с энтузиазмом. Помимо желанной помощи лучшей подруге, эта работа была ей интересна. Она отлично владела темой. Кроме того, Агнес, в качестве источника информации, познакомила ее с офицером китайской Красной Армии, только что приехавшим из этих провинций. И, вспомнив время работы в Союзе молодежи в Берлине, Урсула села писать.

Работа ее понравилась издательству и вскоре была опубликована с фотографиями, сделанными Агнес и Урсулой в Китае. Один экземпляр рукописи <Пионеры в Советских районах Китая> Урсула послала Михаилу Голду, сотруднику <Нью мессес> в США. Там брошюра была переведена и опубликована по частям в прогрессивной газете для детей.

Естественно, что вся деятельность Урсулы за пределами школы была известна ее руководству. Вообще-то в школе не было принято, чтобы слушатели встречались с большим количеством людей. Но начальство относилось снисходительно к общительности и активной деятельности своей подопечной, тем более что все слушатели школы все равно в той или иной мере занимались общественной деятельностью. Так, например, Урсула отвечала за стенгазету...

В общем, все было хорошо, жизнь была яркой и наполненной. Лишь иногда Урсулу охватывала непонятная тоска и грусть, она не могла нормально общаться, ее все раздражало. Тогда она хватала пальто и, надевая его на бегу, уходила на прогулку. Несколько часов

она быстрым шагом ходила по отдаленным улицам, по лесу, слушая, как скрипит снег под ее сапожками. Она наслаждалась одиночеством, морозным воздухом, бледным зимним солнцем. Возвращалась Урсула в отличном настроении, готовая вновь приняться за работу.

В феврале 1934 года Урсулу вновь вызвали на Арбат. Майор, с которым ей пришлось беседовать, не говорил ни на одном языке, который знала Урсула.

Пришлось разговаривать с ним по-русски. Ей это удалось – как-никак, она уже шесть месяцев учила язык. Она подробно изложила свою биографию.

– В ближайшие недели ваша работа должна быть особенно напряженной, товарищ Соня, – заканчивая разговор, сказал майор.

– Почему? – не удержавшись, спросила Урсула.

Майор улыбнулся ее любопытству.

– Вы отправитесь на задание в Мукден, в Манчжурию.

– С большим удовольствием, товарищ майор! – глаза Урсулы радостно заблестели.

Майор как-то странно посмотрел на женщину, улыбнулся немного лукаво и одновременно одобрительно.

– Можете идти.

Урсула вышла из кабинета окрыленная. Несколько позже, правда, она узнала кое-что такое, что ей стала понятна причина удивления майора. Манчжурия у разведчиков не котиновалась. Направление в Мукден было чем-то вроде «ссылки в пустыню». Но Урсула не могла согласиться с этим мнением. Так могли судить только те, кто никогда не был в Китае. Мукден, конечно, дыра. Но политическое положение в Манчжурии было сложным и Мукден находился в центре событий, так что радовалась она не по своей

наивности, а благодаря знанию обстановки. Впрочем, безоговорочное согласие выполнить любое задание подняло мнение о ней в глазах начальства.

Иоганн

Следующие недели Урсула занималась непрерывно, как перед экзаменами. Вскоре ее снова неожиданно вызвали для беседы.

– Вы поедете в Мукден с одним немецким товарищем. – Урсула ожидала чего-то в этом роде. Но следующая фраза огорошила ее.

– Лучше всего, если вы поедете в качестве его жены. Соответствующий паспорт вам выдадут. Этот товарищ будет одновременно вашим руководителем.

– Но это невозможно, – убеждала Урсула, – меня и Рольфа в Шанхае все знают. Вы же знаете, что я много времени прожила там. А шанхайцы часто приезжают в Мукден, да и сама я встречалась с некоторыми семьями, проживающими в Мукдене.

Майор вежливо выслушивал ее доводы и не давал никакого ответа. Урсула начала горячиться.

– Невозможно, – продолжала убеждать она, – появиться вдруг с фальшивым паспортом в качестве чьей-то жены после того, как официально считалось, что я провожу свой отпуск в Европе. Тем более что в немецком консульстве я зарегистрирована как жена Рольфа. В таком случае нужно делать все официально, и, в первую очередь, развестись с Рольфом. Для этого требуется время и, кроме того, развод привлечет ко мне внимание. Иначе одна встреча в кем-нибудь из знакомых будет означать провал.

– Хорошо, назовите имена ваших знакомых в Мукдене.

Урсула открыла было рот... и поняла, что не помнит ни одной фамилии. Она почувствовала, что майор перестает верить ее доводам. Урсула откинулась на спинку стула в отчаянии. И вдруг ее осенило:

– Вальтер Фукс! Синолог из Мукдена. Мы с ним познакомились во время отпуска в Патайхо на Желтом море. – Она с торжеством смотрела на майора.

– Хорошо, можете идти. Мы подумаем...

Вскоре ее в третий раз вызвали в отдел. На этот раз беседовал другой работник, с которым у нее сразу же установился контакт. Перед Урсулой сидел человек с узким продолговатым лицом, темными вьющимися волосами и черными глазами. Очень скоро ей стало ясно, что она имеет дело с умным человеком, который знает свое дело и относится к ней с доверием. Он разговаривал скорее товарищеским тоном, хотя и сохранял дистанцию, как руководитель. Имя этого человека Гай Туманян. Долгие годы после этого он оставался ее руководителем.

Гай Лазаревич Туманян, армянин по национальности, родился в 1901 году в селе Дисах Борчалинского района Грузии. В 1917 году вступил в ВКП(б). В 1924 году окончил коммунистический университет им. Свердлова, затем восточный факультет Академии РККА им. Фрунзе. В Красной Армии с 1924 года, а в Разведупре служил с 1930 по 1938гг. Дважды был в зарубежных командировках: в 1930-33гг. в Китае и в 1936-37гг. – в Испании. Несколько лет был начальником оперативного отдела «А» (активная разведка, т. е., разведывательно-диверсионная служба). В апреле 1938г. он был назначен на должность военного комиссара Военно-инженерной академии им. Куйбышева.

– Ваша ситуация внимательно изучена, – сказал Туманян. – Вам, действительно,

следует жить в Мукдене по вашему старому паспорту.

Урсула облегченно вздохнула. Вдруг в глазах начальника появились искорки

смеха, он лукаво посмотрел на сидевшую перед ним женщину.

– Мысль о вашем замужестве отпала... как бы это ни было огорчительно для товарища, который едет с вами. – Урсула не выдержала и фыркнула, не сдержав смех.

Они долго обсуждали возможность легализации в Мукдене. Урсула была уверена, что может найти что-либо подходящее. Был в Китае один человек, на которого она могло твердо рассчитывать.

– Позвольте мне, прежде всего, заехать к моему мужу в Шанхай, – попросила она.

Впрочем, вопрос о новом начальнике ее занимал и беспокоил. Длительное время они должны были жить вместе в изоляции, в подполье. Как сложатся их отношения? Если проявится несовместимость характеров, их жизнь и работа станет пыткой. Впрочем, Туманян сказал, что ее напарник – по происхождению рабочий, а по профессии моряк. Это несколько успокоило Урсулу, моряки отличались закаленностью и стойкостью, большим жизненным опытом и умением быстро ориентироваться в незнакомых ситуациях. Со всеми моряками, с которым ей приходилось сталкиваться, у нее обычно складывались хорошие отношения.

Как сказал Туманян, ее партнер прошел ту же подготовку, что и Урсула. Впрочем, она надеялась, что ее начальник лучше разбирается в передатчиках, чем она – свои познания в этой области Урсула, все-таки, считала недостаточными.

– Само собой разумеется, вы не должны никому говорить о вашем задании – ни товарищам по школе, ни вашим друзьям, – еще раз предупредил ее Андрей.

Последний вопрос, который Урсула задала Туманяну, был самым важным:

– Скажите, знает ли он, что у меня есть сын? Кто-нибудь подумал о ребенке?

– Скажите ему об этом сами, – предложил Андрей.

Урсулу посадили в машину и повезли в школу, где учился ее напарник. Мысли метались в ее голове. Она то возмущалась, то успокаивалась. Ни при каких обстоятельствах они не собиравшись расставаться с Мишей – разве что если бы речь шла о вооруженной борьбе, о партизанском отряде: <Этого мне еще не хватало. Ехать с совершенно незнакомым мне человеком в неизвестность, не зная даже, согласен ли он на то, что со мной будет сын>. Сама того не желая, она уже относилась к еще не знакомому ей товарищу настороженно.

Урсулу привезли в школу и оставили в совершенно промерзшем помещении. Она

опрометчиво оставила пальто в прихожей, и дрожала от холода – впрочем, от волнения, пожалуй, еще больше. Дверь отворилась, и в комнату вошел Франц, за спиной которого Урсула заметила человека, на голову выше его.

– Это Иоганн, это Соня, знакомьтесь. – С этими словами Франц вышел.

Урсула решила молчать и ждать, когда заговорит Иоганн – ведь он был ее

начальником. Она разглядывала его, отмечая про себя приметы: совершенно светлые волосы, узкие голубые глаза, большой нос,

тонкие губы. Широкоплеч, строен, силен. Неожиданно он сказал совсем не то, чего Урсула ожидала:

– Ты дрожишь. Не хочешь надеть мое пальто?

Пока она пыталась найти нужные слова, Иоганн, не дожидаясь ответа, снял с себя пальто и набросил ей на плечи. Пальто оказалось длинным и тяжелым, но Урсуле сразу стало лучше. Придя в себя от удивления, она вспомнила, зачем приехала, и сразу начала с главного:

– У меня маленький ребенок, которого я не могу оставить, – она по-прежнему была полна мрачной решимости.

– Кто у тебя? – просто спросил Иоганн.

– Мальчик, ему три года. Он должен ехать со мной.

По голосу Урсулы было понятно, что она уже давно все решила. <Если он не согласится взять ребенка, я никуда с ним не поеду!> – повторяла она про себя в затянувшейся паузе перед ответом. Иоганн молчал.

<Сейчас я верну ему пальто и пойду к Андрею> – думала она. И тут Иоганн

заговорил:

– Почему я должен быть против ребенка? Новое поколение нам нужно.

Франц увез Урсулу обратно в школу. Через несколько дней пришло задание: собрать вещи и в течение четырнадцати дней пройти курс обучения вместе с Иоганном. Здание новой для Урсулы школы находилось в лесу, неподалеку от деревни.

Иоганн Патра родился он 19 марта 1901 года в германском городе Мемеле (ныне Клайпеде). По национальности немец, хотя у предков и были литовские корни. С юношеских лет он приобрел специальность телеграфиста. В 1927-32гг. плавал на германских

торговых и пассажирских судах в качестве кочегара, затем радиотехника. Побывал во многих странах мира, владел, кроме немецкого, английским и литовским языками. В качестве члена КПП выполнял оперативные задания по линии Коминтерна, обеспечивал нелегальную курьерскую связь с Гамбургом и Ригой.

Завербован он был на идейной основе Иваном Винаровым. В 1932 году выполнял задания советской военной разведки в Гамбурге и Вене, затем был отозван в Москву, где проходил подготовку в качестве подрывника в школе на Сходне.

Начался период узнавания нового партнера – как в профессиональном, так и в личном плане. Сразу стало ясно, что в технических вопросах Иоганн был намного способней Урсулы. Он занимался с огромной настойчивостью и основательностью, терзал вопросами Франца, который был хорошим практиком, но вовсе не теоретиком, и не успокаивался до тех пор, пока до конца не уяснял себе того или иного вопроса. Иоганн никогда не смотрел на часы, почти не делал перерывов, его рабочий день продолжался и после ужина, когда Урсула имела обыкновение отдыхать. Рядом с ним она чувствовала себя слабаком и пыталась полностью подчиниться его системе работы. Утешало ее одно: в работе с азбукой Морзе она была быстрее. Хотя бы в этом...

Впрочем, не только в этом. Эти четырнадцать дней Урсула посвятила также созданию атмосферы взаимоотношений – товарищеской, но такой, Иоганн был доволен. Ему нравилось трудолюбие Урсулы – он не знал, что она берет пример с него.

Однажды он признался ей:

– Знаешь, мне стало намного легче, когда я увидел, что ты не неженка и не капризуля.

Урсула только презрительно подняла брови. Она старалась произвести на него впечатление бывалого закаленного человека – пусть знает, что навстречу будущей опасности с ним отправляется боевой товарищ!

Наступило время отъезда. С Урсулой лично попрощался помощник начальника Разведуправления Василий Давыдов, он курировал деятельность разведчиков в странах Азии.

Агнес Урсула больше не видела. От московского периода жизни у нее сохранились теплые отношения с Туманяном – позднее она познакомилась с его семьей и даже подолгу жила у них, приезжая в Москву. Туманян познакомил ее с сотрудницей Разведупра Наташей Звонаревой, женщиной, обладавшей большим умом и горячим сердцем. «У нее были удивительно большие, темные глаза и такая прямота во взоре, что уклониться от этого взгляда было невозможно. Ее лицо было резким и по-своему красивым. Я страдала от того, что мы не могли чаще встречаться». Эти отношения она сохранила на всю жизнь.

Новое задание – новая жизнь

В Прагу Иоганн и Урсула выехали по отдельности и жили в разных гостиницах. Естественно, паспорт Урсулы не носил никаких следов пребывания в СССР – он выглядел так, как будто она все это время жила в Европе. Они купили билеты на итальянский пароход <Конто Россо> – Урсула настояла на поездке вторым классом, а не первым, как было принято у разведчиков. Второй класс больше соответствовал их положению в обществе.

В Праге Урсула могла думать только об одном – как она приедет и заберет Мишу. Более семи месяцев она не видела сына. Долгая

разлука вызывала у нее <голод на детей> – на улице она шла за ними, наблюдая их поведение, заглядывала в каждую детскую коляску.

Вечером, накануне отъезда к сыну, Иоганн, которого она видела в Праге лишь в случае крайней необходимости, предложил пойти в кино. Такой поворот дел не был предусмотрен, но Иоганн был ее начальником, и Урсула не могла отказаться. Смотрели они <Маттернеле> и <Детский очаг> – французский фильм, где главные роли играют дети. Для Урсулы это оказалось настоящей катастрофой. Она так разволновалась, что уже через десять минут не могла сдерживать слезы. Мелькнула мысль: <Иоганн не может положиться на сотрудницу, которая ревет в кинозале> и она пыталась не вытирать слез, сдержать их. Но все тщетно, слезы лились ручьем. Урсуле стало вконец неловко. <Я обычно не такая> – пробормотала она. И вдруг Иоганн положил руку ей на плечо и сказал негромко:

– Я рад, что ты такая.

В этот вечер Урсуле не хотелось идти в кафе, заплаканной. Но Иоганн настоял. И впервые рассказал о себе, о своем отце – гамбургском рыбаке, пропивавшем все деньги, о матери, которая кормила на свой заработок четверых детей, сама голодая. Иоганн порвал с отцом, который плохо относился к матери, покинул родительский дом и стал моряком. Вскоре после этого он вступил в Коммунистическую партию.

– Мои товарищи играли в карты, проводили отпуск на берегу, отдыхали. А я сидел над книгами. Учение давалось мне нелегко. Я не был образован и не понимал иностранных слов, длинных фраз...

Урсула с уважением и восхищением смотрела на своего начальника. Кофе давно остыл, а она слушала и слушала.

– Но я не сдался, пока не смог себе сказать с уверенностью – я овладел марксистским мировоззрением!

Иоганн еще долго рассказывал Урсуле о своей жизни. И она рассталась с ним, наконец-то понимая его, с новыми силами, с желанием работать.

На следующее утро она выехала в приграничный поселок, где жил ее сын. Подробностей поездки Урсула не помнила, помнила только бесконечное ощущение счастья – каждая минута приближала ее к сыну. С самого утра она ничего не ела, не могла. Разные мысли крутились у нее в голове. <Мальчик вряд ли бросится ко мне в объятья. Возможно, он меня вообще не узнает>. Но она надеялась на лучшее. На вокзале ее встретила мать Рольфа. Урсула была горько разочарована, что та не привезла с собой Мишу – последний час дороги до домика на окраине леса длился бесконечно. Мать Рольфа пыталась о чем-то разговаривать с Урсулой, но та не могла сосредоточиться.

Наконец, они вошли в дом. Незнакомый маленький мальчик подбежал к бабушке и спрятался за ее юбку – сын не хотел даже протянуть ей руку, он боялся незнакомой женщины. Три дня ребенок избегал ее, был замкнутым и упрямым. «Почему ты такой невоспитанный?» – спрашивала она. На третий день им надо было уезжать. Мальчика пришлось увезти против его воли, и потребовалось немало времени для того, чтобы их отношения стали нормальными. Тогда-то Урсуле впервые пришла в голову мысль, которая потом часто терзала ее: «Что же это я делаю со своими детьми?»

Из Праги в Триест Иоганн и Урсула с Мишей ехали в разных купе. Они должны были встретиться на пароходе, как пассажиры-попутчики. Пароход уже стоял у причала. Путь его пролегал через Суэцкий канал и Индию с остановками в Каире, Бомбее, Сингапуре и Гонконге. Путешествие обещало быть интересным, но на пароходе

Миша заболел коклюшем. Урсула много возилась с ним. К ее большой радости, Иоганн полюбил Мишу, был с ним дружелюбен и терпелив.

– Ты хорошая мать, – говорил он Урсуле.

Когда они уезжали, в Москве еще лежал снег, а теперь Урсула разгуливала по пароходу в белом платье без рукавов, купалась вместе с Иоганном в бассейне. Было очень тепло. Долгое путешествие, ясные ночи и звездное небо создавали весьма романтическую обстановку. У молодых людей – Урсуле было двадцать четыре года, Иоганну двадцать семь – было много свободного времени, чтобы узнать друг друга. И когда вечерами в темноте они склонялись над перилами и смотрели то в небо, то на волны, перешептывались или подолгу молчали, Урсула начинала чувствовать, что теряет уверенность в себе. В душе ее поднималась волна чувств, которые она с трудом сдерживала – ей хотелось уже далеко не <дружеских отношений>. Но она не намерена была уступать очарованию этих ночей, поддаваться настроению, в надежности которого она не была уверена. Зачем связывать себя воспоминаниями о сказочном путешествии? Будни могут стать совершенно иными, а ведь они не смогут расстаться, если охладеют друг к другу.

Да, они были совсем разными – женщина из интеллигентной семьи и выходец из рабочего класса. Урсула поняла, что поступила правильно, отказавшись ехать в первом классе. Она считала, что надо глядеть реальности в глаза – нельзя сразу вводить в буржуазную среду рабочих-коммунистов. По их манере поведения любой пассажир первого класса сразу поймет, что тут что-то не так. Надо сначала научиться вести себя в буржуазном обществе. Она была также против того, чтобы давать сотрудникам большие деньги – по той же причине. Она не раз была свидетельницей того, как рабочий, живший до этого скромно, получая большую сумму, не мог противостоять искушению и

начинал жить на широкую ногу, пить, заводить любовниц, становился сибаритом и, в итоге, оказывался в тупике. К счастью, Иоганн почти не пил – впрочем, иначе Урсула не согласилась бы с ним работать.

Иоганн собирался легализоваться в Мукдене как представитель фирмы «Рейнметалл» по сбыту пишущих машинок. По-немецки он говорил хорошо и грамотно, но это было все, чем ее начальник походил на представителя среднего класса. У него были примитивные вкусы и манеры – так, порой он закладывал недокуренную сигарету за ухо, чтобы докурить ее потом. Урсула пыталась говорить с ним о его манерах, но он тут же обижался, обвинял ее в заносчивости, мещанстве и барстве.

Однажды он показал ей открытку, которую хотел послать матери. На цветной открытке был изображен замок с башенками и зубцами на фоне заходящего солнца. Урсула промолчала, не желая нового конфликта. Иоганн почувствовал молчаливое неодобрение и спросил:

– Не правда ли, красивая открытка?

Лгать Урсуле не хотелось, и она ответила:

– Я нахожу ее неестественной и безвкусной.

- Ах, вот как. Конечно, мне, рабочему, не дано понимать таких вещей.

Такое отношение обижало Урсулу. «Должен же он понимать, что для меня его вкусы и манеры большого значения не имеют! – сердито восклицала она, оставшись одна. – Но для конспиративной работы все это просто необходимо!»

Да, их отношения с самого начала нельзя было назвать простыми. Урсула восхищалась трудолюбием Иоганна, его волей и опытом, ценила его энергию и считала более сильной личностью, чем она сама, безоговорочно подчиняясь его авторитету как руководителя.

Тем более что он был опытным человеком – долгое время работал курьером и уже дважды проходил подготовку в Советском Союзе. Но, несмотря на то, что Урсула стремилась избежать споров и конфликтов, она все равно высказывала свое мнение о книгах, искусстве, людях. Порой ей казалось: Иоганна раздражает все, что ей было свойственно: образование, свободное владение английским языком, умение общаться с людьми. Однако им предстояло еще долго жить вместе. Командировка не обещала быть легкой, и не только по причине несходства характеров и взглядов...

Глава 5

В ПАРТИЗАНСКОМ РАЙОНЕ

Нелегкое расставание

Итак, в апреле 1934 года, после трех недель в пути, Иоганн и Урсула прибыли в Шанхай.

Рольф встретил Урсулу и сына с радостью. Он еще не знал, что приезжают они только на время, «в гости». Урсула не смогла ему сообщить заранее о том, что она не намерена оставаться в Шанхае. Трудно было сказать ему об этом, и Урсула решила сделать это сразу же по приезде, не оттягивая неизбежное тяжелое объяснение. И вот, сразу же после объятий и радостных восклицаний, она негромко произнесла:

– Знаешь, Рольф, мы ведь приехали только на время...

Рольф не верил своим ушам. Но ясно было, что жена не шутит. Урсула объяснила ему все, что имела право объяснить. Рольф был очень удручен, однако внешне, как обычно, оставался спокоен. Мягко, но непоколебимо он произнес:

– Что ж поделать... Но имей в виду: я ни при каких условиях не соглашусь на окончательный разрыв.

Неожиданно для себя Урсула обнаружила в своем муже непреклонное упорство, которое трудно было предположить в таком внешне мягком человеке. Он ни в чем не упрекал ее, не устраивал сцен, не чинил препятствий, даже когда она оглушила его следующим сообщением:

– Вероятно, в Мукдене я буду жить не одна.

Урсула попыталась смягчить удар интонацией, хотя это мало помогло. Рольф помолчал немного. Она даже не подозревала, что это объяснение будет таким тяжелым.

– Все равно, я ни в коем случае не теряю тебя и Мишу навсегда...

Она понимала, что в этом Рольф прав. Ему и так достаточно тяжело, он лишился жены, которую любил – и уж что-что, а право на сына он сохранил в любом случае. Объяснение состоялось, но Урсуле было не по себе. «Если бы он был обывателем, таким же, как все эти «шанхайцы», – думала Урсула. – Тогда моя совесть была бы чиста. Но ведь он мой товарищ, коммунист, он готов сотрудничать с нами. Я и не подозревала, какой путь он прошел за это время. Рольф, Рольф! Если бы ты стал нашим чуть-чуть раньше!»

Официально они, естественно, не разводились. Рольф развода не хотел, а Урсула не желала привлекать к себе внимание в Шанхае, где каждый шаг обсуждался в десятках гостиных. Поэтому ей необходимо было найти легальное обоснование для своего пребывания в Мукдене. Тогда она вспомнила о книготорговле. Урсула посетила несколько книжных магазинов, и ей удалось найти работу представителя шанхайской книготорговой фирмы <Эванс и К^о>. По ценам фирмы она закупила небольшую библиотечку, взяла с собой каталоги. И получила

самое главное – документ, подтверждающий, что она представляет данную фирму в Манчжурии. Предполагалось, что будущими покупателями должны стать представители японской администрации, персонал больниц, студенты и японские промышленники. Урсула заказала визитную карточку и фирменный конверт. Как <представитель фирмы>, она могла не только жить в Мукдене, но и разъезжать по стране, что подчас требовалось по работе.

Гриша Стронский, узнав, что Урсула в Шанхае, навестил ее. Эта встреча не была нарушением конспирации, так как шанхайское общество знало об их знакомстве. Скорее могло бы показаться странным, если бы он не нанес ей визита. Свидание это обрадовало Урсулу. Она рассказала Грише о жизни его брата, с которым встречалась в Москве.

Перед отъездом из Шанхая Иоганн и Урсула закупили необходимые для сборки передатчика части и рассовали их по чемоданам. Это был дополнительный риск, но ничего другого им не оставалось – едва ли они смогли бы найти все необходимое в Мукдене. Это были мелкие детали и две трубки, размером с брикетную плитку. На маньчжурской границе чемоданы вскрыли, но китайские таможенники детективов не читали и не обратили на радиодетали ни малейшего внимания.

В мае 1934 года Иоганн и Урсула прибыли в Мукден и остановились в отеле Ямато.

– Оставь на столе пишущую машинку и свое удостоверение, – предложил Иоганн. – Облегчим шпикам работу. Кстати, в отеле тонкие стены со множеством ушей, не вздумай говорить здесь о деле.

– Не надо учить меня конспирации, – обиделась Урсула. – Лучше поищи трансформатор.

Трансформатор был единственной крупной деталью передатчика. Его они надеялись раздобыть в Мукдене. Однако оказалось, что в Мукдене нельзя купить радиодетали вообще. Неподалеку располагался Тяньцзень, можно было бы попытать удачи там, но, как привезти его? Как замаскировать и доставить кусок железа, очень тяжелую болванку, каждая сторона которой равнялась примерно двадцати сантиметрам? Это сразу вызовет подозрения. И Иоганну пришлось снова отправиться в Шанхай.

Он решил попросить о помощи Рольфа. Муж Урсулы живо откликнулся на просьбу. В их шанхайской квартире было большое клубное кресло. Иоганн и Рольф извлекли набивку и закрепили трансформатор проволокой между пружинами, затем вновь приладили набивку и отправили это кресло с сюрпризом по новому адресу Урсулы в Мукден. Однако посылка оказалось, действительно, с сюрпризом. Когда прибывшее кресло распотрошили, оказалось, что проволока порвалась. Хорошо, что в последний момент кто-то из мужчин дополнительно укрепил трансформатор шпагатом, на котором он теперь и держался. Урсула схватилась за голову:

– Одно-два неловких движения при погрузке – и он бы выпал! Он едва прибит обивкой! – воскликнула она.

Действительно, в условиях повальной шпиономании, распространенной у японцев, этот случай поставил бы под подозрение и деятельность Урсулы, и ее личность.

– Согласись, что мы с Рольфом серьезно относимся к делу! – усмехнулся Иоганн. Но это должно послужить для нас всех уроком. Здесь надо работать вдвойне, втройне осторожней.

На новом месте

В 1931 году Япония оккупировала Манчжурию. Правительство Чан Кай-ши не склонно было оказывать сопротивление агрессорам. Другое дело местные войска, которые под руководством генералов Ма Чжан-шаня, Ли Ду, Дин Чао, Су Бинвэня оказали японской армии сопротивление. К военным присоединились добровольцы из местного населения. Однако без поддержки правительства их борьба была обречена. Вскоре сопротивление войск было сломлено, на территории Манчжурии создано марионеточное государство. На границе осуществлялся жесткий контроль, активно действовали японская и местная контрразведка.

Тогда, начиная с весны 1932 года, под руководством Компартии стали создаваться партизанские отряды. Через год, 15 мая 1933 года, маньчжурский комитет КПК принял решение о создании на основе этих партизанских отрядов народно-революционной армии. Всего сформировали шесть корпусов НРА, первый из которых был создан уже в сентябре 1933 года. Но в то время, когда Иоганн и Урсула прибыли в Мукден, большая часть партизанского движения еще не была оформлена в регулярную армию.

Коминтерн, естественно, принимал самое живое и активное участие в этой борьбе. Исполком Коминтерна обязал компартии всех стран всем, чем возможно, поддерживать КПК. Нетрудно догадаться, что основную помощь оказывал Советский Союз, в частности, китайские товарищи обучались в СССР методам партизанской войны. Для работы с этими отрядами и были посланы Иоганн и Урсула. Они должны были осуществлять связь между партизанами и СССР, передавать информацию и запросы отрядов, консультировать партизан и, если нужные рекомендации не мог дать Иоганн, запрашивать их из Москвы. В то время партизанские отряды еще не вели серьезных боев с японцами. Они совершали диверсии на транспорте и в

промышленных центрах, нападали на японские штабы. Наши разведчики знали клички и конспиративные пункты для встреч с партизанами. Им предстояло иметь дело с тремя руководителями отрядов.

Сразу после приезда в Мукден партнеры, прежде всего, должны были согласовать условия своих встреч с партизанами и найти подходящую квартиру, где бы они могли смонтировать передатчик и начать на нем работать. В соответствии с тем правилом, что необходимо, в первую очередь, оберегать руководителя группы, решено было, что встречаться с партизанами и работать на передатчике будет Урсула. У нее была превосходная память, и все равно, каждый вечер после отъезда из Москвы она восстанавливала в памяти место и время встреч, схему кода передач. Иоганн с трудом согласился на такое распределение ролей, однако что положено – то положено.

Через несколько дней после приезда наступал срок встречи с китайцем по имени Ли в Харбине. Миша еще не оправился после перенесенного коклюша, и Урсула не хотела брать его с собой в длительную поездку. Поэтому с ним пришлось остаться Иоганну, который был снабжен обширным списком рекомендаций, вплоть до уловки, к которой необходимо прибегать, чтобы заставить ребенка выпить рыбий жир. Несколько успокоенная, Урсула отправилась в Харбин.

Город не понравился Урсуле. Она вспоминала потом, что из всех городов, в которых она побывала, Харбин был самым ужасным. Кроме неизменных китайцев и японцев, здесь жило множество русских эмигрантов. Почти все они остались без средств, многие тяжело переносили эмиграцию, были полностью деморализованы. На улицах днем было полно русских нищих, а вечером город наводняли воры-

наркоманы и проститутки. Было опасно ходить вечером по улицам. В этой обстановке Урсулу совсем не радовало место встречи – у входа на отдаленное кладбище. Проклиная в душе харбинских «конспираторов», она отправилась поздно вечером на пустынную окраину города. «Надо же додуматься до такого места встречи!» – думала она, провожая взглядом спотыкающегося пьяницу на пустой ночной улице. Она напряглась – казалось, кто-то смотрит ей в спину. Впрочем, мертвых Урсула не боялась – зато боялась живых. За то недолгое время, что она провела здесь, к ней дважды пытались приставать. Урсула прождала двадцать минут – Ли не пришел. Она отправилась в гостиницу. На следующий вечер она снова пришла на то же место, опять двадцать минут не менее «приятного» ожидания – и снова никто не пришел.

Расстроенная, она вернулась в Мукден. Иоганн и Миша ужинали, напарник кормил мальчика кашей с ложки. Она остановилась в дверях, любуясь трогательным зрелищем. От ее внимательного взгляда не укрылось, что Иоганн был обрадован – он уже начинал тревожиться из-за ее долгого отсутствия. Но, когда Урсула рассказала ему, почему задержалась, он помрачнел.

– Ты уверена, что ждала там, где надо и в условленное время? – спросил он

даже с каким-то подозрением. Неудач в работе он не переносил.

– Вполне, – несколько резко ответила она. – Будем ждать – через четырнадцать дней резервная встреча.

Ближайшие дни они посвятили поискам квартиры. Вначале поиски были безуспешными: все пустые квартиры конфисковали японские чиновники. Свободными оставались лишь богатые виллы сбежавших китайских генералов.

– Может, снять виллу? – пошутил как-то Иоганн. – На троих в самый раз...

Он молчаливо предполагал, что Урсула поселится вместе с ним, и был очень уязвлен, когда она отказалась. Он знал, что Урсула равнодушна к нему, и сам любил ее – так в чем же дело? Но у женщины были свои соображения. Отношение к Иоганну не лишило ее разума. Она понимала, что ее друг принадлежит к тем людям, которым во всем надо подчиняться. Когда дело касалось работы, она с этим соглашалась, хотя он порой требовал слишком много – но, в конце концов, он был не менее безжалостен и к себе. Но в семейной жизни это ее не устраивало, она хотела жить по своему вкусу, а не по его указке. Урсула понимала, что любовь любовью, но они с Иоганном мало подходят друг другу. Ему была нужна простая хорошая женщина, которая жила бы с ним одной жизнью. Бороться за то, чтобы его изменить, она не хотела. Тем более что их психологическая несовместимость могла поставить под удар работу.

В конце концов, Иоганн нашел себе комнату у одной немецкой супружеской пары. Дела их шли неважно, хозяева постоянно ругались друг с другом из-за материальных трудностей. «Вот и у нас была бы такая же жизнь», – думала Урсула, навещая Иоганна.

Ей комната не годилась. Для установки передатчика требовалась отдельная квартира. Что же делать, неужели транжирить деньги и снимать виллу? И тут, осмотрев одну из вилл, которая принадлежала родственнику генерала Чжан Сюэ-ляна, она в последний момент обратила внимание на небольшой каменный садовый домик. Слуга заулыбался и объяснил:

– Там жила любовница хозяина. Хозяин приходил к ней по подземному ходу, который соединяет виллу и дом...

– Ведь твой хозяин уехал? Значит, никто не подумает, что я его любовница, и моя репутация вне опасности. Могу я осмотреть домик?

Слуга долго искал нужный ключ. Наконец, нашел, и Урсула, поднявшись по каменным ступенькам, обнаружила за входной дверью три маленькие комнаты, обшитые деревянными панелями. Под домом была расположена кухня, помещение для слуг и выход в подземный коридор. Отопления, ванны и туалета не было (туалет располагался на улице, купались в чане). Зато входную дверь охраняли два каменных изваяния зверей.

Домик показался Урсуле вполне подходящим, хотя потолок был несколько низковат для устройства антенны. Слуга написал генералу в Пекин, и тот ответил согласием. За тридцать марок в месяц Урсула могла поселиться в домике. Там была тахта, которая стала ей кроватью. Остальную мебель она выбрала на вилле. Для Миши купили детскую плетеную мебель, приобрели и железную печурку. На письменном столе из тикового дерева она, как и везде, где жила, поставила фотографию озера Шлахтензее.

Квартира оказалась удачной и вполне подходила для работы. Помещения для слуг располагались под домиком, в подвальном этаже. Она закрывала дверь, и никто не мог внезапно войти к ней, никто не мог и заглянуть в окно, тем более что на ночь окна изнутри закрывались жалюзи. Участок с домом отделялся стеной от немецкого клуба, ветви высоких тополей нависали над двором.

Сразу после прибытия кресла с трансформатором Иоганн начал собирать передатчик – марки <Хартлей>, с тремя шкалами переключений. Он оказался чересчур громоздким, и разбирать его каждый раз было невозможно. Кроме выпрямителя с громоздким трансформатором и больших радиоламп, в него входила еще и толстая медная труба, которую Иоганн согнул вокруг пивной бутылки. В то

время одни катушки занимали больше места, чем весь передатчик десять лет спустя. Для передачи Урсула приспособила две линейки: нижнюю бронзовую с китайскими иероглифами и верхнюю деревянную с катушкой из-под ниток. В отверстие катушки был ввернут винт, и она служила ключом. При работе ключом винт касался бронзовой линейки. Один провод присоединялся к ключу, другой – к линейке. Каждые две-три минуты ключ к шифру менялся. Урсулу занимало: что означает надпись на линейке. Как оказалось, там было написано: <Кто познает мудрость понятий <смысл> и <жизнь> во всей их глубине – проживет пятьсот лет>.

Передатчик они спрятали в сундук, который Урсула привезла с собой из Шанхая. Сверху положили доску, а на нее – одежду. Сундук по своим размерам как раз помещался под письменным столом, который Урсула взяла с виллы. Стол был очень большой и тяжелый, и сундук большой и тяжелый, окованный металлическими обручами, с надежным замком. Впрочем, сундук имелся в каждой семье и поэтому несколько не привлекал внимания – хотя при основательном обыске передатчик, конечно, без труда обнаружили бы. Но они считали, что при уровне развития секретных служб города Мукдена этого хватит.

Еще до установления передатчика Урсула встретилась с сотрудником одной советской организации. Он был горбат, с прической ежиком. Она передала ему зашифрованную информацию и получила также зашифрованный ответ. Как оказалось, это был тот самый человек, которого Центр, еще до ее отъезда из Москвы, просил узнать, есть ли в Мукдене синолог по имени Фукс.

В то время шифр, которым пользовалась Урсула, отличался от системы, описанной Максом Кристианом в книге <Доктор Зорге радирует из Токио>. В качестве второго ряда складываемых цифр они

использовали фразы из одной книги, буквы которой переводили в цифры в заранее обусловленном порядке. Первой информацией от Урсулы стало сообщение о неудавшейся встрече с Ли, и к неодобрению Иоганна добавилось недовольство Центра. Это было первое самостоятельное задание, и разведчики его не выполнили.

Из своей квартиры Урсула дважды в неделю выходила на связь. Впрочем, информацию она передавала не каждый раз, но все равно надо было выходить в эфир, чтобы принимать сообщения. Если возникали помехи, то связь возобновлялась в следующую ночь. Потом, уже когда Урсула вернулась в Москву, ей сказали, что радистка она хорошая – передачу ведет в хорошем темпе и безошибочно. Зато плох был сам передатчик – слишком слабый и несовершенный. Несмотря на то, что их партнер находился не в Москве, а во Владивостоке, связь все время прерывалась. Она то и дело прекращала передачу, чтобы спросить: «Ты меня хорошо слышишь?» – получала отрицательный ответ, и все приходилось начинать сначала. То же самое получалось и с приемом. Так что даже небольшая по объему ночная работа затягивалась на долгие часы. Иной раз по две ночи подряд она билась над приемом информации. После этого тут же приходилось заниматься дешифровкой, так как долго хранить зашифрованную информацию было запрещено. А в семь утра просыпался Миша...

При такой работе была большая опасность, что их запеленгуют – это было очень большое везение, что передатчик так и не был обнаружен. Впрочем, как вспоминает Урсула, «мне некогда было каждый раз переживать опасную ситуацию, в которой я находилась – больше забот доставляли помехи в работе. » Впрочем, с самого начала ей свойственно было бесстрашие.

«Если работа шла гладко, настроение у меня было хорошее, – пишет она о том времени. Мой дом с закрытыми окнами походил на крепость. Свет в комнатах был затемнен, лишь узкая его полоса, достаточная для чтения и письма, падала на стол – все остальное погружалось во тьму. В соседней комнате крепко спал Миша. Город спал, и лишь я бодрствовала и посылала в эфир сообщения партизан, а во Владивостоке их принимал красноармеец.

Часто бывали и такие ночи, когда я проклинала печь и царящий в комнате холод. Я сидела за столом в тренировочном костюме, закутанная в одеяло и в перчатках, срезанных на концах пальцев, передавала в эфир сообщения по азбуке Морзе. Над домом пролетали самолеты. Когда-то они меня засекут? Какие-то мгновения я надеялась, что партнер не выйдет на связь – так хотелось забраться в теплую постель. Но ведь все равно в следующую ночь все должно повториться»¹³.

Всего из Мукдена Соня провела 240 радиосеансов...

Работа

Через две недели она опять поехала в Харбин. Снова ожидание у кладбища – и снова никаких результатов. В третий раз отправился Иоганн, и смог сам убедиться в том, что Урсула все делала правильно, потому что китаец опять не пришел. Только потом они узнали, что Ли испугался задания. Он должен был возглавить уже существующую группу – таким образом, они потеряли целую группу. Впрочем, могло быть хуже – по крайней мере, он никого не выдал. Ведь он много знал о своих товарищах – их подлинные имена, семейное положение, место будущей работы. Много из того, что он знал, было лишней

¹³ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. Стр.115.

информацией. Потом Урсула учтет это — она никогда не сообщала ничего лишнего о себе и ни о чем не спрашивала своих коллег.

В Мукдене находился представитель советской военной разведки, для которого Урсула осуществляла связь с Центром. По ее рассказам, это был человек среднего возраста, небольшого роста, щуплого телосложения, он не бросался в глаза — хотя, конечно, среди массы китайцев был замечен. Человек он был спокойный и уравновешенный. Но основным заданием Урсулы и Иоганна была работа с партизанами.

Партизаны сконцентрировали свои действия на принадлежащих японцам железнодорожных линиях на территории Маньчжурии. Довольно часто им сопутствовал успех — они неоднократно разрушали железнодорожную сеть, блокировали транспортные перевозки, пускали под откос военные составы. Партизанских групп становилось все больше, увеличивалась их численность. Среди них были постоянные отряды, которые базировались в горах и лесах, наподобие наших партизан, действовавших против гитлеровцев в годы войны. Урсула с Иоганном сообщали Центру о планах боевых групп и результатах их работы, передавали отчеты о фактическом положении дел и настроениях, информировали о новых интересных личностях в партизанском движении.

Впрочем, они больше имели дело с партизанскими отрядами иного рода. По наблюдениям Урсулы, эти партизанские группы не были постоянными соединениями. Рабочие, крестьяне или служащие — члены групп — вели обычную жизнь, собираясь вместе лишь на несколько часов или дней для военной подготовки или боевых операций. Но и в этом случае собиралась не вся группа. Полный ее состав знал только командир. Такая форма партизанской борьбы была в то время в Китае очень распространенной.

Советские разведчики должны были не только руководить деятельностью групп. Одной из главных их задач было снабжение партизан взрывчаткой. Партизаны пользовались самодельными взрывчатыми веществами. Иоганн и Урсула обходили в Мукдене аптеки и магазины, покупали различные химические вещества, каждое из которых само по себе не представляло опасности, но в соединении образовывало взрывчатое вещество. Они умудрялись раздобывать серу, соляную кислоту и другие химикалии. Однажды с ними произошел забавный случай. Им необходимо было купить такой компонент, как аммонийнитрат. Как обычно, они просто пришли в магазин и спросили, есть ли он в продаже. Иоганн не говорил по-китайски, поэтому Урсула пошла с ним, взяв с собой Мишу – такая семейная пара выглядела гораздо менее подозрительной. Урсула не слишком хорошо говорила по-китайски, поэтому разговор закончился и комично, и удачно:

– У вас есть аммонийнитрат? – спросила она на своей плохом китайском с самым беспечным видом.

– Конечно. Сколько вы хотите приобрести? – продавец отвлекся от какой-то возни под прилавком.

Молодая женщина заколебалась – сколько взять? Килограмм или больше? <Откуда продавцу знать, зачем он мне нужен? Этот препарат используют в сельском хозяйстве, причем в немалых количествах>, – подумала Урсула.

– Будьте добры, десять фунтов, – попросила она.

Торговец кивнул, ушел в глубину лавки и принес... центнер. Он понял ее неправильно! Довольные, Урсула и Иоганн отвезли покупку домой на подводе. Сами они приготовлением взрывчатки не занимались, это делали партизаны. Теперь этот центнер следовало

отправить по назначению, что было еще более рискованным делом, чем покупка.

Наиболее близким и важным для них сотрудником в тот момент был Фэн Лак. Высокого роста и крепкого телосложения, он отличался чувством собственного достоинства, как и многие другие выходцы из Северного Китая. Он запомнился Урсуле как спокойный, серьезный и дружески расположенный к ним человек. Серьезность сочеталась в нем с сердечностью и уважительным отношением к разведчикам. Встреча Урсулы и Фэна произошла в Мукдене или Андонге – большом городе неподалеку от границы с Кореей, где он жил с женой и двумя маленькими детьми. Фэн всегда носил китайское платье и, кроме шляпы, на нем ничего европейского не было. В их новых товарищах по борьбе вообще не было ничего европейского. И тут на первый план вышла та проблема, которой не было в Шанхае.

И Фэн, и другие товарищи, с которыми разведчикам приходилось иметь дело, говорили только по-китайски. А Урсула в последнее время забросила занятия китайским языком и многое успела забыть. Чтение и письмо ей теперь давались с трудом, да и в устной речи она не всегда могла правильно выразить свою мысль по-китайски. Чтобы переписываться с китайскими товарищами, она придумала такой прием: передавала им тетрадь со списком слов, которые помнила. И при передаче информации партизаны использовали только эти слова. Но Урсуле было все равно тяжело. Ведь и свои сообщения к партизанам с указаниями Центра или Иоганна она должна была составлять с помощью своего скудного словарного запаса. Иоганн был ей не помощник – он не знал языка вообще. Урсула предложила ему подучиться китайскому, но, видимо, у него не было способностей к языкам или они были очень слабыми.

Так что Урсуле пришлось рассчитывать только на себя и всерьез взяться за изучение языка.

– Я должна как можно быстрее выучить слова и выражения, – твердо заявила она.

Днями и ночами Урсула зубрила, вспоминала грамматику. Помогал ей местный парень, который каждый день после обеда посещал школу (в Китае с его иероглифической системой письма даже китаец может учиться языку всю жизнь). Они соревновались в быстроте написания иероглифов. Урсула немного подкармливала своего «учителя», а он готовил им китайские блюда. В письме к родителям она хвасталась: «Сейчас я уже могу написать и прочитать шестьсот иероглифов. Произнести же могу еще больше. Те, кто знает больше двух тысяч иероглифов, слывут синологами и немного чокнутыми. Окружающие полагают, что я уже подошла к этой черте». Теперь при каждой встрече товарищи получали от нее записку с новыми словами, которые она успела заучить. Когда Урсула уезжала из Китая, она могла прочесть и написать примерно тысячу слов. У Миши дела шли лучше. У мальчика было много китайских друзей, и его словарный запас был таким же, как у нормального местного четырехлетнего ребенка.

Почти все окружающие Урсулу китайцы ненавидели японских захватчиков. Когда ее «учитель» китайского лучше узнал Урсулу, то признался, что только крайняя бедность его семьи заставила его давать ей уроки. «Но почему?!» – спросила его пораженная женщина.

– Потому что на конверте вашей фирмы стоит «Маньчжоу-Го». Это название дали стране японцы, мы ненавидим его. Я вижу, что вы хорошо, тепло относитесь к Китаю, вы хотите иметь здесь друзей. Но, если у вас будет такой конверт, вы никогда их не приобретете.

– Что же делать? Мне самой не нравится это название, но ведь покупатели моих книг – японцы, и с этим приходится считаться... – объяснила она, радуясь, что может не вдаваться в подробности своей деятельности и одновременно не обманывать бедного китайца. А все попытки обучить китайскому языку Иоганна так и окончились неудачей.

– Китайский язык основан не на алфавите, а на иероглифах. Различные иероглифы произносятся одинаково, но с различной интонацией, – в который раз твердила ему Урсула. Но все без толку. Даже для нее с ее способностями к языкам это представляло сложность. В итоге, чтобы избежать недопонимания, приходилось, вопреки общепринятым нормам работы в условиях подполья, записывать информацию и передавать эти записки через связных. Полиция японских оккупационных войск часто обыскивала китайцев, но другой возможности в тот момент не существовало.

С Фэном и другими товарищами Урсула встречалась на какой-либо улице. За то короткое мгновение, пока длилась встреча, они могли обменяться лишь парой слов, и почти ничего не знали друг о друге. Они делали одно дело, опасное как для китайцев, так и для европейцев, однако для китайцев опасность была большей. Их часто обыскивали. Как-то раз Урсула видела облаву – она только что рассталась с Фэном. Полицейские блокировали улицу, все китайцы должны были стоять на месте с поднятыми руками. Урсула встретила глазами с Фэном и особенно остро почувствовала не только грозящую ему опасность, но и унижение, которое он испытывал. Она тревожилась за Фэна – она только что передала ему очередную записку. Что, если ее найдут? Полицейские сразу поймут, что написана она не китайцем. Однако полицейские искали оружие и не обратили внимания на клочок бумаги. В тот же день Фэн забрал из

ее квартиры тот самый центнер аммонийнитрата – теперь он знал и ее адрес.

Встречаясь не только с Фэном и его товарищами, Урсула попадала в разные ситуации. Представление о конспирации у китайских партизан было просто умопомрачительное. Однажды встреча с другим руководителем группы состоялась в Гирине, местечке, расположенном в пятистах километрах от Мукдена, и, по сравнению с этой встречей, харбинское кладбище было просто идеальным местом свидания.

Гирин – это железнодорожная станция, не очень оживленная. Кроме Урсулы, с поезда здесь не сошел ни один иностранец! Как и было договорено, она молча последовала за ожидавшим ее китайцем. Он нанял рикшу – разведчице пришлось последовать его примеру. Обе коляски минут сорок катились по ухабистой песчаной дороге, тучи пыли обволакивали <путешественников>, но не могли, к сожалению, спрятать их от чужих взглядов. Судя этим взглядам, здесь уже много лет не бывало ни одного европейца, не говоря уже о европейской женщине. Все головы поворачивались в ее сторону, все глаза пристально изучали ее лицо. Наконец, коляски остановились перед бедной лачугой. Вокруг столпились люди, их удивлению не было предела. Они с хозяином дома сели и стали беседовать, жена партизана подала чай. Это называлось конспиративной встречей – Урсуле хотелось и плакать и смеяться одновременно. Гостеприимство – это замечательно, но как ей теперь передать взрывчатку? Этот партизан был смелым и надежным товарищем, но вот такие были у него представления о нелегальной встрече...

Кроме помощи партизанам и связи с Центром, Урсуле приходилось вести и обычную для европейской женщины жизнь,

«быть на виду». Как и в Шанхае, в Мукдене она вела двойную жизнь – конспиративная работы маскировалась обывательским существованием. В 1934 году фашизм еще не проник глубоко в жизнь немецкой колонии в Китае. Ее приглашали на прием к германскому консулу, она могла посещать немецкий клуб. Даже среди знакомых из этой среды Урсула пыталась найти людей, которые не благоволили к нацистам и проявляли интерес к Китаю. Само собой разумеется, что ее новый статус торговца книгами и подруги представителя фирмы по сбыту пишущих машин не шел ни в какое сравнение с ее положением в Шанхае – там она была женой пользующегося уважением архитектора управления английского сэттльмента. Однако Урсулу повсюду принимали довольно приветливо, в частности, в

немецком клубе. Небольшой отдушиной было время, проведенное с доктором Фуксом, с которым Урсула познакомилась еще три года тому назад в Патайхо, и который тогда очень понравился Рольфу и ей. Сейчас он преподавал в Мукдене в японской школе и время каникул проводил в путешествиях. В 30 лет он говорил на двенадцати языках, и всегда был всегда готов развлекать Урсулу рассказами о чем-нибудь новом и интересном... Был среди ее хороших знакомых и бельгийский архитектор, недавно приехавший в Мукден из Женевы. До этого он долго жил в Париже и восемь лет в Лондоне. По стилю жизни и образу мыслей он был близок к Иоганну с Урсулой, и они быстро нашли общий язык. Входил в их компанию и Мацумото, очень красивый японец, с которым она познакомилась еще в Шанхае.

В письме к родителям она описывала свое времяпрепровождение «а-ля светская дама». «С архитектором я играю в теннис и танцую. С Фуксом мы едим китайские блюда и совершаем совместные вылазки за город. С Мацумото я хожу в кино. Врач со своей супругой бывают у меня в гостях. Для всех самое большое

удовольствие – это бывать у меня, поскольку я живу в милом смешном домике, располагаю чудесным набором грампластинок и хорошим молодым поваром. Мое счастье, что женское общество я вкушаю, так сказать, в суммарном виде, то есть за чаепитием или в клубе, где я скромно и терпеливо улыбаюсь два часа кряду, которые на это отводятся... »¹⁴

Впрочем, она охотно променяла бы всех своих знакомых женского пола на Изу и Агнес. С мужчинами было тоже не все так просто. Так, милейшему Мацумото они не доверяли еще в Шанхае. Она воспринимала общение с ними как тренировку: быть настороже, но так, чтобы он этого не заметил...

«Все мы живем на круглой земле»...

А японцы в это время начали застраивать захваченные земли. В Мукдене возникали новые кварталы. В центральной части города строили гигантские правительственные здания. Авиационные и вновь проложенные железнодорожные линии пересекали Маньчжоу-Го. Началась и экономическая агрессия, японские товары заполнили города и деревни. Европейские фирмы не выдерживали конкуренции, в результате за два года 60 процентов европейских магазинов разорилось.

Китайцам в эти годы приходилось трудно. Одна часть территории Маньчжоу-Го была затоплена, другая – поражена засухой. В результате политики Японии и природных явлений китайцы были обречены на голод. Все труднее стало отделять партизан от бандитов. Банды, нападавшие на богатые деревни, водились в горах

¹⁴ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. Стр.120.

Маньчжурии, партизаны прятались там же. Японцы называли партизан бандитами, для них все были на одно лицо.

По своему полному энтузиазма характеру Урсула, конечно, не могла ограничиться одним Мукденом. Разумеется, она изучала и более отдаленные районы, а, с другой стороны, посещала и крупные города. Два или три раза она ездила с книгами в Фушун – индустриальный центр Маньчжурии, где добывали уголь и нефть. Она постепенно осваивалась в новой роли книгопродавца, в письмах к родителям всячески демонстрировала деловую активность, чтобы успокоить их, напуганных ее разрывом с Рольфом.

Урсула не стремилась использовать в работе своих наиболее интересных покупателей в Мукдене и в Маньчжурии, которые, несомненно, располагали ценной информацией. Лишь иногда она со своими книгами посещала чиновников, военных или представителей промышленных кругов, не стремилась устанавливать и контакты с японцами. Все же время от времени возникала возможность получить доступ к таким сведениям, о которых разведчики информировали Центр. Но это обычно это происходило случайно.

Она научилась находить общий язык с китайцами, и не только с коммерсантами или интеллигенцией. Во время одной поездки за город Урсула и Иоганн встретили китайских солдат, служивших в японской армии. Шел дождь, и они зашли в маленькую лавку на краю маленькой деревни, где было около двадцати домов. В лавке торговали сигаретами, соевыми конфетами и жестяными канистрами. В глубине комнаты, на кровати, сидели трое солдат, один из них играл на скрипке. Облокотившись на прилавок, стоял старый хозяин, два низкорослых парня сидели на полу.

В то время иностранцы были редкими гостями в этой глуши. Иоганна с Урсулой пригласили присесть на кровать, все с любопытством разглядывали женщину. Солдаты заговорили первыми:

– Ты русская или англичанка? – спросили они.

– Я немка, – покачала головой Урсула.

– Немцы – люди умные. У немцев самые хорошие винтовки, – меланхолично произнес один из солдат.

– Китайцы могут только есть и спать, читать и писать они не умеют, – добавил другой.

– Есть ли в этой местности бандиты? – спросила Урсула, пытаясь расшевелить сонных людей.

– Нет, сейчас идет уборка маиса, так что <хунхузам>¹⁵ негде прятаться, – последовал ответ. Затем, несколько оживленное, – А ты знаешь, что Чжан Цзо-лин в свое время также был бандитом?

Старший по возрасту солдат, игравший на скрипке, засмеялся: – Чжан Цзо-лин был краснобородым еще в те времена, когда был маленький и не имел бороды. Когда она у него выросла, он стал большим генералом.

– Почему вы работаете на японцев? Нравятся они вам? – спросила Урсула.

Все засмеялись и, перебивая друг друга, начали объяснять:

– Японцы очень плохие. У нас одна нашивка на рукаве, и мы получаем одиннадцать маньчжурских долларов в месяц (Одна немецкая марка – Авт.), а японцы с такой же нашивкой – шестьдесят. Если японец с двумя нашивками говорит: <Принеси это, сделай то>, – то китаец с двумя нашивками должен сломя голову выполнять приказание. Японцы толстые и жирные и ходят так... – старый солдат

¹⁵ Хунхузы («краснобородые») – так в Манчжурии называли бандитов.

поставил криво ноги, выпятил челюсть и уперся кулаками в бедра. – Китаец же делает так – он согнулся и сложил ладони перед лицом.

Молодой двадцатилетний солдат сказал:

– Надеюсь, что вскоре начнется война. Мы выступим не на стороне японцев, а против них.

– Много в Германии бандитов? – довольно неожиданно спросил старый солдат. Вместо Урсулы со знанием дела ответил молодой: – Там, где умеют читать и писать, там не может быть много бандитов. Маньчжоу-Го, – продолжал он, – походит ныне на Индию под английским господством>.

Третий же солдат все молчал, смотрел на Урсулу и, наконец, сказал:

– Как хорошо ты, женщина, говоришь по-китайски. Поздравляю.

Все прочие согласно закивали. За стенами дома бушевала гроза, блестели молнии и гремел гром. Старый солдат, показав на стену воды и отсветы молний за окном, спросил:

– Бывает такое в Германии?

Она ответила:

– Да, бывает, как, впрочем, и дождь, и солнце.

– И солнце такое же, как у нас, такое же желтое и круглое?

– Да, солнце такое же, и луна тоже.

Молодой солдат кивнул:

– И мы все живем на круглой Земле.

Вскоре Урсула с ужасом узнала, что один недавно приехавший нацист, представитель военной металлургической компании из Рейнской области, намерен снять большую виллу, на территории которой был расположен ее домик. Как он отнесется к тому, что рядом с ним живет еврейка с ребенком? Воду и электроэнергию Урсула

получала из этой виллы – и то, и другое новый хозяин мог отрезать. Впрочем, ему достаточно было сказать, что ее соседство ему не подходит, чтобы хозяин расторгнул договор. Но даже если бы он этого не сделал, такой сосед не очень радовал Урсулу.

Немец занял виллу но, вопреки ожиданиям Урсулы, не нанес ей визита. <Я сама должна знать свое место>, – подумала разведчица и отправилась к нему.

Новый арендатор сидел в одной из больших холодных комнат – на вилле было примерно двенадцать комнат. Он принял молодую женщину с безукоризненной вежливостью кавалера старой школы. Немец принадлежал к дворянскому сословию, ему было около 55 лет. Жену и четверых детей он оставил в Германии. Уже при первом разговоре Урсула сделала вывод, что в прошлом ее новый сосед – германский националист, а ныне нацист, но, Впрочем, кайзера Вильгельма II он предпочитал Гитлеру и чрезвычайно гордился своей древней родословной и военными традициями своей семьи. Он был тактичен и обаятелен, дал понять, что он против антисемитизма, и высказал желание, чтобы Урсула непременно осталась жить в домике.

– Пусть вас не смущает мое присутствие. Мне будет больно, если вы оставите эту квартиру.

Вопрос о пользовании электроэнергией он отказался даже обсуждать: «Стоит ли говорить о каких-то пфеннигах». Все же Урсула настояла на том, чтобы самой платить за себя – хотя ей показалось забавным, если бы немецкий нацист

оплачивал электричество, которое идет на связь с Красной Армией.

Во все время их соседства они поддерживали между собой хорошие отношения. Немец часто повторял:

– Я ценю ум и люблю темперамент. Поэтому мне намного приятнее беседовать с вами, чем с местными немецкими обывателями.

– И продолжил, немного смущаясь: – Соседка, если вы где-либо меня встретите и решите, что я хватил через край, доставьте меня домой. Ладно?

– Ладно, – пообещала Урсула. Она уже знала, что ее сосед много пьет.

Как-то он пригласил Урсулу в немецкий клуб, но ей совсем не хотелось больше туда ходить. Он настаивал. Урсула отказывалась. Тогда он положил свои неаристократические жирные руки ей на плечи и сказал:

– Если кто-либо из немцев посмеет хоть чем-то вас обидеть, скажите об этом мне.

Вскоре ее сосед собрался в деловую поездку к князю Внутренней Монголии и достаточно прозрачно намекал, что ему нужна была бы секретарша, и на жалованье он не поскупится. Он хотел покончить с делами своей металлургической фирмы и заняться торговлей шерстью. Но Урсула была уверена, что дело не только в шерсти. Впрочем, она не отказалась бы съездить в Монголию и даже запрашивала по этому поводу Центр, однако из идеи соседа ничего не получилось. Но порой, без особых стараний со своей стороны, Урсула узнавала от него кое-какие сведения о немецких дельцах и японцах, с которыми он имел дело.

Но никакие дела не могли заслонить от Урсулы ребенка, ее Мишу. Занятая своей напряженной работой, она успевала уделять ребенку столько времени, сколько ему было необходимо. В январе 1935 года она отправила мальчика погостить к Рольфу, в Шанхай, и писала родителям: «Вместо того чтобы наслаждаться сознанием, что не надо вставать в половине седьмого утра, быть к обеду и ужину

дома, печатать с ребенком на коленях, я пребываю в сентиментальных раздумьях о том, чтобы все это вернулось снова». Но вскоре Рольф привез Мишу в Мукден, а заодно привез части передатчика, которые были им крайне необходимы. Рольф навещал их и почти всегда привозил что-нибудь нужное – один раз даже химикалии...

Родители Рольфа и мать Урсулы не одобряли ее образа жизни. Но дочь жила той жизнью, которая ей нравилась и писала родным, что очень довольна. Она честно признавала, что в качестве только жены Рольфа ее жизнь была бы более обеспеченной, спокойной и беззаботной – но никоим образом не более счастливой. Менять она ничего не собиралась... да, впрочем, уже и не могла. Ни ее родители, ни родители Рольфа, конечно, не были в курсе ее работы, но молодая женщина была уверена, что после длительного пребывания в Советском Союзе и разрыва с Рольфом уж ее-то родители должны догадываться о подлинных мотивах поведения их старшей дочери.

Ее работе служили даже Мишины игрушки. После длительного пользования передатчиком вышли из строя лампы. Иоганн был очень рассержен, считал, что виновата Урсула. Ей пришлось ехать за семьсот километров в Тяньцзинь, чтобы попытаться купить новые лампы. С собой она взяла Мишу, а Миша, конечно, взял игрушки. Урсула собиралась положить лампы вовнутрь игрушечных медвежат, наполненных хлопчатобумажной тканью. Проблема возникла самая неожиданная – в Мукдене не удалось найти подходящую по окраске нить – впрочем, она рассчитывала найти то, что нужно, в Тяньцзине. Отщипнув в качестве образца кусочек шерсти медвежонка, Урсула отправилась с ним в магазин мелочей.

В магазине у прилавка стояла дородная, полная женщина и неторопливо выбирала какие-то покрывала. Урсула начала раздражаться – она не выносила очередей в магазинах. Мише тоже

надоело стоять в очереди, он принялся ныть. Дама обернулась. Это была Луиза, жена Карла Римма! Обе женщины застыли от волнения и радости.

Оказывается, Карл теперь жил и работал в Тяньцзине. Луиза пригласила Урсулу к себе, и та с радостью согласилась. Дома у нее был еще один гость – и еще одна неожиданность! Это оказался моряк Лунц, приятель Урсулы по школе в Москве. Теперь он был радистом Римма. Миша давно уже спал в постели Луизы, а они все не могли наговориться...

После Мукдена дни в Тяньцзине показались молодой женщине раем. Атмосфера, царившая в Мукдене, совершенно не располагала к приятной жизни. Японцы нервничали (впрочем, уж кто-кто, а Урсула прекрасно знала, что им было отчего занервничать). Самым отвратительным была мелкая, однако опасная в силу своего широкого характера слежка, организованная оккупационными войсками. Даже китайцы поступали на службу к японцам, навлекая на себя презрение соотечественников. Дома иностранцев обыскивали, их вызывали в полицейские участки. Обыски, к счастью, обошли дом Урсулы стороной, иначе она со своим передатчиком в сундуке не миновала бы тюрьмы – а вот в полицейском участке ей побывать довелось. Во время <беседы> японский офицер, разговаривавший с ней по-английски, как бы между прочим сказал по-русски: <Садитесь>. Урсула, у которой в последнее время осторожность стала второй натурой, а чувство юмора родилось вместе с ней, удивленно ответила по-немецки: «Простите, что вы сказали?»

Опасным в их деятельности было все: работа на передатчике, покупка химикалий, их хранение, встречи с партизанами. Местные власти следили за всеми иностранцами, а перед коммунистами испытывали прямо-таки истерический страх. В Мукдене давала сбой

даже вездесущая коррупция – в случае ареста японцы не соглашались на подкуп. Но... как говорила позднее Урсула, «к опасности привыкаешь, как и к климату страны». Она не потеряла способности радоваться новому платью и злиться из-за потерянных перчаток, с удовольствием танцевала со своими друзьями и поклонниками (а Иоганн в это время ревновал). Урсула, в свою очередь, страдала, когда он флиртовал с очень красивой русской из белоэмигрантской среды, своей соседкой по дому. В общем, они и в этих условиях ухитрялись жить <нормально>. Именно в эти годы Урсула усвоила урок на всю жизнь: надо не переоценивать повседневных неприятностей и стараться быстрее с ними справиться.

– Нам есть что противопоставить опасности, – говорила она. – Мы работаем в интересах единственной страны, где победил рабочий класс.

Можно подумать, что Иоганн с ней спорил... Оба они твердо верили в победу коммунизма и ненавидели капитализм, угнетение и войну. Ненависть эта была не только идейно-теоретической – в Китае куда более четко, чем в Европе, можно было видеть, что такой эксплуатация, бедность, нищета, голод и рядом – богатство и вседозволенность. И на какие жестокости бывает способен человек для защиты своего права эксплуатировать других.

Прощание с Мукденом

В апреле 1935 года – разведчики уже почти год работали в Мукдене – Урсула отправилась на встречу с Фэном. Впервые ей пришлось его ждать. Прошло пять минут, десять, двадцать. Женщина убеждала себя: <Его поезд мог

опоздать, он мог заболеть или спутать обусловленное время встречи>. В конце концов, она отправилась круглым путем к

Иоганну. Никогда раньше после встречи она не возвращалась сразу домой.

Два дня спустя Фэн также не пришел. В третий раз Урсула решила не брать с собой записку с информацией, передатчик они также спрятали вне дома. В какой-то момент Урсуле показалось, что она видит Фэна – от радости у нее навернулись слезы на глаза. Но оказалось, что это не Фэн.

Вдруг она заметила японца, который уже довольно долго крутился возле места встречи. Как и Урсула, он прождал ровно пятнадцать минут. <Попалась>, – мрачно решила она. Но японец не пошел следом за ней. По пути домой и в следующие дни Урсула все еще пыталась подавить в себе тревогу.

– Если он болен, то болезнь может длиться больше шести дней, – уговаривала она и себя, и Иоганна.

Передатчик она установила на старом месте – надо было вести передачи. Сообщила в Центр об исчезновении Фэна. А вскоре после этого стало известно, что их китайский товарищ арестован и при нем нашли взрывчатку. Арест означал пытки и смерть. Их не тронули – значит, Фэн никого не выдал. Но все равно, от Центра последовало указание: <Прекратить все связи с партизанами, покинуть Мукден, перебраться в Пекин и установить там передатчик>.

Урсула думала не только о Фэне, но и об его жене и детях. Они с Иоганном не могли помочь им даже деньгами. Она с ужасом думала о том, что теперь ждет эту семью – Урсула считала недопустимым бросать товарищей в беде. Расстроенная, она несколько раз радировала по этому поводу, но Центр настаивал на своем, требуя, чтобы они немедленно уезжали. Только позднее она узнала, что в это время в Мукден уже ехали люди, которые должны были их заменить.

Отъезд Урсулы отнюдь не был поспешным — он носил вполне легальный, обычный характер. Ничего подозрительного в нем не было: — наигравшись в самостоятельность, молодая дамочка возвращается к мужу, только и всего. Сосед настоял на большом прощальном вечере, от которого нельзя было отказаться. Выполнив все формальности и светские обязанности, она, наконец, отправилась в Пекин.

Отдельные части их передатчика — две лампы и один выпрямитель — Иоганн вмонтировал в обычный радиоприемник. Сам передатчик Урсула засунула в граммофон, из которого был вынут механизм. Она уезжала из Мукдена со всем своим имуществом, поэтому граммофон и радиоприемник выглядели вполне естественно. Маньчжурскую границу она пересекла без проблем. Однако на китайской пограничной станции после того, как чемоданы были просмотрены и вроде бы никаких претензий не было, таможенный чиновник сказал:

— Приемник брать с собой не разрешается, на это требуется разрешение правительства!

Урсула потребовала начальника таможенного отделения. Ничего удивительного не было и в этом, приемник по тем временам был вещью дорогой. Таможенник и один полицейский повели ее на перрон — Миша остался ждать в поезде вместе с чемоданами и граммофоном. Пришел еще один чиновник, с которым Урсула и продолжила спорить. Вокруг собралась толпа, как это всегда бывает в Китае, когда что-нибудь происходит. К другой стороне платформы подошел еще один поезд, и количество любопытных увеличилось.

— Вы можете оставить свой адрес, получить и направить нам разрешение. Тогда мы бесплатно доставим вам приемник в Пекин.

Но Урсуле вовсе не улыбалось <засветиться> еще на границе – она не хотела называть свое имя и оставлять адрес, поскольку в приемнике были спрятаны части, не имеющие к нему никакого отношения. А вдруг кто-нибудь обратит на это внимание? Спор разгорался. Урсула грозила германским консулом, американской фирмой, в которой работала.

– Я буду жаловаться китайскому правительству на плохое обращение с иностранцами! – восклицала она. – Знаю я, как вы «отправите» – я его уже никогда не получу!

Толпа продолжала расти. Раздался гудок паровоза, к ним подошел машинист и сердито сказал:

– Поезд должен трогаться, мы и так опаздываем.

Миша стоял у окна и ревел. В этот момент раздался гудок поезда, стоящего на противоположной стороне платформы. Урсула случайно посмотрела на него и не поверила собственным глазам – из окна вагона высунулся Нико, ее греческий товарищ по учебе в Москве, и с беспокойством наблюдал за происходящим.

– Так вот кто едет мне на смену, – подумала она.

Естественно, они ничем не показали, что знакомы. Единственное, что им было позволено – это обменяться взглядами. Поезд Нико отошел. Урсула поднялась в свой вагон и поехала в Пекин – без радиоприемника, который, все-таки, остался на таможне.

В Пекине она остановилась в отеле, где обычно останавливались все иностранцы, и сразу же отправилась в таможенное управление. Там выяснилось, что разрешение на провоз радиоприемников должны иметь только китайцы. Урсула получила бумагу с печатью и совет отправить ее по почте на границу – через неделю аппарат должен поступить.

– Я не уверена, что это будет неделя, да мы, возможно, столько здесь и не пробудем.

Не могла же она сказать, что они с Иоганном договорились связаться по радио, как только она прибудет в Пекин. И снова она отправилась за сотни километров к границе. Вновь ей пришлось взять с собой Мишу – очень неохотно, поскольку на границе могли возникнуть осложнения. Но осложнений никаких не было. Урсула предъявила свои бумаги, начальник таможни извинился за ошибку. Части передатчика, запрятанные в приемник, не были обнаружены.

Первая радиограмма, поступившая в мае из Центра в Пекин, содержала взволнованный запрос о том, что с ней случилось на границе. Теперь Урсула была уверена, что появление Нико не было галлюцинацией. Он прибыл на определенную, неизвестную ей работу – может быть, действительно, ей на смену...

Наступило время выхода в эфир – вторая ночь пребывания в Пекине. Гораздо позже Урсула задавала себе вопрос: откуда они с Иоганном могли знать, что связь Мукден – Пекин, которой они никогда не пользовались, действует? Было невероятно легкомысленно передавать в двадцать два часа тридцать минут информацию по азбуке Морзе из отеля, полного гостей. Накануне ночью Урсула не спала из-за зубной боли, теперь ей страшно хотелось спать. Заводить будильник ей не хотелось из-за Миши, и из страха заснуть она не решилась прилечь. После посещения зубного врача всю правую половину лица пронизывала боль, страшно болела голова. Но она знала, что для Иоганна это не оправдание – он не мог допустить даже мысли о том,

что из-за бессонной ночи и боли можно не выйти в эфир.

Наконец, время пришло. Урсула собрала передатчик, воткнула вилку в штепсель электросети... и весь отель погрузился в темноту. Разведчица поспешно шарила руками вокруг, чтобы в крошечной темноте суметь спрятать все детали. Что,

если станут искать, где произошло короткое замыкание и обнаружат, что это

случилось в ее комнате? Предохранитель заменили, в отеле зажегся свет, но у нее не хватило духа пойти на риск и включить передатчик еще раз. Да и смысла в этом не было, ясно было, что либо электросеть отеля работает на постоянном токе, либо

имеет слишком высокое напряжение. Надо было искать новое место жительства, несмотря на то, что номер был забронирован на неделю. Иоганн уже две ночи ждал ее сигнала.

Урсула вновь упаковала вещи. Переезжая, она рисковала обратить на себя ненужное внимание. Однако она никогда не ставила под сомнение принятые Иоганном решения, а выполняла их. Поэтому мать и сын переселились в пансионат, хозяйкой которого была вдова, немка по происхождению. Две ночи подряд разведчица радировала из своей крохотной комнатки, но связаться с Иоганном так и не смогла.

Вскоре Урсула нашла более подходящее жилье. Ее знакомый, один из братьев Вильгельм, синолог по специальности, живший в Пекине, собирался в Европу и предложил сдать им на несколько месяцев свою квартиру. Переселившись в очередной раз, Урсула отправилась в гости в Шанхай. Там она вновь увидела Гельмута Войдта. Вскоре, во время очередного визита, он загадочным голосом сообщил:

– Одна женщина-коммунистка, которую ты знаешь, хотела бы с тобой поговорить.

Это оказалась Кэт, Рене Марсо – хорошая подруга Урсулы по курсам в Москве. Кэт ждала ребенка и чувствовала себя неважно. На естественное в ее положении недомогание накладывалось еще и ртутное отравление – в последние месяцы ей приходилось заниматься подделкой печатей и работать с ртутной амальгамой. (Впрочем, об этом она Урсуле не сказала, как и о том, что теперь ее зовут Элли Бронина). По соображениям конспирации, эта встреча была нежелательной, но подруги были так рады встретиться!

В мае 1935 года Урсула устроилась в Пекине в доме Вильгельма, в четырех комнатах, каждая из которых, по китайской архитектуре, образовывала свой флигель, выходивший во внутренний дворик. Вместо стекол в деревянных оконных рамах была похожая на пергамент бумага, поэтому ни из дома, ни с улицы ничего нельзя было увидеть.

Урсула описывала город: <Пекин великолепен. Можно было бы остаться здесь на всю жизнь. Это город необычный – такого я еще никогда не видела. Прогулка через городские ворота или в запретный квартал города доставляет мне радость. Здесь все по-другому, чем в Италии, Германии, Америке или в других странах>. Обедали они с Мишей, к восторгу ребенка, по-китайски. Однажды, гуляя, Урсула за два доллара купила сто сорок цветущих кустов астры, львиного зева, садовой желтофиоли и сразу же высадила их в грунт. Теперь они в полном смысле слова жили в небольшом цветочном дворике. У Миши были свои грядки – он так нежно заботился о своих цветах, что Урсула часто гадала, выживут ли они. Она гуляла по Пекину, ходила во дворцы, горы, к озерам, и везде брала с собой сына.

Наконец, прибыл Иоганн. Их первое свидание ознаменовалось ссорой. Иоганн был недоволен тем, что она так с ним и не связалась.

– Ты, наверное, вообще не выходила на связь!

Этот упрек серьезно обидел Урсулу.

– Ты прекрасно знаешь, что я никогда не трусила и никогда тебе не лгала. Не надо срывать на мне свое раздражение!

Теперь на связь с Центром они выходили довольно редко. Можно сказать, в это время они практически не работали. Такая тихая жизнь наступала, если временно прекращала работу какая-либо группа. Ни Урсула, ни Иоганн не могли забыть Фэна – его гибель не давала им покоя. Так она впервые на собственном опыте узнала, что такое провал в группе – в подобных случаях связь полностью прекращалась и возобновлялась только через недели или месяцы <ничегонеделания>.

Относительно спокойная атмосфера в Пекине шла на пользу разведчикам. Иоганн стал раскованней и спокойней. Урсула показывала ему красоты города. В августе они уехали на десять дней в Патайтаху, на Желтое море – они собирались насладиться каждым часом этих редких дней, без постоянной опасности и повышенной конспирации. Но Урсула плохо себя чувствовала, ей не хотелось плавать и бродить. Скоро ей стало ясно, что она ждет ребенка.

Иоганну она пока ничего не говорила – ей хотелось сначала самой принять решение. В Китае было просто прервать беременность, и все обстоятельства их жизни говорили за это. Но Мише было уже четыре года, и Урсуле очень хотелось иметь второго ребенка. <При моей работе у меня уже не будет времени для этого, да, может быть, после разлуки с Иоганном мне и не придется быть вместе с кем-либо и не захочется иметь ребенка>, – рассуждала она. И поэтому теперь, когда ребенок уже был, Урсула решила его сохранить. Безусловно, она понимала, что ее жизнь с появлением второго ребенка осложнится. Но ведь у нее уже был Миша, и она из-за него не прекратила работу, ее никто ни в чем не мог упрекнуть.

Неясно было, как к этому отнесется Рольф – ведь она формально все еще оставалась его женой. Рольф уже пять лет работал в Шанхае и вскоре должен был отправиться в отпуск в Европу. Путешествие для всей семьи было оплачено его английским бюро. Урсула собиралась поехать с ним. Она была очень рада возможности повидать свою семью, эмигрировавшую в Англию, а Центр хотел, чтобы она использовала удобный случай переговорить в Москве о своей работе. Положение самого Рольфа тоже было неясным. Он не знал, продлевать ли контракт с шанхайским отделением <Муниципал коунсил> еще на пять лет. Он стал убежденным коммунистом и не хотел более оставаться политически бездеятельным, о чем Урсула заранее проинформировала Центр.

Незадолго до отъезда в Европу произошло событие, которое сделало ее срочный отъезд из Китая необходимым, а возвращение ставило под вопрос. В Шанхае был арестован резидент, продолжавший работу Рихарда Зорге. Газеты сообщали, что на всех допросах он молчал, не назвав даже своего имени. Это абсолютное молчание стало сенсацией – о нем рассказывала мировая печать, называя арестованного «Мистер Икс». Ни Урсула, ни Иоганн его лично не знали, не имели с ним дела, но Центр предупредил разведчиков, что номер пишущей машинки <Рейнметалл>, принадлежавшей арестованному, может навлечь подозрение на Иоганна – его прикрытием была продажа машинок этой фирмы. Правда, ни он, ни Урсула не продавали пишущую машинку новому резиденту или его жене. У Урсулы был еще и дополнительная причина для беспокойства – этот человек был шефом и спутником жизни Кэт. Как там Кэт, как ее ребенок? Она ничего не знала и беспокоилась за судьбу подруги.

Итак, было решено, что Урсула должна срочно уехать. В случае если Иоганна привлекут по делу «Мистера Икс», он должен свалить все на свою подругу, как только она пересечет границу Советского Союза. Он, мол, продал машинку ей и больше ничего не знает. Они составили на ее имя счет. У Иоганна была другая задача – попытаться продержаться в Пекине.

Будущее Урсулы было полно неизвестности, но одно было ясно – предстоит разлука с Иоганном. Это было трудное расставание – они были близки не только потому, что выполняли одну и ту же работу, а потому, что любили друг друга. После пяти лет жизни в Китае разведчица покидала его с тяжелым сердцем. И огромной радостью впоследствии станет для нее день освобождения Китая в 1949 году. Но она сюда больше уже никогда не вернется, даже в качестве туристки. Пока она собиралась поехать в Китай, началась «культурная революция», и об этих намерениях пришлось забыть...

Перед отъездом из Китая и Рольф, и Иоганн безуспешно пытались уговорить молодую женщину прервать беременность. Она наотрез отказалась.

– Я не могу оставить тебя одну в таком положении – заявил тогда Рольф. – Мы встретимся в Европе, и ты никому не скажешь, кто настоящий отец ребенка.

Иоганн высоко оценил поступок Рольфа. Он сказал Урсуле:

– Если уж я не могу быть с тобой, то лучше Рольфа нет никого. Для меня это будет утешением.

Она промолчала. Мужчины пытались решать ее будущее, но она не хотела никому лгать, даже из-за ребенка. С Рольфом все было кончено. Да и решать, в какой стране и с кем работать, все равно придется не ей.

Добравшись до Харбина, Урсула отправилась в консульство за визой на въезд в СССР. День перехода границы был точно условлен с Иоганном. Однако консульский отдел в Харбине был закрыт. Разведчица, стоя перед зданием, спрашивала себя: <Неужели мне не повезет в самый последний момент?> Но волновалась она зря. Несколько дней ничего не решали, потому что Иоганна так никто и не заподозрил. «Мистер икс» никого не выдал. Его жена вскоре вернулась в СССР, получила высокую награду. Вот только советы Урсулы по материнству негодились – ребенка она потеряла. Урсула встретила ее в 1937 году в Москве, затем познакомилась и с ее мужем.

Во время многодневного переезда в поезде Урсула чувствовала себя так плохо, что боялась потерять ребенка. Миша же любил путешествия и всюду находил друзей и собеседников. Однако в этот раз мальчик грустил – он ни с кем не мог поговорить. Он пытался говорить по-немецки, по-английски, по-китайски – напрасно. Когда однажды поезд остановился и по перрону пробежала, мяукая, кошка, четырехлетний ребенок тихо сказал:

– Кошки умнее людей. Они все говорят на одном языке.

Глава 6

ОТ МОСКВЫ ДО ПОЛЬШИ СОВСЕМ НЕДАЛЕКО

Прибыв в Москву, Урсула сразу отправилась в разведцентр. Туманян сердечно приветствовал ее, но уже через пять минут заметил:

– Вы плохо выглядите.

Действительно, за полтора года, прошедшие с момента отъезда из Москвы Урсула похудела на двадцать фунтов. Она выглядела

бледной и изможденной, щеки впали, былой жизнерадостности поубавилось.

– Вы должны сходить к врачу, я направлю вас к нашему специалисту.

– Не стоит беспокоиться по пустякам, – возразила Урсула. – Я себя прекрасно чувствую.

Начальник не стал настаивать, и разговор перешел на работу в Мукдене. На многочисленные вопросы о Рольфе Урсула отвечала с жаром, восторженно рассказывая о действиях своего фактически бывшего мужа. Туманян на несколько мгновений замолчал, а потом предложил:

– Не согласишься ли ты отправиться работать в Польшу – с Рольфом?

Урсула на мгновение опешила – она ожидала всего, чего угодно, но не этого. Что делать? Она не могла требовать от Рольфа, чтобы он, после всего, что было, жил с ней под одной крышей, да и сама она этого не хотела. С прошлым было покончено. Несмотря на неважное самочувствие, она не чувствовала себя беспомощной и зависимой от других. Не боялась она и того, что придется в одиночку справляться с порученным делом. Немецких эмигрантов и разделенных семей в Европе было предостаточно. Она могла поехать в Польшу и одна. С другой стороны, Рольф с его профессией он в состоянии был предложить ей солидное легальное положение. А для него, впервые работающего по заданию Центра, лучше будет, если рядом окажется кто-то близкий, кто хорошо его знает. Она задумалась так глубоко, что не сразу услышала голос Туманяна.

– В чем дело? – удивленно спрашивал он? – Разве ты не рада? Ты ведь всегда была против развода...

«Особенно теперь, когда я ношу чужого ребенка! – усмехнулась она про себя. – Ах да, откуда ему знать о ребенке? Мы же с Иоганном не отчитывались о наших отношениях. С его стороны это предложение как нельзя более гуманно и логично...

– Я готова ехать в Польшу, – наконец, выдавила она. – А Рольф... пусть этот вопрос он решит сам.

Рольф решил его просто.

– Я же сказал, что не оставляю тебя до тех пор, пока ребенок не появится на свет, – сказал он. Урсуле оставалось только дивиться благородству мужа. Она вспоминала, как безропотно отпустил ее Иоганн...

Для работы Рольф казался просто находкой. Кроме профессии и безупречной репутации, он обладал еще и редким обаянием. Появляясь в обществе, он импонировал всем своей безукоризненной вежливостью, особенно по отношению к женщинам. В результате перед ним радушно распахивались многие двери. Правда, в политике он был, все-таки, еще очень наивен. Кроме того, Урсула опасалась, что для разведработы Рольф слишком мягок. Однако время показало, что она ошибалась в такой оценке своего бывшего мужа. Его мягкость несколько ему не мешала. Он умел выполнять опасные дела без нервозности и суеты, не теряя головы в самых сложных ситуациях, в которых начинали паниковать гораздо более опытные и закаленные люди.

Итак, этот вопрос был решен. В Польшу они ехали вместе.

Последним визитом в Москве стало посещение радиошколы. Из тех, кого она знала, там оставался только Марек. Затем они с Мишей отправились в Ленинград и оттуда пароходом за пять дней добрались до Англии.

Родители встречали их в лондонском порту. С отцом, братом и сестрами Урсула не виделась пять лет, но между ними сразу же установились прежние сердечные отношения. Рената, самая младшая сестренка, в свои двенадцать лет уже казалась убежденной коммунисткой. Сабина, которой исполнилось семнадцать, казалась кроткой, чем выгодно отличалась от остальных сестер. Одна из всех, она унаследовала мамину красоту, остальным в этом смысле повезло меньше. «И меньше всех – мне», – думала Урсула, глядя на сестренку. Бывшая Рева в свои двадцать три года была честолюбивой умницей, преисполненной сознания долга. Бригитта получила в Швейцарии степень доктора исторических наук и, как всегда, с величайшим прилежанием и энтузиазмом относилась к своей работе. В 1936 году она вышла замуж и теперь носила фамилию Льюис.

Юрген с женой и ребенком также жили теперь в Лондоне. Юрген к тому времени стал руководителем партийной организации КПГ, в которой состояли немецкие эмигранты, проживающие в Англии, продолжал писать книги и статьи по экономике и истории рабочего движения в Германии. «Так вот какая она, моя теперешняя «родина» – думала Урсула, оглядывая сумрачный город.

По сравнению с виллой на Шлахтензее, с множеством комнат и большим, спускающимся к озеру садом, три комнаты родителей в северо-западном районе Лондона выглядели убого. Вся семья тосковала по дому, в котором родились и выросли дети, по привычному ландшафту, естественно, тосковали и родители, но они не придавали слишком большого значения материальной стороне жизни. Впрочем, и эта лондонская квартира уже приобрела особую атмосферу благодаря научной работе отца: на письменном столе Рене Роберта Кучински навалом лежали тысячи белых листов бумаги, исписанных его мелким ровным почерком. На стенах, свободных от отцовских

книжных полок, висели мамины картины и рисунки. Мама кулинаричала, хотя по-прежнему не бросала свою живопись, и кухня своим богемным беспорядком напоминала ее студию в доме на Шлахтензее.

Каждое воскресенье собиралась вся семья, увеличившаяся за счет зятьев и внуков. Иногда за обеденный стол садилось двенадцать человек. Урсула, со свойственным ей юмором, так описывает обстановку этих семейных сборищ. <Будущие мужья младших сестер, вероятно, не сразу привыкли к семейным воскресным трапезам. Чужак-зять наталкивался на тесно сплоченный семейный клан, который вдруг расступался, принимая его в свои ряды. Шутки и остроты носились в воздухе, как стрелы. Быть может, и зять хотел изречь что-нибудь остроумное и таким образом добиться признания. Но куда там! Разве были у бедняги шансы вставить хоть словечко при таких бешеных темпах? Пока он еще смеялся над последним каламбуром, остальные уже слушали отцовские умные слова, вокруг которых завязывался оживленный спор. Его также наверняка потрясала непочтительность этих шестерых детей к своей матери, пока до него не доходило, что непочтительность эта была любовной и уважительной. Только мама пыталась предложить зятю нормальную застольную беседу. Сестры же считали, что новичок быстрее всего научится плавать, если бесцеремонно бросить его в водоворот семейного общения>¹⁶.

В Англию вместе с семьей приехала и Лиза Брокен, которую они с детства прозвали Олло, любимая няня Урсулы и ее сестер. Когда к власти пришел гитлеровский фашизм и на Шлахтензее начались обыски, она держалась мужественно и сохранила верность семье.

¹⁶ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. Стр.139.

После эмиграции Олло не могла примириться с мыслью о разлуке и последовала за ними.

Во время одной из таких трапез, выбрав момент, когда почти все склонились над своими тарелками, Урсула неожиданно, в тишине произнесла:

– А у меня будет еще один ребенок!

Застигнутые врасплох, родители и сестры некоторое время не произносили ни слова. Потом младшие начали смеяться, а старшие поздравлять. У Урсулы мелькнула горькая мысль, что она отчасти обманывает своих близких. Но всеобщий восторг избавил ее от необходимости лгать – каждый считал отцом ребенка Рольфа. И только вечером, сидя вдвоем с Юргеном, Урсула призналась брату:

– Знаешь, а ведь этот ребенок не от Рольфа. – И рассказала про Эрнста, Китай, избегая, конечно, подробностей. Открываясь старшему брату, Урсула в глубине души боялась осуждения и непонимания.

– Ты просто невозможная! – вынес свой приговор Юрген и улыбнулся. – Но это никоим образом не повлияет на мое к тебе отношение.

Самой младшей из детей Кучински в то время была Рената, которой было уже двенадцать лет. Олло, хотя и была глубоко привязана к Рени, сочла, что ее миссия в этом доме выполнена, и однажды вечером обратилась к Урсуле:

– Я очень рада, что у тебя будет второй ребенок. Но Миша еще не такой

взрослый, тебе будет тяжело с двумя маленькими детьми...

Урсула уже догадалась, куда клонит ее бывшая няня.

– Мы с Рольфом с радостью возьмем тебя с собой в Польшу.

Сорок визитов к польским чиновникам

В 1935 году, в год прибытия разведчицы в Варшаву, умер Юзеф Пилсудский, фактический диктатор Польши после организованного им в мае 1925 г. переворота, глава <санационного> режима. Деятель правого крыла Польской социалистической партии, он беспощадно расправлялся с революционным движением. В 1920 году Пилсудский руководил военными действиями против Советской России. Разведка в пользу России в Польше было крайне рискованным предприятием. После смерти диктатора мало что изменилось. Правительство оставалось антисоветским, коммунистическая партия была запрещена или находилась на полулегальном положении. Экономика страны была в плачевном состоянии. И, что хуже всего, если бы деятельность Урсулы и ее мужа в качестве разведчиков оказалась раскрытой, их ожидала бы выдача гитлеровской Германии, то есть худшее, что с ними вообще могло случиться. Родители рассказали Урсуле, что после 1933 года у них дома неоднократно проводили обыски, во время которых спрашивали об Урсуле, присовокупляя к этим вопросам угрозу: <Мы до нее еще доберемся>!

Задания, полученные от Центра, были пока не слишком сложны, так что было время осмотреться в чужой стране, получить разрешение на пребывание в ней, подыскать работу, обеспечивающую легальный статус, собрать передатчик и наладить связь с Советским Союзом. Последнее казалось разведчикам самым простым. Получить вид на жительство и работу было в те времена очень сложно, так как во многие страны мира хлынули эмигранты из нацистского рейха, и Польша практически закрыла для них свои границы.

<Семья> начала с приобретения хороших знакомых, по возможности коллег Рольфа по профессии. Первыми оказались Зиркусы, состоятельная и прогрессивно настроенная чета архитекторов. (После 1945 года они внесли большой вклад в дело

восстановления Варшавы). Супруги по-товарищески поддерживали Урсулу с Рольфом, даже не подозревая, как важна была им эта помощь. На тот случай, если им удастся остаться в стране, Зиркус сосватал Рольфу партнера-архитектора. Остаться в Польше им удалось, но на весьма специфических условиях: каждый раз им выдавали визу только на десять дней. Впрочем, они решили не забивать себе голову реальными и прогнозируемыми трудностями, а начать <нормальную жизнь>. Кавычки тут вполне уместны, потому что под нормальной жизнью они понимали возможность найти подходящее жилье и, наконец, смонтировать передатчик.

27 февраля 1936 года они въехали в дом на две семьи в варшавском предместье Анин. Верхний этаж в летние месяцы занимала пожилая супружеская пара, глава которой был армейским капитаном, что могло осложнить задачу. Но стояла зима, и капитана в наличии не было.

И вот Урсула впервые самостоятельно собрала свой передатчик, вспоминая, как в этом случае действовал Эрнст. Она с тревогой думала, удастся ли наладить связь. Если бы она потерпела фиаско, положение стало бы отчаянным, ведь устанавливать контакт с кем-либо из официальных советских представителей им было запрещено. Но она сумела собрать передатчик, который поместила в пустой патефонный ящик. Ночью, впервые в этой квартире, «Соня» при тусклом свете взялась за ключ, нижней частью которого служила все та же старая добрая китайская линейка с выведенным на ней чудесным изречением. Разведчица посылала вызов в течение двух минут, настроила приемник, и, к большому своему удивлению и радости, почти сразу же получила ответ. Она настолько обрадовалась, что, подтверждая получение ответа, поспешила и напутала: прежде с ней такого никогда не случалось.

Верная себе, Урсула, как только они оказались в Польше, заинтересовалась ее экономикой и политикой. Она изучала польский язык – к сожалению, при этом позабыв свой китайский, доставшийся ей так нелегко. И немало завидовала Мише, который как большинство детей, осваивал новые языки с непостижимой легкостью.

– Как много можно узнать от отдельных людей, если не пренебрегать таким источником информации! – поделилась однажды Урсула с Рольфом. Более спокойный Рольф не мог с нею не согласиться, хотя заметил:

– Основательное изучение различных газет тоже помогает сделать интересные выводы.

– Если бы еще понимать, о чем они пишут... – вздохнула Урсула.

Итак, в их распоряжении были подходящий для работы дом, хорошая радиосвязь с Центром и предложенный Зиркусом архитектор, который, при условии внесения небольшой суммы, был готов взять Рольфа в партнеры. Естественно, он ничего не знал о том, чем занимался немецкий архитектор и его беременная жена. Оставалась нерешенной лишь одна проблема, которая, впрочем, стоила всех остальных. У них по-прежнему не было постоянного вида на жительство. Вновь и вновь приходилось обивать пороги, просить, доказывать, сносить издевательское обращение, вежливо и терпеливо вымаливать продление срока визы. Рольф должен был почти ежедневно

наведываться в управление по выдаче виз и уже обзавелся прекрасными связями, например, посылал туда в качестве поручителя Зиркуса, который, в свою очередь доказывал, что без визы его друг не в состоянии как следует работать на благо Великой Польши. Урсула как-то раз в письме к родителям подсчитала количество визитов мужа в различные инстанции. Вышло не менее сорока раз. Промаявшись

несколько месяцев, Урсула с Рольфом, наконец, получили визу сроком на год. Таким образом, Рольф успешно решил две стоявшие перед ними трудные задачи: получение визы и обретение легального статуса.

— Это все ты, — говорили ему Урсула. — Я бы не смогла держаться так спокойно и умно. Меня с моим характером давно бы отсюда выставили...

«Черный»

Кроме Урсулы, в Польшу отправился еще один разведчик, болгарин — из тех, с кем она встречалась в Москве. Он должен был установить связи в Силезии, а также создать в стране разведывательную группу. Его жена и дети остались в Москве, и он с трудом обжился в Польше. Урсула встречалась с ним раз в месяц, передавала его донесения в Центр.

...Даже в официальных изданиях этого человека называли под разными именами — и под собственным, и под именем Стоян Владов. А еще он был в разных странах известен как Янко Музыкант, Иван Петров, Станко Кукец, Стоян Владов, «Черный», «Мориц». Настоящее же имя этого человека Никола Василев Попов: так он значится в архивах советской разведки. Хотя и это его имя не совсем то, которое дали ему при крещении.

Никола Попвасилев Зидаров родился 7 (19) августа 1908 года в селе Младеш Бургасского округа Болгарии в семье священника Василия Зидарова. Мальчик был очень талантлив, имел прекрасные музыкальные способности и удивительную память. В 1904 году его отец умирает, семья с трудом перебивается на маленькую пенсию. В 1906 году Никола поступает в Русенское военное училище машинистов Дунайской флотилии. Во время учебы он становится

марксистом, вступает в социалистический кружок. После окончания училища увольняется в запас и работает машинистом на железной дороге. Вскоре он переезжает в Пловдив, где знакомится с Василием Коларовым, одним из руководителей Болгарской социал-демократической партии, которая впоследствии становится Болгарской коммунистической партией. В 1914 году Попов вступает в эту партию.

Во время транспортной стачки 1919-1920 гг. Никола арестован и уволен с работы. Тогда он становится музыкантом, играет в городском кинотеатре. Женится на служащей парфюмерной конторы Невене Калистратовой, и в 1921 году они переезжают в Бургас, где он опять играет в оркестре. Там во время Сентябрьского вооруженного восстания возглавляет один из отрядов. После поражения восстания пробирается в Константинополь и связывается с советским консульством. Его отправляют в Москву, но задерживается он там ненадолго.

Вскоре БКП начинает подготовку нового вооруженного восстания. Военный центр партии занимается организацией партизанского движения в стране. Естественно, оружием их снабжает Советский Союз. Переправкой оружия из Одессы по черному морю руководит уже знакомый нам по Китаю Христофор Салнынъ, а помогают ему болгары, среди которых будущие сотрудники советской разведки – Иван Винаров, Христо Генчев, Никола Попов. Вскоре произошел провал. Военный патруль нашел партию оружия. На суде (на котором, правда, из 17 подсудимых присутствовало только семь, остальных в зал суда доставить не удалось) Иван Винаров и Никола Попов получили по 5 лет тюрьмы заочно. Впрочем, поставки оружия продолжаются, прибывают в страну и военные специалисты, среди которых все тот же Салнынъ.

После ускоренного курса военной подготовки в подготовке восстания снова участвует и Попов.

В начале 1927 года Никола под именем хорвата Станко Кукеца приезжает в Париж. Вступает в партийную группу политэмигрантов Французской коммунистической партии, участвует в партийной работе, работает в советском торгпредстве и в МОПРе. Но все это лишь «крыша» для нелегальной деятельности разведчика. Его помощниками в этом деле становятся болгарские коммунисты. А в 1929 году он, вопреки конспирации, вызывает из Болгарии в Париж жену с детьми. Кстати, именно в Париже он получил свой основной псевдоним – его прозвали «Черным» за смуглый цвет лица.

В 1927 году во Франции произошел крупный провал группы резидента Стефана Узданского, в 1931 году – еще один, группы Павла Стучевского. Французские спецслужбы стали уделять особо пристальное внимание деятелям французской компартии. Под наблюдением оказался и Кукец. В сентябре 1931 года он вместе с семьей уезжает в Москву. Некоторое время работает в аппарате Коминтерна, потом возвращается в Разведуправление штаба РККА. Но сначала его направили не работать, а учиться в Военную академию, которую он закончил в 1935 году. После учебы он получил направление в Польшу, в Краков. Теперь его звали Стоян Владов Николов, а его помощницей (по «легенде» – племянницей) стала Петрана Иванова. Сначала он устроился в Париже, потом – в Вене и, наконец, летом или осенью 1936 года, прибыл в Польшу, где купил большой участок земли и открыл садоводческое хозяйство – для прикрытия. В Польше он создал группу под кодовым названием «Монблан».

После начала Второй мировой войны группа продолжала работать. После 22 июня 1941 года его связь с Москвой почти полностью прекратилась, поскольку ни рации, ни радиста в группе не было. Тогда он стал сотрудничать с польским движением Сопротивления. В январе 1943 года Попов был арестован гестапо. Его отправили сначала в Освенцим, затем – в Маутхаузен. Погиб он 13 июля 1944 года в австрийском замке «Хартхайм», где проводились медицинские эксперименты над заключенными.

Таков был болгарин, донесения которого передавала Урсула.

Янина

После Китая Европа казалась Урсуле скучной. Она была оторвана от всего, что в течение пяти лет занимало все ее мысли и чувства, а полноценной замены не было. С Рольфом они жили как два товарища, ни разу не поссорившись, у них был сын и общие интересы. Но Урсула чувствовала себя подавленной, а Рольфу было еще тяжелее.

Незадолго до рождения ребенка Урсула отправилась в Краков, чтобы увидеться с Поповым. Краков – прекрасный город, и молодую женщину всегда радовали такие поездки. Она посещала замок, церкви, не забывала и магазины. Однако в этот раз поездка была тяжелой, она быстро уставала, и не оставалось ничего другого, кроме как возвращаться в маленький нетопленный номер на третьем этаже гостиницы.

Пытаясь справиться с плохим настроением, Урсула с грустью думала: <Как жаль, что рождения моего ребенка не ожидают с радостью два человека>. Из окна номера она рассеяно наблюдала за домом напротив. Какой-то мужчина стоял у окна, повернувшись в

профиль. Внезапно в его объятия скользнула девушка... <Счастливые!> – с завистью вздохнула Урсула.

27 апреля 1936 года в варшавской клинике <Опека> родилась Янина – здоровый, прелестный ребенок. Когда Нине исполнилось четыре дня и ее принесли для кормления, с улицы внезапно донеслась музыка – это был «Интернационал». «Сегодня же Первое Мая!» – вдруг вспомнила Урсула. Она вскочила и с ребенком на руках подбежала к окну. Вдруг ей на плечо легла чья-то рука. Это была главврач, доктор Украинчик. Она посмотрела вниз, на улицу, и тихо сказала:

– Там мои дочери.

Впоследствии Урсула иногда спрашивала себя, не нашли ли ее девочки свой конец в Варшавском гетто?

Рождение Нины обошлось благополучно. В день очередного выхода в эфир Урсула смогла покинуть клинику и добавила к своей ночной радиограмме короткое известие о том, что у нее родилась дочка. Миша был в восторге от сестренки. Теперь Урсула довольно много времени проводила с детьми. Часто они веселились на полянке перед домом. Олло, которая была без ума от девочки, проводила с детьми все время, во всем помогая Урсуле. Присутствие Олло избавляло разведчицу от огромного нервного напряжения – как часто во время своей работы в Китае она жила в тревоге и волнении за Мишу, а ведь теперь у нее на руках было двое. Однако Миша никак не желал признавать Олло.

– Возвращайся назад, в свой Лондон! – кричал мальчик. Он ревел, грубил, но моментально начинал сиять, как только в комнату входила Урсула. Дело дошло до того, что Олло в конце концов ударилась в слезы. Еще бы: она нарадоваться не могла на этого ребенка, а сейчас оказалась не способна завоевать его любовь.

Оказалось, что в Польше свидетельство о рождении выдается только крещеным детям, так что пришлось им отправиться в церковь, и дочка двух неверующих коммунистов стала католичкой. Юргена, приехавшего в гости в июле 1936 года, Урсула упросила быть крестным отцом, а крестной матерью стала Олло. В церкви неправильно записали профессию Юргена: вместо «статистик» написали «статист».

– А в самом деле, какая разница? – хохоча, поддразнивала брата Урсула.

В день возвращения Урсулы с дочкой из клиники их с Рольфом ожидала еще одна большая радость. В гости, на несколько дней приехал Гельмут – у него был отпуск, который он проводил в Европе. Урсула не расспрашивала их старого друга о подробностях его работы, и он тоже не задавал вопросов. Они говорили о политическом положении в Шанхае и Польше, он рассказывал о знакомых. Это была их последняя встреча – больше они не виделись.

Данциг

Вторым контактом, установленным по поручению Центра (это было еще до рождения Янины), стала группа товарищей в Данциге. Урсула не раз ездила к ним, а зимой 1936 года получила задание: на несколько месяцев перебраться в Данциг, чтобы лучше помогать группе.

В конце 1936 года Данциг официально еще считался <вольным городом>, однако эта <вольность> была весьма своеобразной. Здесь, на крошечном пространстве, нацисты повторили все учиненное ими в Германии. <Приобщение> Данцига к господствующей идеологии, которое позднее перешло в кампанию под девизом <Домой, в рейх!>

входило в военные планы Гитлера и претворялось в жизнь с методичностью и варварской жестокостью.

Данцигский сенат возглавлял нацист Грайзер, подчиненный нацистскому гауляйтеру Форстеру. Коммунистическая партия Германии была запрещена еще в 1934 году, и сотни ее членов томились в тюрьмах; в 1936 году запретили Социалистическую партию (СПГ), и в 1937 году ликвидировали партию Центра. На общественных зданиях появились флаги со свастикой, в учреждениях красовались портреты Гитлера. Польское население терроризировали, евреев запугивали, преследовали, арестовывали, если они не проявляли готовности <добровольно> покинуть Данциг. Эти меры отразились и на Урсуле. Перед тем, как сесть на скамейку в чудесном парке Олива или войти в магазин, она должна была убедиться, что поблизости нет запрещающей надписи. Некое кафе в Лангфуре поставило дело на особо солидную основу, вывесив объявление: <Здесь не желают видеть евреев, поляков и собак>.

Польское правительство, которое, согласно конституции, тоже имело право голоса в Данциге, почти ничего не делало для защиты даже польского меньшинства, не говоря уж об евреях. Лига Наций, когда в нее поступили жалобы в связи с неслыханными посягательствами нацистов на данцигскую конституцию, сочла <целесообразным не вмешиваться во внутренние дела Данцига>. СС, СА, полиция и союзы бывших фронтовиков готовились к предстоящей войне. Немецкие и польские коммунисты действовали в подполье, сопротивляясь режиму — мало кто из них остался в живых. В 1949 году, к моменту основания ГДР, в живых оставалось около 65 немецких коммунистов из Данцига; они обитали, главным образом, в старых немецких городах на побережье: Ростоке, Грейфсвальде, Штральзунде и Гревес-мюлене.

Польские почтовые служащие, железнодорожники, учителя и рабочие Данцига боролись за свои права и не сдавались, несмотря на нацистские преследования. У Урсулы была связь только с одной группой из шести человек, которым она должна была помогать советами и обеспечивать радиосвязь. Все члены группы были рабочие. Они собирали информацию и готовились к борьбе против нацистов. На данцигской верфи строились подлодки, и из Данцига же военные грузы отправлялись в Испанию. Промышленные предприятия работали на фашистов. В то время работа группы только начиналась, и основную свою задачу она видела в том, чтобы сунуть нацистам хоть какую-нибудь палку в колеса. Руководитель группы был членом Коммунистического союза молодежи. Это был человек лет тридцати, с тонкими чертами лица и каштановыми волосами. Он болел туберкулезом и жил с женой и дочерью в садовом поселке, в маленьком домишке.

Итак, в январе Рольф отправился в Данциг, чтобы подыскать жилье. Он искал отдельный дом — это было удобно для ведения передач. Сам он, однако, не собирался переезжать. Рольф решил остаться в варшавской архитектурной фирме, чтобы не потерять легального положения в стране. Они нашли прелестный домик с садом в 15 минутах езды от Данцига, но уже через неделю этот домик пришлось оставить. Сильный гул глушил и передачу, и прием — как оказалось, причиной тому была расположенная поблизости электростанция. Найти новый дом оказалось очень трудно, и Урсула с детьми въехала в дом-новостройку в том же городском районе Олива.

Помимо других трудностей — Янине было девять месяцев, Мише шесть лет, а тут переезд за переездом — пришлось объясняться с домовладельцем. Ну как объяснить свой переезд через неделю после заключения договора об аренде? Ведь семья оставалась в городе, и к

тому же переезд означал потерю квартирной платы, внесенной авансом за несколько недель. Договорились, что Рольф свалит все на свою капризную жену, которая, видите ли, вдруг решила, что с домом слишком много возни и лучше снять квартиру. После этого Рольф вернулся в Варшаву, а Урсула устроилась с Олло и детьми в новом жилище, собрала свой <патефон>-передатчик и начала выходить на связь дважды в неделю.

Квартира была солнечной. В большой комнате было окно с двойными рамами, между которыми оставалось широкое пустое пространство – для цветов. Там поставили коляску, в которой Янина часами спала или играла. В Данциге Мише исполнилось шесть лет. Семья отпраздновала этот знаменательный день первым в его жизни посещением театра!

Но многоквартирный дом внушал Урсуле и определенные опасения. Ей еще никогда не приходилось работать в такой обстановке. Она сразу же постаралась навести справки о других жильцах. Этажом выше жил какой-то чинуша из нацистской партии. Его жена, пропадавшая от скуки, любила поболтать и посплетничать – в частности, и о том, кто живет в доме. Объектом для излияния своих домыслов она обычно выбирала Урсулу, загруженную домашними обязанностями мать семейства.

Однажды ночью, расшифровав только что принятое сообщение, Урсула решила, что получила радиogramму, адресованную кому-то другому. Разве не могло такого случиться? Но как раз эта радиogramма начиналась с личного обращения <Дорогая Соня> и гласила: <Народный Комиссариат обороны постановил наградить Вас орденом Красного Знамени. Сердечно поздравляем Вас и желаем дальнейших успехов в работе. Директор>. Урсула была в растерянности. Она

считала, что этим боевым орденом награждают за особое мужество, проявленное во время революции или гражданской войны, на фронте, и не могла понять, почему наградили ее. Потом на смену смущению пришло чувство радости, смешанное с тревогой: <А не переоценивают ли мою скромную особу?>

Но за радостью тут же пришла беда. Утром, выйдя за покупками, Урсула встретила с супругой нациста.

– Мой муж сейчас в командировке, – сразу же сообщила женщина. Они поболтали о холодной погоде и – неисчерпаемая тема – перешли на милых соседей. Между прочим, соседка спросила:

– Ваш радиоприемник тоже так часто барахлит? Прошлой ночью опять ничего не было слышно!

– Я ничего такого не заметила, – ответила Урсула, внутренне напрягшись. – А в котором часу это было?

Соседка назвала время.

– Ну, так поздно я никогда не слушаю радио. В этот час я давно уже сплю.

Но соседка знала некую жгучую тайну и не могла утерпеть, чтобы не поделиться. Чуть наклонившись, она сообщила полусшепотом:

– Мой муж говорит, кто-то тайком работает с передатчиком, где-то совсем недалеко от нас. Он позаботится, чтобы в пятницу оцепили и обыскали наш квартал. К тому времени он как раз вернется.

Никогда в своей жизни, ни до того, ни после, Урсула не была так близко к провалу. Если бы не случайный разговор с глупой женой нациста, в пятницу она была бы уже в полиции, а в субботу, вероятно, в гестапо. Впрочем, осознание опасности пришло значительно позже. Сейчас она была спокойна, мысль работала четко.

<До пятницы еще остается время на один сеанс связи> – размышляла Урсула. С точностью до секунды она высчитала, как быстро удастся, в случае облавы, спрятать «патефон» и сжечь бумагу. Впрочем, что толку? Помехи от передатчика, все равно выдали бы ее с головой.

Время сеанса приближалось. Дом не был оцеплен, у нациста наверху темно. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: вероятнее всего, запеленговали и уже потом оцепили бы квартал, а не отдельный дом. Прием был отчетливый, так что времени на сеанс ушло мало. Урсула сообщила, что пока не сможет больше вести передачи, но что в четверг или субботу еще сможет выйти на связь. На следующий день разведчица отнесла <патефон>-передатчик к одному из товарищей.

Ответ от Центра, который был повторен несколько раз, она получила в четверг. Урсула ничего не передавала и даже не смогла подтвердить прием. Центр приказал вернуться в Польшу. В Данциге она пробыла примерно четыре месяца.

Позднее, приобретя более солидный опыт работы, Урсула анализировала все, что она делала «не так». Ведь нетрудно было догадаться, что в новых кварталах селятся, в основном, нацисты. А уж коль скоро ее угораздило выбрать этот район, надо было вести передачи поздно ночью, когда никто уже не слушает радио. Это просто чудо, что она вовремя обо всем узнала. И надо же было сообразить еще раз потом радировать из собственной квартиры – она прямо-таки нарывалась на арест! Надо было перенести передатчик к кому-нибудь из их группы и провести сеанс оттуда. «Как все это было легкомысленно!» – думала Урсула потом. Но тогда она не предавалась подобным размышлениям и считала, что делает все очень хорошо.

Визит «высокого гостя»

Вернувшись в марте 1937 года в Польшу, Урсула и Рольф поселились в другом предместье, в сорока минутах езды на автобусе от Варшавы. Это был дом в лесу на две семьи с садом, верхний его этаж пустовал. В этом домике, в середине мая, разведчица получила из Центра известие, что некий товарищ будет ждать ее в Варшаве на главной улице Новы Свят в такое-то время на таком-то углу. Никаких внешних условных примет не нужно.

Как всегда, Урсула оказалась на месте минута в минуту. Она была убеждена, что пунктуальность – одно из необходимых условий нелегальной работы. Некоторое время молодая женщина прогуливалась взад и вперед, а потом... потом с трудом удержалась от того, чтобы радостно поздороваться с подходившим к ней человеком! Еще бы, ведь это был Туманян! Он приехал, чтобы проконтролировать работу разведчиков.

Туманян провел в Варшаве несколько дней. Домик Урсулы ему понравился. Войдя в комнату, он огляделся и, улыбаясь, заявил:

– Теперь я понимаю, почему меблировка обошлась вам так дешево.

И в самом деле, не зная, сколько времени они смогут провести в Польше, Рольф и Урсула приобрели мебель не в магазине, а в столярной мастерской.

– Рольф сам покрасил ее! И я считаю, что тона просто прелестны, – похвасталась Урсула.

Визит Андрея она восприняла как приезд друга. Лопаясь от гордости, показала ему Янину и на этот раз призналась, что отец девочки – Иоганн. Андрей серьезно посмотрел на Урсулу, но, в конце концов, улыбнулся и больше не затрагивал этой темы.

Они обсудили работу и вместе съездили в Данциг. Но говорили по пути не только о работе.

– Урсула, я бы хотел, чтобы ты относилась ко мне не только как к начальнику, но и как к другу, – заявил Андрей. – Я даже настаиваю на дружбе.

Урсула, конечно, обрадовалась, но не успела спрятать удивленный взгляд. Андрей заметил его и объяснил:

– Мне кажется, что ты уже не излучаешь ту веселость, которая отличала тебя в московской школе. Ты переживаешь, что Иоганн далеко от тебя? А как у тебя дела с Рольфом?

– Я очень ценю Иоганна и все еще тоскую по нему, но вернуться к нему... Нет, этого мне, пожалуй, не хочется. А с Рольфом у меня отношения совсем неплохие. Нет, все обстоит не так уж плохо. Просто мне в этом отношении не везет, как и всем прочим жизнерадостным людям, в отличие от людей тихих и спокойных: стоит нам хоть чуточку приуныть, и это моментально всем бросается в глаза.

Андрей засмеялся, взял руки молодой женщины в свои и сказал:

– Соня, Соня...

Чуть позже, когда они говорили уже о деле, он сказал, что доволен ее

работой, и что Директор тоже доволен. Урсула чуть погрустнела.

– Я порой кажусь себе такой неумелой! В радиоделе постоянно появляются какие-то новшества, я не в состоянии за ними следить. Вот если бы еще поучиться в Советском Союзе!

К ее изумлению, Андрей согласился.

– Ты можешь поехать на несколько месяцев в СССР, а затем вернуться в Польшу.

Она шла и радовалась, что у нее есть Олло. В таких случаях няня была незаменима. На время отсутствия Урсулы Миша и Нина останутся в надежных руках. Она так обрадовалась, что едва не пропустила мимо ушей последнюю просьбу Андрея: он хотел, чтобы Урсула радировала в Центр о сроке его возвращения. Сообщение было совсем коротенькое.

Когда в тот вечер разведчица налаживала передатчик, Рольф, к счастью для нее, был в комнате. Она так и не поняла, что и во что она воткнула, но внезапно она получила такой удар током, что не могла оторвать руку от контактов. Урсула закричала. Рольф, побелевший, как полотно, сразу же выключил ток. Пахло горелым, большой и указательный пальцы у нее были обожжены до черноты. Несмотря на боль, она продолжала работу и, в конце концов, аппаратура была подготовлена. Но эта злополучная ночь была как заколдованная. В приемнике что-то без конца гудело, шуршало и трещало, Урсула не понимала партнера, он никак не мог принять ее сообщение. А ведь надо было передать всего-навсего не то сорок, не то пятьдесят групп знаков. Урсула промучилась несколько часов – и все без толку. На следующий день ей было стыдно и неприятно, но она рассказала о случившемся Андрею.

– А что произошло бы, касайся дело по-настоящему важного сообщения? – сердито спросил он.

– Теперь вы видите, что мне обязательно надо учиться? – нашла Урсула.

В следующую ночь ей, хотя и не без труда, удалось протолкнуть злосчастную радиограмму. А перед тем как проститься, Андрей сказал ей, что прочел в газетах: пятна на солнце вызвали помехи в атмосфере, которые повсюду отразились на работе радиоаппаратуры.

– Но в Москву вы все равно поедете, – закончил он.

Где встречаются люди? В Москве!

Итак, в июне 1937 года ей предстояло отправиться в Советский Союз. Олло с детьми отправили к родителям Рольфа на туристскую базу близ границы – они сняли там соседний дом. Когда Урсула задумывалась о свекрови, о том, как она любит свою мнимую внучку Янину, обман казался ей еще более отвратительным. Она уже не находила в себе сил молчать.

– Рольф, сколько можно обманывать твою мать? Мы должны рассказать ей правду о Янине.

Он вздрогнул и быстро посмотрел на нее:

– Не надо. Не доставляй ей новых огорчений. И без того сейчас трудные времена...

– Неужели он еще на что-то надеется? – промелькнуло у нее в голове...

В Советском Союзе Урсула пробыла три месяца. Первым из старых знакомых она встретила Карлоша. Ее, как обычно, для начала послали на отдых в Алупку, и Карлош улаживал все формальности. Он был все такой же – скромный, спокойный, надежный.

– Ты знаешь, что по поводу Герты ты была права? – спросил он.

Она знала. Вскоре после приезда ей как-то раз пришлось довольно долго ждать Туманяна в доме на Арбате. Там она встретила немца, которого ее начальник тоже вызвал к себе. Они разговорились. Естественно, они не посвящали друг друга в подробности своей работы, но Урсула узнала, что этот человек был мужем Герты. Их послали вместе за океан, в одну из колоний. На пароходе его жена и напарница по уши влюбилась в сержанта английской полиции, заявила, что не может без него жить и даже пыталась покончить с

собой. Ее мужу ничего не оставалось, как вернуться в Москву. «Я ведь с самого начала видела, что в ней что-то не так», – Урсула еще раз вспомнила, как внимательно и сосредоточенно Герта красилась, кажется, куда более сосредоточенно, чем работала ключом.

В Алушке она пробыла четыре недели, потом вернулась в Москву. Неподалеку, не то в Севастополе, не то в Ялте жила ее старая знакомая по Берлину, писательница Берта Ласк – ее муж работал там врачом. Урсула навестила ее. В 20-х годах она, вместе с Габо Левином и Гейнцем Альтманом не раз бывала в ее квартире в Берлине-Лихтерфельде. Берта рассказала, что Габо теперь живет в Москве, вместе с женой Хертой.

– Я ведь и ее знаю! – воскликнула Урсула. – Непременно зайду навестить. Мы с Габо были такими друзьями! Представляете, в 1924 году он, на свое жалкое ученическое жалованье, купил мне парабеллум. Они с Гейнцем учили меня стрелять! Потом, когда начались обыски, я спрятала его под стропилами – наверное, он и сейчас там...

В Москве она, действительно, навестила Габо. И он, и Херта очень обрадовались ей. Совсем недавно у них родился сынишка, и Урсула с удовольствием возилась с ним. В свое время Габо учил ее обращаться с пистолетом, а теперь она учила его обращаться с ребенком.

По возвращении из Алушки Урсула сначала жила в Москве, в гостинице. Товарищи, услышавшие, что она в Союзе, навещали ее, наперебой приглашали в гости. Среди них был Бруно Кюн – еще один ее знакомый по КСМГ. В Москве они случайно встретились на улице – рыжеватая шевелюра, веснушчатое лицо и удивительно синие глаза так выделяли его из толпы, что пройти мимо и не заметить было просто невозможно. В Берлине они встречались на собраниях,

демонстрациях и во время воскресных загородных поездок, но до более близкого знакомства дело не дошло. Теперь они, наконец-то, познакомились как следует. Урсула знала, что Бруно был арестован нацистами, но сумел вырваться на свободу, а недавно вернулся из Испании, где он был комиссаром Первого партизанского батальона. Они без устали говорили об Испании, о положении в Германии и о работе с детьми, которая его всегда особенно интересовала. Это была их последняя встреча – в 1941 году Бруно сражался в фашистском тылу там погиб.

Однажды, когда Урсула проходила по коридору дома на Арбате, из какой-то комнаты вышел молодой солдат, и в приоткрытую дверь она увидела сидящего за письменным столом Карла Римма из Шанхая! Несмотря на строгие правила поведения в этом учреждении, Урсула ворвалась в комнату и обняла его. Судя по форме, бывший заместитель Зорге был в высоком офицерском звании. Он обрадовался не меньше, чем Урсула, и в тот же вечер пригласил ее в гости.

– Вашу семью я все время встречаю случайно! – засмеялась она.
– То Луизу в Мукдене, теперь тебя в Москве!

А вскоре Туманян сообщил Урсуле, что на следующий день ей надо получше одеться – состоится торжественное вручение ордена Красного Знамени. Она надела свой лучший серый костюм, до блеска начистила туфли, необычайно долго расчесывала волосы. До Кремля она добиралась в открытом грузовике, вместе с советскими военнослужащими. Ветер превратил тщательно причесанные волосы в спутанную гриву. «Не судьба мне быть аккуратной», – смеялась она про себя.

В Кремле они прошли мимо часовых, миновали множество коридоров и очутились в небольшом зале. После нескольких минут ожидания вошел пожилой седой человек. Она не сразу поняла, что это

Калинин. Для Урсулы было особенно большой радостью получить орден из его рук – она много читала об этом человеке и глубоко чтילה его. Хотя процедура вручения орденов наверняка была для него чем-то привычным, Урсуле казалось, что он вносил в нее трогательную теплоту и сердечность. Калинин долго и крепко пожимал ей руку, и столь же долго аплодировали красноармейцы – вероятно, потому, что Урсула была среди них единственной женщиной. Свой орден за номером 944 она прикрепила, проделав в лацкане пиджака дырочку и навинтив на штифт двухсантиметровую плоскую гайку. Орденских планок тогда еще не существовало.

В тот же день Урсула встретила Фриду Рубинер – старую революционерку и замечательного пропагандиста теории марксизма, с которой познакомилась еще в Германии и которая лично знала Ленина и перевела на немецкий некоторые из его работ. Увидев орден, Фрида заключила подругу в объятия. Впрочем, свою награду Урсула носила только один день. А когда вновь уехала за границу, орден остался в СССР, в сейфе Разведупра.

Встречи, встречи... В Москве она снова увиделась и с Эрихом Куником, товарищем по рабочему движению в Берлине. Там он работал в Центральном Комитете. Эрих был умницей, внешне весьма симпатичен, любил и понимал молодежь. Урсула бывала в его московской квартире, где он жил с женой и сыном. С ним она моментально почувствовала себя так же хорошо и свободно, как и в Германии. До тех пор, пока он жестоко не раскритиковал ее роман, который она привезла с собой из Польши.

Этот роман не был первым произведением «писательницы» Урсулы Кучински. В детстве она мечтала о том, чтобы стать литератором, и немало «произведений» хранилось в ящике ее стола. А в Польше, в нарушение всех правил конспиративной работы, она

сделала первую серьезную попытку. Нарушение правил было тем более вопиющим, что она написала роман о советских разведчиках. Сюжет она взяла из своей шанхайской жизни, вспомнив Йозефа Вайнгартена и его жену-белоэмигрантку. Сюжет был такой: русская белоэмигрантка знакомится в Шанхае с немцем, влюбляется в него и выходит замуж. Она не знает, что ее муж – коммунист-подпольщик. Он рассказывает ей все только по пути в Европу, и говорит, что они останутся в Советском Союзе. Сначала женщина принимает этот план в штыки, но увиденное и пережитое в СССР и любовь к мужу превращают ее в другого человека. К концу романа она становится коммунисткой. Эту рукопись Урсула и привезла в СССР, надеясь заинтересовать своим опусом какое-нибудь издательство.

Однако рукопись постигла самая печальная судьба. Урсула жаловалась брату Юргену в письме: <Ее читали шесть человек, пятеро пришли к выводу, что сам материал очень интересен, но многое написано шероховато, а самое главное – надо решительно изменить конец, приведя его в соответствие с теперешними условиями. Женщина, видите ли, не может проникнуться взглядами мужа, а, напротив, должна стать причиной его гибели! Шестым из читателей был Эрих Куник, у которого я несколько раз бывала. Прочтя половину, он сказал:

– Ты спокойно можешь швырнуть рукопись в печку, ибо все это ни к черту не годится.

Его супруга назвала роман <детективной халтурой>.

Урсула обиделась: пусть ее книга не была совершенством, но отзыв Эриха она нашла слишком резким, а суждение его жены – просто глупым.

Самый благосклонный прием рукопись встретила у Фриды Рубинер. Она предложила роман одному издательству, которое

соглашалось выпустить его в свет после внесения некоторых изменений. Но на переделку романа потребовалось бы месяца три, а у Урсулы уже не было времени.

– Факт есть факт: эта рукопись и ломаного гроша не стоила, – вынесла сама себе вердикт Урсула. И, уезжая, оставила роман в Москве.

Первый неудачный опыт надолго отбил у нее охоту заниматься литературой. Но насколько характерно для того времени мнение всех шести читателей! Нельзя перевоспитать белоэмигрантку, она навсегда останется врагом, и любовь к ней может привести коммуниста только к гибели! Требование друзей к роману Урсулы было законом времени, и НКВД собирал свою кровавую жатву, в том числе и среди ее друзей.

Еще в первый приезд в Москву Урсула познакомилась с семьей рабочих из Гамбурга. Сейчас, навестив дом своих друзей в Сокольниках, она нашла там только Лизу и ребятишек, глава семьи был арестован. Разлив чай по чашкам, Лиза спокойно и уверенно сказала:

– Никогда мой муж не совершал никакого преступления против партии или Советского Союза.

– Может быть, он допустил какую-то серьезную ошибку по работе? – предположила Урсула.

– Может быть, и так. Ты ведь знаешь, какая идет борьба. Не всегда просто понять, где ошибка честного товарища, а где преступное деяние врага. У СССР столько врагов – ничего удивительного в том, что могут пострадать и безвинные.

Все же арест немецкого друга, как и последующие аресты других старых друзей, стали для нее глубоким потрясением. Она верила им, как самой себе, знала, что они никакие не враги – но они могли допустить ошибки, навлекшие на них подозрение. «Я и сама

работаю в таком месте, – думала Урсула, пробираясь по немощеной улице Сокольников, – Где одна-единственная ошибка может поставить под удар много людей и все дело. Безусловно, виновный должен отвечать, как же иначе... »

Карлош тоже был все время чем-то озабочен. Однажды, прощаясь с Урсулой, он сказал:

– Ах, Соня, по крайней мере, у тебя можно побыть в хорошем настроении.

Больше она его не видела. Зато много времени она проводила с Андреем, и даже некоторое время жила в его семье, пока ей не дали квартиру в доме для семей военнослужащих. Оттуда Урсула ездила в радиошколу и училась собирать новый сложный передатчик со смешным названием «пушпульный». Инструктором был корректный американец по имени Джордж: хороший учитель и такой же хороший товарищ. Во время своего следующего визита в СССР в 1938 году она узнала, что к нему приехала семья– жена и двое детей, и часто бывала в их доме.

В Москве она вновь встретила Григория Стронского, Гришу, фотографа из Шанхая. Они часто виделись друг с другом. Незадолго до этого был открыт канал Москва – Волга с речным вокзалом в Химках. Григорий пригласил Урсулу в плавание по каналу, продолжавшееся несколько дней. В один из дней, когда они стояли на палубе, Урсула, облокотившись на перила, задорно улыбнулась:

– А меня наградили. Калинин лично вручил мне орден Красного Знамени.

Григорий сначала не поверил, а потом страшно обрадовался и попросил:

– Слушай, если это не нарушит правил конспирации, расскажи, за что именно.

– Сама толком не пойму. Ничего особенно героического я не делала – работала, и все...

Как-то раз они были в кино. В фильме был момент, особенно близкий разведчице. Корабль терпит бедствие в море; радист пытается передать сигнал SOS, но передатчик выходит из строя. Тогда он, во власти смертельного страха, хватается за аппарат и начинает бешено трясти его.

– Я тоже так делаю, когда мой начинает дурить, – шепнула Грише Урсула, и они весело и беззаботно рассмеялись.

Это был последний раз, когда она видела Григория. Урсула так и не узнала, что он был арестован и расстрелян.

Но пожалуй, самую большую радость ей доставила встреча с Изой (Ирен Видемайер). Они сразу же почувствовали себя старыми подругами. Иза была хорошо знакома и с Фридой Рубинер. Покидая страну, Урсула простилась с Изой навсегда. Из-за частых поездок за границу приходилось рвать контакты даже с самыми лучшими друзьями.

Как-то раз ее вызвал к себе начальник военной разведки – в то время им был Семен Гендин. Разговор был нелегким. Соня подробно рассказывала о пребывании в Польше, о попытках получить вид на жительство. Начальник задавал вопрос за вопросом.

– Какие вопросы вам задавали? Что вы на них отвечали? С чиновниками какого ранга приходилось вам иметь дело? Каковы в Польше возможности для легализации? Как лучше всего действовать подпольщикам? Какие из их <легенд> способны внушить доверие?

Пока она отвечала, начальник держал в руках ее паспорт со множеством отметок о продлении разрешения на пребывание в стране, а потом сказал:

– Соня, я знаю, чего вам стоило уже хотя бы одно это.

– Моя заслуга здесь не так уж велика. Гораздо больше сделал мой напарник, – ответила Урсула. Она была рада случаю упомянуть о заслугах Рольфа.

А вскоре, к немалому огорчению Урсулы, у нее сменилось начальство. Андрей был переведен на другую работу – какую именно, она, естественно, не знала. Его преемник товарищ Хаджи (Хаджи Мамсуров) был по национальности осетин, принимал участие в гражданской войне в Испании и был женат на иностранке. Хаджи был коренастым, с коротко остриженными волосами, темными глазами и круглым лицом, часто принимавшим лукавое выражение. Урсула знала Хаджи не так хорошо, как Андрея, но оценивала достаточно высоко.

Хаджи-Умар Мамсуров родился в 1903 году в селении Ольгинского Владикавказского округа Терской области. В 1918 году вступил в РККА, служил в ВЧК, участвовал в гражданской войне. В Москву его привел случай. Во время одной из поездок Калинина по стране на него в кавказской деревне напала банда. Возвращаясь в Москву, Калинин взял с собой молодого раненого коммуниста-красноармейца, который понравился ему во время боя с бандитами, и рекомендовал Берзину. Так Мамсуров попал в Разведупр. В 1937 году он был секретным уполномоченным Специального отделения «А» Разведупра.

Школа, которую посещала Урсула, находилась под Москвой и готовила, помимо разведчиков, еще и партизан. Курсанты жили в школе, но Урсула решила сохранить за собой квартиру в Москве. В школе ей выделили раскладушку, так что, когда работа затягивалась, она могла там переночевать.

Перед началом занятий ее разыскал товарищ Хаджи:

– Один твой хороший друг в Москве, он хочет тебя видеть, если ты согласна.

Этим другом оказался Эрнст. Первое, что он сказал:

– Как здорово, что ты такая же тоненькая, как прежде.

Урсула же, не говоря ни слова, просто бросилась ему на шею.

Эрнст учился в той же школе, и на эти три месяца, подаренные судьбой, они, не ссорясь и не задумываясь о будущем, вернулись к своим прежним отношениям. Только один раз, после того как Эрнст рассказал обо всем случившемся с ним за это время, он спросил:

– Соня, ты не хотела бы остаться со мной навсегда?

Урсула задумалась. У него было много ценных качеств характера, но его нервозность, жесткость и нетерпимость не только не смягчились, а, наоборот, пожалуй, стали еще заметнее. И она вновь ответила отрицательно.

Эрнст тоже учился с этой же школе, они проходили один и тот же курс обучения. Кроме него, там было еще пять товарищей – бывших участников боев в Испании. Один из них особенно запомнился Урсуле. Это был крупный, сильный мужчина по имени Феликс, поляк по национальности, хорошо говоривший по-немецки. Он был ранен в Испании и не мог двигать рукой, болезнь прогрессировала. Этого умного человека отличало большое мужество. Второй <испанец> запомнился ей своим добродушием и некоторой ограниченностью.

Инструктором, готовившим партизан, был капитан Красной Армии. Он тоже принимал участие в гражданской войне в Испании и был награжден орденом Красного Знамени. Вместе с женой и двумя детьми капитан жил при школе. Молодых людей обучали всему, что должен знать партизан, оказавшийся среди врагов, особенно обращению со взрывчаткой. Химия Урсуле давалась несколько легче,

чем теория радиодела – с приготовлением взрывчатки она столкнулась еще в Мукдене. Там ее изготавливали партизаны, а здесь, в школе, они готовили ее сами. Урсула охотно занималась в школе. Ее тревожило лишь то, что Эрнст был невысокого мнения об инструкторе и не

скрывал этого. Он уже во второй раз проходил обучение и, если учесть его невероятные основательность и дотошность, безусловно, знал и умел многое, и, возможно, по знаниям инструктор действительно уступал ему. Напряженность между ними усиливалась, Урсуле вновь и вновь приходилось успокаивать Эрнста, чтобы не дошло до открытого конфликта. Позднее, уже после отъезда Урсулы, Эрнст из-за этих осложнений покинул школу.

Расставаться с Эрнстом было трудно, но Урсула приняла решение, и оно было

окончательным. После обучения она вернулась в Польшу. Дом, в котором семья до сих пор жила, владелец продал. Поскольку Рольфу по работе часто приходилось бывать в Кракове, а Урсуле предстояло по-прежнему встречаться с болгарским коллегой, они решили уехать из Варшавы. Семья перебралась в Закопане, где сняли деревянный дом. Вилла <Майя> лежала на высоте 3100 метров над уровнем моря, и оттуда можно было любоваться горами, возвышавшимися на две тысячи метров. Природа была удивительно красива.

Урсула полностью отдалась семье и детям. Янина еще ничего не говорила, только напевала что-то постоянно. В Мише неожиданно вспыхнула страсть к статистике. Ежедневно он засыпал маму вопросами: <Сколько ребят в мире ходят в школу, едят сегодня шпинат?> А потом вдруг: <Что такое наш дом для блохи?> Однажды Урсула застала его за обмером печи. Оказывается, он сам решал эту задачу. «Печка для блохи то же, что для нас дом в 98 этажей. Что

такое наш дом для блохи, я могу сосчитать, только когда выучу большую таблицу умножения».

Вскоре Соня получила задание еще раз съездить в Данциг – не ладилась сборка передатчика. Там она встретила всю свою старую группу и нового радиста. Это был молодой парень из той же школы, где училась и она, соображавший настолько медленно, что это беспокоило ее еще во время пребывания в СССР. Приехал он с женой, которая выросла в деревне и была абсолютно аполитичным существом. Соня помогла ему собрать передатчик.

Наладив связь, она уехала, мрачно размышляя в дороге о том, почему из стольких замечательных товарищах, опытных, сражавшихся в Испании, выбрали именно этого человека. Наверняка ему нельзя было отказать в смелости, но одного этого недостаточно для выполнения того, что от него требовалось.

«Неужели наше направление работы совсем не важно для Москвы?» – закрадывалась мысль.

Соня считала, что делает в Польше слишком мало. В самом деле, у данцигской группы был собственный радист, От болгарина сообщений поступало немного, и на связь она выходила только раз в две недели. Поэтому она была рада, когда год спустя, в июне 1938 года, ее отозвали. Единственное, что омрачало радость, было расставание с домом, к которому она успела привязаться.

Тридцать восемь лет спустя она вновь увидела Закопане. За это время появились тысячи новых домов, и найти здесь их старых дом у нее не было никакой надежды. Взяв в руки фотографию, сделанную в те давние времена, она двинулась по направлению к горам, добрела по неизвестному шоссе до автобусной остановки, прошла еще несколько шагов – и замерла на месте.

– Вот он, наш дом!

Изменения произошли и здесь. Раньше тут был только луг, не было никакой мощеной улицы. Она вновь и вновь пересчитывала стойки и доски на балконе, и тут увидела вырезанное на дереве название: вилла <Майя>. У нее заколотилось сердце. Глубоко вздохнув, Урсула позвонила. Вышел очень старый человек, нацепил очки и пробормотал:

– Фотография нашего дома... Да, вот балкон... »

Урсула продолжила про себя: «А там, на крыше, мы когда-то натянули

антенну». Но вслух этого не сказала.

Глава 7

«ЖМЕРИНКА» ВЫХОДИТ НА СВЯЗЬ

Новое назначение

... И снова три месяца в Москве, снова старые друзья. Она опять увиделась с Кэт – поистине, ей везло на китайские встречи. Познакомилась и с ее мужем, «мистером Икс». Только теперь она узнала, что зовут его Яков Бронин. Кэт снова ждала ребенка. Урсула радовалась, что хотя бы у этой пары все благополучно.

В августе 1938 года она получила на выбор два предложения: Финляндия или Швейцария. Ей больше хотелось в Финляндию, эта страна казалась интереснее. Но в Швейцарии работать было бы проще: ее отец имел там знакомых в Лиге Наций, да и проблем с языком, как в Финляндии, не возникало. Затрудняясь в выборе, она предоставила бремя решения Центру, и ее направили в Швейцарию.

В то время между СССР и Швейцарией не существовало дипломатических отношений. Они были разорваны в 1923 году, как раз в то время, когда европейские страны одна за другой признавали Советскую Россию, и возобновились только после Второй мировой войны. В стране не было ни дипломатических, ни военных представительств, поэтому связь и руководство разведкой были затруднены. Связь приходилось поддерживать через соседние страны – например, Францию или Италию.

<Банковская столица мира>, традиционно соблюдала политический нейтралитет, отсутствовала там и серьезная военная промышленность. Поэтому Швейцария как таковая была мало привлекательной страной для разведки. Там это понимали и не слишком боялись шпионов: обычно уличенный иностранный разведчик просто-напросто высылался из страны. Исключение делалось только для нацистских агентов; их подвергали более суровому наказанию – в Швейцарии опасалась немецкого вторжения. Так что с территории нейтральной Швейцарии можно было достаточно удобно и в наименьшем риске вести работу против фашистских Германии и Италии. Общественное мнение страны было настроено антифашистски, правительство также не симпатизировало нацистской Германии, и, если и предпринимало какие-то шаги в ее интересах, то только под сильнейшим нажимом. Фашистских организаций в стране было немного, их деятельность не приветствовалась властями, и даже немцы, проживавшие в Швейцарии, в основном, были противниками нацизма.

Итак, Урсуле предстояло стать одним из швейцарских резидентов советской военной разведки и вести с территории этой страны работу против нацистской Германии. В первую очередь она должна была собрать группу надежных людей, которые могли бы

выполнять задания на территории Германии. Перед отъездом из СССР она познакомилась со своим будущим напарником Францем Оберманнсом.

Франц Оберманнс родился в 1909 году в Вупперталь-Эльберфельде, в семье кельнера. Окончив школу, он пошел по стопам отца, в 15 лет став учеником кельнера. Франц вступил в профсоюз, а позднее, в 1925 году, в Коммунистический союз молодежи Германии. В 1927 году Оберманнс попал в <черный список>. Работая на бумажной фабрике, он, как член союза фабричных рабочих, вступился за одного из своих товарищей. <Черный список> означал безработицу: теперь не оставалось даже призрачных шансов на то, что он со временем превратится в <добропорядочного> гражданина.

В 1932 году Оберманнс вступил в Коммунистическую партию Германии и стал участником Союза красных борцов. Первый арест последовал уже в феврале 1933 года. Уголовный суд в Лейпциге, якобы за подготовку государственной измены, приговорил его к двум с половиной годам заключения в исправительных и каторжных тюрьмах. Сразу же после выхода из тюрьмы, в 1935 году, он снова стал заниматься антифашистской деятельностью, но вскоре, под угрозой нового ареста, эмигрировал в Чехословакию, однако и на положении эмигранта продолжал работу.

В сентябре 1936 году Оберманнс попадает в Испанию, в пулеметную роту батальона <Чапаев> XIII интербригады. Затем короткое пребывание в Красной Армии, и вот, наконец, закончив курс той же спецподготовки, которую ранее прошла Соня, он встречается со своим будущим начальником. Франц должен был приехать в Швейцарию несколько позже Урсулы и попытаться

установить связь с авиационными заводами <Дорнье> во Фридрихсхафене.

...Но сначала она отправилась в Англию: надо было забрать детей. Кроме того, она хотела установить контакт с английскими ветеранами испанских событий. Бывшие интербригадовцы были достаточно надежными, проверенными людьми и, перед тем, как искать агентов на месте, стоило посмотреть – нельзя ли направить в Германию кого-либо из них. В этом был и особый интерес: англичане в довоенной Европе пользовались как бы особым статусом, большим, чем прочие европейцы, уважением – в том числе и в Третьем Рейхе. Состоятельные англичане достаточно свободно перемещались по Европе, иной раз подолгу жили в приглянувшемся месте, и никого это не удивляло – эксцентричность подданных Ее величества была общеизвестна.

В Англию она добиралась круглыми путями. Наконец, добралась, увиделась с детьми, которые провели три месяца на побережье вместе с Олло. Дети были в порядке. Повезло ей и в другом. Урсула привлекла к своей работе сестру Бригитту, Бриджет Льюис, которая была знакома с Дугласом Спрингхоллом («Бендикс»). Этот человек, бывший морской офицер, член политбюро Коммунистической партии Англии, не задавая лишних вопросов, согласился помочь. Урсула, через Бригитту, попросила подыскать двух-трех надежных людей, готовых отправиться в Германию для нелегальной работы – естественно, не сообщив, что работает на СССР. Посоветовавшись со знакомыми коммунистами из английского батальона Интернациональных бригад, тот порекомендовал Александра Аллена Фута. Она отправила в Центр данные на этого человека и получила разрешение привлечь его к работе. (Без санкции

Москвы новых агентов Соня не вербовала). Они должны были еще раз встретиться, но Фут заболел, и Урсула, оставив для него все необходимые указания, уехала в Швейцарию вместе с детьми и с неизменной Олло. Позднее, по рекомендации все того же Спрингхолла, был привлечен к работе еще один английский интербригадовец – Леон Бертон.

Политические события подстегивали ее: незадолго до отъезда из Англии состоялся <мюнхенский сговор>. Сначала западные страны сдали фашистам Испанию. Теперь они же сдавали Чехословакию. Кто будет следующим?

...Дети уже привыкли к постоянным переездам. Миша успел пожить в Китае, Польше, Чехословакии и Англии, поговорить на четырех языках – немецком, английском, китайском и польском. Теперь ему предстояло жить в Швейцарии и учить французский. Впрочем, при всех переездах, у детей было то, что называется родным домом – Урсула неизменно заботилась об этом, то одна, то вдвоем с Рольфом. Но срок их жизни с Рольфом подходил к концу. Он должен был оставаться с семьей лишь до тех пор, пока они не устроятся в Швейцарии. Ее бывший муж уже нашел точку приложения своих сил – он попросил Центр о направлении на работу обратно в Китай.

После недолгого пребывания в пансионе в Лозанне они нашли дом. Это была модернизированная крестьянская усадьба в горах Французской Швейцарии, на высоте 1200 метров. Дом стоял на холме и так и назывался: <Кротовый холм>. Позади дома было целое поле нарциссов, любоваться на которое весной приезжали люди издалека, чуть ли не со всей Швейцарии. Зимой здесь было полно лыжников. В остальное же время года обитатели усадьбы не были избалованы прохожими и приезжими людьми. Позади дома был хлев с коровами,

принадлежавшими местному крестьянину по имени Франсуа, с женой которого Урсула быстро нашла общий язык. Мишу определили в находящийся неподалеку детский пансион, где была школа. Несмотря на то, что мальчик пошел в школу впервые, он оказался хорошо подготовленным – недаром Урсула столько занималась с ним в Польше.

Естественно, первое, что сделали Урсула и Рольф, въехав в новый дом – это установили передатчик, надежно спрятав его во встроенном бельеовом шкафу в одной из трех комнат дома, причем так удачно, что во время работы его не нужно было даже вытаскивать. Отверстия для проводов они искусно замаскировали, закрыв вплотную пригнанными деревянными затычками, так, что они совершенно были похожи на следы сучков. Связь удалось установить быстро, и качество ее было вполне приемлемым. 28 октября 1938 года Соня передала первую радиограмму в Центр. Там ее знали как корреспондента «Жмеринка».

Отвлечемся на время от Рут Вернер и расскажем о том, о чем мало кто знает. Образ радиста-нелегала, кочующий из книги в книгу, из фильма в фильм, хорошо известен читателям. Известно им и то, с какими трудностями и опасностями сопряжена работа радистов. Но немногие знают, какие сложные проблемы влекла за собой организация этих радиосеансов для Центра. Обычно нелегальные радиостанции имели малую мощность и были достаточно элементарными по конструкции, чтобы радисты, имевшие, как правило, небольшую подготовку и малый опыт работы, могли с ними справляться. (Исключения, конечно были – такие, как, например, уже знакомый нам Макс Клаузен, радист Зорге. Но это были именно исключения.) Большинство радистов имели очень небольшую квалификацию, и поддерживать с ними связь было очень трудно.

Для выполнения этой задачи на приемном радиоцентре в Москве выделяли самых квалифицированных радистов. Основной радист вел связь, управлял радиопередатчиком, а остальные, вместе с ведущим, принимали радиogramмы. Прием производился в разных местах, то есть, на разнесенных антеннах, что усиливало возможность правильно принять радиogramму, не требуя ее повторения – чем короче сеанс связи, тем безопасней это для радиста-нелегала. Протяженность линий радиосвязи была самая разнообразная – от сотни до нескольких тысяч километров. И от принимающих радистов требовалось хорошо знать и умело пользоваться особенностями распространения коротких волн, уметь маневрировать частотами. Но, в конце концов, все эти трудности были преодолены, и советская разведка умело использовала маломощную радиоаппаратуру, организуя с ее помощью достаточно надежную связь.

По воспоминаниям ветерана спецрадиосвязи ГРУ К. Покровского, «всех радиооператоров центрального радиоузла военной разведки предупредили: корреспонденту «Жмеринка» максимум внимания. Чтобы ускорить его обнаружение и в эфире долго не держать, одновременно три оператора сели за разные радиоприемники. В условленное время все трое обнаружили немного сбивчивый от волнения сигнал. Потом новичок передал шифрованную радиogramму и исчез»¹⁷.

Сразу же Урсула начала устанавливать и необходимые для работы связи. С помощью отца она познакомилась с англичанином Блеллохом, занимавшим неплохой пост в Лиге Наций, и его женой, отец которой, журналист, сотрудничал с <Манчестер гардиан>. Была среди ее знакомых и женщина по имени Мари, библиотекарь Лиги Наций, и журналистка левого направления Катя. Мари сотрудничала в

¹⁷ Михаил Болтунов. Ахиллесова пята разведки. М., 1999г. Стр.106.

еврейской эмигрантской организации, что в свое время окажется полезным: с ее помощью Урсула и ее третий муж смогут получить латиноамериканские паспорта, что облегчит им, когда придет пора, выезд из страны. В Лиге Наций народ был специфический. Урсула вспоминает: «Типичная для Мари и ее окружения черточка: узнав о моих случайных ночевках у Кати, Мари лукаво спросила: <Так ли уж это безобидно? Ведь у Кати, кажется, всего одна комната с двуспальной кроватью?>¹⁸ Впрочем, подобные подозрения, хотя и противные, были все же менее опасны для Урсулы, чем правда.

К числу ее новых друзей относились и немецкий коммерсант Вернер и его жена Мириам. В Швейцарии супруги жили <транзитом> в ожидании визы в Южную Америку. По возрасту они были примерно ровесниками Рольфа и Урсулы, имели двоих детей. Настоящей находкой, если иметь в виду чисто человеческие отношения, стало для Урсулы знакомство с Ирэн Форбс-Моссе. Ей было далеко за семьдесят, но она относилась к тем женщинам, что и с возрастом не стареют. Ирэн была родственницей Беттины фон Арним, современницы и почитательницы Гете, и известного экономиста Луи Брентано. К Урсуле, а позднее и к ее мужу она относилась, как к внукам.

Англичане

Вскоре в Женеву приехал и Фут, завербованный Урсулой интербригадовец, получивший подпольную кличку Джим. Он еще не знал, что ему предстоит: направляя в Швейцарию, его спросили только, готов ли он работать в опасных условиях. Это был первый агент Сони как руководителя группы. Она встречалась с ним

¹⁸ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. С.171.

несколько раз по несколько часов, изучала все: каждое слово, интонации, мимику, движения рук. Впрочем, Джим был умен, находчив и сообразителен, а рекомендация испанских ветеранов была гарантией и его мужества.

Александр Фут родился в 1905 году в Ливерпуле. В молодости симпатизировал консерваторам. Он работал автомехаником, пытался торговать мотоциклами, но стать состоятельным человеком так и не смог. В то же время вместе с друзьями, которые придерживались, в основном, левых взглядов, он ходил на собрания левых лейбористов и коммунистов. Многие теоретические вопросы были ему непонятны, однако практическая сторона работы нравилась. Постепенно он проникался симпатией к коммунистам, однако в компартию не вступил: его друг, Джордж Браун, посоветовал ему, учитывая сложную обстановку в Англии, не афишировать свои отношения с коммунистами. С началом войны в Испании Фут вступил в интербригаду и вернулся в Англию в 1938 году.

Джиму было чуть больше тридцати лет. Он был высокий, несколько склонный к полноте, с белокурыми, чуть рыжеватыми волосами, белесыми ресницами, голубыми глазами. Любил комфорт, хорошо поесть и выпить. Урсулу настораживал в нем некоторый цинизм – впрочем, не настолько сильный, чтобы всерьез повлиять на ее отношение к новому товарищу. Тем более, что ему предстояло опасное задание: отправиться в Мюнхен и попытаться проникнуть на авиационные заводы <Мессершмитт>. Кстати, ни имени, ни адреса Урсулы Джим тогда не знал, встречались они в Женеве, так что риск для нее был минимальным.

О Джиме упоминает в своих записках и швейцарский резидент Шандор Радо. «Александр Фут произвел на меня довольно смешанное впечатление, — пишет он. — Он был, несомненно, умный, волевой человек, ценил юмор и сам с удовольствием пользовался им, иногда заостряя его иронией. Высокий, плечистый, веселый, он являл собой воплощение здоровья, если бы не бледность лица, говорившая о какой-то скрытой болезни.

По-видимому, Фут не получил хорошего образования, у него даже не было какой-либо определенной специальности. Иностранными языками он владел неважно: немного говорил по-немецки, лучше — по-французски, но сильно растягивая слова, будто заикался.

Но что особенно меня удивляло в Александре Футе — это отсутствие политического образования. Находчивый в решении некоторых технических или хозяйственных вопросов, он слабо разбирался в сложной международной обстановке. Более чем туманны были и его представления об истории рабочего движения»¹⁹.

Затем в Швейцарию прибыл второй англичанин — Леон Бертон, Лен. Он был на пять лет моложе Фута. Поскольку этот человек будет играть в жизни Урсулы совершенно особую, исключительную роль, предоставим слово ей самой. <У 25-летнего Лена была густая каштановая шевелюра, сросшиеся брови и каре-зеленые ясные глаза. Был он тонок, по-спортивному подобран, силен и мускулист. То застенчивый, то задиристый, Лен производил впечатление человека, пока еще не <отлившегося> в окончательную форму, в котором еще порядочно оставалось от мальчишки. В отличие от Джима, Лен был неприхотлив в материальном отношении и, тоже в противоположность

¹⁹ Шандор Радо. Под псевдонимом "Дора". М., 1992г. Стр.76.

Джиму, в высшей степени деликатен»²⁰. Может быть, Лен тогда еще и напоминал мальчишку, однако, что касается его отношения к Урсуле, то оно сразу же «отлилось в окончательную форму». С первой же встречи с ней, в Ве́ве, перед магазином стандартных цен, он влюбился в свою начальницу раз и навсегда.

Услышав, что предстоит опасная работа в Германии, Лен был счастлив. Он отнесся к новому заданию как к естественному продолжению испанской войны, которая была «звездным часом» его жизни. Умный, начитанный и наблюдательный, он был в общении скромен и производил на окружающих впечатление несколько застенчивого молодого человека. Лен должен был легализоваться во Франкфурте-на-Майне и проникнуть на завод «И. Г. Фарбенинду́стри». Кстати, радостная готовность взяться за опасную работу не была проявлением эйфории, как можно было подумать, а оказалась постоянной чертой характера Лена, в отличие от Джима – Аллена Фута.

Только в 1959 году, на встрече участников испанской войны, Урсула узнала о том, как Лен вел себя на войне. Оказалось, что некий американский психолог, потрясенный, пригласил его на специальную беседу, как человека, полностью лишенного чувства страха, до такой степени лишенного, что даже на войне подобных ему людей психолог не встречал. Так что опасная работа в Германии, на грани гибели, была ему вполне по душе. Лен отправился во Франкфурт-на-Майне, где поселился в доме вдовы тайного советника как «постоялец, принятый в семью», в которую входил еще сын хозяйки, агент по продаже пианино, со своей молодой женой. Лен представился как сын погибшего на войне англичанина, племянник состоятельного человека, германофила, который решил познакомить его с Германией.

²⁰ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. С.172.

Семейство приняло горячее участие в <воспитании> Лена – водило его в театры и на выставки, обучало языку.

Только в конце апреля 1939 года, последним из группы Сони, в Швейцарию прибыл Оберманнс. В результате несчастного случая на занятиях по химии в разведшколе он поранил лицо осколками стекла и был вынужден ждать, пока не заживут порезы – такое «украшение» разведчику было совсем ни к чему. Франц поселился во Фрибуре, на западе Швейцарии. Жил он по финскому паспорту на имя Эрика Ноке, что было не только достаточно забавно, так как не знал ни слова по-фински – но и опасно. Впрочем, с финнами в Швейцарии было туго.

Итак, Урсула зажила жизнью добропорядочного швейцарского буржуа. Домик в горах, дети, старая няня. Уже спустя три месяца, на рождество 1938 года, она принимала у себя гостей: двух своих сестер с мужьями и отца. Не менее добропорядочные, чем она сама, английские родственники, в том числе видный ученый, также способствовали созданию хорошей репутации. А репутация была очень важна – власти выдали ей разрешение на проживание в стране только до 30 сентября 1939 года. А сразу после праздников должен был уехать Рольф. Он нашел в Марселе радиошколу и решил перед отправкой обратно в Китай подучиться радиodelу. Подозрений это не должно было вызвать никаких: за что только не брались в то время эмигранты из Германии, чтобы заработать себе кусок хлеба!

Рольф уехал, а в феврале 1939 года Урсула вновь увиделась с Футом, несколько позднее – с Леном. Жизнь и работа шли своим чередом. Кроме информации, Центр интересовали возможности для диверсий, и неугомонные <испанцы> придумали странную реализацию этой идеи. В то время во Франкфурте на аэродроме был выставлен для обозрения огромный дирижабль, перелетевший через Атлантический океан. Лен обнаружил, что в этот дирижабль совсем

нетрудно будет подбросить пакетик с зажигательной смесью. Соня решила, если удастся получить согласие Центра на эту <диверсию>, подключить к этому делу и Фута. Лен съездил к нему в Мюнхен. Александр не проявил энтузиазма – его можно понять, не правда ли?! Кроме общескептического отношения к идее Лена, он считал, что в ангаре не будет достаточного доступа воздуха для того, чтобы пламя как следует разгорелось. Но Соня и Лен так хотели хоть чем-нибудь повредить нацистам – хотя бы разрушить этот дирижабль, которым они так гордились!

Как ни странно, идея расправиться с дирижаблем заинтересовала Центр. В июне Лен и Фут приехали в Швейцарию, Соня, припомнив все, чему ее учили, купила химикалии, показала им, как готовить зажигательную смесь. Они вместе сделали <зажигалку> и испытали ее: все получилось. Лен и Фут уехали в Германию, получив задание самостоятельно изготовить и испытать такие же пакетики. С этим заданием они справились, но дирижабль так и не подожгли.

Более интересным был случай в Мюнхене. Случайно они оказались там во время парада эсэсовцев в память их товарищей из легиона <Кондор>, убитых в Испании. Церемония была впечатляющей. По всем четырем сторонам Одеон-платц, переименованной в Площадь Мучеников, стояли эсэсовцы, каждый из которых держал в руках плакат с именем погибшего товарища. Если бы они знали, что среди зрителей этого парада находятся люди, причастные к гибели тех, чью память они так торжественно отмечали! А Лен и Фут, насмотревшись на церемонию, решили перекусить и зашли в небольшой ресторанчик на Леопольдштрассе. Там сидели две женщины и кого-то ждали. Друзья устроились за столиком. Вдруг распахнулась дверь, и в сопровождении эсэсовцев вошел сам фюрер. Гитлер прошел в отдельную комнату, женщины зашли к нему, а к

нашим разведчикам подошли охранники и... попросили их не курить, поскольку фюрер не выносит табачного дыма. Как оказалось, хозяин ресторана с давних времен поддерживал нацистов, и с тех пор Гитлер время от времени заглядывал туда. У Сони тут же мелькнула идея об уничтожении Гитлера. Но, пока идея согласовывалась с Центром, ситуация изменилась, и диверсия стала невозможной.

Война надвигается

Между тем положение Урсулы становилось все более сложным. Никто не мог предугадать, нападет ли Гитлер на Швейцарию. В этой обстановке статус эмигрантки, да еще еврейского происхождения, да еще с просроченным немецким паспортом (естественно, выправить новый Урсула не могла) был очень и очень ненадежным. Правда, у нее был еще гондурасский паспорт, но толку от него тоже было мало. Он годился на самый крайний случай, если придется срочно эвакуироваться. Центр поинтересовался, можно ли достать другие документы. И тогда у Урсулы возник план: пока Рольф еще находится в Европе, начать бракоразводный процесс, а потом вступить в фиктивный брак с англичанином: Джимом или Леном – все равно. Оба были холосты, но по возрасту Джим подходил больше, и Урсула выбрала его.

Все-таки, ей везло на мужчин. Рольф был подлинным рыцарем, заботливым и далеким от всякой мелочности. После окончательного решения о возвращении в Китай выяснилось, что его начальником на месте должен стать не кто иной, как Иоганн Патра. В такой щекотливой ситуации московское начальство не стало решать вопрос в приказном порядке. Рольфа спросили, не станет ли он возражать, и он без сомнений и колебаний согласился, поскольку высоко ценил Иоганна. Рольф приехал к ним еще раз летом 1939 года – попрощаться

с семьей, которую столько лет нежно любил и оберегал, не делая разницы между своим и чужим ребенком. И – надо же! Встретился там с Иоганном, который тоже приехал в Швейцарию, кстати, в первый и последний раз увидев свою дочь. В отличие от Рольфа, Иоганн никогда не интересовался ребенком. Урсулу это не обижало, однако понять его она не могла. Но все-таки какие-то чувства к ней у него, по-видимому, сохранились, потому что, по причине недостатка времени, ему пришлось выбирать между поездкой в Швейцарию и визитом к матери. Он выбрал Урсулу. А та была рада встрече, хотя и было больно за мать Иоганна.

Да, они были очень разные – Рольф и Иоганн. И только в одном похожи – Урсула не хотела жить ни с тем, ни с другим. И все же, провожая обоих бывших спутников своей жизни на железнодорожную станцию, она чувствовала себя неуютно: уезжали единственные люди, которые могли позаботиться о ней и детях. Теперь она могла рассчитывать только на себя. А обстановка в Швейцарии была ужасной. Это сейчас мы знаем, что Гитлер так и не решился напасть на маленькую и беззащитную, но такую нужную всему миру страну. Тогда никто не знал планов фюрера. Он уже захватил Австрию и Чехословакию – чей теперь черед? Немецкие эмигранты в ужасе пытались любыми путями выбраться из страны. Слухи ходили один страшнее другого. Говорили, что эмигрантов, которым отказали в продлении вида на жительство, доставят на границу с Германией – в том числе и евреев. Швейцарский Федеральный совет потребовал <вернуть беженцев в страну, откуда они прибыли>. Эмигрантам-евреям было запрещено работать в Швейцарии, а за малейшее подозрение в политической деятельности их высылали из страны. Нужно было как можно скорей завершать брачные дела и получать английский паспорт.

Тяжелым ударом для наших разведчиков стала весть о заключении пакта о ненападении между Германией и СССР. Умом они, конечно, понимали причины появления этого договора, но сердце отказывалось его принять. Урсуле. Чтобы успокоиться, понадобился многочасовой разговор с Оберманнсом, с которым они встретились в Цюрихе.

А оба англичанина до сих пор были в Германии. Более того, Лен собирался еще вернуться во Франкфурт, чтобы поджечь все-таки этот злополучный дирижабль. Вот уже две недели, как он простился со своими друзьями во Франкфурте, сказав им, что уезжает в Лондон, и теперь ожидал Фута в полупустой гостинице в Тегернзее. Из иностранцев там оставался он один. Урсула запросила Центр – оставаться ли им в Германии, и с максимально возможной скоростью получила ответ: немедленно вызвать обоих в Швейцарию и подготовить на радистов. Война надвигалась неотвратимо, и нетрудно было догадаться, что вслед за ее началом последует закрытие всех европейских границ и полная изоляция советской агентуры в тех странах, где не было наших официальных представительств. Срочно нужны были радисты, как можно больше радистов. Они успели: Лен приехал в Монтре перед самым началом войны.

Швейцария тоже пустела. Из страны спешно уезжали иностранные туристы и те эмигранты, которым было куда ехать. На пограничных станциях и дорогах творилось нечто невообразимое, толпы людей штурмовали битком набитые поезда. Местные жители не менее упорно «штурмовали» магазины, закупая все, что только можно – швейцарское правительство объявило, что в случае войны все магазины в течение двух месяцев будут закрыты. (Урсула последовала примеру местных жителей и тоже запаслась продуктами). 27 августа 1939 года была мобилизована швейцарская армия, 29 августа прервана

почтовая, телеграфная и телефонная связь с Францией, закрыто воздушное сообщение. 30 августа был избран главнокомандующий, что в этой стране происходило только в случае крайней опасности. 1 сентября, в день нападения гитлеровских войск на Польшу, президент страны принял представителей обоих воюющих государств, которые заверили его, что их страны будут уважать нейтралитет и территориальную целостность Швейцарии. 2 сентября была объявлена всеобщая мобилизация. Четыреста тысяч солдат заняли позиции в горах – мирным заверениям Гитлера давно уже никто не верил. 3 сентября Франция и Англия объявили Германии войну, и нейтральная маленькая Швейцария наглухо закрыла все границы.

К счастью, эмигрантов из страны не выслали, но они оказались на положении изгоев. Им нельзя было работать, они были лишены даже права оказывать какую-либо помощь, хотя бы в Красном Кресте. Урсула, чтобы хоть чем-то заняться, помогала хозяевам-крестьянам на сенокосе. Время от времени она ездила в Женеву к Блеллохам или к кому-либо из друзей. И дважды в неделю выходила на связь. В Швейцарии, как и в других странах, радиолюбителям было запрещено выходить в эфир. Ничего не стоило обнаружить одинокий передатчик радистки Сони, тем более что неподалеку от дома расположился отряд швейцарских солдат. А ведь надо было не только радировать, но еще и обучать Лена и Фута.

И тут помогли игрушечные мастера – в доме у нее появился еще один <передатчик>. Как-то раз в магазине Урсула заметила игрушечный телеграфный аппарат Морзе, совсем как настоящий – с ключом, зуммером, батареей и таблицей морзянки. Она тут же купила замечательную игрушку и подарила сыну. По вечерам с ней играл Миша, а днем, когда он был в школе, приходили поселившиеся в

пансионе в Монтре Лен и Фут и практиковались на его любимой игрушке.

В конце сентября на несколько дней приехал Франц, чтобы с ее помощью собрать свой передатчик. На «Кротовом холме» он прожил несколько дней. И – надо же, как вовремя! – именно тогда, когда он на втором этаже возился с передатчиком, в дом к Урсуле нагрянули агенты швейцарской секретной службы. Франц успел спрятать свою работу, а Урсула притворилась смущенной, что у нее, одинокой женщины, застали молодого мужчину. Впрочем, агентов это не насторожило, да, кажется, и не удивило. Эка невидаль – мужчина в гостях у женщины! Вероятно, их визит был простой формальностью.

Все ж таки, на всякий случай, они решили передатчики из дома убрать. Ночью Урсула с Францем отнесли их в лес и там зарыли. Удивительно, что их не засекли солдаты: спускаться в темноте по крутому склону с довольно тяжелыми ящиками, путаясь в кустах и корнях, было нелегко. Немногим проще было и подниматься по круче. Внезапно Оберманнс остановился и отчаянно закашлялся. «Тише, тише!» – зашептала Урсула. Немного отдышавшись, Франц прошептал в ответ: «Думаешь, легко с одним легким лазить по горам?» Только тогда Урсула узнала, что он потерял легкое в Испании.

Нельзя было предвидеть, какие последствия вызовет визит агентов. Они точно условились, что будут отвечать в случае возможного ареста. На следующий день их ждал новый стресс. К дому подошли двое солдат, несколько раз обошли вокруг него, что-то осматривая, а затем удалились. Может быть, это тоже было формальностью, а может быть, и нет, потому что еще через несколько дней ее попросили встретиться в одном из кафе в Лозанне с представителем швейцарской службы безопасности.

Швейцарский коллега сначала долго расспрашивал ее о жизни и, наконец, сказал, что, по имеющимся сведениям, у Урсулы дома есть передатчик. Как оказалось, на нее донесла посыльная из бакалейного магазина, которая однажды, доставляя покупки, слышала стук ключа. От сердца отлегло, Урсула рассмеялась, в душе благодаря неизвестную фабрику игрушек – теперь она могла на неопределенный срок отвести от себя подозрения. Она предложила агенту нанести ей визит и своими глазами увидеть <передатчик> – правда, без гарантии того, что от него что-то осталось, поскольку это игрушка и принадлежит она ее девятилетнему сыну. На прощание она обиженно сказала, что лучше бы они занимались не эмигрантами, а нацистами, которых вокруг куда больше. <Я бы сделал это во сто раз охотнее>, – ответил чиновник. А об Оберманнсе он так ничего и не спросил...

Урсула выждала некоторое время и, не обнаружив слежки за домом, снова стала выходить на связь. Однако проблему передатчика надо было как-то решать. Тайник в лесу был достаточно надежен, но ходить туда можно было только ночью, и это требовало труда и времени, не говоря уже о риске, шуме и расцарапанных ногах. Надо было искать место в доме. Фут заказал ящик, по размерам соответствовавший передатчику, и они с Леном оборудовали тайник в угольном сарае. Под полом выкопали яму, опустили туда ящик с передатчиком, закрыли досками и набросали сверху угля. В сарай можно было войти в любой момент, не вызывая ни у кого подозрений. Конечно, если бы дело было в Германии, да если бы за дело взялось гестапо... но в нейтральной Швейцарии, по тем временам, такой тайник мог считаться хорошим.

Миссис Леон Бертон, как сказали бы англичане...

Вся округа знала, что Урсулу оставил муж, и она думает о новом браке. Поэтому частые визиты англичан ни у кого не вызывали подозрения. Александр и Лен практиковались на телеграфном аппарате Миши и делали большие успехи. Урсула обучала их, решая и вои семейные проблемы. Действительно, по возрасту ей больше подходил Фут. Но Лен, который умел глубоко и тонко чувствовать, с которым у нее было много общего, любивший ее детей, оказался ей ближе, несмотря на то, что был младше ее на семь лет. Отношения между ее друзьями тем временем ухудшились. Лен успел неплохо изучить Фута, и напарник нравился ему все меньше и меньше. Он говорил Урсуле, что у его товарища проявились новые черты, которых не было в Испании, что он эгоист и стремится к легкой жизни. И Урсула начала сомневаться в правильности своего выбора. Каким бы фиктивным ни был муж, но с ним предстояло жить под одной крышей, а она всегда очень ответственно подходила к выбору напарника.

Уже с весны она добивалась развода. Постепенно дело сдвинулось с мертвой точки, появилась реальная возможность заключения нового брака. И тогда Фут заколебался. Он сказал, что перед тем, как отправиться в Испанию, дал какой-то девушке обещание жениться на ней – так не выйдет ли это дело наружу, если станет известно о его женитьбе? Уже находясь в Монтре, он завел роман с сестрой румынского министра иностранных дел. Конечно, предлогом было получение информации – но может быть, не только это? История с девушкой тоже не понравилась Урсуле. Ей только донжуана не хватало в качестве мужа! Либо он уехал в Испанию не по убеждениям, как коммунист, а спасаясь от нежелательного брака, либо выдумал эту историю, чтобы уклониться от брака с ней (позднее выяснилось, что девушка вполне реальна и, более того, он уехал, оставив ее беременной). В общем, Фут сам предложил заменить его

Леном. Урсуле, как она вспоминает, было безразлично, с которым из англичан вступить в фиктивный брак. А Лен...

Лену она сказала, что брак мнимый, никаких обязательств на него не накладывает, и он может получить развод в любой момент. В тот момент Урсула не поняла, почему так вспыхнул ее <жених> и так нервно ответил, что он и сам прекрасно это понимает.

Только теперь она смогла лучше узнать Лена. У них было много общего. Он, как и Урсула, обожал природу, любил долгие пешие прогулки, во время которых рассказывал ей кое-что из своей жизни, а жизнь его не баловала. Лен был сиротой. Отец его погиб на войне, мать пристроила шестилетнего ребенка за небольшую плату на воспитание в семью железнодорожника, пообещала вернуться <на каникулах> – и исчезла из его жизни навсегда. Мальчик ждал ее все каникулы, следил за проходящими поездами, ведь на одном из них должна была приехать мама. Но мама не приехала, а вскоре перестала и платить за его содержание. Все ж таки приемная семья не бросила ребенка. В четырнадцать лет он пошел работать – сначала в деревне, потом в каменоломне, затем в качестве шофера грузовика и автомеханика. В каменоломне на острове Джерси он познакомился с бывшим матросом по фамилии Мориарти, 70-летним ирландцем. Много повидавший моряк нашел в юноше внимательного слушателя. Он часто бывал в Сиэтле, одном из центров рабочего движения Америки, где вступил в американскую профсоюзную организацию с революционно-анархистским уклоном <Индустриальные рабочие мира>. Мориарти рассказывал о матросских бунтах, о забастовках, об авторе знаменитых песен Джо Хилле... Старый матрос увлек юношу романтикой революционной борьбы и дал направление его еще неоформленному стремлению к подвигам. В январе 1937 года Лен отправился добровольцем в Испанию, где был зачислен в 11-ю

интербригаду, а затем служил сержантом в английском батальоне 15-й интербригады. Командир этой бригады, английский майор Сэм Уайлд, в служебной характеристике отметил его как человека исключительной храбрости. В Испании он вступил в Компартию этой страны.

Лен был настоящим бойцом, но в будничной жизни оказался сложным человеком. Память о предательстве, сохранившаяся с детства, отзывалась чрезмерной чувствительностью и депрессиями, когда ему казалось, что кругом предательство и ложь. Но Урсула никогда впоследствии не жалела о своем выборе. Она вспоминает:

<Когда мы, спустя тридцать пять лет, гуляя рука об руку по берегу Шпрее, пытались вспомнить те прошедшие времена, я спросила Лена:

– А когда, собственно, ты понял, то любишь меня?

– В романе написали бы, что это любовь с первого взгляда. Это случилось сразу же, в нашу первую нелегальную встречу в Веве перед магазином стандартных цен.

Я была крайне изумлена:

– До сегодняшнего дня понятия не имела, что это произошло еще тогда.

Он ответил:

– Да я и сам долго не позволял себе заметить это^{>21}.

Итак, выбор был сделан. После развода Урсула Гамбургер должна была стать женой Лена и зваться миссис Леон Бертон – по английским правилам, жена получала не только фамилию, но и имя мужа.

^{21 21} Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. С.186.

А работа продолжалась. В конце 1939 года Соня получила из центра задание, точнее, просьбу: не найдет ли она возможность передать деньги Розе Тельман? Ясно было, что к ее непосредственной работе это поручение отношения не имело. Речь шла о материальной поддержке жене арестованного вождя германского рабочего класса. Ни один из находящихся на нелегальном положении германских коммунистов, не говоря уже о наших разведчиках, не имел возможности выйти на контакт с Розой Тельман, за которой велась непрерывная слежка. И тогда Урсула подумала об Олло, няне своих детей. Ей было под шестьдесят, это была худая, некрасивая женщина, маленького роста, малообразованная и очень простая. В Германии у нее был брат, к которому она вполне могла поехать на время отпуска. Не было причин не пустить Олло в страну, не было и причин не выпустить ее оттуда. Ни швейцарская полиция, ни германская не должны были интересоваться ей – разве что они имели бы уж какие-то очень веские причины. Но какие причины у них могли быть?

У Урсулы была одежная щетка с закрытой сверху выемкой в деревянной части, которая и раньше служила для перевозки денег. С этой щеткой Олло и отправилась в Германию. Поручение она выполнила успешно. Правда, как оказалось, Роза Тельман не имела возможности воспользоваться присланными деньгами, поскольку все ее деньги строго учитывались, а номера банкнот регистрировались. Но само проявление заботы о ней, тот факт, что в Москве ее не забыли, оказали огромную моральную поддержку. А деньги были переданы другой женщине, муж которой вот уже шесть лет находился в концлагере и которая могла найти объяснение появлению у нее довольно большой суммы.

Однако поездка Олло едва не закончилась плачевно. Ей захотелось посетить тот сиротский дом, в котором она воспитывалась

с 6 до 17 лет. Без особого труда она нашла этот дом, расположенный в окрестностях Вюртемберга, в военном городке близ старинного замка. Хорошо зная местность, она пошла к дому окольными путями, чтобы избежать встречи с патрулями – ей надоело постоянно предъявлять документы. Вскоре ее, однако, задержал патруль. Олло привели к дежурному офицеру, который, просматривая документы, узнал, что она приехала из Швейцарии, и тут же обвинил ее в шпионаже.

К счастью, у нее было с собой свидетельство о том, что она воспитывалась в этом сиротском доме, как дочь погибшего немецкого солдата. После того, как она предъявила это свидетельство и точно описала жизнь в этом доме, Олло была выпущена за пределы военного городка. Позднее выяснилось, что в районе этого замка находился центр подготовки гитлеровских разведчиков и диверсантов, которые проходили там подготовку перед заброской на территорию СССР.

Товарищ Альберт, или зачем нужно столько радистов?

В самом деле, в группе Урсулы было четыре человека, включая ее саму, и все четверо – радисты. Нетрудно догадаться, что все это – не просто так...

Примерно в то же время Урсула получила еще одно задание. Она должна была встретиться с одним товарищем, о котором ей передали непривычно много сведений, включая точный домашний адрес. Это было не принято, и она решила, что либо товарищ скоро покидает Швейцарию, и особая конспирация ему уже не нужна, либо предполагается сотрудничество между ними. Она поехала в Женеву, бросила письмо в почтовый ящик дома № 13 по рю Лозанны и спустя несколько дней пришла на встречу.

Центр просил ее получить ответы на несколько серьезных вопросов и, если будет необходимость, помочь этому человеку.

Работает ли еще его бюро? Как у него с деньгами? Может ли он направлять донесения в центр через Италию, или ему нужна радиосвязь? Может ли он установить связь самостоятельно? По-видимому, этот Альберт, как Урсула должна была его называть, был достаточно серьезным сотрудником разведки.

... Он оказался приземистым, склонным к полноте брюнетом, несколько неуклюжим, с меланхолическими темными глазами. Разговаривали они в кабинете, полном книг и географических карт. Надо было иметь очень большое воображение, чтобы заподозрить этого сухого ученого в приверженности идеям коммунизма. Так она познакомилась с Александром (Шандором) Радо.

Шандор Радо родился в ноябре 1899 года в Будапеште. Родители его были из простолюдинов, из очень бедных семей. Отец в молодости служил приказчиком, потом открыл собственную торговлю и разбогател. Мать до замужества работала белошвейкой на фабрике. Жили они, несмотря на материальный достаток, в Уйпеште, рабочем пригороде Будапешта.

После окончания гимназии Радо в 1917 году, несмотря на то, что он был несовершеннолетним, призывают на военную службу. Он закончил школу крепостной артиллерии и. Кроме того, уже после призыва поступил в университет на факультет юридических и государственных наук, на заочное отделение. В 1918 году Радо получил направление в артиллерийский полк. В октябре того же 1918 года в Венгрии произошла буржуазно-демократическая революция, которая вскоре переросла в народное восстание, а 21 марта 1919 года в стране была провозглашена Советская республика. Радо встретил ее уже коммунистом: в декабре 1918 года он вступил в коммунистическую партию. Он участвовал в боях в рядах Венгерской

Красной Армии, а после поражения революции эмигрировал в Австрию. Там, в Вене, Шандор учился в университете и одновременно сотрудничал в Коминтерне, был руководителем информгентства Роста-Вин. Ему много помогал в работе редактор венской коммунистической газеты «Рота фане» Герхардт Эйслер (все тот же Эйслер, с которым мы уже встречались в Китае). В 1921 году, как руководитель агентства, Радо был приглашен в Москву на III конгресс Коминтерна. Вскоре из Австрии он переехал в Германию, чтобы завершить образование. В Берлинский университет его, как неблагонадежного, не приняли, но он сумел поступить в Йенский университет, а после того, как его будущая жена Лена, получив партийное задание, отправилась в Лейпциг, перевелся в университет этого города.

По всей Германии шла подготовка к вооруженному восстанию. В Лейпциге находился в то время Среднегерманский ревком, куда пригласили работать Лену и где, естественно, оказался и Шандор, которого назначили руководителем пролетарских сотен. Во главе ревкома стоял его старый знакомый Герхардт Эйслер. Германский <Красный октябрь> не состоялся, и, после разгрома вооруженного выступления гамбургских коммунистов во главе с Тельманом руководство КПГ в 1924 году отправляет Радо в Москву, где он, кроме прочего, работает и по своей гражданской специальности – участвует в составлении первого путеводителя по Советскому Союзу. В 1926-м году, когда полицейские преследования в Германии прекратились, Радо с женой и сыном Имре возвращается в Берлин, где продолжает заниматься научной работой и организовывает свое первое картографическое агентство «Пресс географи». В 1933 году, после прихода к власти Гитлера, он с семьей эмигрирует в Париж, и, в октябре 1935 года, еще раз приезжает в Москву. Эта поездка круто

изменила его жизнь. Он получает предложение работать в советской разведке и принимает его.

На средства, предоставленные Центром, в нейтральной Швейцарии Радо основал частное агентство «Геопресс», которое издавало, в основном, географические карты. Надвигалась война, и на продукцию этого рода был повышенный спрос. Его бюро в Женеве было отличной <крышей> для нелегальной деятельности. Радо <пользовался уважением в Женевском обществе и имел хорошую репутацию. Позднее, когда он вынужден был бежать из страны, раздались голоса в его защиту от подозрений в шпионаже. Gazette de Lausanne 2 февраля 1949 года писала: <Множество людей протестовало против оскорблений, наносимых {подозрениями в шпионаже} известному географу, чье присутствие в Швейцарии — честь для страны>²².

Группой Радо руководили из Парижа. «Я встречался там с работниками разведуправления, — вспоминает он. — Им передавал информацию о военных приготовлениях Германии и Италии, а также карты, выполненные по специальному заданию. Карты размещений в фашистских странах военной промышленности мною были сделаны на основе экономической, географической литературы, газет и журналов, выпускаемых в Германии и Италии. Эти материалы отправлялись затем в Москву. В некоторых случаях донесение в Париж посылал почтой. Подписывался я, конечно, не своим именем. У меня было два псевдонима: Дора и Альберт»²³.

3 сентября 1939 года, в ответ на агрессию против Польши, Англия и Франция объявили Германии войну. Нейтральная

²²

Книга с распечатки

²³ Шандор Радо. Под псевдонимом "Дора". М., 1992г. Стр.41.

Швейцария тут же закрыла границы, и группа потеряла связь с Центром. У них был припасенный на крайний случай передатчик, но не было радиста, шифра, программы связи. Месяц шел за месяцем, а положение не менялось. И вот, наконец, в декабре 1939 года, ожиданию пришел конец. В почтовом ящике он нашел долгожданное письмо, извещавшее, что с нему скоро придет представитель Центра.

«Спустя несколько дней ко мне пришла незнакомая женщина, высокая и стройная, в облегающем шерстяном платье. Ей можно было дать лет тридцать пять. Движения мягкие, чуть замедленные. Приятное лицо немного портил длинноватый нос. В кабинете мы обменялись паролем.

«Мой псевдоним Соня, – с улыбкой сказала гостя. – Я получила указание Центра связаться с вами. Директора интересует, каково положение вашего агентства, есть ли деньги. Каковы возможности работы и какая нужна помощь в установке радиопередатчика? Как скоро можете установить радиосвязь? Просили также узнать, сможете ли вы наладить живую связь с Центром через Италию... » У меня невольно вырвался вздох облегчения, наконец-то!»²⁴

У Урсулы, как мы уже говорили, возникло несколько другое впечатление от собеседника. Она вспоминает: «Товарищ, когда я посетила его, держался сдержанно. Он явно был не в восторге от того, что кто-то заявился к нему на квартиру, многое знает, о многом расспрашивает. В разговоре наступила пауза. Мы молча рассматривали друг друга. Я колебалась. Центр, правда, просил меня помочь этому человеку, но о моем передатчике речи не было. Кроме того, Альберт еще не дал ответа ни на один вопрос. Только когда я сказала ему, что все можно устроить очень быстро, он начал обрисовывать свое положение. Путь черед Италию закрыт, но связь с

²⁴ Там же. Стр.58.

Центром нужна ему как можно скорее. С начала войны он лишен контактов, и важные донесения лежат без толку. Наверняка у Центра были основания прервать связь, но для него это катастрофа. Его передатчик вышел из строя, а радиста нет. Теперь и я ответила ему без обиняков: возможности для связи есть, я предложу Центру предоставить их в его распоряжение, пока мы не найдем каких-то новых путей.²⁵»

Придя к Радо во второй раз, Урсула познакомилась с его женой, немецкой

коммунисткой Хелен, или, сокращенно, Леной, темпераментной, остроумной и общительной женщиной. Глядя на нее, трудно было представить, что она родом из рабочей семьи и всего в жизни добилась сама. У них были дети, два сына – десяти и четырнадцати лет. Как и Урсула, эта разведчица держала детей при себе, с ними жила и мать Лены. Женщины сошлись мгновенно. Уже при следующей встрече они смеялись и болтали о пустяках, вызывая этим неодобрение серьезного Шандора. Впрочем, это их не смущало, наоборот – чтобы подразнить <сухаря-ученого>, они вели себя еще более несерьезно.

Как стало известно позднее, в то время во Франции была дезорганизована группа, через которую Радо переправлял в Москву микрофильмы с информацией. Канал связи был нарушен, как в связи с этими неурядицами, так и ввиду закрытия границ, и Урсула, по распоряжению Центра, начала работать на Альберта, что изрядно прибавило ей забот. Радо не шифровал свои донесения, а передавал открытым текстом. Урсуле приходилось шифровать их, потом, по ночам, передавать в эфир, затем расшифровывать ответы, да еще ездить для свиданий с ним в Женеву, куда приходилось добираться

²⁵ (Рут Вернер. Соня рапортует. Стр. 191.

около трех часов. Для доставки текстов Лен приспособил карманный фонарик. Он вытащил содержимое одной из батареек и налил на доньшко свинца, чтобы вес остался прежним – получился прекрасный контейнер. В фонарь поставили лампочку меньшей мощности, так что им вполне можно было пользоваться по назначению. Он ни у кого не вызывал подозрений: Урсула жила в деревне, и дорога к их дому не была освещена. А вскоре фонарями стали пользоваться все швейцарцы – по требованию фашистской Германии в стране ввели затемнение, чтобы огни городов не помогали ориентироваться английским бомбардировщикам. Швейцарские власти безоговорочно подчинились. Кроме того, страна изготовляла для Германии оружие и пропускала транзитом в Италию военные грузы, так что ее нейтралитет был весьма относительным. Впрочем, за то, что Швейцария не разделила участи Голландии, Бельгии и других малых и беспомощных европейских стран, можно было потребовать и более высокую цену.

Работа с Альбертом требовала немало времени. Кроме того, никто не снимал с Урсулы обязанности заниматься с Леном и Футом. Она уставала, но была довольна: теперь ее передатчик был полностью загружен. Но появились другие проблемы, в первую очередь, денежные. Да сих пор она получала средства с банковского счета в Англии, который Центр использовал для посылки денег ее группе. Но вскоре после начала войны Англия блокировала операции по переводу валюты за границу. Пути получения денег оказались отрезанными – а ведь Урсуле надо было содержать не только семью, но и Франца, Лена и Фута. Средства кончались, приходилось отчаянно экономить.

Весной 1940 года к Альберту приехал связной из Центра, который должен был привезти деньги. Он привез Альберту кодовую книгу и шифр, новые инструкции центра, но денег не было – связной не рискнул переправлять их из Брюсселя через две границы.

Где Оберманнс?

В декабре 1939 года на группу Сони обрушился тяжелый удар. Осенью 1939 года Франц забрал у нее свой передатчик, намереваясь вести связь самостоятельно. В кантоне Фрейбург он снял находившийся посреди леса замок <Ля Розьер>, испытал свой передатчик и приготовил все для того, чтобы после каждого сеанса связи закапывать его в лесу. Они встречались еще один раз – Урсула забрала у Франца последние донесения для передачи в Центр – следующие он должен был передавать уже самостоятельно. Но на следующую встречу Оберманнс не пришел, не явился и на повторную встречу. Нарушив все правила конспирации, Урсула позвонила ему домой, и ей ответили, что такой там не живет. Франц исчез бесследно.

Куда он мог деться? Естественнее всего было предположить, что Оберманнс арестован. Напрямую, конечно, ничего выяснять было нельзя. В телефонном справочнике Урсула нашла адрес адвоката, знакомого ей еще по Шанхаю – он приезжал туда в связи с делом Ноленс-Ругов и, хотя за столько лет его взгляды могли измениться, другого выхода не было – приходилось доверять. Однако адвокат не подвел. Некоторое время спустя он сообщил, что Франц, действительно, арестован и порекомендовал юриста, который мог заняться его делом. Это все, чем он смог помочь, но и эта помощь была неоценима.

Как оказалось, события разворачивались следующим образом. С началом войны в Швейцарии был усилен контроль за иностранцами. Оберманнса пригласили <на беседу> в полицейское управление Фрейбурга, где его допрашивали в течение нескольких часов, после чего он отказался давать показания, и был тут же помещен в центральную тюрьму Фрейбурга. В квартире устроили обыск, на

имущество наложили арест. Начались допросы, а вскоре была установлена и личность арестованного. Швейцарская полиция негласно сотрудничала с гестапо, и в Берлине, по присланным фотографиям и отпечаткам пальцев, без особого труда опознали Оберманнса. Когда выяснилось, что Франц – немец, гестапо потребовало его выдачи, поскольку в Германии он обвинялся в государственной измене и был приговорен к смертной казни. Однако швейцарские спецслужбы уже сами возбудили против него дело.

И швейцарские, и немецкие службы пеленгации к тому времени зарегистрировали передатчик и перехватили передачи, которые не могли расшифровать. В качестве радиста подозревали Франца, поэтому обе стороны и хотели заполучить его себе, однако победили в этом «перетягивании арестованного», к счастью для него, все же швейцарцы. Швейцарская полиция искала радиоаппаратуру Оберманнса, однако найти не могла, и, несмотря на все подозрения, доказательств того, что он и есть тот самый радист, не было, а, как говорится, не пойман – не вор.

Впрочем, швейцарские спецслужбы редко применяли суровые меры к агентам разведок государств антигитлеровского блока – разве что под давлением Германии, и случай с Оберманнсом был как раз из таких. Правда, в Германию его не выдали, хотя на допросах, с целью устрашения, нередко этим пугали. Впрочем, даже усиленные (<усиленные> по-швейцарски – постоянно включенный электрический свет, длительные по времени допросы) методы следствия не дали результата. Франц молчал, а вскоре объявил голодовку.

Ситуация пахла скандалом. Швейцарская полиция держит в тюрьме, непонятно за

что и по какому обвинению, немецкого антифашиста. А если произойдет утечка информации и станет известен факт

сотрудничества с гестапо... Общественное мнение было настроено резко антифашистски – попробуй объясни ему особенности работы спецслужб! Кончилось все тем, что гражданский суд во Фрейбурге приговорил Франца к штрафу и шести месяцам тюрьмы за... нарушение паспортного режима.

Оберманнса доставили в каторжную тюрьму Бельшасс, где, когда все улеглось, потихоньку продержали до конца войны, а потом еще четыре года – в лагере для интернированных. Впрочем, как вспоминает Урсула, заключение его не было суровым. В 1941 году он, например, встречался сначала с Леном, а потом с Джимом, и даже сумел организовать возвращение на родину советских офицеров, вывезенных из Германии, но интернированных в Швейцарии.

Франц Оберманнс почти ничего не успел сделать в качестве разведчика. Но его молчание обеспечило группе Урсулы возможность продолжать работу в Швейцарии. Спустя много лет, они встретились снова. <Когда нам с Леном осенью 1958 года вручали в Берлине медаль <Борцы против фашизма>, мы взяли с собой не торжество нашего пятнадцатилетнего сына Петера. Вдруг позади меня кто-то тихо произнес: <Соня>. Я обернулась и увидела Франца. Мы долго смотрели друг на друга, а потом, плача, обнялись. Петер, который никогда не видел меня такой, смущенно отвернулся. Я сказала ему: <Этот товарищ был арестован в те годы, когда мы боролись с фашизмом. Его мучили, но он никого не выдал. Иначе я, быть может, не была бы здесь, а тебя и вообще не было бы на свете>. У Петера заблестели глаза. <Пригласи его к нам, ладно?> – попросил он меня. Франц побывал у нас дома, и то, что он рассказывал, доставило мне большую радость. Он женат, у него пятеро детей. Вскоре мы

познакомились с милой женой Франца²⁶. Все-таки этот человек, которому столько лет было отказано в возможности иметь семью – а ведь в момент ареста ему был тридцать один год! – сумел вознаградить себя за столь долгое одиночество.

Удар, откуда не ждали

А со своим одиночеством Урсула боролась весьма успешно. В конце 1939 года она, наконец, получила развод и тут же принялась хлопотать о новом браке. Это было далеко не легким делом – ведь страны жениха и невесты воевали друг с другом. Он был англичанином, а она по-прежнему считалась немкой, хотя ее паспорт был давно просрочен, и в Швейцарии она находилась на положении эмигрантки. Признают английские власти ее паспорт действительным или нет – все равно будет сделано все возможное, чтобы брак не состоялся. Такая позиция властей была сама собой разумеющейся – в то время множество эмигрантов шли на все, отдавали последние деньги, чтобы с помощью фиктивного брака попасть из охваченной войной Европы в относительно спокойную Англию.

Но все оказалось достаточно просто. К февралю 1940 года все документы были собраны, и, хотя брак, (как думала Урсула), был фиктивным, они решили выбрать приятную дату и остановились на 23 февраля, дне рождения Красной Армии. Купили дешевые кольца в магазине стандартных цен, в том самом, перед которым они в первый раз встретились. Швейцар и служащая бюро регистрации браков стали свидетелями. Олло испекла пирог. Так началась их совместная жизнь.

В английском консульстве новоявленную соотечественницу встретили недружелюбно, но свидетельство о браке было налицо, и

²⁶ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. С.196.

десять недель спустя, 2 мая 1940 года, она получила английский паспорт. Лен перебрался к ним на Кротовый холм. Достаточно быстро Урсула поняла, что ей на редкость повезло. Они удивительно подходили друг другу. Мало того, что оба были товарищами по работе – но они еще и одинаково думали о людях и книгах, любили одно и то же. Оба наслаждались прекрасной природой. Лен любил и понимал ее детей. В общем, он оказался прекрасным <товарищем по семье> (ведь Урсула пока что думала, что брак фиктивный), однако нельзя сказать, что с ним было просто. Далеко не сразу она нашла правильный подход к Лену, с которым нельзя было обращаться просто по-товарищески. Он оказался человеком эмоциональным и очень ранимым, нервным. Урсула не знала, что делать с частой сменой его настроений, с приступами подавленности, причину которых она стала понимать лишь позже, когда больше узнала о своем новом спутнике жизни.

Все-таки жизнь семьи стала налаживаться. Точнее, стала бы, если бы не совсем уж неожиданное обстоятельство. На этот раз подвел тот человек, на которого, казалось бы, можно полностью положиться – Олло. И еще как подвела!

Отношения с Леном у старой няньки сложились хорошие. У нее были хорошие отношения со всеми, кроме Миши. Шестидесятилетняя женщина и девятилетний мальчик вели между собой настоящую войну. Атмосфера в доме стала невыносимой, и Урсула всерьез задумалась о том, что надо что-то делать, как-то решать эту проблему.

Правда, международная обстановка несколько отсрочила принятие окончательного решения. Вермахт оккупировал одну за другой маленькие европейские страны, над Швейцарией нависла угроза войны. Пансион, в школе которого учился Миша, закрыли, а другой школы поблизости не было, и Урсуле поневоле пришлось

отправить ребенка в интернат. Она выбрала английский интернат в Глионе, городке чуть пониже в горах. Школа была дорогой, но директор, найдя мальчика способным, дал им скидку, тем более что у него были основания думать, что мальчик переедет вместе с родителями в Англию, поэтому к нему можно было отнестись как к будущему английскому гражданину.

Мишу отправили из дома, но Олло не успокоилась. Даже за глаза стоило кому-нибудь сказать что-либо хорошее о мальчике, как Олло тут же возражала и переводила разговор на Нину. Девочку она просто боготворила, и это чувство послужило причиной катастрофы.

Друзья давно удивлялись, что Урсула, имея английский паспорт и возможность уехать в относительно безопасную Англию, до сих пор остается в Швейцарии. Они ведь не знали о ее работе! Неизвестно, услышала ли Олло такую беседу или сама додумалась до того, что они могут уехать в Англию, куда ее, немку, не пустят – а значит, предстоит разлука с обожаемой Ниной. Постепенно эта мысль привела ее на грань психической болезни. Она ничего не ела, не спала, все время плакала и повторяла, что без девочки жить не может. Урсула предложила ей взять отпуск – Олло отказалась, заявив: <Нет уж. Я с вас глаз не спущу>. Вскоре она ушла от них – собрала вещи и перебралась к своей подруге, жене крестьянина Франсуа, хозяина дома. Свою угрозу <не спускать глаз> она привела в исполнение буквально – часами сидела на скамейке над их домом и наблюдала за ними в бинокль. Постепенно в ее мозгу зрел чудовищный план. Олло решила, что, если с Урсулой и Леном что-нибудь случится, если их арестуют, то она сможет увезти ребенка в Германию. Даже если арест был бы непродолжительным, все равно, обратно из Германии девочку они уже не получат. Она решилась предать своих хозяев, о работе которых знала пусть и немного, но, все-таки, что-то знала.

Олло отправилась в Монтрё, к представителю английского консульства. Английским языком она владела плохо, и вела себя настолько истерично, что в консульстве подумали, что это очередная ненормальная, которых много было в это беспокойное время. Ее вежливо выслушали и выпроводили. Тогда она решила повторить этот визит, но предварительно посоветоваться, и отправилась за советом к матери Мириам, подруги Урсулы. Сама Мириам к тому времени, вместе со своим мужем Вернером, уже уехала в Латинскую Америку. Нет, это была явно не та союзница, которая требовалась Олло. Мать Мириам безумно скучала по своим детям и внукам, и, не говоря уже о том, что ее дочь была подругой Урсулы, одна мысль о том, чтобы отобрать у матери ребенка, приводила ее в ужас. Она попыталась успокоить Олло, а затем известила обо всем Урсулу и обещала и впредь держать ее в курсе всех действий обезумевшей женщины, о которых ей станет известно. Не нашла Олло понимания и у жены Франсуа. Совершенно ясно было, что Урсула, даже если и занималась разведкой, могла работать только против Гитлера, которого крестьянка ненавидела. Кроме того, соседка ей нравилась. Жена Франсуа возмутилась и не захотела больше давать приют Олло.

Однако жить на Кротовом холме стало невозможно. Олло постоянно рассказывала, что ее хозяйка – шпионка. Она доложила об этом своему парикмахеру – но тот, на ее беду, тоже оказался антифашистом. Хуже было другое: Урсула по-прежнему должна была часто ездить в Женеву к Альберту и боялась, как бы во время ее отсутствия Олло не выкрала девочку и не увезла в Германию. Когда она уезжала, Лен ни на шаг не отпускал Нину от себя. Но долго так продолжаться не могло. Надо было что-то придумывать, искать для детей безопасное место. Урсула нашла в соседнем кантоне немецкий интернат под названием <Ди зонненштрален> (<Солнечные лучи>).

Интернат ей понравился – современные методы обучения, никакой нацистской пропаганды. Детей они с Леном решили отправить туда, а самим перебраться в Женеву. Так кончилась их жизнь на Кротовом холме.

Перед самым отъездом Урсула объявила все Олло, объяснив ей, что дети в надежном месте, а сама она ничего не боится. С пожилой женщиной случился припадок – она с посиневшими губами рухнула на пол: по-видимому, на самом деле была не совсем здорова. Через несколько дней Олло уехала к брату в Германию. Она горько раскаивалась – но, как оказалось, не в предательстве, а только в том, что потеряла Нину. Дальнейшая судьба ее показывает, что решение Урсулы не доверять ей было абсолютно правильным.

В Германии Олло разыскала старую знакомую семьи Кучински, и та помогла ей устроиться в детский пансион. Заведующая пансионом давала приют детям евреев и политических противников режима, и, когда Олло не понравилось какое-то ее распоряжение, она попыталась пустить в ход опробованный еще в Швейцарии метод – донос. Германия – не Швейцария, и последствия доноса были бы совершенно иными, но заведующая вовремя узнала об опасности и переправила детей в другое место. Дальнейшая судьба Олло неизвестна.

Итак, Урсула с Леном, к радости Альберта, переселились в Женеву, сняв скромную двухкомнатную квартирку. Из дома теперь они не радировали, а пользовались другими точками. Она по-прежнему выходила на связь дважды в неделю, передавая как свои донесения, так и Альберта (по воспоминаниям Урсулы, его сведения были важнее).

Кроме передачи информации, она должна была подготовить для Альберта радиста. Это был швейцарский коммунист Эдмунд Хамель, ровесник Урсулы, выпускник парижской радиошколы, по убеждениям

левый социалист, хозяин небольшого радиомагазина и ремонтной мастерской. Его привлекли к работе по рекомендации Леона Николя, лидера швейцарских коммунистов. Профессия, связанная с радиотехникой, делала для него работу радиста менее рискованной.

Жена Эдмунда, Ольга, тоже была коммунисткой. Трудно понять, что связывало эту темпераментную красавицу-брюнетку и спокойного, но ничем не приметного Эдмунда. Впрочем, потом она рассказала о себе, и тогда все стало на свои места. Ольга была родом из деревни. Приехав в город, она до замужества работала в баре. Неудивительно, что, насмотревшись на завсегдатаев <увеселительного заведения>, она, когда рядом появился спокойный, солидный, хотя и ничем внешне не выделяющийся Эдмунд, восприняла его как приятное разнообразие. Урсула решила <перевыполнить план> и сделать радистку и из Ольги. Оба – и муж, и жена – учились охотно и позднее прекрасно проявили себя в работе.

Однако срок пребывания семьи Урсулы в этой стране заканчивался. Поздней осенью 1940 года Центр предложил им с Леном перебраться в Англию. Альберт был против, но у него уже не было оснований удерживать их в Женеве. К тому времени закончил обучение Джим, прекрасными радистами обещали стать Эдмунд и Ольга. Перед отъездом Урсула получила из Центра новое расписание сеансов связи и шифры, которые передала Джиму – Футу. Впрочем, уезжала пока что только Урсула с детьми, а Лен еще на некоторое время оставался в Женеве, так что Шандору не на что было

жаловаться.

Отъезд

Прямого сообщения с Англией в то время не было, туда добирались кружными путями, и самым удобным был путь через

Испанию. Во Франции была открыта одна дорога, которая вела к испанской границе, затем им предстояло проехать всю Испанию и Португалию и уже из Лиссабона морем отправиться в Англию. Лен, как бывший интербригадовец, через Испанию ехать не мог – маршрут для него еще предстояло разработать.

С большинством своих швейцарских знакомых Урсула больше никогда не увидится. Особенно расстроились супруги Хамели, которые успели горячо привязаться к Урсуле. Ольга горько рыдала. Эдмунд, естественно, держался, но по нему видно было, что он очень расстроен. Ирен Форбс-Моссе хорошо понимала, что, коль скоро Урсула имеет возможность уехать в Англию, это надо сделать. Все же она была тоже расстроена. Она собиралась вместе с ними встретить рождество и подарить каждому по велосипеду. Вместо этого Ирен вручила Урсуле, как та ни отказывалась, сорок фунтов (впоследствии эти деньги оченьгодились). Урсула отослала к ней свои книги. Один раз она уже оставила в Шанхае достаточно ценную библиотеку, теперь та же история повторялась в Швейцарии.

Урсула с детьми отправилась в Англию 18 декабря 1940 года. В семь часов утра они сели в автобус. Лен проводил их. Помог шоферу погрузить багаж, а сам остался, чтобы вскоре, как они думали, приехать. Они не знали, что встретятся лишь через двадцать месяцев. Им еще повезло – сколько семей война разделила навсегда...

Глава 8

«КРАСНАЯ КАПЕЛЛА» В ШВЕЙЦАРИИ

Трудно не только оценить, но даже просто понять значение работы Урсулы в Швейцарии, если не знать, частью какого дела она была. Поэтому давайте на время отвлечемся от биографии отважной

разведчицы и обратимся к <Красной капелле>, или, если пользоваться абсолютно точным переводом, <Красному оркестру> (так западные историки называли нелегальную советскую агентурную сеть, во время войны охватывавшую всю Западную Европу).

Самое любопытное, что такой сети на самом деле не существовало. В разных странах были самостоятельные резидентуры ГРУ и НКВД, иной раз по несколько в одной стране, зачастую ничего не знавшие о существовании друг друга, как и полагалось согласно жестким правилам конспирации. Что же касается «Красной капеллы», то с этим наименованием дело обстоит с точностью до наоборот: так называлась не советская агентурная сеть, а зондеркоманда СС, которая занималась радиоперехватом нелегальных передатчиков, работавших на территории Западной Европы. Затем это же название получила операция гитлеровских спецслужб по борьбе с советской разведкой, и только после войны это броское, понравившееся журналистам наименование было присвоено подпольным антифашистским группам.

До сих пор, несмотря на то, что за давностью лет хранить секреты не имеет никакого смысла, трудно доподлинно разобраться, кто именно работал в Швейцарии, сколько там было агентурных групп, какое значение имеет та или иная фигура. Архивы спецслужб неохотно отдают свои тайны. Известно, что до середины 30-х годов там существовала агентурная сеть, после отзыва заболевшего резидента законсервированная. Но насколько она была велика и каково было ее значение – установить трудно. С одной стороны, многие исследователи считают, что до войны работе в этой стране не придавалось особого значения, там обучались и «обкатывались» молодые разведчики. Но есть и другие предположения – что, после усиления нацизма в Германии, именно туда переместился центр всей советской разведки в Западной Европе. В этой версии есть свои

сильные и слабые места. Расположение этой страны в центре Европы, традиционный нейтралитет и особое положение Швейцарии в семье европейских государств, наконец, тот факт, что там находилась Лига Наций, делали эту страну чрезвычайно удобной для ведения разведработы. Но было и очень существенное неудобство: до войны Швейцария не имела дипломатических отношений с Советским Союзом, там не было советских представительств, поэтому разведчикам, работавшим в этой стране, было трудно держать связь с Центром: связываться приходилось через сопредельные страны, в основном, через Францию.

Группа Поляковой – Дюбендорфер

В 1936 году в Швейцарию отправилась в свою вторую командировку молодая, но уже достаточно опытная и очень талантливая разведчица Мария Полякова (<Вера>, <Гизела>). Для нее, как и для Урсулы, Швейцария стала первой страной, где она самостоятельно работала в качестве резидента.

Мария Иосифовна Полякова родилась в 1908 году в Петербурге, в семье рабочего-революционера. В детстве с родителями, работниками НКВД, долго жила в Берлине и Лондоне, свободно владела немецким и английским. В 1927 году возвратилась в Россию, работала референтом информотдела в Исполкоме КИМа. Вскоре вышла замуж за Иосифа Дицку, родила дочь Златану. Мария мечтала стать детским врачом, однако судьба сложилась иначе...

В июне 1932 года ее вызвали в ЦК комсомола и предложили пойти работать в военную разведку (как оказалось, для этой работы ее рекомендовал сам секретарь ЦК Александр Косарев). Мария пыталась

объяснить, что, собственно говоря, у нее другие жизненные планы, но один из секретарей ЦК, с которым она беседовала, сказал ей: <Человек вы еще молодой, учиться успеете, сейчас вы нужнее в разведке и, как комсомолка, должны думать прежде всего о долге. Однако, я еще раз повторяю, дело это добровольное... Если вы не сможете принять наше предложение, не переживайте и забудьте наш разговор. Советоваться ни с кем нельзя.>²⁷. Подумав, она согласилась.

Первая командировка была в Берлин, где она должна была стать заместителем резидента по связи, для чего пришлось изучить шифровальное дело, фототехнику, ну и, конечно, неизменные правила конспирации. Сначала она выдавала себя за датчанку, потом, когда ей, как землячкой, заинтересовались в датском представительстве, легенду пришлось поменять – датчане мгновенно разоблачили бы самозванку. Мария стала «австрийкой». Она добывала промышленные и военные секреты, чертежи нового вооружения. Командировка была успешной.

Летом 1934 года ее отозвали в Москву. Полякова обрадовалась было – теперь она сможет поступить в институт, жить вместе с дочерью. Но, когда попросила отпустить ее из разведки, как обещал накануне командировки Берзин, <выражение глаз Павла Ивановича (Я. К. Берзина – Авт.) сразу сменилось на серьезное и, пожалуй, даже сердитое.

– Да, это точно, я обещал, – ответил Павел Иванович, – но развед ты сама не понимаешь после того, что там видела, пережила и узнала: мы не можем отказаться от полученного тобой опыта работы в сложных условиях. Короче, я не вижу возможности выполнить свое обещание>²⁸.

²⁷ Мария Полякова. По заданию Я.К.Берзина. ...Стр.58.

²⁸ Там же. Стр.60.

Уже тогда в ее личном деле было записано: <особо одаренный, ценный и серьезный разведчик, обладающий необходимой подготовкой и всеми данными для зарубежной работы. При наличии умного руководства и правильного воспитания может вырасти в крупного агентурного работника...>²⁹

В 1936 году Мария Полякова под именем англичанки, вдовы бизнесмена Маргарет Ли, приехала в Женеву. Она поселилась в маленьком пансионате на берегу озера. Пансионат содержала французская семья, имевшая десятилетнего сына. Мальчик любил кататься на лыжах, и <Маргарет> по воскресеньям брала его с собой на лыжные базы во Францию. Любовь к лыжам была прекрасной маскировкой: мальчик катался, а она встречалась с агентами и представителями Центра. В самой Швейцарии тоже было много работы: Полякова упорно восстанавливала резидентуру. Людей в ней было пока немного – это потом швейцарская группа станет одной из самых многочисленных резидентур советской разведки. В то время особо ценными были агенты, имевшие псевдонимы «Макс» и «Пауль», которые жили в Базеле, и «Клемент» и «Фалькон», жившие в Женеве. А также <027> – немецкий офицер, «истинный ариец», награжденный Железным крестом, но, тем не менее, не отказывавшийся заработать в качестве агента советской разведки. С немцем предвиделись немалые трудности: он с трудом воспринял в качестве руководителя молодую женщину. Но Мария сумела найти к нему подход, и «027» стал работать на нового резидента не менее успешно, чем на старого.

Постепенно стали появляться новые агенты – молодой швейцарский инженер <Иоган>, <Брудер> – шлифовальщик завода

²⁹ Владимир Лота. Резидент Мария. <Совершенно секретно>, № 11, 1999г.

Эрликон. Новые знакомые передавали сведения о новейших образцах вооружения, и не только сведения, но иногда и сами образцы. Как-то раз Марии даже пришлось переезжать через французскую границу, имея в сумочке снаряды от новейшей зенитной пушки. Всякое бывало.

Как-то в театре, после спектакля, Мария разговорилась с молодой женщиной.

Оказалось, что их взгляды на искусство совпадают, и они обменялись адресами, а затем подружились. Это была Рашель Дюбендорфер.

Рашель Геннер (по мужу Дюбендорфер), польская еврейка, родилась 18 июля 1900 года в Варшаве, в семье торговца. Рано вышла замуж за Петера Каспарна, родила дочь Тамару, но вскоре развелась и уже в 1918 году уехала в Германию. В том же 1918 году вступила в <Союз Спартака> и, в декабре того же года, в только что основанную Коммунистическую партию Германии. Принимала участие в работе <Красного союза женщин и девушек> и <Красной помощи>. С 1925 по 1932 год работала стенографисткой в ЦК партии в Берлине.

В 1933 году эмигрировала в Швейцарию, где вышла замуж (фиктивно) за швейцарского коммуниста Генриха Дюбендорфера. Этот брак предоставил ей швейцарское гражданство и несколько позже позволил обеспечить документами своего гражданского мужа, Пауля Бётхера. Так как Рашель прекрасно знала пять языков (немецкий, французский, польский, русский и идиш) она смогла получить работу в Международном бюро труда в Женеве. Это было очень удачное для разведчицы место. Сотрудники МБТ имели особый документ для поездок, который давал их обладателям своеобразный «полудипломатический» статус: не давая дипломатического

иммунитета, он избавлял от проверок на границах. Работая в МБТ, можно было и получать самую разнообразную информацию, в том числе, и о военной промышленности Германии. Кроме того, Рашель была корреспондентом двух социалистических газет.

Полякова внимательно изучила новую знакомую и предложила центру привлечь ее к работе. Рашель Дюбендорфер был присвоен псевдоним <Сиси>. В будущем она станет одним из ведущих агентов советской разведки в Швейцарии. А пока она закончила курсы водителей, добывала информацию и помогала Поляковой переправлять через границу материалы и деньги.

Впрочем, по другим данным, Дюбендорфер стала сотрудничать с Разведупром, еще когда работала в отделе агитпропа ЦК КПГ, то есть, до 1932 года, и в Швейцарии она находилась уже в качестве агента советской разведки. Кому она подчинялась и как была связана с центром? Есть основания предполагать, что она была одним из агентов советского резидента во Франции Генри Робинсона (Гарри). Он начал активно работать на советскую разведку в 1933 году, и к 1937 году имел уже достаточно большую агентурную сеть, охватывавшую Францию и близлежащие страны. Причем Робинсон далеко не всегда сообщал в Центр фамилии людей, с которыми был связан. А из его записок, найденных во время ареста, можно сделать вывод, что он был связан и с Рашелью Дюбендорфер в Швейцарии. При этом совершенно неизвестно, знал ли он о том, кто такая Мария Полякова – а скорей всего, что и не знал. И, в общем-то, вполне реальна почти анекдотическая ситуация, что после разговора в театре имело место обоюдное прощупывание на предмет привлечения к работе советской разведки: Полякова прощупывала Рашель, а Рашель – молодую англичанку Маргарет Ли.

В конце 1937 года Полякову отозвали из Швейцарии. Кому она передала резидентуру? Скорей всего, ее <наследницей> стала Дюбендорфер. По крайней мере, к концу 30-х годов она имела собственную небольшую, но достаточно информированную группу. Кстати, в работе ей активно помогала семья. Ближайшим помощником Рашель был ее муж Пауль Бётхер, дочь Тамара выполняла обязанности курьера, зять, капитан французской армии Жан-Пьер Виже и двоюродный брат Вальтер Флюкигер (<Бранд>) также оказывали важные услуги советской разведке. Среди источников группы были секретарша германской военной закупочной комиссии, поставлявшая информацию о вооружении германской армии, работник МБТ, выходец из Литвы Александр Абрамсон

(<Мариус>). Впоследствии именно на нее выходил ценнейший агент ГРУ в Швейцарии Рудольф Рёсслер.

Группа Анулова – Радо

Параллельно группе Поляковой – Дюбендорфер в Швейцарии работала еще одна агентурная сеть. (По крайней мере, нет никаких указаний на то, что эти две сети были связаны друг с другом. Сначала ей руководил майор Анулов (<Коля>).

О Леониде Абрамовиче Анулове известно немного. Настоящая его фамилия – Московичи. Родился он в 1897 году в местечке Ганчешты Кишиневского уезда Бессарабской губернии. Окончил начальное училище, с мая 1916 года служил рядовым в армии. Участвовал в Первой мировой войне. После революции работал в большевистском подполье в Бессарабии. С 1918 года служил в РККА, потом работал в Москпленбеже (учреждение, ведавшее делами пленных и беженцев). В 1919 году вступил в ВКП(б). Окончил 3-и

советские командные артиллерийские курсы в Одессе. Участвовал в подавлении восстания немецких колонистов под Одессой и в боях с деникинцами, был контужен.

С июля 1919 до октября 1922г. находился в долгосрочной командировке за границей. Затем, до октября 1923г., служил помощником уполномоченного КРО ОГПУ. Участвовал в подготовке <германского Октября>. В 1924 году окончил курсы усовершенствования по разведке при Разведупре Штаба РККА, после чего работал в Разведупре. В апреле 1924 – августе 1925гг. и в марте 1926 – сентябре 1927гг. был в загранкомандировках. Воевал на КВЖД и в Испании. Одно время был танкистом. В 1937 году его направляют в качестве резидента-нелегала во Францию, откуда он руководит агентурной сетью в Швейцарии.

О нем в своей книге вспоминает Шандор Радо – кажется, единственный, кто дает описание этого человека, с которым он впервые встретился по заданию Центра летом 1937 года. Встречались они на одном из парижских бульваров. «Точно в условленное время ко мне подошел высокий, средних лет мужчина в хорошо сшитом костюме. Он появился неожиданно, сбоку, в двух шагах от меня.

– Простите, вы не возражаете, если я сяду? – спросил он по-французски с сильным акцентом.

– Пожалуйста, – ответил я.

Мужчина сел на скамейку. Брюки на его ногах натянулись, остро выступили худые колени. Мы обменялись словами пароля. Человек назвался Колей – как и сообщалось из Парижа.

Мой новый знакомый был вежлив и очень сдержан в разговоре. Можно было заключить, что этот человек много видел, много пережил, хотя ему трудно было дать более сорока пяти лет. Густые

черные волосы уже тронула седина. Желтоватое лицо казалось растрескавшимся от множества морщинок. Прозрачные, почти водянистые глаза смотрели холодно и как-то отрешенно. Мешки под глазами показывали, что он, по-видимому, нездоров.

– А знаете, по вашей наружности и не догадаешься, что вы занимаетесь конспиративными делами, – неожиданно сказал Коля. – Этаким преуспевающий, солидный буржуа. Отлично! Вам таким и надо быть.

Речь зашла о цели моего вызова. Отныне, по указанию Центра, мне надлежит выполнять только задания Коли. Все сообщения я должен передавать лично ему»³⁰.

В апреле 1938 года Коля неожиданно, вопреки правилам конспирации, явился на квартиру Радо. Изумленному хозяину он объяснил, что все в порядке, просто возникла неотложная необходимость. Тот понял, что происходит что-то экстраординарное.

«Я провел его в кабинет. Коля сел в кресло, немного помолчал. Выглядел он очень утомленным. Морщинки на лице будто еще больше растрескались, мешки под глазами стали темными, как от бессонницы. Но голос был тверд и взгляд, как всегда, холоден и спокоен.

– Я получил указание центра передать вам своих людей. Принято решение назначить вас руководителем группы в Швейцарии. Для этого я и приехал. Теперь вы будете работать самостоятельно.

– А вы? – вырвалось у меня.

Обычно такие вопросы не задают, так как на них не отвечают. Но Коля, вопреки правилам, почему-то ответил:

– Вы остаетесь, я уезжаю. – Он посмотрел на меня своими прозрачными глазами: в них была опять какая-то отрешенность,

³⁰ Шандор Радо. Под псевдонимом "Дора". Стр.42.

которую иногда я замечал и раньше. Может быть, тоска по родине? – Могу даже сказать, куда еду, – прибавил он. – В Москву. Отзывают...»³¹

Может быть, он предвидел свою судьбу? По возвращении в Москву Анулов был арестован НКВД и затерялся в недрах ГУЛАГа...

В число агентов Анулова входили два швейцарских журналиста, которые впоследствии сыграют немалую роль в нашей разведработе в этой стране. Это Отто Готфрид Пюнтер (<Пакбо>) и Пьер Николь (<Пьер>).

Пьер Николь родился 20 мая 1909 года. Гражданин Швейцарии, сын известного швейцарского политика левого направления, впоследствии одного из лидеров коммунистической партии страны Леона Николя. В начале 30-х годов учился в экономическом институте. В 1932 году уехал в Англию, где продолжал учебу. В 1936 году находился в Испании в качестве военного корреспондента. Свободно владел тремя основными европейскими языками: английским, немецким и французским. Некоторое время был председателем объединенной партии труда. К работе в советской разведке был привлечен на основании левых убеждений, которые унаследовал от своего отца.

Пьер Николь имел хорошие связи в политических и правительственных кругах. Ему была поставлена задача – подыскивать людей, которые могли бы предоставлять важную военно-политическую информацию по фашистской Германии. Иногда он давал только наводки на подходящих кандидатов, вербовку которых

³¹ Там же. Стр.46

поручали другому человеку, а иной раз занимался и вербовкой. Кроме того, через знакомых финансистов поддерживал финансовые связи резидентуры.

Отто Пюнтер, по мнению начальника Разведупра, был одним из лучших советских агентов в Швейцарии.

Отто Готфрид Пюнтер родился в 1900 году. Работал журналистом, сотрудничал в левосоциалистических изданиях, открыл свое информационное агентство «Инс». Вступил в социалистическую партию Швейцарии. В то время, когда между социалистами и коммунистами шла ожесточенная борьба, это снимало с него все подозрения в пособничестве коммунистам. Правда, по свидетельству Радо, он неоднократно хотел вступить в компартию, но резидент каждый раз отговаривал его, потому что в этом случае советской разведке пришлось бы отказаться от услуг Пюнтера – в нашей разведке существовал запрет на привлечение к работе зарубежных коммунистов, из соображений конспирации. Правда, потом он написал в своих мемуарах, вышедших в 1967 году: «Мое решение сотрудничать с Радо не имело ничего общего с моими политическими убеждениями и неприятием коммунизма». То ли его взгляды за эти годы переменились, а может быть, он не был до конца откровенен с Радо. Но, в любом случае, коммунизм для него был меньшим злом, чем фашизм.

Антифашистом Пюнтер стал едва ли не с самого начала зарождения фашизма. Еще в 1930 году он вместе с итальянскими антифашистами Рандольфо Паччиарди и братьями Роселли организовал полет над Миланом на самолете, с которого над городом разбросали несколько десятков тысяч антифашистских листовок. Во время Гражданской войны в Испании он не просто сочувствовал

республиканской Испании, а помогал делом: так, например, он совершил несколько опасных поездок в Италию, чтобы получить информацию о переброске итальянских войск на помощь Франко и добыть для республики боеприпасы. В конце испанской войны Пюнтер вернулся в Берн.

Насколько известно, Анулов завербовал Пюнтера в Испании. Правда, некоторые западные исследователи утверждают, что вербовка состоялась в 1940 году в Швейцарии. В начале 1940 года на него вышел один из агентов советской разведки. <Человек, представившийся как Карло, но не назвавший мне своего настоящего имени, знал все о моей деятельности в Швейцарии, поскольку он работал там на советскую разведку. Он намекал, что и я должен сотрудничать с Советами. Я ответил: «Я – социал-демократ; я осуждаю советское вторжение в Финляндию, также я осуждаю советско-германский пакт». Однако мой отказ не был отчетливо выражен ввиду того, что фашистская Германия очевидно набирала силу. Дважды в течение того же года Карло встретился со мной, и дважды я избегал давать четкий ответ. В январе или феврале 1941 года я узнал от голлистов группы <Неже>, что подразделения германской армии, расположенные в Бордо, были переброшены на восток. Это был очевидный шаг к нападению на Россию. Я проинформировал об этом Карло, и в то же время дал согласие работать на советскую разведку. Добавив, однако, что я буду продолжать сотрудничать как с французским Сопротивлением, так и с Сэлтером из британской разведки»³². Тут явно кто-то что-то напутал. Не то автор книги в очередной раз подкорректировал факты с которыми он, кстати, обращается чрезвычайно вольно (так, например, биографию Шандора

³² Книга с распечатки.

Радо он скорректировал достаточно сильно: у него девятнадцатилетний венгерский антифашист становится сначала одним из вождей венгерской революции, затем видным лицом в Коминтерне и любимцем Зиновьева, и т. д.), не то сам Пюнтер перемудрил. Если его завербовали в 1940 году, то как Анулов мог познакомиться с ним Радо в 1938-м?

Коля предупреждал своего заместителя об особенностях характера Пюнтера: «Вы можете быть уверены в Пакбо. Он будет вам хорошим помощником. С людьми он сходится легко. Человек интеллигентный, образованный, свободно говорит на нескольких языках. Зная вас обоих, уверен, сработаетесь наверняка. Только помните: иногда его необходимо охлаждать. Он энергичен, любит рискнуть, и это, надо признать, порой приносит ему успех, однако, стараясь сразу сделать слишком много, он распыляется. Его приходится сдерживать от всяких «воздушных», нереальных планов. Направьте его инициативу на главное – расширение связей с людьми. Ваша цель – информация по Германии и Италии»³³.

Вскоре они познакомились. «Пюнтер-Пакбо выглядел лет на тридцать, оказалось же, что этому невысокому, крепкого сложения, плечистому блондину было тридцать семь. Круглое лицо его дышало здоровьем и энергией. За стеклами очков весело блестели серо-синие глаза. Пакбо оказался живым, приятным собеседником. Он охотно рассказал о себе, упомянул, что женат, но детей у них нет.

Как и я, он уже успел изрядно поездить по свету. С той лишь разницей, что меня носила по свету беспокойная судьба эмигранта, а его гнал из страны в страну кипучий темперамент газетчика. Где он только не работал! В Париже и Лондоне, В Лейпциге и Барселоне... Был на испанском фронте, писал репортажи и статьи в защиту

³³ Шандор Радо. Под псевдонимом "Дора". Стр. 49.

Испанской республики. Ну а теперь, наконец, возвратился в Берн»³⁴. В общем, он понравился новому резиденту.

Пюнтер имел обширные связи в журналистских, дипломатических и политических кругах. Он снабжал нашу разведку сведениями по Германии и Италии. Особенно ценен был его контакт со швейцарским Генеральным штабом, в частности, с ND (Службой информации армии Швейцарии). Кстати, в ND знали, что он работает на советскую разведку и не только не препятствовали Пюнтеру, но, напротив, пытались всячески помогать ему.

У Пюнтера была небольшая собственная группа, куда входили его старые знакомые, еще по антифашистской деятельности начала 30-х годов. Они проживали, в основном, на границе с Австрией. Из названий этих городов и возник его псевдоним <Пакбо> (Понтрезина, Арт Голдо, Крейцлинген, Берн, Орзелина). Радо не знал имен многих его агентов.

Он вспоминает, что среди них был «Габель» – югославский антифашист. В прошлом летчик, в 1938 году он был консулом, представлял в югославском порту Сушак интересы испанского республиканского правительства. Один из его хороших знакомых – югославский представитель при генерале Франко – снабжал Габеля ценной информацией по Испании и Италии. Этот агент сообщал о дислокации сухопутных и авиационных частей итальянской армии, о состоянии военной промышленности и судостроения Италии, о поставках вооружений для Франко, о передвижениях итальянского флота. Другой ценный источник Пакбо – немецкий эмигрант, принявший швейцарское подданство, социал-демократ, бывший чиновник лиги Наций в Саарской области. В сообщениях Центру его называли «Пуассон». Он сообщал о состоянии вооруженных сил

³⁴ Там же. Стр.50.

Германии, о готовящихся военно-политических акциях Третьего Рейха.

Были у него и другие каналы. По церковному каналу, связанному с католическим монастырем неподалеку от Фрейбурга, он получил в 1942 году документ о наступлении немецких войск под Сталинградом. Существовал и <итальянский> церковный канал. Немало сведений он получал через французские представительства в Швейцарии. После оккупации Франции существовало два французских правительства: Виши (пронемецкое) и Де Голля (связанное с союзниками). Оба имели свои представительства в Женеве. И, несмотря на то, что Германия и Англия находились в состоянии войны, оба представительства весьма активно общались. В результате немалое количество информации от вишистского представительства попадало в голлистское, а оттуда, в соответствии с политическими убеждениями работников представительства, либо в Лондон, либо в Москву. Отсюда тоже черпал свою информацию Пюнтер.

Как-то раз его группа даже сумела узнать о передвижениях штаб-квартиры Гитлера. В число их источников входил один австрийский консерватор. Его сын – кстати, социалист – был призван в германскую армию и работал радиотехником в штаб-квартире фюрера. Имея доступ к радио, он каждый вечер связывался со своей семьей и, помимо приветов, передавал информацию, о том, где он находится. Трудно сказать, понимал ли сын, какой важности информацию он передает – но отец это понял прекрасно и исправно снабжал этими сведениями группу Пакбо.

Третьим резидентом, как мы уже знаем, была Урсула со своей маленькой группой.

1 сентября 1939 года, после начала Второй мировой войны, Швейцария закрыла границы, и Радо потерял контакт с Центром (тогда-то Центр и поручил Урсуле ему помочь). Уехав в Англию, она оставило Радо «в наследство» Лена и Фута. А перед самой войной Разведупр подчинил ему и группу Дюбендорфер. Радо был недоволен этим распоряжением. Он считал, что, с точки зрения конспирации, не следует собирать все группы под одним руководством. Центр считал так же, но решение об объединении групп было вынужденным. Каналы связи через Францию к тому времени были потеряны, и все группы концентрировались вокруг радиопередатчиков. Рашель оказалась старой знакомой Лены по работе в Берлине, в отделе агитпропа ЦК КПГ. А Пауля Бётхера прекрасно знали они оба.

До Первой мировой войны Пауль Бётхер был социал-демократом. Работал он наборщиком в типографии. В начале 20-х годов стал коммунистом. Он был членом ЦК партии, депутатом Саксонского ландтага, председателем его коммунистической фракции. Позднее, когда в партии началась фракционная борьба, Бётхер вышел из КПГ. После установления фашистской диктатуры нелегально эмигрировал в Швейцарию.

Один из информаторов Сиси, кстати, был тем самым человеком, через которого Радо получил и смог отправить предупреждение о готовящемся вторжении немецких войск на территорию СССР. Несколько позднее в ее группу входил <Люци> – Рудольф Рёсслер – один из самых результативных агентов Второй мировой войны.

Несколько особое положение занимала маленькая группа «Пьера» (Пьер Николь). О ее деятельности известно совсем немного – но то, что известно, говорит о многом.

10 мая из Москвы в Швейцарию передается просьба: <Профессор Хейсенберг в Лейпциге работает над вопросом использования для военных целей внутриатомной энергии, выделяющейся при цепной реакции урана. Установите: какими методами осуществляется цепная реакция урана; методы разделения изотопов урана и получения больших количеств протоактиния; где сейчас работает Хейсенберг и имена физиков и химиков, работающих в лаборатории Бора в Копенгагене>.

Через месяц Радо докладывает Центру: <Через Пьера удалось установить, что бомбардировка урана изотопа ^{235}U нейтронами дает взрыв ядра этого атома, причем развиваются от 3 до 4 единиц энергии. Они попадают на новые ядра изотопа ^{235}U , и происходят новые взрывы. Эти последовательные взрывы называются цепной реакцией урана>.

А в начале июля – еще одно сообщение: <Лейпцигский физик Хейсенберг больше не проводит опытов с бомбардировкой атома урана, так как немцы ему не доверяют, и они отстранили его от самостоятельных исследований. Они передали их физику Тихтсу. Упорно работают над расщеплением атома урана профессор Джолио и его жена в Париже, а также профессор Гельбау в Цюрихе:>³⁵ Так вот, значит, какие связи были у мало кому известного <Пьера>...

После 22 июня

С началом Великой Отечественной войны основным направлением работы группы «Дора» стала работа против Германии.

³⁵ Владимир Лота. Правда о дядюшке Шандоре. <Совершенно секретно>, № 1, 2000г

Уже 1 июля они получили сообщение из Центра: «Все внимание – получению информации о немецкой армии. Внимательно следите и регулярно сообщайте о перебросках немецких войск на Восток из Франции и других западных районов».

Еще в феврале 1941 года Пюнтер установил контакт с офицером швейцарской разведки, который получил псевдоним «Луиза». Тот поставлял группе ценные данные о концентрации немецких частей на востоке Европы. Теперь они стали еще более напряженно искать новые связи. Первым снова повезло энергичному Пакбо. Через своего знакомого журналиста он познакомился с бывшим пресс-атташе французского посольства правительства де Голля. Французский дипломат наверняка сотрудничал и с голлистской разведкой – тем не менее, через него можно было получать ценную информацию. Центр одобрил контакты с французом, который получил псевдоним «Зальтер». В октябре Зальтер свел Пакбо еще с одним профессиональным французским разведчиком. Офицер, кавалер ордена Почетного легиона, до войны работал в Берлине под журналистской «крышей». Новый источник получил псевдоним «Лонг». Оба они пошли на сотрудничество с советской разведкой из патриотических побуждений, считая, что все антифашистские силы в Европе делают общее дело. В то время Центр считал так же. Но позднее вербовку этих агентов-двойников поставят Радо в вину...

... Немцы подходили к Москве. Группа лихорадочно работала, стараясь добыть как можно больше сведений о планах гитлеровской армии. И вдруг, в середине октября, Москва замолчала. Радо слал запрос за запросом, но не получал ни ответа, ни подтверждения того, что его сообщения получены. Разведчики терялись в тревожных догадках – что происходит? О том, что Гитлер прав и судьба Москвы

решена, не хотелось даже думать. Они решили, что учреждения Центра эвакуировали из столицы на восток, подальше от боев, и прекращение связи вызвано передислоцированием узла связи.

Действительно, как раз в середине октября значительная часть Наркомата обороны, в том числе и Главного разведуправления, была эвакуирована в Куйбышев. Время эвакуации совпадает со временем прекращения связи, которая восстановилась в конце ноября. Причин перерыва им никто не объяснил. Обрадованные разведчики спешно передавали в Центр накопившуюся информацию, которая в то время поступала, в основном, от источников Лонга.

В то время в резидентуре было три передатчика. Два из них были у Эдмонда и Ольги Хамелей («Эдуард» и «Мэуд») – дома и в мастерской. Третий – у «Джима». Александр Аллан Фут, которого Урсула в 1939 году учила радиodelу и основам конспирации, быстро рос как разведчик и постепенно занимал все более и более высокое положение в швейцарской резидентуре, пока не стал вторым человеком после Радо. Он был шифровальщиком и радистом, за два с небольшим года – с июня 1941 по октябрь 1943-го – принявшим и отправившим более шести тысяч радиосообщений. Вместе с тем он работал и самостоятельно, имея прямой выход на Москву. Обучал новичков ремеслу разведчика. Не слишком опытный, но наделенный отменной практической сметкой, Фут превосходно организовал свою работу. Он удачно выбрал квартиру – на пятом этаже многоквартирного дома в многонаселенном районе Лозанны. Квартира находилась в конце длинного коридора, отделенного от лестницы прочной дверью. В случае внезапного ареста агент имел возможность уничтожить рацию и материалы, пока полиция будет ломать двери. Антенну он соорудил таким образом, что она была очень похожа на антенну радиоприемника, а передатчик смонтировал

в футляре от пишущей машинки. Материалы хранил в искусно запрятанном потайном ящике в платяном шкафу, который возможно было обнаружить, только разобрав шкаф. Фут устроился основательно и со знанием дела, и сумел спокойно проработать в своем радиопункте тридцать три месяца.

Другие радисты группы получали сообщения в уже зашифрованном виде, а Фут был еще и хорошим шифровальщиком и мог принимать сообщения от агентов, написанные открытым текстом, что ускоряло работу. В Москве его высоко ценили. За время войны Фут получил четыре награды и звание капитана Красной Армии. А для внешнего мира он был хорошо обеспеченным эксцентричным англичанином, приехавшим в Швейцарию для поправки здоровья, любителем удовольствий, абсолютно не интересующимся политикой.

В группу Фута входило несколько очень интересных людей. Например, его агентом был, например, Макс Хабьяник, полицейский чиновник из Базеля. Это был человек Коминтерна. В течение 22 (!) лет он снабжал сначала Коминтерн, а потом и советских разведчиков швейцарскими паспортами. По описанию примет он подбирал по полицейским документам человека, более или менее похожего, затем изготавливалось свидетельство о рождении, на основании которого и выдавался паспорт. За эту работу он получал 150 франков в месяц и, кроме того, по 100 франков за каждый паспорт. Это был хорошо законспирированный агент Коминтерна, связь с которым поддерживалась через другого старого работника Коминтерна – Анну Мюллер, адрес которой был, кроме того, одним из почтовых ящиков и явок Коминтерна. Прикрытием ей служило частное агентство по найму, открытое, естественно, на советские деньги и, кроме того, ей платили по 450 франков в месяц.

Хабьяник был арестован в 1948 году, когда вскрылась его работа с паспортами. Анна Мюллер – в 1943 году. У нее был брат в Германии, которого звали Генрих Мюллер. Его квартира была одной из явок советской разведки. После ареста двоих воспользовавшихся этой квартирой советских агентов гестапо арестовало Генриха Мюллера и его жену, которые были вскоре казнены. Фальшивой телеграммой о болезни брата вызвали в Германию и Анну, через которую Генрих получал инструкции от Центра. Ее тоже арестовали и приговорили к смерти, но, благодаря вмешательству швейцарского правительства, приговор не был приведен в исполнение, и после разгрома гитлеровской Германии она вернулась обратно в Швейцарию. Эти два человека тоже принадлежали к группе Фута.

Вскоре у «Доры» появилась еще одна радистка – дочь итальянского антифашиста, 22-летняя Маргарет Болли. Эта стройная черноволосая девушка сначала выполняла в организации роль курьера. Работала она успешно, и Радо предложил ей учиться на радиста. В течение зимы и весны 1942 года Джим обучал Маргарет, после чего решено было установить рацию в доме ее родителей в Базеле. Эдмунд Хамель собрал еще один передатчик, а Джим установил его в квартире Болли. Новая радистка получила псевдоним «Роза». Однако ее отцу не понравилось, что в его доме оборудовали радиоточку, он опасался полиции, и Маргарет переехала в Женеву, где жила под видом студентки, приехавшей изучать французский язык. Маргарет была связана только с Радо и его женой, Пакбо и Джимом, а ее адрес знали только Радо и Лена, а также Хамель, который устанавливал рацию – больше никто. Только за 1942 и 1943 годы группа Радо передала в центр более трех тысяч радиogramм.

<Трудно поверить, но в составе резидентуры было семьдесят семь человек! В Женеве работали девятнадцать помощников Доры. В Берне у него было пятнадцать тайных агентов. В Цюрихе – девять. В других городах Швейцарии еще двадцать семь человек. В Германии для Радо добывали информацию семнадцать человек. В Италии – два, в Австрии – три, во Франции – пять. Наиболее крупными агентурными группами были организации Сиси – двадцать человек и Пакбо – тридцать четыре агента. В группу Джима входили девять человек. В группе Пьера было четыре агента>³⁶. Для такой маленькой страны, как Швейцария, это была огромная организация – и по значению (некоторые специалисты утверждают даже, что Вторая мировая война была выиграна в Швейцарии), и по размеру.

«Люци»

Говоря об этом человеке, уместно будет вспомнить слова, сказанные совсем в другое время и по другому поводу одним из видных работников советской разведки наших дней. Когда председатель КГБ СССР Владимир Крючков спросил начальника нелегальной разведки ПГУ КГБ Юрия Дроздова: «А сколько вообще нужно иметь агентуры, чтобы знать, что происходит в мире?», тот ответил: «Не так уж много, пять-шесть человек, а вся остальная агентура должна обеспечивать их, отвлекать от них внимание»³⁷. Безусловно, одним из подобных агентов был «Люци», связь с которым была установлена в конце 1942 года. Нет, другие агенты тоже добывали ценную информацию, иной раз очень ценную – но ни один даже не приближался по объему и важности поставляемых сведений к этому загадочному человеку.

³⁶ Владимир Лота. Правда о дядюшке Шандоре. <Совершенно секретно>, № 1, 2000г

³⁷ Ю.Дроздов Нужная работа. М., 1994. С. 123.

Вспоминает Шандор Радо: «Когда началась битва под Сталинградом, удивительную осведомленность о действиях немцев на фронте стал проявлять «Тейлор» (Христиан Шнейдер), которых был связан с Сиси. Его информация отличалась конкретностью, широтой охвата вопросов. Это было поразительно. Вольно или невольно возникала мысль: не подсовывает ли кто-то через Тейлора явную фальшивку с намерением дезинформировать, запутать нас? В самом деле, не странно ли, что человек, занимавший в Международном бюро труда скромную должность переводчика и не имевший доступа к сведениям военного характера, вдруг стал поставлять очень ценный материал? Такие данные, которые, узнай об этом противник, вызвали бы панику среди немецких генштабистов. Было отчего призадуматься... Первую информацию Тейлора я послал Директору с ощущением, будто делаю что-то опрометчивое»³⁸.

Центр заинтересовался новыми возможностями Тейлора и, для проверки, предложил ему установить номера немецких частей в южном секторе фронта и выяснить число немецких военнопленных, находившихся в СССР. Спустя несколько дней Радо получил ответ на оба вопроса. Центр остался довольным донесением – значит, сведения были верными. Однако сам Тейлор ни словом не обмолвился о том, откуда он берет эту информацию.

Примерно в конце ноября 1942 года Тейлор на свидании с Сиси сказал ей, что немецкий друг, через которого он получает информацию, может регулярно снабжать советскую разведку интересующими ее материалами. При этом Тейлор сказал, что его друг взбешен тем, что информация о Восточном фронте, которую он передает англичанам, не используется по назначению. Однако «немецкий друг» ставил и условия: связь он будет держать только

³⁸ Шандор Радо. Под псевдонимом «Дора» Стр. 129.

через Тейлора, и советская разведка не должна выяснять, кто он и чем занимается. Единственное, что сказал о нем Тейлор» – то, что человек этот живет в Люцерне. Центр согласился, настояв на том, что и загадочный человек не должен знать ничего о Сиси (впрочем, он к лишнему знанию и не стремился). Новый источник получил псевдоним «Люци» – по названию города Люцерны. О том, кто он такой, они узнали уже в 1944 году, после провала группы и начала следствия. Подлинное имя «Люци» было Рудольф Рёсслер.

Рудольф Рёсслер родился в Баварии в городке Клауфбойрен, в семье крупного чиновника лесного ведомства. Во время Первой мировой войны пошел на фронт добровольцем. После войны занялся журналистикой. Он писал статьи о театре, редактировал в Аугсбурге местную газету, издавал в Мюнхене литературный журнал, в начале 30-х годов был руководителем Народного театрального союза в Берлине. В 1933 году вместе с женой эмигрировал в Швейцарию, где открыл книжное издательства <Vita Nova> в Люцерне. Там же он нашел себе и политических единомышленников – стал членом группы левых католиков <Die Entscheidung> <Решение>).

Еще в Берлине Рёсслер познакомился и подружился с Ксавье Шнипером, швейцарским журналистом, сыном священника, учившимся в Германии. Шнипер был моложе Рёсслера на двенадцать лет, но, по-видимому, имел влияние на своего друга. Это он убедил Рёсслера, когда нацисты пришли к власти, отправиться в Швейцарию. Кстати, он тоже стал членом той же левокатолической политической группы.

Весной 1939 года начальник Генерального штаба Швейцарии генерал Гюйсан организовал службу ND (Nachrichten-Dienst, или Служба информации армии Швейцарии). Эта разведка небольшой нейтральной страны во время Второй мировой войны была одной из наиболее информированных спецслужб. Она имела своих агентов в Германии, сотрудничала с разведками западных стран и обменивалась с ними информацией. Ей, так сказать, <платили дань> разведчики-нелегалы, работавшие на территории Швейцарии. Правда, с советской разведкой ND пока что контактов не имела.

Итак, весной 1939 года Шнипера, который в то время был в армии, назначили на работу в ND. Руководитель ведомства попросил его помочь в подборе сотрудников, и одним из первых Шнипер порекомендовал Рёсслера. Тот стал сотрудничать с бюро «Х»

— секретным филиалом ND, названным так по имени его руководителя майора Хауземанна. Он передавал бюро «Х» информацию, которую получал из Германии от противников Гитлера, которых в то время было немало в политических и официальных кругах, а также от немецких эмигрантов. Для швейцарской разведки это был подарок судьбы. Как особо ценный сотрудник, Рёсслер получил от Генштаба швейцарской армии документ, который предписывал всем чиновникам оказывать ему содействие. Сотрудники контрразведки взяли его под охрану.

Вскоре Рёсслеру доверили особо важную работу — анализировать весь материал по Германии, которым располагало люцернское бюро «Х». Теперь он имел доступ ко всей информации, стекавшейся в бюро из множества источников.

Сперва Рёсслер и его сеть работали только на швейцарскую разведку. После начала Второй мировой войны доступ к этой информации получили страны антигитлеровской коалиции.

Полковник Массон (начальник швейцарской разведки и контрразведки, которому подчинялась также и полиция) смотрел сквозь пальцы на контакты своих подчиненных с разведками Англии и США. На советскую разведку Рёсслер стал работать после того, как убедился, что его сведения не попадают русским.

По цепочке: Рёсслер – Шнейдер – Дюбендорфер – Радо передавалась ценнейшая информация. «Люци» передавал сведения о стратегических планах немецкого командования, о составе, структуре и вооружении германской армии, мог даже отвечать на вопросы Центра об отдельных частях и генералах. Фут позже писал о нем в своей книге <Руководство для шпионов>: «Люци обеспечивал Москву самыми свежими, расписанными по дням планами боевых действий немецких вооруженных сил на Востоке»³⁹. До сих пор точно неизвестно, кто же, все-таки, его информировал. Главным условием его сотрудничества с советской разведкой была полная анонимность источников информации, и он не отступал от него, невзирая ни на какие требования.

Кто же они были? Еще живя в Берлине, Рёсслер поддерживал знакомство с некоторыми высокопоставленными чиновниками из министерства иностранных дел Германии и генералами, тайными противниками фашизма, симпатизировавшими Советскому Союзу. А после разгрома немецкой <Красной капеллы> – организации Харнака – Шульце-Бойзена, связанные с ней немецкие антифашисты стали искать другой канал передачи информации русским – и, возможно, нашли Рёсслера (впрочем, он был чрезвычайно информирован задолго до их разгрома). Фут считает, что «информация такого рода могла поступать лишь из верховного командования вермахта. Ни одно

³⁹ Книга с распечатки

другое ведомство в Германии не располагало данными, которые ежедневно поставлял Люци»⁴⁰.

Владимир Лота пишет: <Источники в переписке Центра с Радо упоминались только под условными именами – Вертер (источник в штабе германской армии), Ольга (подполковник в штабе связи между верховным командованием вооруженных сил Германии (ОКВ) и одной армейской группой), Анна (группа источников в германском министерстве иностранных дел), Тедди (офицер при ОКВ) и так далее. Центр неоднократно требовал от Радо установить имена и фамилии агентов. От этого зависел ответ на простой вопрос: стоит ли доверять сведениям информатора? Получив от Радо очередное сообщение о невозможности добиться данных об источниках Люци, начальник европейского управления ГРУ ГШ наложил резолюцию: <пока прекратите расспросы»⁴¹. Причем, как утверждает Радо, эти псевдонимы не означали конкретных людей, но лишь организации (например, Вертер означал вермахт и т. п.). Более того, даже о том, кто такой Люци, знал один лишь Тейлор – ни Радо, ни Сиси этого не знали. Сиси встречалась с ним один раз в жизни, уже после прекращения работы резидентуры, когда их обоих до суда выпустили из тюрьмы, а Радо так никогда его и не видел.

Однако несколько имен все же удалось установить. В статье <Тайна дядюшки Шандора> в газете <Совершенно секретно> приводятся подлинные радиogramмы Радо, касающиеся рёсслеровских дел. 19 марта 1943 года он передавал: <Вертер посетил Люци. В беседе с ним он сказал, что одним из его источников получения важных документов является генерал Томас. Документы от генерала

⁴⁰ Книга с распечатки

⁴¹ Владимир Лота. Правда о дядюшке Шандоре. <Совершенно секретно>, № 1, 2000г.

поступают через офицеров его отдела>. И далее: В качестве источника информации по Италии и Африке Вертер назвал майора Кайзера, находящегося при немецком посольстве в Риме> И затем: <Информация, поступающая ему из Берлина, бывает в пути от одного-двух дней, но не более пяти суток>. То есть, сведения ему передавали не по радио, а через курьеров. Вероятно, одним из таких курьеров и был Вертер. Эта радиограмма была, как уже говорилось, передана 19 марта. А уже 22 марта, вслед, летит другая: <После того, как Сиси сообщила мне, что к источникам Вертера относятся, как ей удалось установить, генерал Томас и майор Кайзер, она на следующий день заявила мне, что Люци не разрешал сообщать нам эти сведения и эти фамилии... Она сожалеет о том, что нарушила эту просьбу Люци>. Что произошло за эти три дня? Просто ли Дюбендорфер сожалела о своей словоохотливости? Или она проговорила, и у нее был серьезный разговор со Шнейдером?

А 1 июня Радо сообщил в Центр: <По данным Люци, источник Тедди является экспертом при ОКВ по вопросам румынской армии и работает для американской разведки, а материалы, которые попадают к нам, передаются им для швейцарской разведки>. Это весьма и весьма пикантная подробность тайной войны, сопровождавшей войну явную. Как пишет Владимир Лота: <Пока не удалось найти документального подтверждения тому, что в годы войны американская или английская разведки делились с РУ Красной Армии разведывательной информацией, поступавшей к ним из берлинских источников. Но известно, что бывший начальник ЦРУ Аллен Даллес искренне завидовал успехам советской военной разведки. <Ресслеру удавалось, – писал он в своей книге <Искусство разведки>, – получать в Швейцарии сведения, которыми располагало высшее немецкое

командование в Берлине...>. И, как оказалось, не без участия американских спецслужб.

В этих маленьких сообщениях промелькнуло одно имя, которое может пролить свет на подлинные контакты Рёсслера. Это имя – генерал Томас. Известно, что генерал принадлежал к существовавшему в высших военных и политических кругах Германии заговору против Гитлера. Заговорщики усиленно искали связи со странами антигитлеровской коалиции, но как восточные, так и западные союзники относились к ним с понятным недоверием. И, вполне возможно, через Рёсслера, который еще в начале 30-х годов был достаточно близко знаком с некоторыми будущими заговорщиками, шла информация, которой участники этого широкомасштабного и разветвленного заговора снабжали советскую разведку. По крайней мере, этим можно объяснить объем и <всеохватность> информации, которую поставлял Рёсслер – на него работали не только его личные знакомые, а целая организация, в которую входили, в числе прочих, и чрезвычайно высокопоставленные военные. Этим же объясняется и то, что источники <Люци> не обнаружили себя и после войны: вполне возможно, что все они были казнены после неудавшегося покушения на фюрера в июле 1944 года.

Сначала в Москве не очень-то доверяли информации столь несговорчивого агента. Но постепенно, когда стало ясно, что информация достоверная, важная и что ее много, стали считать его одним из самых ценных агентов. В частности, ему платили около 1700 долларов в месяц, что по тем временам было далеко не маленькой суммой. Это информация западных исследователей, Радо же утверждал, что Рёсслер работал безвозмездно.

Деньги группы

В последнее время за границей была опубликована некоторая информация о денежных делах резидентуры. И, хотя источники не слишком достоверны, так как в ряде случаев, рассказывая о работе резидентуры, допускали значительные ошибки, все равно интересно с этой информацией познакомиться.

До 1940 года швейцарская сеть получала деньги достаточно исправно – через Францию, где существовали советские представительства. С оккупацией Франции налаженный канал снабжения группы деньгами был перерезан. Центр оказался бессильным помочь, и решить проблему предложил Фут, имевший банковские счета в Англии, США и Швеции. Центр переводил деньги на американский счет Фута – однако трудность была в том, что перевод средств за границу без специального разрешения был в США во время войны запрещен. Однако Фут сумел найти фирмы, работавшие как в США, так и в Швейцарии, и с их помощью решить эту проблему. За тот же срок – с лета 1941 по осень 1943 года – с помощью этих фирм было переведено более 100000 долларов. Этот канал работал до середины 1943 года, после чего швейцарская сеть осталась фактически без денег.

Расходы швейцарской резидентуры были достаточно скромными. Считалось, что большинство агентов сотрудничает с советской разведкой из идейных соображений, и больших денег им не платили.

При обыске в доме Хамелей полиция нашла записи Радо, посвященные денежным делам резидентуры. <Записи Радо, обнаруженные полицией, проливают свет на финансовое состояние агентурной сети. Так, расходы в среднем составляли:

1940 год – 3000 швейцарских франков

первое полугодие 1941 года – 3500 франков

Второе полугодие 1941 года – 11000 франков

1942 год – 12000 франков

1943 год – 20000 франков

Агентам, согласно записям Радо, выплачивалось:

Александру Радо: 1270 швейцарских франков в месяц, начиная с сентября 1942 года – 1775 франков; всего за период с июня 1941 года по сентябрь 1943 года 40850 швейцарских франков.

Александру Футу: в среднем, 930 франков в месяц; всего за двадцать четыре

месяца 21370 франков.

Эдмону Хамелю и его жене: кроме доходов от радиомагазина в Женеве, они получали от Радо 150 франков в месяц и средства на оплату прямых издержек; всего за 27 месяцев они получили 12100 франков.

Маргарет Болли: 400 франков в месяц; всего за 21 месяц 8350 франков.

Всего за период с апреля по август 1943 года Радо, согласно его записям,

израсходовал около 320000 франков⁴².

Любители детективного жанра помнят, что именно таким образом <погорела> группа профессора Мориарти, раскрытая доблестным Шерлоком Холмсом именно после того, как ему удалось захватить финансовые документы. Как же получилось, что Радо, в нарушение одного из строжайших правил конспирации, хранил финансовую отчетность группы? Можно сказать, что он попал в безвыходное положение. Радо то и дело нарушал установленные Центром достаточно жесткие финансовые правила – и нарушал не потому, что так хотел, а потому, что не мог их соблюдать. Согласно

⁴² Книга с распечатки

этим правилам, на выплаты денег надо было каждый раз получать согласие Москвы и регулярно отчитываться. Между тем, далеко не все агенты были идейными коммунистами и антифашистами, ситуации в условиях руководства большой агентурной сетью в военное время возникали самые разные, и каждый раз спрашивать санкции и ждать ответа было невозможно, это парализовало бы работу. Это с одной стороны. С другой, были проблемы и с отчетностью. По понятным причинам, ее нельзя было вести на бумаге, но Радо, по-видимому, не надеясь на свою память, это делал, с тем, чтобы впоследствии отчитаться. И вот результат – в 1943 году, во время обыска дома Хамелей, полиция эти записи обнаружила.

В условиях слабого контроля через Радо проходили большие суммы, и некоторые из соратников подозревали его в том, что он значительную часть денег присваивает. Впрочем, подобные подозрения рождаются всегда, а документально или еще каким-нибудь способом они не подтверждены.

Тучи сгущаются

Радо и его людей часто упрекают в пренебрежении правилами конспирации, забыв о том, что во время войны, в условиях закрытых границ ими поневоле иногда приходится пренебрегать. Если пунктуально придерживаться конспиративных законов, то после октября 1942 года связь с Хамелями надо было прекращать... и остаться без двух из четырех передатчиков в условиях огромного объема информации, которую надо было передавать в Центр.

В сентябре 1942 года в дом Хамелей явилась полиция. Пришли они вечером, как раз тогда, когда радисты готовились к сеансу связи. Пока полицейские ломились в дверь, Ольга, которая опомнилась

быстрее, чем ее муж, успела уничтожить подготовленную информацию и спрятать передатчик в заранее подготовленную яму в чулане. Полицейские перерыли весь дом, но эту рацию так и не нашли. Однако под полом они отыскивали запасной передатчик, который в свободное время собирал Эдмонд. К счастью, он не успел закончить монтаж, так что на приборе не было ключа и некоторых других частей. Кроме того, в целях маскировки Эдмонд собирал его в корпусе высокочастотного облучателя. Хамель заявил, что это коротковолновый прибор, необходимый ему для лечения невралгии, и даже предъявил медицинскую справку. Полицейские радиоэксперты так и не поняли, что это такое, и, в конце концов, поверили его объяснению.

В общем, Хамель выкрутился: его оставили в покое, и лишь спустя полгода состоялся суд, на котором за неправомерное хранение этого самого аппарата его приговорили... к десяти дням тюрьмы условно. Скорей всего, визит полиции был связан не с его работой, а с тем, что накануне женевская полиция арестовала его брата с нелегальной социалистической литературой и решила проверить – не занимается ли тем же самым и Эдмонд.

Правила конспирации требовали: после этой истории резидент должен был прекратить всякие отношения с Хамелями, вывести их из состава резидентуры. Однако Радо не пошел на то, чтобы, при таком объеме передаваемой информации, лишить группу радиста. Эдмунд продолжал выходить в эфир и спокойно работал до 1943 года. Должно быть, это, действительно, было случайным инцидентом.

Но другие инциденты случайными не были. Как ни осторожно работали радисты, однако, при таком количестве сеансов связи, все радиоточки достаточно скоро были обнаружены. Трудно сказать, когда об их существовании узнали швейцарцы. С одной стороны,

радиопеленгаторных установок у них было мало, и использовались они, в основном, для слежения за немецкими самолетами. С другой, если даже передатчики и были обнаружены, то у швейцарских спецслужб не было серьезных оснований поднимать шум, проводить сложные и дорогостоящие операции по их обезвреживанию – на какую бы страну ни работали эти рации, ясно было, что работали они не против Швейцарии, а против Германии. К немцам же в этой стране даже власти ни малейшей симпатии не испытывали.

Как и в любом другом государстве, швейцарские спецслужбы не очень-то ладили друг с другом. Если армейская разведка склонна была закрывать глаза на сотрудничество швейцарских граждан с иностранными разведками, (в тех случаях, когда речь шла о странах антигитлеровской коалиции), то полиция этот род деятельности не приветствовала, но и не карала сурово, о чем говорит, хотя бы, все та же история с Оберманнсом. Но это правило работало до тех пор, пока разведка велась против третьих стран. А некоторые опрометчивые задания Центра, попади они в чужие руки, дали бы вполне законный повод для преследования. В самом деле, Москва не раз нарушала <джентльменское соглашение>, по которому агенты, работающие в Швейцарии, могли собирать информацию о ком угодно, кроме страны пребывания. Несколько раз Москва заказывала сведения о швейцарской армии и получала их,

подставляя, таким образом, агентов. Но швейцарские контрразведчики, впрочем, об этом не знали...

Немцы же запеленговали швейцарские радиоточки еще в июне 1941 года. Однако это им мало что дало. Ясно было, что в Швейцарии работает крупная организация, но и только. Долгое время они не могли расшифровать сообщения, а следовательно, и определить, что

это за группы, на кого они работают, какой информацией располагают. Естественно, СД засылало в Швейцарию своих людей, но те действовали наугад. Так, в апреле 1942 года в Женеве появился французский журналист Ив Рамо, который утверждал, что обладает ценной информацией и искал способов ее пересылки в СССР, утверждая, что он известен советской разведке под кличкой «Аспирант». Это оказался французский разведчик по фамилии Цвейг, после оккупации Франции перешедший на службу к Гитлеру. Центр, естественно, не подтвердил, что знает «Аспиранта» и запретил всякие контакты с ним.

Положение изменилось в 1942 году. После провала бельгийской, а затем французской групп <Красной капеллы> немцы, захватившие шифры, смогли прочесть часть сообщений <Красной тройки> (так они называли три швейцарских передатчика). Псевдонимы, правда, остались для немцев загадкой, но они обнаружили, что через Швейцарию шла утечка информации из высшего командования вермахта! Было от чего схватиться за голову.

Теперь немецкая радиослужба сосредоточилась на <красной тройке> – трех передатчиках резидентуры Радо. А VI управление главного отдела государственной безопасности – на группе Радо в Швейцарии. Ситуация для немцев была достаточно сложной – ведь организация работала на территории нейтрального государства. Работа была поручена некоему <Бюро <Ф>, резидентуре IV Управления РСХА. Руководил ей генеральный консул Германии в Берне Ганс Мейснер.

В то время германская контрразведка, убедившись, что арест радистов малоэффективен, если на свободе остается резидент, применяла против разведывательных организаций другую тактику. За выявленными членами организации устанавливали слежку, с тем,

чтобы захватить руководителей. Гестапо отслеживало всю сеть и арестовывало всех разом. Метод был эффективным. Действительно, в случае ареста Радо его сеть распадалась на отдельные звенья, не связанные друг у другом, причем наиболее результативные группы – Пакбо и Сиси – оставались без связи. Это был серьезный минус конспирации. Так, только перед переходом на нелегальное положение Радо связал Сиси с Пакбо – до тех пор они не знали друг друга, и, в случае его ареста, так бы и остались в неведении.

В Швейцарии немцы применили ту же методику, с той лишь разницей, что они не имели возможности обезвредить подпольщиков: этого предстояло добиться от швейцарской полиции. Агентов СД активно пытались внедрить в группу Радо. <По крайней мере, в одном случае такое внедрение удалось: агент СД Эрнст Леммер, который выдавал себя за антифашиста и по заданию СД работал корреспондентом официальной немецкоязычной будапештской ежедневной газеты <Пестер Ллойд>, а с 1940 года также и для швейцарский <Нойе Цюрих Цайтунг> и <Ди Тат>, по рекомендации французского журналиста Жоржа Блуа (псевдоним <Лонг>) в 1942 году проник в круг информаторов разведчика Отто Пюнтера. Леммер в группе Радо получил псевдоним <Агнес>.

СД постепенно установило, что группа Радо располагает отличными связями с антифашистским партизанским движением в Италии, Франции и Югославии. Совместно с гестапо СД предприняло попытку с помощью внедренных агентов, которые выдавали себя за партизан, сблизиться с членами группы Радо. Удалось наметить подходы и к самому Радо, например, с помощью таких агентов гестапо, как Эвальд Цвейг, иначе Рамо, иначе Аспирант, контрреволюционного русского эмигранта Белова, и Неманова из Франции. Супружеская чета Мартинов, вступившая в сотрудничество

с секретной службой гитлеровской Германии, попыталась подстроить ловушку Александру Футу. Как высшая точка запланированных действий против группы Радо специалисты по похищению людей главного управления государственной безопасности должны были 23 ноября 1943 года захватить радиста Александра Фута и вывезти его из Швейцарии в

Германию. Ожидалось, что он под пытками пойдет на предательство⁴³.

Вышли немцы и на Маргарет Болли. Агенту гестапо Гансу Петерсу, молодому немцу-парикмахеру, работавшему в Женеве, удалось не только установить контакт с Маргарет, но и стать ее любовником. Молодая женщина доверяла ему до такой степени, что не делала тайны из своей работы, и только долгое время спустя, под давлением неопровержимых доказательств, поверила в то, что ее Ганс – агент гестапо. Даже годы спустя для Радо оставалось загадкой, каким образом немцы вышли на Маргарет – именно на Маргарет, ни в чем особенно не замешанную, жившую достаточно замкнуто и встречавшуюся с очень ограниченным кругом людей, каждый из которых был вне подозрений.

Трудно сказать, за кем первым была установлена слежка. Петерс установил контакт с Маргарет летом 1942 года, когда она общалась с Радо и Леной, Джимом и Пакбо. Даже если кочующая по западным публикациям информация о том, что Маргарет была любовницей Радо, и он появлялся с ней в ресторанах, верна – то что из того? А единственный человек, который точно знал, кто такой Шандор Радо, попал к немцам в руки лишь в ноябре 1942-го.

Вернемся в 1940 год. Весной этого года к Радо в Женеву явился связной из Центра. «Он пришел ко мне на квартиру без

⁴³ Книга с распечатки

предварительного звонка по телефону. Высокого роста, худощавый, в элегантном костюме, он держался непринужденно, даже несколько покровительственно. Склонив белокурую голову в легком поклоне, гость сказал: «Я имею задание навестить Дору». «Вы Кент?» «Да, это мое рабочее имя», – ответил он»⁴⁴.

Гость передал Радо кодовую книгу и шифр, объяснил, как шифровать радиogramмы, передал последние инструкции Центра. Единственное, что не понравилось Шандору – это то, что Центр раскрыл перед связником его настоящее имя и адрес. Он попросил Москву больше так не поступать, и ничто подобное больше не повторялось. Но, из памяти этого человека имя и адрес Радо в Женеве было уже не вытравить. В ноябре 1942 года «Кент» – А. Гуревич – был арестован. Так что с ноября 1942 года имя Радо могло быть точно известно гестапо.

Общие итоги работы немецкой контрразведки были достаточно хорошими. <К лету 1943г. бюро <Ф> составило список возможных членов <Красной тройки>. Туда входили Ш. Радо, его жена Лена, О. Пюнтер, Р. Дюбендорфер, Э. Хамель, А. Фут, М. Болли. Резидентом справедливо считался Радо, а его помощником – Пюнтер. В то же время распределение ролей было ошибочным: немцы считали, что Пюнтер занимается, главным образом, административно-хозяйственным обеспечением группы, тогда как он вел большую оперативную работу. Были верно указаны радисты группы – Э. Хамель, А. Фут и М. Болли, но Р. Дюбендорфер считалась членом французской резидентуры, бежавшей в Швейцарию после разгрома групп Кента и Отто. Что же касается источников резидентуры, о них у бюро <Ф> сложилось превратное представление. Так, немцы были

⁴⁴ Шандор Радо. Под псевдонимом «Дора». Стр. 59

уверены, что Сиси имеет связь не только с таинственным Люци, но и непосредственно с Вертером, Ольгой, Тедди и другими источниками в Германии. Кроме того, считалось, что Люци и Тейлор одно и то же лицо, выступающее под двумя псевдонимами. Но, что самое главное, лица, выступающие под псевдонимом Сиси и Тейлор, установлены не были. Таким образом, основная задача, стоявшая перед контрразведкой – выявление источников информации – не была решена⁴⁵.

Однако мало было выявить разведчиков. Они ведь находились не в Германии или одной из оккупированных стран, где к ним можно было просто прийти и арестовать. Они находились на территории нейтральной страны. На официальном уровне немецкое правительство требовало от швейцарского правительства ареста Радо, при этом каждый раз предоставляя огромное количество обвинительных материалов. Только в 1943 году это требование повторялось пять раз. Еще 8 сентября 1942 года начальник VI Управления РСХА Шелленберг посетил Швейцарию и встретился с начальником швейцарских спецслужб, бригадным полковником Роже Массоном. Массон обещал <что-нибудь сделать> с советскими передатчиками и, естественно, не сделал ничего. В марте 1943 года Шелленберг встретился с ним и с начальником швейцарской полиции Маурером и намекнул, что, если они и дальше будут тянуть время, то это может серьезно испортить немецко-швейцарские отношения. Шел 1943 год, исход войны еще был неясен, Швейцария не была гарантирована от вторжения, и на этом можно было играть, шантажируя швейцарцев. Конечно, вопрос оккупации

⁴⁵ А.Колпакиди, Д.Прохоров. Империя ГРУ. М., 1999г. Стр.408.

решался не в РСХА, но все равно не следовало портить отношения с могущественным и опасным соседом. Под нажимом Германии швейцарские спецслужбы всерьез взялись за <красную тройку>.

Провал

Операция началась 9 сентября и продолжалась 34 дня. Ровно столько понадобилось полицейской службе пеленгации, чтобы выяснить расположение двух из трех радиопередатчиков группы. Хамелей, в их уединенной вилле, найти было сравнительно нетрудно. Маргарет, чей передатчик находился в многоквартирном доме, что в условиях демократической и невоюющей Швейцарии создавало известные трудности, отслеживать не было необходимости: ее давно сдал Ганс Петерс. Заметив слежку за домом Маргарет, Радо изъял ее передатчик и велел ей вернуться домой к родителям. Маргарет не послушалась его и спряталась у Петерса на квартире, где ее 14 октября и арестовали.

Что же касается Хамелей, то в ночь на 14 октября 1943 года семьдесят полицейских с собаками окружили их дом на окраине Женевы. При обыске были найдены рации, материалы, финансовые документы Радо, и, что совсем уже плохо, описания последней секретной пушки, принятой на вооружение в швейцарской армии. Плохо было и то, что советские агенты вели работу против Швейцарии, и то, что полиция достаточно просто могла вычислить, от кого исходила эта информация.

Узнав об арестах, Радо предупредил о провале Фута, а сам перешел на нелегальное положение. Он скрывался в Берне, у друзей.

Как выглядело это «скрываться» и что такое, вообще, нелегальное положение, он достаточно красочно описывает в своих

мемуарах. «Новую квартиру не так просто было найти: среди людей, которым можно было довериться, не каждый решился бы укрывать у себя лиц, преследуемых властями. Наконец, жилье подыскали – хозяева были друзьями одного нашего сотрудника. Квартира – отдельная, без соседей на этаже, но очень маленькая. Нам отвели тесный чулан, в котором с трудом умещалась только одна раскладная кровать. Кое-как мы устроились – выбора не было. На неудобства не обращали внимания. Часами приходилось сидеть в этом чулане, не выходя оттуда и даже не двигаясь. Днем в дом приходила служанка, прибиравшая комнаты и приносявшая продукты. А по вечерам к хозяевам нередко навевывались приятели – поиграть в бридж. Разумеется, никто из гостей о нас ничего не знал. Поэтому нужно было сидеть очень тихо.

Вспоминая сейчас долгие месяцы, проведенные в той камере, я удивляюсь, как у нас с Леной хватило терпения вынести это добровольное заточение, это испытание неподвижностью. Коченели руки и ноги, казалось даже, будто загустела а венах кровь. Порой хотелось плюнуть на все, встать и выйти на улицу. Ведь каждому из нас было тогда чуть больше сорока лет, мы жаждали действия, деятельности. А пришлось сидеть взаперти. Для меня лично то время было, пожалуй, самым тяжелым в жизни»⁴⁶. Если это и лучше гестапо, то едва ли по удобству существования предпочтительней швейцарской тюрьмы!

Теперь резидентурой руководил Фут, он же держал связь с Радо, и он же оставался единственным радистом группы.

Швейцарская полиция, разыскивая Радо, применила методы, за которые, учитывая, что речь идет о семье противников фашизма, им должно было быть стыдно. Они <применили меры> к его семье.

⁴⁶ Шандор Радо. Под псевдонимом «Дора». Стр. 274.

Матери Лены, эмигрантке, и его сыновьям на пять месяцев отказали в выдаче продовольственных карточек, что, даже в относительно сытой Швейцарии, означало голод. Младшего сына выгнали из пансиона, старшего несколько раз задерживали и избивали. Но это ни к чему не привело, Радо и Хелен так и не сдались полиции. Их друзья «нажали на рычаги» в правительственных кругах, и семью оставили в покое. Тем более, что исход войны был уже почти предрешен, и усердствовать в поисках разведчиков страны-победителя не имело ни малейшего смысла.

Последним, 27 сентября 1943 года, был запеленгован передатчик Джима, работавший в Лозанне. После успешной операции в Женеве моторизованные пеленгационные патрули отправились в этот город. После провалов Фут пытался выходить на связь как можно реже, но совсем прекратить сеансы не мог — надо было отправлять информацию, ведь он оставался один. Передатчик находился в густонаселенном квартале, и это сэкономило еще какое-то время. Дальше дело обстояло так: <19 ноября 1943 года швейцарская контрразведка хотела произвести арест Александра Фута во время сеанса связи. Однако этим вечером его передатчик молчал. Фут заметил нечто подозрительное. Еще 14 ноября, например. Александр Фут передал в Москву около трехсот групп цифр, то есть около 1500 радиознаков. Швейцарская тайная полиция во время его последующих передач систематически отключала по блокам домов электричество, чтобы по возможному перерыву в передаче установить местонахождение передатчика. 20 ноября 1943 года Александр Фут вновь привел свой передатчик в действие. Пятнадцать вооруженных полицейских в 0:45 взломали дверь в квартиру Фута, который, сохраняя самообладание, сжег на постоянно готовой свече документы и разбил рацию также заранее приготовленным молотком. В этот день

он отправил в Москву еще 59 групп цифр. Так умолкла последняя радиоточка

группы <Доры>⁴⁷.

На допросах радистам показывали фотографию Радо, называли его фамилию и псевдоним «Дора», говорили, что он – руководитель организации. Ясно было, что эти сведения швейцарская полиция получила от гестапо. Однако арестованные полностью отрицали работу на советскую разведку, Радо «не узнавали». Не было никакой возможности и привлечь их к радиоигре. Тогда швейцарская контрразведка попыталась начать игру самостоятельно, но сделала это чрезвычайно грубо: например, она зашифровывала передачи кодом Радо, а не Фута. Естественно, в Центре тут же обо всем догадались и, в свою очередь, начали игру со швейцарцами, которая продолжалась некоторое время, пока те не догадались о происходящем. Эта возня с радиоиграми на некоторое время задержала следующую волну арестов.

После арестов и ухода Радо в подполье во главе агентурной сети встали те, кто остался на свободе – Рашель Дюбендорфер и Пауль Бётхер. Аресты <срезали> верхушку резидентуры, но сама сеть осталась почти не затронутой. На свободе были Пьер, Пакбо, Рёсслер. Но не было связи, и совершенно не было денег. Время от времени Рашель ссужал деньгами из личных сбережений сослуживец по МБТ и соратник по работе на ГРУ Александр Абрамсон. Впрочем, ее имя, как мы уже знаем, было известно гестапо, которое щедро делилось наработками со швейцарской полицией. 19 апреля 1944 года Дюбендорфер, Бётхер и Шнейдер были арестованы. Несколько позже арестовали и Рёсслера.

⁴⁷ Книга с распечатки

Полковник Массон, безусловно, сделал бы все возможное, чтобы уберечь своего самого ценного сотрудника от ареста – но это, к сожалению, было невозможно. Дело в том, что заговорил Христиан Шнейдер, который на допросах, в числе прочих, назвал и фамилию Рёсслера. Дело получило огласку, хотя и в узких кругах. Тем не менее, эта информация наверняка бы дошла до гестапо, которое постаралось бы уничтожить Рёсслера любым способом – убив его или, что еще хуже, похитив, чтобы выпытать из него имена информаторов. Так что, взвесив все обстоятельства, Массон укрыв «Люци» в самом надежном месте, где гестапо не смогло бы до него дотянуться – в швейцарской тюрьме.

Из руководителей организации один лишь Пюнтер, призванный на военную службу, остался на свободе. Правда, Рашель вскоре выпустили, а вслед за ней отпустили под залог и Бётхера, однако о продолжении работы агентурной сети не было и речи.

Суд над ними состоялся 22-23 октября 1945 года, уже после капитуляции нацистской Германии. Причем на суде присутствовали только двое из четверых обвиняемых. Ни Пауль Бётхер, ни Рашель Дюбендорфер на суд не явились, приговор им вынесли заочно. Бётхер был приговорен к двум годам тюрьмы, денежному штрафу в размере 10000 тысяч швейцарских франков и 15 годам изгнания из страны. Дюбендорфер – к двум годам тюрьмы, поражению в правах на пять лет и денежному штрафу в той же сумме. Рудольф Рёсслер факта своей шпионской деятельности не отрицал, однако доказывал, что он был не коммунистическим шпионом, а просто наемным агентом. Его признали виновным, но, поскольку он оказал большие услуги Швейцарии, то наказан он не был. Итоговый суд состоялся в октябре 1947 года в Лозанне. Самые суровые приговоры достались отсутствовавшим на процессе Радо и Футу: три и два с половиной года

тюрьмы соответственно. Эдмонд Хамель получил один год. Его жена Ольга – семь месяцев, Хелен Радо – один год (также заочно), Маргарет Болли – десять месяцев тюрьмы. Плюс к тому денежные штрафы и поражения в правах. Таковы были <суровые> приговоры за шпионаж в Швейцарии. Несколько иначе все было в России, и совсем не так сложилась судьба отправившихся в Москву разведчиков.

Побег из каирского отеля

После второй волны арестов дальнейшее пребывание Радо в Швейцарии стало бессмысленным. 16 сентября 1944 года с помощью французских партизан Шандор и его жена перешли французскую границу и 24 сентября были уже в освобожденном Париже. Там Радо 26 октября без всякого труда нашел представителей ГРУ и сообщил подробности разгрома резидентуры и свою, достаточно пессимистичную, оценку ситуации. В Париже связь в Радо поддерживал полковник Александр Новиков.

Туда же, в конце ноября, прибыл и Фут. Его продержали в тюрьме десять месяцев, после чего, заявив, что его работа против Швейцарии не доказана, отпустили на поруки до суда. Естественно, никакого суда он ожидать не стал, а почти сразу направился во Францию. Но перед отъездом он сумел встретиться с Пьером Николя, Пюнтером, Дюбендорфер и Рёсслером. Все они сообщили, что готовы продолжать работу, а Рёсслер передал для Москвы доклад о политической ситуации.

Итак, они писали каждый свой доклад. Как-то раз, во время визита в миссию, Радо столкнулся там с Футом. То, что представитель Центра не сказал ему о «Джиме», о том, что тот находится в Париже и тоже пишет отчет, насторожило разведчика, привыкшего кожей чувствовать опасность. Тем более, что Новиков отобрал у него

документы и вручил сертификат на имя советского репатрианта Игнатия Кулишера. 8 января 1945 года Радо и Фут, вместе с другими собравшимися в Париже разведчиками-нелегалами, вылетели на самолете в Москву. Война в Центральной Европе еще продолжалась, и самолет летел кружным путем, через Триполи, Каир, Анкару и Тегеран. Настроение пассажиров было мрачным. Все понимали, что их ожидают в Москве проверки НКВД, и для многих из них, особенно для руководителей провалившихся резидентур, ничего хорошего не предвиделось. Радо и без того находился в депрессии, после года на нелегальном положении и известий о гибели в Венгрии всех родных. Нервы у него были на пределе...

В Каире самолет задержался на сутки. Пассажиров разместили в гостинице. Радо сказал Футу, что у него ангина и утром пошел к врачу, оставив в номере пальто, шляпу и чемодан. Но ко времени отправления в аэропорт он не вернулся, не приехал он и в сам аэропорт. Самолет улетел без него.

А Шандор Радо в это время находился в английском посольстве с просьбой о политическом убежище. Если бы он смог более толково объяснить англичанам, кто он такой, то, вероятно, его дальнейшая судьба сложилась бы иначе. Но Радо имел документы на имя Игнатия Кулишера, бывшего военнопленного, и англичане посчитали, что он не представляет для них интереса. Тогда Радо пытался покончить с собой, но и тут потерпел неудачу. Его поместили в госпиталь, а потом – в лагерь для интернированных.

Тем временем руководство ГРУ разыскивало своего исчезнувшего резидента. Советский посол в Египте заявил, что Игнатий Кулишер совершил убийство в СССР и потребовал его выдачи. Не желая осложнять отношения с Советским Союзом из-за такого пустяка, как какой-то бывший военнопленный, египетские

власти выдали Радо. В августе 1945 года его привезли в Москву и в декабре 1946-го он был осужден Особым совещанием при МГБ СССР на 10 лет тюремного заключения за шпионаж.

<Ему вменялось в вину:

во-первых, провал швейцарской резидентуры, произошедший по его халатности при хранении шифров, оперативных материалов и из-за отсутствия необходимой конспирации;

во-вторых, тот факт, что в его агентурной сети были агенты-двойники, работавшие одновременно на советскую, английскую, французскую и швейцарскую разведки (Лонг, Зальцер, Люци и другие).

В-третьих, то, что он сам был двойником. (Это обвинение было выдвинуто на основании телеграммы Радо в Центр после ареста всех радистов, в которой он предлагал передавать сведения в Москву через английское посольство, а также по факту его бегства в Каире). Разумеется, все эти обвинения не имели под собой ни малейшего основания. Их надуманность была полностью доказана в 1954 году специальной комиссией ГРУ, занимавшейся пересмотром дел арестованных разведчиков⁴⁸.

Вслед за Футом и Радо в Москву вылетели Пауль Бётхер и Рашель Дюбендорфер, и тоже попали в тюрьму. Кроме прочего, Дюбендорфер, находясь в швейцарской тюрьме, сделала серьезную ошибку. Она не отрицала сам факт шпионажа, но утверждала, что работает не на советскую, а на английскую разведку.

<Выйдя из тюрьмы, Дюбендорфер встретила в <Мариусом>-Абрамсоном и рассказала ему о выбранной тактике поведения и защиты на следствии и суде. По словам Рашель, против нее не было

⁴⁸ А. Колпакиди, Д. Прохоров. Империя ГРУ. М., 1999г. Стр.414.

убедительных улик в принадлежности к советской разведке, и она не хотела этого раскрывать. Зная о влиянии англичан в этой стране, Сиси заявила, что работала в пользу Великобритании и Швейцарии. Даже Мариус усомнился в правильности подобного решения, поскольку оно означало признание в шпионаже, а уж в чью пользу – судьи решат сами и без подсказок.

– У меня не было иного выбора, настаивала Рашель. – Кроме того, я уверена, что наши товарищи поймут меня и согласятся. Я отрицала всякую связь с советской разведкой, и это, на мой взгляд, главное⁴⁹.

Трогательная защита репутации СССР дорого обошлась Дюбендорфер. Товарищи «не поняли», и, на основании этих показаний ее посчитали английской шпионкой. <Чем больше Рашель доказывала свою невиновность, объясняя мотивы поведения по время суда в Швейцарии, тем больше мрачнел следователь.

– Вы или очень хитрая и ловкая шпионка, или у вас не все в порядке с головой⁵⁰.

- Оба они: и Рашель, и Пауль, получили тот же срок, что и Шандор Радó. 17 февраля 1956 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР дело в отношении Дюбендорфер было прекращено за отсутствием состава преступления, и ее передали властям ГДР. Впрочем, ей от этого было уже ни горячо, ни холодно, потому что свой десятилетний срок она отсидела почти полностью. За время заключения у нее, действительно, стало <не все в порядке с головой>: в лагере она психически заболела и потом долго лечилась в ГДР.

⁴⁹ Тайна разведчицы Сиси

⁵⁰ Там же

Что касается Фута, то он, наверное, единственный из вернувшихся в СССР разведчиков, вышел сухим из воды. Его ни в чем не обвиняли. Кстати, есть данные о том, что еще в швейцарской тюрьме Фут сразу отказался давать показания и объяснил, почему. Он заявил, что в Москве это будет воспринято как признание, и что он предпочитает более длительный срок в швейцарской тюрьме расстрелу в России. Теперь жизнь показывала, что он был прав и прекрасно знал, на кого работает.

Фут написал отчет о своей работе в Швейцарии, благополучно прошел все проверки. В Москве он находился около двух лет, затем обратился к руководству с просьбой отправить его на работу на запад. Правда, он был уже засвечен, но в это время в СССР начались проверки, многие агенты были отозваны, и появился ощутимый недостаток кадров. Фут прошел переподготовку и получил назначение в Аргентину. Но до места он не доехал. Похоже, судьба товарищей не вызывала у него доверия к Советскому Союзу. В августе 1947 года, находясь в Берлине, он бежал в английский сектор и сдался властям. Война окончилась, общего врага больше не было, и теперь каждый имел право позаботиться о себе сам. Впрочем, существует и другая версия — та, что «Джим» еще в Швейцарии являлся агентом «Интеллидженс Сервис».

...Все ж таки он сохранил теплые чувства к тем, с кем работал раньше. Рут Вернер вспоминает: <Австрийский товарищ, знавший Джима в то время, когда мы привлекали его к работе, в 1947 году попросил меня о немедленной встрече и сообщил следующее: у двери позвонили. Он открыл и увидел перед собой трясущегося человека, которого не сразу узнал и принял за нищего или больного. Это был Джим. Он отказался войти, весь дрожал и несвязно бормотал: <Лен и Соня. Большая опасность. Не работать. Все уничтожить>. Потом

убежал. Вид и поведение Джима ужаснули товарища даже больше, чем его слова>. Должно быть, в английской разведке ему пришлось нелегко. Но все ж таки это были не сибирские лагеря...

Глава 7

«СОНЯ» СТАНОВИТСЯ «МАРГАРИТОЙ»

И снова на новом месте

Швейцария – страна маленькая. Урсула с Мишей и Ниной выехали в семь утра, а уже в восемь часов автобус пересек французскую границу. Таможенники тщательно перерыли багаж, осмотрели одежду. В целях экономии Урсула взяла для детей только одно место, и все 28 часов поездки ей пришлось держать Нину на коленях. В автобусе было холодно, они замерзли, но он показался теплым, когда на француско-испанской границе им пришлось прождать три часа под открытым небом, на ледяном ветру и в темноте. Пассажинов по одному вызывали в маленькое помещение таможни. Она заставляла детей все время бегать, чтобы они не простыли. Через двести метров – испанская таможня, и еще три часа ожидания.

Почти двое суток (считая ночевку во Франции) добирались они до Барселоны. В автобусе перед ними сидел бывший министр финансов Литвы. Ему понравилась Нина, и он все время разговаривал с девочкой. Урсула и представить не могла, как позднее пригодится им это знакомство!

Испания им понравилась. Днем они гуляли по Барселоне. Только тут Урсула поняла, как она соскучилась по городу, по толпе. Люди казались голодными, но были оживлены и веселы. Хотелось бы побыть тут подольше, но Урсула имела только транзитную визу, и они не имели права задерживаться. Надо было отправляться дальше.

Поехали на поезде в Мадрид, откуда предстояло выехать в Португалию. Их поезд отправлялся вечером 23 декабря, и эта поездка совсем не походила на спокойное путешествие из Барселоны в Мадрид.

Тысячи людей штурмовали вагоны. Урсула просунула детей и ручной багаж в окно и попыталась сесть – но это оказалось совершенно невозможным. Какой-то мужчина сбросил ее с подножки. В страхе, что дети останутся в поезде и уедут без нее, она снова вытребовала их на перрон – а багаж так в поезде и остался. Посадка превращалась в кулачный бой, появились солдаты с пистолетами и начали оттеснять толпу. Теперь шансов попасть в вагон не было никаких.

Оставались спальные международные вагоны, но они находились под усиленной охраной, и попасть туда без билета было невозможно. Тогда Урсула пошла на хитрость. Она решила разыграть из себя няньку и сделать вид, будто сажает на поезд детей, а родители с билетами сейчас подойдут. Как ни странно, ей поверили – может быть, потому, что они были без багажа. Они шли по вагону, в отчаянии оглядывая полные купе и вдруг... наткнулись на литовского министра финансов. Тот узнал попутчиков, которые так понравились ему по пути из Швейцарии. Министр взял Мишу к себе в постель, а его жена спрятала Нину. Урсула тоже спряталась в купе и вышла из своего укрытия только утром.

24 декабря они прибыли в Лиссабон, все трое больные. У Нины была высокая температура. Урсула вызвала врача в гостиницу, но, перед тем, как лечь в постель, успела купить детям подарки – ведь было Рождество.

В английском консульстве люди были деловые. Урсуле сразу объяснили, что в Англию беженцев будут отправлять не в порядке

очереди, а в зависимости от важности отправляемой персоны. Скромная домохозяйка с детьми была одной из самых незначительных персон, и шансы на скорый отъезд у нее были минимальные. К счастью, деньги еще не кончились, хотя их оставалось немного, и поступлений не предвиделось, ибо Англия тоже запретила перевод валюты за границу. Они поселились недалеко от города, на морском побережье, и, поскольку больше заняться было нечем, стали отдыхать. Климат в Португалии оказался таким теплым, что даже зимой можно было загорать, и, если бы не деньги, которые таяли с пугающей быстротой, все было бы совсем замечательно.

Через три недели их отправили – но не на самолете, а морем. Еще три недели добирались до Англии, кружным путем, в составе каравана из двенадцати судов. Каюты были затемнены, открывать окна запрещалось. Каждому пассажиру выдали спасательный круг, который надо было постоянно иметь при себе. Детских размеров не предусматривалось, и Нину круг скрывал всю – видны были лишь голова да ноги.

По прибытии в Ливерпуль их ждал допрос. Где ваш муж? Почему он не приехал вместе с вами? Почему вы не остались в Швейцарии с ним? На какие средства он живет? Где и на что собираетесь жить вы? Дети устали, Нина расплакалась. После допроса чиновник дал ребятам по пенни и отпустил их восвояси. Было уже поздно. Пока искали гостиницу, пока укладывались: Только успели заснуть – воздушная тревога. Пришлось поднимать детей и спускаться в бомбоубежище. В общем, Англия оказалась лишь относительно безопасной и куда менее гостеприимной, чем Швейцария.

Родителей в Лондоне уже не было – они, как и большая часть жителей английской столицы, эвакуировались из-за бомбежек. Их приютили друзья в Оксфорде, однако о том, чтобы там поселилась еще

и Урсула с детьми, не было и речи. Начались скитания по меблированным комнатам. С детьми жилье вообще было не найти, и их снова пришлось отдать в интернат. Миша уже привык жить вне дома, и с ним проблем не было. Но Нина, кроме того, что ей было четыре года, не знала ни слова по-английски. Первые слова, которые, как убедилась Урсула, когда навестила детей, выучила девочка, были: <Прекрати это> и <Убирайся>. В письме к Лену она писала: «Нина утратила свою веселость и добавила к собственной невоспитанности всю шкодливость окружающих ее детей». Однако надо было терпеть.

Одна хозяйка никак не могла привыкнуть к иностранной внешности Урсулы. Другая запретила детям навещать ее, а потом вообще решила сдать комнату <джентльмену>. <Странно, – пишет Урсула, – что люди, еще не пережившие трудностей, черствее и нетерпимее тех, кто уже испытал на себе, что такое война>. Наконец, она нашла более-менее постоянное жилье в семь священника в сельском приходе Глимpton, возле Вудстока. Супруга священника устроила ей форменный допрос: <Принадлежите ли вы к нашей церкви?> <Вносите ли молитвы Господу?> <Будете ли по вечерам играть с нами в карты?> Коммунистке Урсуле было все равно, к какой церкви принадлежать, если это давало крышу над головой. Теперь она жила в очаровательном доме с садом и раз в две недели ездила в Лондон.

<Быть может, потому, что у меня недостаточно воображения, – писала она в письме к Лену, – чувствую себя совершенно спокойной во время воздушных тревог. Мне не страшно за собственную жизнь. А станции метро ночью! Сотни людей спят на специально сооруженных для этого деревянных нарах. Они приходят сюда уже месяцами, и тут сложился свой быт. Люди достают из объемистых узлов еду к ужину, термосы с чаем, вязанье и газеты. Отец курит, мать болтает с

соседями, дети играют в прятки. Влюбленные сидят по углам, прижавшись друг к другу. С шумом подкатывают поезда. Пассажиры устремляются из дверей, стараясь не наступить на тех, кто, не найдя свободного местечка на нарах, растянулся прямо на полу... Вчера я долго бродила по Лондону. Вид превращенных в развалины, скажем, больших магазинов надрывает мне сердце меньше, чем зрелище разбомбленной квартиры – на веревке над плитой еще видит белье...> Англия жестоко расплачивалась за довоенное благодушие по отношению к Гитлеру, за надежду на то, что он первым делом примется за СССР, а до них очередь так и не дойдет.

Несмотря на то, что у Урсулы не было собственного жилья, неукротимая разведчица горела нетерпением приняться за дело. Впрочем, своего дома не предвиделось, так что же медлить?

Затянувшееся начало

Первая встреча с советским связником была назначена неподалеку от Гайд-парка. Урсула приехала в Лондон раз, другой... Связника все не было. Вдобавок ко всему место встречи оказалось кварталом, где промышляют проститутки, поэтому недостатка в подходящих к ней мужчинах не было, а <ночные бабочки> стали уже проявлять к Урсуле недоброе внимание. Она начала тревожиться: что случилось, где связной? Может быть, произошла какая-то ошибка? Может быть, Олло все же удалось ее предательство, или <раскололся> Герман? В Лондоне было советское посольство, но туда идти не полагалось, да и в любом случае у нее хватило бы здравого смысла этого не делать. Впрочем, она достаточно давно работала в разведке и прекрасно знала, что, если контакт с ней, пусть даже не по ее вине, может поставить под угрозу работу, связи может не быть очень долго. Она решила в этом случае найти себе какую-нибудь службу, вступить

в английскую коммунистическую партию и начать заниматься партийной деятельностью.

Причин для беспокойства было более чем достаточно. В Англию они приехали почти без вещей, только с небольшим запасом одежды. Жилья не было, деньги подходили к концу – а ведь надо было не только жить самой, но еще платить в интернат за детей. Лен все никак не мог добраться до Англии. Еще в Португалии она пыталась найти для него маршрут возвращения. Испания отказала ему в транзитной визе, и даже не по причине интербригадовского прошлого: Испания, союзница Германии, отказывала в таких визах практически всем англичанам призывного возраста. Он пытался добраться через Африку – тоже неудача. Похоже, что Лен застрял в Швейцарии надолго.

А в довершение всего, перестали приходить вести от Рольфа. Он иногда писал ей из Китая или в Швейцарию, или на адрес родственников, никогда не забывал поздравить детей с днем рождения. Потом он отправился вглубь страны, и вскоре письма прекратились. Наконец, удалось выяснить, что Рольф арестован – в Китае это означало серьезную опасность для жизни. Как оказалось впоследствии, Рольф и Иоганн не смогли наладить работу в Шанхае. Тогда они решили перебраться в Чунцин, где находилось правительство. Там его и арестовали во время первого сеанса связи. Рольф не погиб, ему, все-таки, удалось освободиться – как стало известно, благодаря помощи из СССР.

В апреле 1941 года Урсуле, наконец, повезло – она смогла снять крохотный домик в предместье, на расстоянии четырех километров от Оксфорда. Конечно, это было авантюрой, потому что деньги катастрофически подходили к концу, но Урсула была счастлива –

пусть на какое-то время, но она сама хозяйка своего жилья и, главное, снова сможет забрать к себе детей.

Она уже почти потеряла надежду на появление связника, однако в мае еще раз отправилась в Лондон. И снова к ней подошел мужчина, но на этот раз его не пришлось <отшивать> – это был тот самый человек, которого она все это время ждала. Как оказалось, он попал в автокатастрофу, и потому не мог появиться раньше. Связником был офицер советской разведки Николай Аптекарь.

Аптекарь Николай Владимирович родился в 1909 году в г. Балта Одесской области. Несколько лет работал трактористом, хорошо разбирался в технике, имел водительские права и навыки автомеханика – по тем временам это была достаточно ценная и уважаемая профессия. В 1931 году его призвали в Красную Армию, где, в 1932 году, аптекарь вступил в партию. В конце 1932 года его направили в авиатехническое училище в Ленинград, которое он окончил в 1934 году, после чего служил в г. Монино Московской области младшим авиатехником в бригаде тяжелых бомбардировщиков. Там он считался одним из лучших авиатехников.

В 1937 году его судьба делает крутой поворот. В январе года он был откомандирован в распоряжение Генерального штаба для службы в военной разведке. Его первым местом службы стала Англия. Первые три года он был шофером военно-воздушного атташе при посольстве СССР, затем его секретарем. Что же касается негласной работы, то с 1940 года, как следует изучив английский язык, Аптекарь имел на связи несколько источников, передававших ему данные о ВВС Англии и даже Германии. (Одним из них и была Рут Вернер). Имея знания и опыт работы в авиации, он не только передавал материалы, но и составлял оперативные обзоры по этой

теме. Через него шла и информация по атомному проекту «Тьюб Эллойз». О том, что работа Аптекаря высоко оценивалась Центром, говорит то, что его достаточно быстро повышали в звании. В Лондон он прибыл в звании воентехника 1-го ранга, что соответствует старшему лейтенанту, но вскоре стал капитаном, а вернулся из Англии в СССР в апреле 1944 года уже майором.

Урсула очень тепло вспоминала об Аптекаре. По ее словам, это был очень внимательный, осмотрительный и общительный молодой человек, аккуратно соблюдавший все правила конспирации и условия связи. За два с половиной года их совместной работы не было ни одного случая, когда нарушались правила конспирации или была обнаружена слежка. Кстати, в памяти осталось и то, что он безупречно водил машину и прекрасно знал дорожную обстановку как в Лондоне, так и в Оксфорде. «Сергей» передал ей множество приветов, а также деньги. Теперь она могла ни о чем не тревожиться. Передал он и <пожелания> Центра.

Снова она должна была совмещать в одном лице радиста и резидента. В ее задание входило создание нелегальной резидентуры в Англии и руководство ей; радиосвязь и обеспечение Центра информацией о Германии и Англии.

Да, Англия в тот момент была союзницей СССР по антигитлеровской коалиции, однако в Москве не обольщались, помня слова одного из английских государственных деятелей: «У Англии нет постоянных друзей и врагов, у Англии есть постоянные интересы». Поэтому особенно важна была политическая информация, хотя не повредила бы и военная, и промышленная – любая, какую, удастся добыть. Со сроками не торопили. В Москве хорошо знали Урсулу: ее надо было не подгонять, а, скорее, сдерживать, поскольку по

характеру она была горяча и нетерпелива. У нее уже были куплены все нужные радиодетали, и, между такими важными и неотложными делами, как молитвы и игра в карты, обеспечивавшими ей кров, она потихоньку готовила передатчик. Все необходимое можно было доделать за двадцать четыре часа. 15 мая 1941 года «Жмеринка» вновь вышла в эфир. Только псевдоним Сони изменили на «Маргариту».

Она надеялась, в первую очередь, на помощь семьи. Юрген согласился сотрудничать и стал готовить для СССР экономические обзоры, а также сообщал о случайно добытых фактах, не касающихся его работы. Впрочем, и без того он сотрудничал с Советским Союзом через другое ведомство – МГБ. Ему присвоили псевдонимы «Пит» и «Карро». Когда он стал работать в бюро по стратегии бомбовых ударов США, и информация стала еще более интересной. Отец тоже, чем мог, помогал Урсуле, никогда не спрашивая о том, зачем ей все и надо, да и вообще чем она занимается. Впрочем, он, единственный из всей семьи, знал о ее ордене, так что, наверное, догадывался об истинном положении дел – но его, человека левых взглядов, это не смущало. Узнав, что дочери для ее работы нужна информация, он только кивнул, и с тех пор исправно снабжал ее сведениями из политической и военной области. Он общался, в основном, с левыми учеными-экономистами и политическими деятелями лейбористского направления, многие из которых были, кстати, связаны с военными делами.

Естественно, не отказала в помощи и сестра Бригитта («Джойс»). Она начала работать на советскую разведку в 1938 году, и, в частности, по ее наводке были завербованы Лен и Фут. К тому времени, как Урсула приехала в Англию, она успела развестись и выйти замуж вторично. Ее новый муж, Артур Лонг, служил в звании капрала в авиационном лагере Хокинг. Он также предоставлял

информацию — о вооружении английских самолетов и дислокации авиаэскадрилий. (Более того, даже после развода с Лонгом, который последовал несколько лет спустя, Бригитта не теряла с ним связь и ухитрилась — воистину, гений вербовки! — привлечь к работе советской разведки даже его новую жену). Несколько позднее к работе Урсула привлекла и самую младшую сестренку, Ренату («Кетти»), которую использовал в качестве связника во время консервации резидентуры. Были мысли привлечь и Сабину, но тут уже воспротивился Юрген, заявив, что, во-первых, она достаточно известна по работе в компартии, а, во-вторых, не стоит организовывать семейную резидентуру.

Нападение Германии на Советский Союз потрясло Англию. Черчилль пообещал СССР полную поддержку: впрочем, так ли это будет на самом деле? По мнению ведущих политических и военных кругов страны, Советский Союз должен был потерпеть поражение не позднее, чем через три месяца. Хотя не стоит их за это в чем-то осуждать: ход второй мировой войны в Европе не давал оснований думать, что произойдет что-то иное. <Советский Союз потерпит поражение не позднее, чем через три месяца. Германский вермахт пройдет сквозь Россию, как горячий нож проходит сквозь масло>, — сказал в беседе с отцом Урсулы Стаффорд Криппс, известный деятель лейбористской партии. Урсула сообщила эту фразу в Москву, где ее доложили лично Сталину. Надо думать, он принял ее к сведению...

Но, когда Гитлер бросил практически все свои силы против СССР, англичанам сразу же стало легче. Теперь они могли не ожидать вторжения, и даже количество воздушных налетов уменьшилось.

В первые дни после нападения Москва на связь не выходила: вероятно, там было не до Англии. Потом сеансы возобновились.

Урсула дважды в месяц ездила в Лондон и дважды в неделю выходила на связь. Семья помогала превосходно: сведения, добытые отцом и братом, обеспечивали материал на четыре-шесть донесений в месяц. Согласно правилам конспирации, по которым запрещено было привлекать к разведработе западных коммунистов, Урсула не поддерживала никаких связей ни с английскими коммунистами, ни с немецкими партийными эмигрантами. Впрочем, для связи с ними достаточно было Юргена, который играл видную роль в коммунистическом движении и даже был членом руководства партийной группы в Англии.

Юрген познакомил Урсулу с Гансом Кале («Джордж»), тоже бывшим интербригадцем.

Ганс Кале, немец, родился в 1899 году. Участвовал в Первой мировой войне, в 1918 году был взят в плен французами. В 1921-25гг., в поисках работы, жил в Мексике и США. В 1926 году вернулся в Германию, через год стал членом КППГ. Во время испанской войны воевал в качестве командира батальона в 11-й интербригаде. После окончания войны жил в Англии, как эмигрант.

Кроме другой работы, Кале был военным корреспондентом буржуазных журналов <Тайм> и <Форчун>, принадлежавших американскому концерну Люса, сотрудничал и с газетой английских коммунистов «Дейли уоркер». Это был достаточно ценный контакт. Он поставлял, в основном, политическую информацию и имел на связи еще пять немецких эмигрантов. Однако у советской разведки были к нему и серьезные претензии. Он продолжал контакты с «Дейли уоркер», по поводу чего Разведупр даже отправил сердитое письмо в Исполком Коминтерна. В подборе и руководстве своими источниками

был достаточно обеспечен. Кроме того, в 1942 году из НКВД в Разведупр поступили данные о том, что Ганс Кале был завербован в Испании Манфредом Штерном, которые тогда числился в ведомстве Берии немецким шпионом. Так что в конце 1942 года центр предложил Урсуле прекратить с ним связь, что и было выполнено в феврале 1942 года. Но пока шел 1941-й, и Урсула работала с Гансом Кале, встречаясь с ним на квартире какой-нибудь из сестер, у которых останавливалась, приезжая в Лондон. Сестры работали и днем дома не бывали, так что это было удобно и безопасно.

В семье о работе Урсулы знали только отец, брат и сестра. Даже ее собственные дети узнали, что их мать была в годы войны советской разведчицей, только в конце 60-х годов, когда ей торжественно вручили ее первый орден Красного Знамени, который до тех пор хранился в Москве.

Чем занималась Урсула в Англии? До сих пор советская разведка хранит свои тайны. Однако кое-что, все-таки, о ее работе известно – например, о Клаусе Фуксе...

Мало кто знал больше него об атомной бомбе...

Клаус Фукс родился в 1911 году, в Германии, в деревне Рюссельхайм неподалеку от Дармштадта. Отец его был лютеранским священником, сторонником христианского социализма. В 1912 году он вступил в социалистическую партию Германии, став первым в стране священником-социалистом. В семье было четверо детей, и трое из них впоследствии стали коммунистами. После окончания гимназии Фукс в 1928 году поступил в Лейпцигский университет, где занимался математикой и теоретической физикой, сразу же показав блестящие способности. В мае 1931 года семья переехала в Киль, и Клаус перешел в Кильский университет. Тогда же

он, как и отец, вступил в Социалистическую партию. А в 1932 году – в Коммунистическую партию Германии. Как ни странно, этот хрупкий, близорукий, задумчивый и очень молчаливый юноша вскоре стал одним из лидеров молодежной полувоенной организации *Reichsbanner*, задуманной как противовес штурмовым отрядам нацистов. Вообще он часто удивлял окружающих, показывая качества, вроде бы ему не свойственные.

После прихода к власти нацистов Фукс, чудом избежав ареста, перешел на нелегальное положение. А в июле 1933 года руководство партии направило его в эмиграцию, поставив перед ним цель – завершить учебу. Он выехал сначала во Францию, а в сентябре 1933 года перебрался в Англию, куда его пригласил друг отца по международной квакерской организации английский промышленник Ганн. Его приняли в лабораторию физика Мотта в Бристольский университет, где он начал заниматься теоретической физикой. В декабре 1936 года Фукс защитил дипломную диссертационную работу. После этого он по рекомендации своего руководителя сэра Невилла Мотта переехал в Эдинбург, где стал работать у знаменитого немецкого физика Макса Борна. Работа его шла столь блестяще, что Борн добился для него стипендии и оставил работать в своей лаборатории после окончания аспирантского срока.

Все это время Фукс оставался коммунистом сталинистского толка и даже особо не скрывал своих взглядов. Перед войной общество культурных связей с СССР устраивало в Англии театрализованные чтения материалов показательных судебных процессов, и Фукс играл роль Вышинского со страстью, которую трудно было бы предположить в таком тихом и скромном человеке. Естественно, как только окончился срок действия его немецкого

паспорта, он стал лицом без гражданства, пополнив ряды эмигрантов.

После начала Второй мировой войны у Фукса начались неприятности. Сначала ему, как «нежелательному иностранцу», пришлось предстать перед комиссией по проверке лояльности, а в мае 1940 года он был интернирован и помещен в лагерь на острове Мэн. Заступничество Борна и Ганна ни к чему не привело. В июле лагерь перевели в Канаду, и только в декабре 1940 года, когда английское правительство одумалось, поняв, что нелепо держать в концлагерях противников нацизма, он, вместе с другими эмигрантами, был выпущен на свободу. Всем освобожденным эмигрантам предоставили, на выбор, право остаться в США или Канаде либо вернуться в Англию. Фукс вернулся в Англию и продолжал работу в Эдинбургском университете, а в начале 1941 года принял английское гражданство. В мае 1941 года физик. Профессор Бирмингемского университета Р. Пайерлс предложил Фуксу поучаствовать в <одном военном проекте>. Это оказался проект <Тьюб эллойз>.

Англия раньше США начала исследовать возможности создания атомной бомбы. Летом 1939 года немецкий физик Рудольф Пайерлс, незадолго до того возглавивший кафедру теоретической физики Бирмингемского университета, начал научную работу по определению критической массы урана. В начале 1940 года его группа выполнила эту задачу. Путь к созданию нового оружия был открыт. Уже в октябре 1940 года в Британском комитете по науке обсуждался вопрос о работах над этим проектом. Тогда же был основан Урановый комитет, а 16 апреля 1941 года на своем историческом заседании он пришел к выводу, что атомная бомба может быть разработана в течение двух лет. Итогом этого заседания стало начало проекта <Тьюб

эллойз>. Основным подрядчиком был концерн <Империял Кемикэл Индастриз>, кроме него, в проекте принимали участие Вулвичский арсенал и фирма <Метро-Виккерс>. Одна из четырех исследовательских групп работала в Бирмингемском университете. В нее-то и входил Клаус Фукс.

В июне 1942 года активные работы над <проектом Манхэттен> – так называли работы по созданию американской атомной бомбы – начались в США. Уже 20 июня Рузвельт и Черчилль на переговорах в Вашингтоне обсуждали вопросы сотрудничества (практически сразу же это стало известно НКВД). В 1943 году в Квебеке Англия и США заключили соглашение, согласно которому обязались не передавать третьей стороне информацию о работах по созданию атомной бомбы. Под <третьей стороной> подразумевалась не истощенная войной и уже обреченная Германия, а Советский Союз. В конце того же 1943 года решение о создании атомной бомбы было принято и в СССР. Любые материалы по этим вопросам ценились буквально на вес золота. Причем, что интересно, пока шла война, из Великобритании поступало больше информации о проекте, чем из США. «В декабре 1942 года лондонская резидентура получила подробный отчет об атомных исследованиях в Британии и Соединенных Штатах от агента-коммуниста, работавшего под псевдонимом «К». Владимир Барковский, руководитель отдела научно-технической разведки в резидентуре, позднее докладывал, что «К» работает на нас с радостью, но... отвергает малейшие намеки на финансовое вознаграждение». С помощью дубликатов ключей, лично изготовленных Барковским по следам, сделанным «К», тот смог достать множество секретных документов, как из своего сейфа, так и из сейфов своих коллег. Самой ценной, по мнению Центра, была информация о «строительстве урановых реакторов». По меньшей мере, еще двое ученых (псевдонимы

«Мур» и «Келли») передавали информацию по различным аспектам «Тьюб эллойз»⁵¹.

Но самую ценную информацию, пожалуй, все-таки предоставлял Клаус Фукс. Осенью 1941 года, во время одной из поездок в Лондон он связался со своим знакомым Юргеном Кучински, руководителем коммунистического подполья в Англии. Кучински был хорошо знаком с послом СССР в Германии И. Майским, и, по мнению Фукса, мог помочь связаться с советской разведкой. Майский, недолюбливавший резидента КГБ и питавший определенные симпатии к резиденту Разведупра (по совместительству военному атташе) И. Складову, связал Фукса с этой организацией. Складов же поручил работать с Фуксом своему помощнику, одному из лучших офицеров лондонской резидентуры Кремеру («Барч»).

Семен Давыдович Кремер родился в 1900 году в Гомеле. В 1917 году вступил в Красную гвардию, в ноябре 1918-го стал бойцом Красной Армии, а в 1919-м – членом ВКП(б). После окончания войны он занимался военно-политической работой. В 1934 году окончил военную академию им. Фрунзе, и, спустя два года, был направлен на работу в военную разведку. В 1937 году его, по личному указанию начальника ГРУ С. Урицкого командировали в Англию помощником военного атташе.

Когда Фукс в очередной раз приехал в Лондон, Кучински назвал ему место и время встречи с советским представителем. Это должно было произойти вечером, 3 августа 1941 года, на одной из

⁵¹ Архив Митрохина

тихих улочек Западного Лондона. К Фуксу подойдет человек и скажет: <Привет от Кучински>. Это и будет его советский напарник.

При встрече Фукс рассказал Кремеру о работах по созданию атомной бомбы. На вопрос: «Почему вы решили передать эти сведения Советскому Союзу?» — он ответил, что, по его мнению, СССР надо тоже иметь свою бомбу. Во время следующей встречи Фукс передал Кремеру блокнот с материалами об атомном проекте <Тьюб эллоиз>. Сначала это были только результаты его собственных исследований, а потом — вся информация, которую он мог добыть. Всего Кремер провел с ним четыре встречи и получил около 200 страниц документов.

Существуют разные мнения о том, почему весной 1942 года связь Фукса с лондонской резидентурой прекратилась. Согласно одной версии, между сотрудниками ГРУ и НКВД начались разборки, один из представителей конкурирующей службы начал угрожать Кремеру, и тот добился откомандирования в Москву. По другой, причиной была плохая психологическая совместимость. Кремер раздражал Фукса тем, что требовал подолгу ездить по городу, все время проверялся, нет ли хвоста.

Как бы то ни было, Фукс потерял связь и снова обратился к Кучински. На этот раз тот сообразил, что он может найти представителя советской разведки гораздо ближе, и связал его со своей сестрой. Первая встреча Фукса и Сони состоялась летом 1942 года, последняя — в ноябре 1943-го, когда Фукс получил приглашение от Оппенгеймера продолжить работу уже за океаном, в лаборатории Лос-Аламоса. Встречались они в Бэнбери, городке на полпути между Бирмингемом и Оксфордом. Чтобы передать материалы, надо было немного времени, но их встречи были не такими уж короткими. Гуляли, вспоминали Германию... Только эмигранты могут понять, что

значит встреча с соотечественником в чужой стране. Впрочем, все равно они проводили вместе не более получаса...

Часто они встречались в лесу, куда оба приезжали на велосипедах. Фукс обладал фотографической памятью, что очень помогало ему в работе – и не только в физике. Однажды Урсула решила из любопытства бросить взгляд на передаваемые документы. Мелко написанный текст показался ей похожим на иероглифы, которые она изучала в Китае.

Всего за время сотрудничества с военной разведкой от Клауса Фукса поступило 116 фотокопий и 1018 листов информационный материалов, а также 5 образцов. Все это была ценнейшая информация. В 1943 году он был направлен в США для участия в проекте «Манхеттен». Во время последней встречи Урсула передала ему инструкцию для установления контакта с советской разведкой в Америке. Новым его связником стал агент НКВД, поскольку к тому времени ведомство Берия стало курировать все атомные вопросы.

Есть основания думать, что Урсула была связана и с <Холой> – Мелитой Норвуд, еще одним ценнейшим советским агентом в Великобритании. Мелита Стедман Сирнис (во время Второй мировой войны она вышла замуж и стала носить фамилию Норвуд) родилась в 1912 году. Отец ее был латыш, мать – англичанка. В 1932 году Мелита устроилась на работу в Британскую ассоциацию по проблемам цветных металлов, где и проработала сорок лет. Вскоре она тайно вступила в коммунистическую партию. В 1935 году на нее обратил внимание один из руководителей партии Эндрю Ротштейн, и в 1937 году партийное руководство рекомендовало ее НКВД. Она проработала на советскую разведку почти сорок лет, до самого выхода на пенсию.

Однако ее работа началась с неудачи, Мелита едва не провалилась – правда, не по своей вине. Она была связана с группой, работавшей в Вулвичском арсенале. В январе 1938 года троих членов этой группы арестовали. Данные о ней были обнаружены в блокноте секретаря коммунистической ячейки Перси Глейдинга, но ее так и не вычислили, и после нескольких месяцев консервации Мелита вновь приступила к работе. Вскоре после начала второй мировой войны лондонская резидентура НКВД была временно закрыта. В 1941 году с «Холой» возобновили контакт, но ее передали не резиденту НКВД в Англии, а Урсуле, резиденту ГРУ. А работа ее была важной. Сотруднику ассоциации по проблемам цветных металлов был открыт доступ ко многим важным документам, касающимся военных и технических проблем. Во время войны Мелита вышла замуж за товарища по партии, работавшего учителем математики в школе, и сменила фамилию на Норвуд. Ее муж ничего не знал о ее работе на советскую разведку. В 1944 году Мелита Норвуд прекратила контакт с Соней, так как снова стала работать на НКВД.

О другой работе Урсулы известно, например, что в период активных бомбардировок немецкой авиацией английских городов от ее источников поступала информация об их эффективности, которая подчас составляла всего 30 процентов. Эти данные поступали от источников «Фреда» и «Макса», служивших в ВВС.

Продолжала Урсула встречаться и с Аптекарем. Далеко не все материалы, добытые ей, можно было передавать по радио. Кстати, на одной из встреч Аптекарь передал ей новый передатчик, раз в шесть меньше ее собственного. Новинка оказалась удобной и надежной, и Урсула разобрала свой старый аппарат, но не выбросила: вдруг пригодится. Проблем со связником больше не возникало: Аптекарь

приходил на свидания с точностью до минуты. Обычно встречались ночью на улице, где, в условиях военного времени, было пусто, а из-за затемнения и абсолютно темно. Настолько пусто и темно, что даже опытной разведчице Урсуле становилось жутко. Оказывается, большой город без уличного освещения ночью не менее пустынен и страшен, чем ночной лес. Кто бы мог подумать?

Иногда она останавливалась и у отца. Он потерял работу: отцу исполнилось 65 лет, и он должен был уйти из университета. Сбережений у него не было, и, несмотря на солидный возраст, приходилось искать себе другое занятие.

Возвращение Лена

В общем, все было хорошо – не хватало только Лена. Она писала ему в Швейцарию обо всем, что с ними происходило:

<Реакция Нины на первую в ее жизни бомбежку: «Как дом качнулся! И какой страшный шум в стенах, под кроватью, у меня в ушах>. С тех пор она вновь и вновь заговаривает о смерти. Каждый день требует уверений, что я не умру, пока она не вырастет. Все хорошее связано для нее со словами: когда война кончится. <Тогда я буду есть каждый день яйцо, тогда мне не нужно будет ходить в подготовительную школу, тогда самолету будут летать так высоко, что я их больше не услышу>. Миша переносит переселение в Англию лучше...

У меня здесь еще нет друзей. Правда, я в очень хороших отношениях с соседкой из ближнего коттеджа. Ее муж каменщик. Эта простая, ровная в обращении женщина обладает той мудростью, которая идет не от ума, а от доброго сердца. Она ждет четвертого ребенка. Как я ей завидую...

У меня новое платье: первое, которого ты не знаешь красное в мелкий белый горошек, с белым поясом и белым воротником...

Только теперь, когда уже нечего ждать, я понимаю, как твердо настроилась на твой приезд. Сотни повседневных вещей: <Эту прогулку мы должны совершить вместе>. <Эту книгу мы обсудим>. <Если я буду тащить что-нибудь тяжелое, встретить меня на автобусной остановке>. <Никогда больше не будут мои вечера одинокими>. Сейчас мне приходится привыкать к тому, что это все это не для нас>. Она уже понимала, что их брак – далеко не фиктивный...

Почему же он так задерживается? Что произошло? Только значительно позднее ей стали известны подробности одиссеи ее мужа. Сначала он задержался в Швейцарии, поскольку Радо заявил, что Англия – это неинтересно, и его работа в Швейцарии гораздо важнее. Лен счел себя обязанным остаться, но полученные ранее инструкции его беспокоили. Что же, все-таки, делать, каким указаниям подчиняться?

У него еще оставался их старый код. И Лен запросил Центр: «Что мне делать: попытаться попасть в Англию, согласно инструкциям Сони, или остаться в Швейцарии, как хочет Альберт?» Ответ был недвусмысленным: «Делай, что приказала Соня». В самом деле, его непосредственным начальником, все-таки, была она.

Однако время было упущено. Лен обратился в английское консульство. Там все были озабочены доставкой на родину англичан призывного возраста, особенно английских пленных, бежавших из Германии и Италии. Лен тоже был соответствующего возраста, но неплохо устроен в Швейцарии и куда менее <благонадежен>, имея жену-немку и интербригадовское прошлое. Эти два факта стоили один другого и сводили заботу консульства о его персоне почти что к нулю.

Похоже, что он застрял в Швейцарии надолго. Надо было что-то делать.

Урсула советовалась с кем только можно – в том числе с Гансом Кале и Джеком Brentом из испанского комитета в Англии. Испанский комитет, естественно, не знал о работе Лена на советскую разведку, но вступился за него как за ветерана интернациональных бригад. При поддержке комитета Урсула обратилась с письмом к Эллен Рэтбоун, члену парламента от лейбористской партии. Эллен сделала запрос в нижней палате парламента: что это такое, почему английский гражданин, антифашист, имеющий боевой опыт, желающий служить в английской армии, не может получить поддержки английского правительства для того, чтобы вернуться на родину?

Делу удалось придать некоторую огласку. Постоянный секретарь министерства иностранных дел связался с английским консулом в Женеве, и отношение к Лену тут же изменилось, став безмерно заботливым. Он получил от консульства паспорт на имя Джона Миллера и медицинскую справку о том, что болен туберкулезом и к военной службе непригоден. Он добрался до Англии в конце лета 1942 года.

Впрочем, сначала Лен, действительно, не годился для военной службы – на нервной почве у него началась болезнь желудка. Его призвали только через год. Зато родное министерство финансов вспомнило о Лене мгновенно. Через три дня после приезда он получил официальное письмо из министерства с требованием погасить долг за проезд от испанской границы в Лондон в 1938 году, когда Комитет по невмешательству в испанские дела договорился о выводе из Испании интербригад и фашистского легиона <Кондор> (кстати, <Кондор> никто и не думал выводить, и он продолжал, как и раньше, сражаться

на стороне Франко). Теперь об этом путешествии на государственный счет вспомнили и потребовали компенсации убытков.

Осенью 1942 года их попросили освободить арендуемый коттедж, так как он понадобился владельцам. Они вновь принялись за поиски и нашли другой коттедж под названием <Авеню>, в оксфордском квартале Саммертаун. Это было старое здание с небольшим, заросшим травой задним двором и множеством сараев, бывших конюшен большой виллы на соседней улице. В коттедже когда-то обитал кучер, а теперь здесь поселились Бертоны и были весьма довольны.

На вилле жила семья судьи Невилла Ласки, брата известного лейбористского деятеля Гарольда Ласки. Отношения с хозяевами у квартирантов сложились неплохие, хотя и не слишком близкие. Миссис Ласки была красивая добродушная женщина, занималась общественной деятельностью, была членом благотворительных организаций (кстати, соседская семья приютила у себя ребенка из немецкой еврейской семьи, жившей в Германии). Наконец-то Урсуле не пришлось самой ползать по крыше – антенной мог заняться Лен. Рядом с домом была толстая каменная стена. Они вытащили из нее пару камней и устроили там тайник для нового, компактного передатчика.

В доме было четыре комнаты и винтовая лестница. Впрочем, самая большая комната выпала из обихода, так как в ней было устроена так называемое <моррисоновское убежище> – огромная проволочная клетка, прикрытая чугунной плитой. Считалось, что это сооружение укрывает от бомбежек, и власти предоставляли это чудо бесплатно. Трудно сказать, насколько оно выполняло свое

предназначение. К счастью, им не пришлось его испытать – Оксфорд так и не бомбили.

...А работа продолжалась. В 1942 году Урсула познакомилась с офицером ВВС, жена и ребенок которого были в эвакуации в Оксфорде. Он был выходцем из рабочего класса и до поступления на службу работал сварщиком. Джеймс интересовался международной политикой и, как многие англичане, был возмущен тем, как его страна выполняет союзнические обязательства. Урсула решила завербовать его, уверенная, что он, даже если откажется, все равно ее не выдаст. Впрочем, Джеймс согласился. Он имел отношение к авиастроению и снабжал их технической информацией о новейших английских машинах, а как-то раз даже утащил какую-то важную техническую новинку. Переполох был громадный, но его никто не заподозрил. Денег Джеймс не брал, поскольку не считал себя шпионом. Это была его помощь стране-союзнице, его, если хотите, вклад в борьбу с фашизмом.

Любительская радиосвязь в Англии, так же, как и в Швейцарии, была запрещена, и Урсула каждый раз, выходя на связь, рисковала. Нужен был еще один радист, и тогда она нашла Тома. Это был замечательный человек. Его не призвали в армию из-за плохого зрения, однако в нем жила неудовлетворенная тяга к борьбе, к активной деятельности. Он не имел привычки долго раздумывать или колебаться, а просто делал то, что нужно – и все. Чтобы иметь больше времени для работы радистом, Том даже сменил профессию: из автомеханика в гараже <переквалифицировался> в расклейщика афиш и плакатов (денег, кстати, он тоже не брал).

Не отставал и Лен. Случайно он встретил старого знакомого, который в годы войны стал специалистом по водному танковому

десантированию. Он снабжал их сведениями о средствах высадки танковых десантов и даже передал важную техническую новинку из области радиолокации. Установил Лен и связь с неким химиком, от которого тоже получал важные сведения.

Конечно, все это происходило не так быстро, как об этом рассказывается. Встретив подходящего человека, они сначала долго приглядывались к нему, затем несколько раз беседовали, постоянно приближаясь к нужной теме. После этого запрашивали Центр. И, только получив добро на вербовку, говорили с человеком в открытую. Джеймс и Том знали, на какую страну они работают. Друзья Лена, скорее всего, догадывались. Впрочем, в то время в Англии не так уж трудно было склонить человека работать на СССР: большинство англичан горячо сочувствовало Советскому Союзу и было возмущено позицией английского правительства в этой войне. Они испытывали чувство вины за то, что Англия предоставила России сражаться с Гитлером фактически в одиночку. Даже на стенах домов писали: <Откройте второй фронт – и немедленно!> Маленькая деталь: если на военном предприятии становилось известно, что продукция пойдет в Мурманск, то производительность труда резко повышалась. Даже дамы вязали варежки для красноармейцев! В этой обстановке работа на СССР отнюдь не воспринималась как предательство, а, скорее, как компенсация нерешительности правительства и как вклад в совместную борьбу с Гитлером.

Вроде бы они делали будничную работу – но Центр считал иначе. Как-то раз, в августе 1943 года, на встрече связник передал ей благодарность из Центра дословно. Ее начальник сказал: <Имей мы в Англии пять Сонь, война кончилась бы раньше>.

Снова одна

Однако Лен был недоволен. Работа, которой он занимался, мало удовлетворяла его тягу к активной деятельности. Он хотел пойти воевать и добивался зачисления в ВВС. Служба в небе над Англией была опасной, и Урсуле хотелось, прежде чем Лен уйдет на войну, иметь от него ребенка. Аргумент у нее был убийственный: грудные дети – великолепная маскировка! Трудно сказать, насколько этот факт был аргументом для Лена – однако он уступил, считая, что тут решать должна Урсула. 8 сентября 1943 года у них родился сын Петер. На этот раз ребенок всецело занимал ее мысли всего день, а не одиннадцать, как в первый раз.

<Когда, на следующий день после рождения Петера, отец навестил меня в больнице, я прежде всего спросила: <Ну, что скажешь об Италии?> 8 сентября было заключено перемирие, закрепившее окончательное поражение Италии. Отец расплылся в улыбке. <Как хорошо, что ты начинаешь с этого, а я-то думал, что беседы на политические темы с роженицей неуместны>.

Вскоре Лена, наконец, призвали в армию. Однако все вышло не так, как он хотел. Несмотря на рекомендацию командира и превосходные оценки за наземную подготовку, к летной практике его не допустили. Участники испанских событий, как правило, оставались рядовыми, особенно это касалось выходцев из рабочих. Лен подал заявление на курсы радистов – снова отказ. Тогда он попросил о переводе в действующую армию. Здесь ему повезло: его зачислили в один из престижнейших полков английской армии – Колдстримский гвардейский. Лен прошел двойную подготовку – как пехотинец и как танкист – и незадолго до окончания войны отправился-таки на фронт, в Европу. С отъездом мужа у Сони начались серьезные проблемы. Объем работы увеличивался, участились и нелегальные встречи, а ей не с кем было оставлять детей. До сих пор помогала мама, но вскоре

она заболела. Кроме того, дети подрастали, от Миши все трудней стало скрывать работу с передатчиком. Урсула снова отослала старших детей в интернат. А младшего: что ж, его приходилось брать с собой.

Впрочем, это продолжалось недолго. Нина категорически не соглашалась жить вне дома – протестовала если не она сама, так ее организм. Вскоре после того, как Урсула отослала дочь в лесной пансион, девочка серьезно заболела. У нее начался перитонит. Урсула провела в больнице три дня и три ночи. Когда, через несколько недель после операции, она смогла взять Нину домой, то поклялась, что никогда больше не отпустит дочь от себя. (Впрочем, сдержать эту клятву ей не удалось). Потом маме стало лучше, и она снова начала подменять Урсулу, когда той надо было отлучиться. Трудно сказать, знала ли мама о ее работе. Они никогда не говорили об этом.

6 июня 1944 года, опасаясь <не успеть> к победе, союзники, наконец-то, открыли второй фронт. Началась высадка англо-американских войск в Нормандии. Через семь недель на втором фронте было уже тридцать семь дивизий. А в июле 1944 года опять начались интенсивные бомбежки Англии. На страну посыпались самолеты-снаряды <Фау-1>. За три месяца их было запущено около девяти тысяч. Затем пришла очередь ракет <Фау-2>. Снова началась эвакуация из Лондона.

7 ноября они с Сергеем поздравили друг друга с праздником. Сергей передал поздравления Центра. Урсула подарила ему книгу. Она не знала, что именно в этот день был казнен Рихард Зорге...

В конце войны Урсула смогла выйти непосредственно на американские спецслужбы. В 1944 году Юрген был уволен с

государственной работы в Англии. Поскольку МИ-5 подозревала его в связях с Коминтерном. Однако осенью 1944 года Юргену предложили пост в бюро по американской стратегии бомбовых ударов, которым ведало Бюро стратегических служб, предшественник ЦРУ. Юрген попросил время на размышление – на самом деле это время понадобилось для того, чтобы Урсула могла послать запрос в Центр и попросить санкции. Москва заинтересовалась новыми возможностями, и не зря. Теперь от Юргена регулярно поступала ценная информация. Об ее уровне говорит только один пример.

Профессор Гарвардского университета Дик Рагглз, занимавшийся методологией шпионажа, разработал систему, которая позволяла по серийным номерам выведенных из строя немецких танков, самолетов и прочей техники делать выводы о состоянии производства вооружений в Германии. Этот расчет делался раз в две недели и сообщался крайне узкому кругу лиц: Рузвельту, Эйзенхауэру, Черчиллю, начальнику английского генерального штаба, руководителю БСС и главы Бюро по американской стратегии бомбовых ударов. В самом бюро с ним могли ознакомиться лишь пять человек. Но, поскольку одним из этих пяти был Юрген Кучински, соответствующие сведения регулярно ложились на стол московскому начальнику Разведупра и, насколько было известно Соне, самому Верховному главнокомандующему. Столь же регулярно получала Москва и чрезвычайно секретный документ под названием <Обзор стратегии бомбовых ударов Соединенных штатов>, в составлении которого Юрген принимал участие.

Вскоре прибавилось еще одно интересное дело. К Юргену обратился за помощью старший лейтенант по имени Макс, у которого было поручение: вербовать немецких эмигрантов для работы в Германии. Их, после соответствующей подготовки, должны были

сбрасывать на территорию Рейха на парашютах. Естественно, речь шла не лично о Юргене Кучински – от него требовалась только помощь в поиске добровольцев.

Центр заинтересовался этой работой и разрешил Соне и Юргену иметь дело с Максом, но при условии того, что они будут осторожны. Кто знает, какие далеко идущие планы были у американцев – война-то кончалась... Получив разрешение, Юрген познакомил Макса и Соню с одним из руководителей лондонской партийной группы Эрихом Хеншке, которого разведчики тоже привлекли к работе. Как тесен мир! Оказалось, что это – тот самый Эрих Хеншке, с которым Урсула в 1929 году организовывала молодежную библиотеку. Один из тех, кто привозил книги на тележке в подвал на Гренадирштрассе. Теперь они встретились снова. Эрих остался таким же, как был – разве что стал еще неторопливее и обстоятельнее. Он всегда был осторожен, не любил рисковать, но зато имел большой опыт партийной работы (без провалов!), был человеком надежным и убежденным.

Естественно, Соня с Максом не встречалась, и американец даже не знал о ее существовании. Он согласился работать с Эрихом и принял его предложение набрать агентов из числа коммунистов. Янки могли думать о коммунистах все, что угодно, но нельзя было отрицать, что среди антифашистов они были самыми надежными. (Впрочем, Макс, насколько могла судить о нем Урсула со слов товарищей, антикоммунистом не был). Эрих связался с партийным руководством в Германии и получил разрешение на работу с Максом. Партийное руководство поручило ему, Гансу Кале и Вильгельму Кёнену составить список предполагаемых кандидатов в агенты. Эрих даже отошел от прочей партийной работы, чтобы заниматься только этим делом. Естественно, все материалы получало не только БСС, но и никем и никогда не упоминаемая Соня. Эрих не был штатным

сотрудников ни БСС, ни Разведупра, получая от тех и от других по пять фунтов в неделю на расходы. А дела было много. Он поддерживал связь агентов с БСС, между собой, готовил и передавал Соне донесения.

Они нашли агентов для БСС. Их фотографии и биографические данные отправились по двум адресам: американцам и в Москву. (Впрочем, агенты знали, что они работают с ведома и санкции СССР). Две кандидатуры американцы отклонили. После чего осталось семь человек: Адольф, Вальтер, Петер, Пауль Линднер, Вернер Фишер, Курт Грубер, Антон Ру. У нас все они получили псевдонимы «Денис». Просто «Денис» был Эрих Хеншке, а забрасываемые агенты – от «Денис-1» до «Денис-7». Они заключили контракт с БСС, получили хорошее жалованье и страховку. В течение десяти недель их учили парашютному делу, обращению с рацией, кодированию. К заброске их готовили на совесть, учитывая все: документы, паспорта, внешний вид, одежду и обувь. Они имели при себе невидимые чернила, пилюли с ядом, пищевой НЗ. Москву особенно заинтересовал переданный Соней цифровой код и описание разработанной в Англии агентурной рации «Роббит», при работе которой цифровой текст с большой скоростью передавался в заранее обусловленное время на пролетающий самолет. .

Эриха попросили найти адреса противников нацизма в Германии, к которым агенты могли бы обратиться. Для этого он отправился в Париж, где была большая антифашистская организация <Свободное немецкое движение> , и привез довольно много адресов, связав с парижским отделением движения и Макса – естественно, с согласия Центра. Обстановка была сложная, и в делах, касающихся контактов с американцами, Соня сверяла с Москвой каждый шаг.

Сбрасывали агентов поодиночке. Почти все они успешно выполнили задания и вернулись. Известно, что один из товарищей – Курт Грубер – погиб вместе с взорвавшимся самолетом. Вернер Фишер пропал без вести – скорее всего, он погиб. С Антоном Ру Урсула познакомилась лично много лет спустя в ГДР (до тех пор она знала агентов только по рассказам Эриха), и... ни словом не обмолвилась о том, что они, пусть и заочно, но знакомы. Работа с американцами прекратилась через несколько недель после окончания войны. Немецких коммунистов поблагодарили и демобилизовали. Начиналась совсем другая эпоха. Но работа продолжалась – теперь особенно важны были любые данные о политике и планах союзников – увы, уже бывших!

Незадолго до окончания работы с БСС Эрих передал Урсуле интереснейший документ. Это было досье американского сержанта, подозреваемого – только подозреваемого, не более того! – в склонности к коммунизму. Ради этого досье она организовала внеочередную встречу с Аптекарем, чтобы перефотографировать документ. Он, безусловно, стоил того!

Этого парня лишь подозревали в сочувствии коммунистам. Он был всего-навсего ничем не примечательным сержантом армии США. Тем не менее, на него завели подробнейшее досье – оно занимало около двухсот страниц. Начиналось оно со сведений о его родителях и родственниках, детстве, школьных годах, учебе. Были перечислены все адреса, по которым он жил – собирались даже отзывы домохозяев и соседей! Товарищи по работе, семья, переписка, круг чтения, даже ухаживания да девушками – можно подумать, что речь шла о разрабатываемой особо важной персоне. Даже больше: Урсула, опытная разведчица, не могла поверить, что можно собрать столько сведений о человеке. Его изучали так, словно готовились после войны

с Германией еще к одной войне и этот сержант в ней был, по меньшей мере, генералом.

После войны экономическое положение Англии было очень тяжелым. Положение могли поправить займы у США, которые, согласно своей традиционной политике, на войне не разорились. Но эти займы еще более усилили зависимость Англии от Америки. Впрочем, по отношению к СССР у этих стран особых разногласий не было. Советский Союз вышел из войны не настолько ослабленным, чтобы его можно было легко добить, но никаких дружеских чувств к нему западные державы не испытывали. Начиналась <холодная война>. В этой ситуации работа Урсула приобретала особый смысл.

Но пока шел май 1945 года. Прямо на улицах в честь победы устраивали праздники. Из домов выносили и составляли вместе столы, и каждый вносил в общий котел то, что мог урвать от небогатого семейного рациона (в то время, по нормам выдачи, в неделю полагалось, например, одно яйцо на человека). Испекли кексы, приготовили чай и праздновали. На их улице праздник организовывала миссис Ласки, их соседка.

В том же мае им пришлось снова переехать. Владелица коттеджа <Авеню>, где они жили, решила жить в нем сама. Лена не было — его демобилизовали лишь через два года. Снимать меблированные комнаты Урсула не хотела — ей надоело жить в чужом доме, с чужой мебелью, под постоянным пристальным оком хозяек. Однако потерять жилье в то время было почти катастрофой — снять даже меблированные комнаты было невероятно трудно. И снова помог случай. Одна из соседок упомянула, что в отдаленной деревушке Грейт Роллрайт, примерно в тридцати километрах от Оксфорда, у нее есть деревенский дом <Сосны>, который она хотела

бы сдать внаем. Это был большой дом с семью комнатами, огромной кухней, множеством подсобных помещений, двором и одичавшим садом. Дом был построен двести пятьдесят лет назад – с толстыми стенами, деревянными балками и низкими потолками. Правда, в нем не было электричества, мусор не вывозился, а автобус в ближайший город ходил раз в сутки. Зато окрестности были прелестны... В любом случае, выбирать было не из чего, а арендная плата оказалась до смешного низкой – всего треть того, что они платили до сих пор. Впрочем, для радистки-подпольщицы подобное уединение было совсем неплохо, зато плохо для резидента – не с кем оставить детей. <Ладно, будь что будет>,- решила Урсула и сняла дом. Приобрела подержанную мебель, сестры поделились своим небогатым домашним хозяйством. В длинном коридоре она повесила китайские рисунки на шелке – они превосходно вписались в интерьер.

...И снова они жили в крестьянском доме. Но, в отличие от Швейцарии, подружиться с соседями оказалось непросто. Сельскохозяйственные рабочие и мелкие фермеры недолюбливали иностранцев. Для общительной Урсулы это была нелегкая жизнь. Впрочем, у нее была работа, дети, дом – скучать было некогда. В отпуск собирался приехать Лен. «Понравится ли ему наш первый семейный дом?» – беспокоилась Урсула. И сама себе отвечала: «Должен понравиться! Лен всегда любил эти места – они еще раньше бывали здесь, приезжали на велосипедах. Нина говорила: «Держу пари, он не спит всю ночь от волнения, не может спокойно лежать в постели. Ему хочется прыгнуть с корабля и поплыть к нам». Нина-то уж точно не спала, ожидая Лена, которого девочка считала отцом – ведь своего родного отца она не знала.

Однако Лен едва взглянул на окружающие их красоты – ему было не до того. Душой он был еще там, в Германии. Вскоре он уехал

обратно. Урсула снова писала письма, описывая в них все мелочи семейной жизни – ей так хотелось, чтобы муж, наконец, вернулся с войны.

В том же, 1946 году, неожиданно дал знать о себе Иоганн. Он хотел вернуться в Германию, и просил помочь ему. Для немецкой эмигрантской организации в Китае нужно было подтверждение того, что он был эмигрантом. Урсула написала в эту организацию, в Шанхай. Но Иоганну не удалось вернуться в Германию. Он снова пропал на целых двадцать лет.

Глава 8

ДОМОЙ!

Урсула вспоминает, что не то летом, не то осенью 1946 года центр прервал связь с ней (Впрочем, возможно, память подвела разведчицу, потому что, согласно архивам ГРУ, это произошло в 1945 году). Почему – она так и не узнала. Причина была явно не в ней – ее работа шла нормально. Вероятно, где-то что-то произошло – провал или предательство, может быть, даже в другой стране, но он мог отразиться на ее работе, и ее группа была законсервирована. Юрген сообщил, что ему стало известно о разрыве и других контактов. Вероятно, случилось что-то серьезное.

Это с ней происходило не впервые. В Англии ее группу уже один раз законсервировали – в 1943 году. Тогда тому было несколько причин. В Иране англичанами был арестован Рольф, а в Швейцарии – Алан Фут, который мог рассказать на допросах о Соне. В 1943 году Урсула отнеслась к прекращению связи болезненно, передав в Центр свои опасения по поводу того, что, если вынужденное «ничегонеделание» продлится, то члены резидентуры займутся

партийной деятельностью, после чего их уже нельзя будет использовать для разведки. Этого, по счастью, не произошло, а в ноябре 1943 года резидентуру расконсервировали.

Теперь ситуация была не менее, а, пожалуй, более серьезной. В 1945 году в Канаде перешел на сторону американцев шифровальщик советского посольства Гузенко. Возможно, консервация была связана с ним, хотя едва ли он мог что-либо знать о Соне. А еще вернее, что прекращение связи произошло после бегства Шандора Радо в аире.

Урсула вспоминает: <На случай потери связи у нас была особая договоренность. По дороге между Оксфордом и Банбери, в нескольких километрах от Грейт-Роллрайта, под полотно железной дороги уходил туннель. С другого его конца, под выступающими наружу корнями четвертого дерева слева по первой тропинке, отходящей от шоссе, полагалось положить записку. Для того, чтобы взять ее из тайника, отводился определенный день месяца. Каждый месяц я отправлялась туда на велосипеде, но под корнями никогда ничего не лежало>⁵².

Кроме прочего, прекращение связи означало еще и отсутствие денег. Урсула никогда не рассматривала свою работу как источник средств, это было ее служение своему делу, партии. Но эта работа кормила, а теперь надо было искать какой-то заработок. Примерно в это время она писала жене Юргена, Маргарите: «Я теперь мало что могу покупать. Хочешь взять мои талоны на одежду? Когда Лен демобилизуется, его шинель можно будет перекрасить и отдать Мише, ему срочно нужно что-нибудь... С середины февраля я буду сдавать комнаты столовникам. Если ты знаешь кого-нибудь подходящего, порекомендуй меня как «превосходную хозяйку» с «овощами из собственного огорода». Вскоре у нее, действительно, появилась

⁵² Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. Стр.244.

квартирантка. Урсуле казалось забавным подавать молодой даме по утрам «завтрак в постель». Но таковы уж были правила английского сервиса...

Наконец-то Лен, демобилизовавшись, вернулся в Англию. Он поступил на работу в фирму, которая занималась изготовлением литой узорчатой пластмассы. (Кстати, там он познакомился с Тони Ру, одним из «парашютистов», которых американцы сбрасывали в Германию. Да чего, все-таки, тесен мир!). Фирма находилась в Лондоне – в провинциальном Оксфорде работы ни для Урсулы, ни для Лена не было. Да и не могла Урсула работать по найму – куда бы она дела трехлетнего Петера? О переезде тоже речи не было, они не смогли бы так дешево устроиться в другом месте. В Лондоне жилья не было вообще: даже Лен не мог ничего найти и квартировал поочередно у сестер Урсулы. Лена на работе ценили, но уставал он так, что вечером был едва в состоянии добраться до постели. Им пришлось жить врозь, встречаясь два-три раза в месяц.

Зима 1946/47 года была суровой – самой суровой в Англии за последние сто лет. Шел снег, ветер наметал огромные сугробы. Угля не хватало, транспорт был парализован почти по всей стране. Число безработных дошло до двух с половиной миллионов человек. Их деревенский дом, такой прохладный и приятный летом, стал ледяной пещерой. Здесь были только открытые каминные, и протопить весь дом в условиях послевоенной Англии оказалось невозможным. Они кое-как топили две из семи комнат и там жили. Электричества в их деревне не было. Урсула жила почти как жена фермера: готовила на угольной плите, гладила чугунным утюгом. Вечера коротали при чадающих керосиновых лампах. Возле их дома был самый большой сугроб в деревне – до гребня крыши.

На всему на свете бывает конец – окончилась и эта зима. Урсула решила «перейти на самообеспечение». Она посадила овощи в огороде, которые бурно пошли в рост (хотя сорняки росли еще быстрее), завела кур и даже купила пятинедельного поросенка. Правда, не совсем, понятно, зачем – дети так полюбили «свинку», что Урсуле пришлось пообещать не забивать ее. В отличие от домашней работы, которую она терпеть не могла, возиться с огородом и живностью Урсуле нравилось.

В июне 1947 года к ним в отпуск приехали родители. И тут случилась первая беда в череде бед этого тяжелого года. В одну из ночей у матери произошел сердечный приступ. Телефона в доме не было, а единственный в деревне телефон, установленный на площади, не работал. Урсула на велосипеде помчалась в ближайший город к врачу. Обратно они вернулись на машине доктора – но было уже поздно. Впрочем, если бы врач приехал вовремя, он все равно ничего бы не смог сделать...

Маму похоронили там же, в деревне, на старом кладбище. Отец, который прожил с матерью сорок пять лет, не смог вернуться в опустевшую квартиру. Он остался в деревне, работал над книгой о демографическом положении в колониях. Когда он выходил на прогулку, ноги часто сами приносили его на кладбище. Профессор Кучински, передовой человек, посмеивался над этой привычкой. Тогда Урсула сказала ему, что отсюда открывается самый красивый вид на окружающую местность... и прочла в глазах отца глубокую благодарность за такое оправдание его несовременности.

Вскоре к ним присоединился и Лен. Нельзя сказать, чтобы фирма, где он работал, процветала – заказов было мало, пластик в то время был еще не в моде. Урсула уговорила его приехать в Роллрайт. Летом 1947 года Лен поступил на алюминиевый завод в Банбери, в

двадцати километрах от дома. Все-таки двадцать километров – это не сто двадцать. Теперь он мог жить с семьей, а для того, чтобы ездить на работу, купил подержанный мотоцикл. Так что жизнь кое-как налаживалась, хотя нельзя сказать, что для привыкших к риску и напряженной нелегальной работе разведчиков это была жизнь, которая их устраивала.

А связи с Центром все не было. Урсула была человеком дисциплинированным, понимала, что тому есть какие-то причины, но все равно было тяжело. Она чувствовала себя подавленной, дни казались пустыми. Обидно было за Джеймса и Тома – как им сказать, что их работа закончена? Джеймс мог бы уже демобилизоваться, но по ее просьбе оставался в авиации, по-прежнему снабжая ее информацией. Материалов накопилось уже довольно много, однако их некуда было передавать. Том прошел курс обучения на радиста и мог бы приступить к работе, но не с кем было держать связь. Вскоре Джеймс умер от лейкемии. Они пытались сохранить отношения с Томом – уже только дружеские – но вскоре оказалось, что даже эта дружба могла поставить его под удар. Пришлось прервать и эти отношения – еще одна потеря. Сколько их уже было?

Поскольку с разведкой, по-видимому, все было кончено, Урсула и Лен решили вступить в английскую коммунистическую партию и заниматься партийной работой. Так они и сделали, однако удовлетворения им это не принесло. Они принадлежали к первичной организации в захолустном Банбери, где ни о какой серьезной работе не было и речи. На заводе, где работал Лен, было всего восемь членов партии, да и те выходили на работу в разные смены.

В то время Урсула писала Юргену: «Обо мне самой просто нечего рассказывать. Если не считать того, что я создаю семейный очаг детям и мужу, мое существование сейчас следует расценить как

совершенно бесполезное. Не такая уж я важная персона, но для подобного прозябания каждый человек слишком хорош и слишком важен».

Особенно тяжело приходилось Лёну. Он ненавидел свою работу на заводе, физически тяжелую и убийственно монотонную. Конечно, он не бросил бы Урсулу с детьми, но необходимость вести такую жизнь тяжело сказывалась на нем. Он тосковал по прошлому – по Швейцарии, а особенно по Испании. Кроме того, пребывание в танковых войсках сказалось на его здоровье – у Лёна был травмирован шумом моторов ушной нерв, и время от времени он чувствовал шум в ушах и головные боли. Работа выматывала его, а поскольку работать приходилось посменно, это было еще тяжелее. У Лёна началась бессонница, все чаще возникала депрессия, он целыми днями молчал. Привыкание к мирной жизни давалось ему куда тяжелей, чем Урсуле, хотя и ей было нелегко. Все же дом, сад, домашняя работа, дети оставляли мало времени для уныния, да и по характеру она была не склонна к печали. Урсула читала классиков марксизма-ленинизма, посещала Общество рабочего просвещения в городке Чиппинг Нортон, по взглядам близкое к лейбористам. Она пыталась заполнить какими-то делами жизнь свою и Лёна, но, когда она убедилась окончательно, что связи с Центром больше не будет, в ее жизни появилась ничем не заполняемая пустота.

Тем же летом 1947 года к ним пришли два джентльмена. Один из них, едва переступив порог, тут же выпалил: «Вы несколько лет были русской агенткой, пока финская война не заставила вас разочароваться в коммунизме. Как нам известно, в Англии вы уже не работали, и мы пришли не с целью арестовать вас, а чтобы просить вашего сотрудничества». Эта «атака» надо понимать, была тонким «психологическим приемом» английских контрразведчиков.

Поразительная осведомленность «джентльменов» (это в Англии-то она не работала!) развеселила Урсулу. Ответом на «психологическую атаку» было любезное: «Как насчет чашечки чая?»

За чаем состоялся основной разговор. Гости перечислили несколько фактов из швейцарского периода жизни Урсулы. Они снова и снова подчеркивали, что им известно о том, что Урсула разочаровалась в коммунизме, что она все время проживания в Англии была лояльной английской гражданкой, что у них нет к ней никаких претензий. Так почему бы ей не рассказать о своей работе в Швейцарии? Урсула согласилась, с тем, что она была лояльной гражданкой Великобритании, но стояла на своем: она не обязана рассказывать английским контрразведчикам о том периоде своей жизни, когда она еще не была английской гражданкой. О времени пребывания в Англии – пожалуйста, любые вопросы! Но этот период их не интересовал. Их не интересовали даже политические взгляды Урсулы – гости упорно считали ее антикоммунисткой. Это было несколько странно: они в Леном открыто состояли в коммунистической партии, выписывали партийную газету. Ее отец и брат тоже симпатизировали левым. Пришлось расставить все по своим местам, объяснив визитерам, что она отнюдь не считает себя антикоммунисткой, и что, с ее точки зрения, левые взгляды и лояльность друг другу не противоречат. «Что же произошло? – напряженно думала она. – Откуда им все это известно? Неужели, все-таки, Фут?» До нее доходили слухи о предательстве Аллана, но в это трудно было поверить.

Однако вскоре эта догадка подтвердилась самым непосредственным образом. Гости выразили желание побеседовать с Леном, который все это время работал в саду. Урсула позвала его. Первое, о чем спросили ее мужа – правда ли, что он был хорошим

знакомым Аллана Фута? «Фути? – переспросил Лен. – Да. А что он сейчас поделывает?»

Урсула налила раздраженным гостям еще чаю. Действительно, им было от чего прийти в расстройство. Супруги ни о чем не сговаривались, но Лен отвечал точно то же, что и его жена. Он тоже отказался говорить о швейцарском периоде своей жизни. Тоже заявил, что он вовсе не антикоммунист, несмотря на некоторые разочарования. В общем, эта парочка оказались крепким орешком для английских контрразведчиков. Если бы огорченные гости знали, с кем они разговаривают, кого пытаются так просто и примитивно «расколоть»! Что перед ними не люди, два-три года бывшие советскими агентами, а профессиональные разведчики, и что эта милая вежливая женщина еще совсем недавно была советским резидентом в их собственной стране. Но об этом Фут знать не мог, а значит, не знала и английская контрразведка...

Уходя, один из джентльменов сказал: «А у вас здесь очень мило. Я сам не прочь был бы пожить так». На что Урсула ответила: «За чем же дело стало? У меня как раз сдается комната». По почему-то на это любезное приглашение он не откликнулся.

Похоже, что МИ5 (пятый отдел военной секретной службы – контрразведка) поверила Футу, что Урсула и Лен «разочаровались» в коммунизме – так же, как в нем разочаровался и сам Фут. По крайней мере, слежки за ними не было ни до, ни после визита – Урсула и Лен были слишком опытными разведчиками, чтобы не заметить «хвоста». Но, одно этот визит означал однозначно: в Англии им на советскую разведку больше не работать. Они до сих пор не знали, по какой причине Москва прервала с ними связь, но, согласно строгим правилам конспирации, с момента визита контрразведчиков все и всяческие связи должны быть немедленно прекращены.

В ноябре Урсулу постиг еще один тяжелый удар: умер отец. Как оно обычно и бывает, по настоящему работу профессора Кучински оценили тогда, когда он уже не мог этого услышать. В письме от социалистической Единой партии Германии говорилось: «Его кончина – тяжелая утрата для немецкого народа, ибо профессор Кучински не только воплощал современную прогрессивную науку и исследовательскую работу, которые он сознательно поставил на службу рабочему классу, но и, даже находясь в эмиграции в Англии, чувствовал себя крепко связанным со своей немецкой родиной, страдал вместе с нею и боролся за нее. Всею силой своей личности он ратовал за единство немецких антигитлеровских сил. Его безупречная объективность, неизменная терпимость по отношению к инакомыслящим сделали его центром притяжения для передовых, демократически настроенных немцев в Британии... » В связи с кончиной отца Юрген получил множество писем. Урсула писала ему несколько позже: «Как хотелось бы, чтобы папа и мамочка могли при жизни ощутить хоть какую-то долю такого уважения и симпатии». Они чуть-чуть не дожили до свидания с родиной: Юрген как раз в это время пытался организовать возвращение родителей в освобожденную от нацистов Германию. После того, как стало ясно, что работа на советскую разведку прекращена, Урсула тоже решила вернуться.

Прежде всего об этом следовало посоветоваться с Юргеном, который был уже в Германии. В январе 1948 года она попыталась съездить туда, чтобы увидеться с братом, но получила отказ от американского военного управления, которое разъясняло, что поездки в Германию и Австрию разрешаются только в крайних случаях. Секретарша предложила ей навеститься «как-нибудь летом», не сказав, правда, летом какого года. Пришлось ограничиться перепиской. Брат

посылал ей письма, газеты, свои статьи. Урсула читала их с радостью. Проблемы новой Германии интересовали ее с первого дня.

Наконец-то, в январе 1948 года, им удалось встретиться. Это произошло в Праге. Урсула безмерно обрадовалась встрече с братом, которого она так любила. Отбросив обычную сдержанность, она обнимала Юргена и повторяла: «Я так счастлива, теперь все будет хорошо!» – совершенно забыв, что он терпеть не может всяких там изъятий чувств. Юрген хотел услышать нечто конкретное: что его сестра собирается делать и чем он может ей помочь? Он и в Праге был по горло занят и смог уделить сестре, проделавшей ради него такой путь, всего лишь два раза по получасовой встрече. А у нее было столько проблем: тяжелое душевное состояние Лена, безденежье, непонятное будущее. И, в первую очередь, отсутствие связи с Центром. Тем более, что, как сказал Юрген, без согласия Центра ее возвращение в Германию становится довольно проблематичным.

И тогда она решилась на неположенный шаг. Урсула пошла в советское посольство в Праге и оставила там письмо для Центра. Конверт она адресовала военному атташе, а на самом письме написала: «Директору армейской военной разведки, Москва, Арбат». Отправитель: «Соня, Бразилия». В самом письме, которое, естественно, было зашифровано. Урсула писала о прекращении связи и просила разрешения вернуться в Германию. Еще раз описывала местонахождение тайника, на случай возможных недоразумений. (Забегая вперед, можно сказать, что недоразумение, действительно, имело место. Центр и не думал бросать столь ценного работника на произвол судьбы. Уведомление о прекращении связи и деньги были положены под четвертое дерево слева от туннеля, а не четвертое дерево по тропинке, ведущей в лес, под которым искала тайник Соня. Кто-то ошибся).

Итак, письмо ушло в Москву, а Урсула вернулась в Англию. И снова потянулись будни. Зима 1949 года была опять холодной. Урсула писала Юргену: «Началась повторяющаяся из года в год борьба с окнами, из которых дует, и с водопроводными трубами, которые лопаются. Замерзла даже Нинина пара мышей – удар тем более тягостный, что мама-мышь ожидала прибавления семейства, и Нина уже заготовила список имен в ожидании счастливого события... »

Миша был уже далек от семейных проблем. Он получил стипендию в Эбердинском университете, где теперь изучал философию. На экзаменах он был пятым из 120 студентов. Урсула гордилась сыном, хотя ее беспокоило его равнодушие к практической жизни. Впрочем, не семейная ли это черта?

Осенью 1949 года Лен попал в аварию на своем мотоцикле, сломал руку и ногу. Администрация завода, узнав о несчастном случае, поспешила его уволить. Денег стало еще меньше, зато Петер был в полном восторге от того, что папа теперь все время дома. А ее не оставляла мысль о возвращении. Она снова запросила визу в Германию, и оказалось, что возможность поехать туда есть. Что делать – ехать без разрешения Центра? На письмо ответа не было, деньги совсем заканчивались. Она снова поехала на велосипеде в условленное место и – наконец-то! нашла в тайнике записку. Центр одобрял возвращение в Германию. Теперь можно было ехать. Урсула была счастлива, несмотря на новое расставание – на сей раз не только с Ленем, но и с Мишей, который тоже оставался в Англии. С ней ехали только малыши – Нина и Петер, вписанные в паспорт матери.

Лен был еще болен. Урсула не хотела оставлять его одного, но в январе 1950 году они узнали об аресте Клауса Фукса. Медлить с отъездом нельзя было ни дня. Они решили, что Лен останется в Грейт-Роллрайт до выздоровления. Потом он намеревался перебраться в

какой-нибудь промышленный город и ждать там известий от нее и от Центра. Урсула пыталась уговорить его воспользоваться гостеприимством какой-либо из ее сестер – его приняла бы любая. Но Лен не согласился. Он не знал, насколько долгая разлука им предстоит, и хотел работать и жить самостоятельно.

Перед отъездом они закопали в землю партийный билет Урсулы и передатчик, который больше уже не понадобится. Купили на армейском складе четыре водонепроницаемых мешка на «молниях», куда должно было уместиться все их имущество. Официально они ехали в Германию в гости, но возвращаться Урсула не собиралась.

Наконец-то дома!

Из Лондона вылетели в Гамбург, а оттуда – в западный Берлин. С вокзала Фридрих-штрассе Урсула позвонила Юргену, который жил на Шлахтензее, и тут же на вокзал приехала Маргарита. Брат и его жена были очень рады им, но... надо же так случиться, чтобы именно в тот момент они как раз переезжали. Юрген и Маргарита сами жили у друзей, и привезти туда еще и Урсулу с детьми не было никакой возможности. Было десять вечера, замерзшие дети сидели на мешках в насквозь продуваемом здании вокзала. Гостиницы переполнены. Куда же деться на ночь глядя? Только около полуночи швейцар в одной из гостиниц сказал им, что неподалеку пожилая супружеская пара сдает комнаты приезжим. Они отправились туда, разбудили хозяйку – и, несмотря на неурочное время, их приняли. Наконец-то хоть какая-то крыша над головой!

Неуютно было в Берлине зимой 1950 года. «Дети спали вместе в одной постели, застеленной влажными холодными простынями, я – в другой. Было начало марта. Комнату топили через два дня на третий тремя-четырьмя кусками угля. Вокруг все тогда еще выглядело

довольно безрадостно, много пьяных, пивных и разбомбленных домов. Только Петер находил комнату замечательной, потому что мог плевать с четвертого этажа на улицу»⁵³. В первые дни Урсула почти ни с кем не общалась. Основная задача у них с детьми была – согреться. Продовольственных карточек у них, естественно, не было. Помог брат – договорился, чтобы их кормили обедами в Культурбунде и, кроме того, еженедельно давал деньги. День строился так: утром они уходили завтракать в кафе – очень скромно, экономно, но как можно дольше, чтобы оттянуть возвращение в промерзшую комнату. Затем шли гулять. Бродили по городу, смотрели на чаек... Потом отправлялись в Культурбунд, а вечером шли в кино в дом германо-советской дружбы – не из любви к кинофильмам, а для того, чтобы побыть в тепле.

Впрочем, как бы трудно ни приходилось, возвращаться она не собиралась. Они, наконец-то, приехали домой. Дети говорили только по-английски – им нужно было учиться, осваивать немецкий язык. Надо было посылать их в школу, но у нее не было даже немецких документов. Тогда Урсула решила вновь, еще раз расстаться с детьми. В Финкенкруте все еще существовал тот наполовину частный пансион, где, по возвращении в Германию, работала Олло, и Урсула отдала ребятишек туда. Начальница приняла их с радостью. Нина, уже привыкшая к школе, быстро включилась в занятия, хорошо осваивала немецкий. Мечтательному и застенчивому Петеру школьная жизнь давалась труднее. (Кстати, тогда-то Урсула и узнала, как сложились в Германии жизнь ее бывшей няньки. К сожалению о нелепой судьбе Олло у нее примешивалась радость от осознания того, какой опасности они все избежали).

⁵³ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. Стр.259.

Только в конце апреля пришло известие от Центра. Ради того, чтобы встретиться с Урсулой, представитель руководства приехал в Германию. Встретились они на праздничном обеде в каком-то незнакомом доме. Урсула подробно рассказала о последних годах в Англии (Тогда-то она и узнала о недоразумении с тайником – но было уже поздно. А скольких неприятностей можно было бы избежать!) Впрочем, как выяснилось, товарищ приехал не только ради радости встречи. Он спросил Урсулу, как она представляет себе свое будущее и не хочет ли еще поработать на советскую разведку. У них есть для нее различные варианты. Урсула не поверила своим ушам – после истории с Футом и прекращения связи она уже настроилась на то, что для нее как для разведчицы все закончилось. Неужели опять?

Это был нелегкий выбор. Но Урсула была уже не той двадцатилетней энтузиасткой, которую привлек к работе Рихард Зорге. И выбор теперь был другим. Она ответила, что ни о чем не жалеет, что ее прежняя работа останется частью ее жизни. Но нервы и способность сосредотачиваться у нее уже не те, что раньше. Не кажется ли товарищу, что двадцать лет – достаточный срок? Теперь она хочет жить дома, в ГДР, как полноправная гражданка своей страны и член партии. Представитель Центра был очень удивлен: он был твердо уверен, что Урсула и впредь будет работать на советскую разведку. Он долго беседовал с ней, просил взвесить все еще раз, но ее решение было непреклонно. Она останется дома.

«Несмотря на мое еще неясное положение, с первого дня я была счастлива. Когда ко мне обращались со словом «товарищ», у меня перехватывало дыхание; мужчина на улице говорил на берлинском диалекте, и я расплывалась в радостной улыбке»⁵⁴.

⁵⁴ Там же. Стр. 260.

Тот кто не жил годы и годы вдали от своей страны, едва ли может понять, что чувствует разведчик-нелегал, возвращаясь домой. Она вернулась на Родину, более того, в ее стране победили коммунисты. Сбылись самые смелые мечты восемнадцатилетней Урсулы Кучински, те, что привели ее в далекие двадцатые годы в Коммунистическую партию. Теперь она хотела жить дома.

Так закончилась биография разведчицы Сони. Когда ей вручали второй орден Красного знамени, представитель ГРУ сказал: «Ваши радиogramмы, товарищ «Соня», были всегда снарядами, были сильнее снарядов...»⁵⁵

Глава 9

«МЕНЯ ЗОВУТ РУТ ВЕРНЕР. Я ПИШУ КНИГИ»

Биография разведчицы Сони закончилась, но Урсула Бертон прожила еще более полувека, пережив и СССР, и ГДР. Ее долгая жизнь окончилась на рубеже веков.

А тогда, весной 1950 года, она писала сестрам: «Я буквально впитываю в себя все. Театры, кино, трудности, успехи, людей хороших и неважных; каждый день я от первой до последней страницы читаю три газеты. Как пиявка, присасываюсь к каждому, кто готов разговаривать со мной, и выжимаю его, как лимон. Я бываю на собраниях, постепенно вхожу в курс дела и готова приступить к работе. Что это будет за работа, еще не решено. Мне хотелось бы чего-нибудь серьезного, профессионального, с общественной нагрузкой по вечерам. Но тут примешиваются семейные проблемы – дети! Юрген,

⁵⁵ Михаил Болтунов. Ахиллесова пята разведки. М., 1999г. Стр.110.

варвар, предлагает, чтобы я оставила их в пансионе, где они сейчас. Ну уж нет! Довольно и того, что семья расколота, быть может, на годы. Хочу иметь при себе хотя бы двоих младших... »

Жизнь в послевоенной Германии была очень сложной, но Центр и тут не бросил бывшую разведчицу на произвол судьбы. Ей предоставили квартиру в «советском» городке Карлхорсте, а вскоре – другую, уже вне городка. Правда, квартира ей не нравилась. Она была темная, перед дверью – гора строительного мусора, да еще и рядом пивная. Почти весь день, благо было тепло, Урсула проводила в парке, читала. Но для того времени такое жилье было подарком судьбы.

В середине мая, опять же при содействии Центра, она получила партийный билет Социалистической единой партии Германии. Принимал ее Вилли Клинг из отдела кадров ЦК. С этой встречи завязалась дружба, связывавшая этих людей более двадцати лет. Летом, по его же совету, она начала работать – руководителем группы в ведомстве информации, в отделе печати. Ведомство возглавлял Герхардт Эйслер, а начальником ее отдела был Альберт Норден (для сослуживцев он, еще со времен подполья, был и остался Конни). Эйслер и Норден занимались западной периодикой, а Деба Виланд – советской.

После отъезда из Китая Эйслер около года проработал в Исполкоме Коминтерна в Москве. Затем был эмиссаром Коминтерна в Компартии США, потом, с 1936 году – членом заграничного руководства КПГ в Праге и Париже. В 1939-41гг. был, как немец, интернирован во Франции, в 1941 году эмигрировал в США. Там его в 1948 году арестовали, отказав в выезде из страны. В 1949 году сумел, все-таки, вернуться в ГДР.

«Герхардт Эйслер был в высшей степени дисциплинированным работником, – вспоминает Урсула. – он никогда не опаздывал.

Вернувшись из командировки, скажем, часам к пяти утра, он, как всегда, в восемь часов был уже на своем месте в ведомстве. Во время беседы он, уловив момент, доставал из портфеля погнутую алюминиевую коробку, извлекал свои два бутерброда – иногда к этому добавлялось еще яблоко – и, не прерывая работы, приступал к завтраку»⁵⁶.

С таким руководителем и при помощи товарищей Урсула быстро училась новой работе. «С Конни Норденом, моим непосредственным начальником, мне приходилось иметь дело ежедневно. Руководящие указания и критику он сдабривал шуткой и иронией. Я была приучена к подобному стилю Юргеном, и меня вполне устраивало такого рода в высшей степени полезное для меня сотрудничество. Деба учила меня подходить к новому методически и основательно. Для меня много значила ее товарищеская помощь»⁵⁷. Скоро она уже отвечала за выходявший дважды в месяц антиамериканский бюллетень. Несколько позднее на нее возложили ответственность за шедшие в газеты ежедневные правительственные сообщения для печати.

Ей дали другую квартиру, лучше прежней, и Урсула, наконец, забрала детей из пансиона. Петер пошел в первый класс. Первую половину дня он проводил в школе, вторую – в группе продленного дня. Это было совсем не похоже на вольную жизнь в деревенской Англии. Мальчик осваивался в новой обстановке с трудом, совсем не так, как приученные к постоянным переездам старшие дети. Он чувствовал себя одиноким и очень радовался, если мама приходила домой вовремя. Освоение нового для себя немецкого языка Петер начал с берлинского диалекта, на котором говорили его новые

⁵⁶ Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. Стр.261.

⁵⁷ Там же. Стр.262.

товарищи, и иной раз учил не совсем то, что следовало. Так, однажды он встретил Урсулу радостным: «Привет, старая хавронья!» Несколько остолбеневшая мать не знала, ругать сына за такую непочтительность или смеяться. Четырнадцатилетняя Нина уже чувствовала себя как дома. Она забросила свою коллекцию фотографий английской королевской семьи и стала членом организации Свободной немецкой молодежи.

Вскоре к ним присоединились и мужчины. Центр согласился на переезд Лена в ГДР. Партия предоставила ему работу если не сообразно характеру, то, по крайней мере, по способностям. При поддержке Вилли Клинга Лен поступил в информационное агентство АДН, где проработал двадцать лет. Коллеги высоко оценили его честность, порядочность, добросовестность, прощая случавшиеся время от времени перепады настроения. Лен занимался политическим анализом английской и американской прессы – согласитесь, если это не война или авантурные разведоперации, которые так соответствовали бесстрашному характеру Лена, то уж в любом случае лучше алюминиевого завода! А через год после переезда Лена в ГДР приехал и Миша. Семья снова была вместе.

Новое ремесло

В 1953 году в ведомстве информации произошла метаморфоза – изменились название, функции и руководство. Изменился и психологический климат в коллективе. С новым начальством Урсула ладила хуже, и оно отвечало ей взаимностью. Однажды она забыла запереть сейф (где, правда, не было никаких секретных материалов). На нее наложили партийное взыскание за «недостаток бдительности» и даже намекнули на увольнение, обвинив в «мелкобуржуазных

тенденциях». Урсула обиделась на такое отношение и сменила место службы, перейдя во Внешнеторговую палату.

Но и эта работа ей не очень нравилась. Давно, с самой ранней молодости, Урсула мечтала писать. Еще в ведомстве информации она пользовалась каждой подвернувшейся возможностью заняться журналистикой. Во Внешнеторговой палате, кроме выполнения обязанностей заведующей отделом печати, писала рекламные брошюры для предприятий, работающих на экспорт – все равно что, лишь бы писать! Но это все было не то. На ее первые в Германии журналистские работы пришли некоторые отклики, и это подвигло ее еще раз сменить профессию. В 1956 году Урсула ушла из Внешнеторговой палаты, чтобы начать работу над своей первой книгой. Так началась еще одна жизнь Урсулы Бертон – литературная.

В 1957 году вышел ее первый, частично автобиографический роман «Необычная девушка». В 1961-м – ставшая известной книга «Ольга Бенарио», посвященная памяти немецкой революционерки, трагически погибшей в концлагере. Это была книга о жизни, которую Урсула хорошо знала, о людях, с которыми была знакома по многочисленным рассказам, а с некоторыми и лично. Это была первая широко известная книга Рут Вернер (такой псевдоним избрала для себя Урсула).

Рут Вернер написала около 15 книг, в той или иной степени автобиографичных. Только три из них посвящены разведке. И, в первую очередь, это знаменитая, ставшая бестселлером книга воспоминаний «Соня рапортует». Нелегко далось бывшей разведчице, приученной к строжайшей конспирации, решение написать о своей работе. По собственной инициативе она бы не стала этого делать вообще, но, как она сама говорит, об этом «попросила партия». Ее и еще некоторых старых коммунистов попросили написать

воспоминания. Книга вышла в свет только в 1977 году, спустя двадцать лет после начала литературной работы ее автора, и тридцать лет после окончания карьеры разведчицы Сони, к 60-летию Октябрьской революции в России.

Кроме Германии, книга довольно быстро была издана в СССР, Китае и Англии (на английский язык ее перевела сестра Урсулы Рената), а затем и в других странах Европы, Азии и Латинской Америки. Она мгновенно стала популярной. Ее автора приглашали на многочисленные встречи с читателями – этих встреч прошло более пятисот. К ней пошли письма со всех концов земли. В архиве писательницы есть письмо от женщины из Уругвая: «... Мой муж уже много лет сидит в тюрьме. Во время прогулки он тайно сорвал цветочек и вложил его в медальон, который он выточил для меня из камня. Я никогда не отдавала никому подарки моего мужа, но Вам за Вашу прекрасную жизнь я дарю этот медальон».

Другая книга о разведке – «Гонг в магазине фарфоровых изделий» – посвящена работе в Манчжурии, пожалуй, самому опасному периоду деятельности Сони. Интересна история названия книги. Как-то раз в маньчжурском городе Аншин Урсула зашла в магазинчик китайского фарфора и, вопреки обычаям высокомерных иностранцев, разговорилась со стариком-хозяином. Когда она собралась уходить, тот снял гонг, висевший у двери, и подарил Рут, сказав, что этот гонг продлил ему жизнь, но он чувствует, что скоро умрет и хочет подарить его ей.

Урсула, после некоторых колебаний, приняла подарок. Впоследствии она отдала гонг Иоганну, и, придумывая название для своей книги, даже и в мыслях не держала, что он сохранил этот подарок. Иоганн оставался в Китае до 1949 года, затем уехал в Латинскую Америку, в Рио-де-Жанейро. Однажды, уже после выхода

книги, Урсула получила по почте тяжелый, тщательно упакованный пакет. Там находился тот самый гонг – должно быть, ее бывший муж прочитал книгу и решил таким образом вспомнить их общее прошлое. От Иоганна больше не было вестей, он вскоре умер. А гонг, вернувшийся к своей хозяйке, продлил ей, как и старику-китайцу, жизнь – он пробыл у нее в доме до июля 2000 года, когда не стало и самой Урсулы.

Еще одна книга, касающаяся разведки – «Муме-меле» – вышла в 1968 году. В частности, в ней рассказывается об Олло, вынянчившей Урсулу и ее сестер, а потом и ее детей. Еще одна книга: «Внимание, назад!» посвящена пребыванию в Данциге – но, к сожалению, там почти ничего не рассказывается о работе Урсулы. Кроме названных, издательство «Новая жизнь», где печаталась Рут Вернер, выпустило и другие ее книги: «Через сотни гор», «В клинике», «Воскресный день», «Маленькие рыбки – большие рыбы», «Разговоры на курорте», «Мысли, которые возникли во время поездки на велосипеде» и несколько детских книг. В основном, эти ее произведения были посвящены повседневной жизни и проблемам населения ГДР.

А в 1978 году вышла еще одна книга: «Дочка – это я», не написанная Рут Вернер, но имеющая самое непосредственное отношение к ней. Как нетрудно догадаться уже по названию, ее написала Нина – Янина Бланкенфельд.

Большинство разведчиков-нелегалов предпочитали держать свои семьи в безопасном месте. Но Урсула не пошла на это. Ее дети всегда, за исключением коротких периодов расставания, были с ней. При этом она, занятая своей тяжелой и опасной работой, находила время на их воспитание и вырастила всех троих достойными людьми. Естественно, дети не знали о работе матери. Но они были приучены к тому, что не следует рассказывать посторонним о том, что происходит

у них дома. Семья была сложной, в ней росло три ребенка от трех разных отцов, которые по-разному относились к детям. Но никогда дети не чувствовали в отношении к ним этой разницы. Ко всем одинаково относилась Урсула, одинаково ко всем относился и Лен, для которого только Петер был родным.

После ликвидации ГДР началась травля коммунистов – позорная страница немецкой истории, о которой бывшие восточные немцы теперь предпочли бы забыть. В прессе появились неприятные статьи и о Рут Вернер. После объединения Германии Союз писателей ГДР был ликвидирован, и 23-м из его бывших членов по причине «коммунистического прошлого» отказали в праве вступления в общегерманский союз. В «черном списке» оказалась и Рут Вернер. В интервью газете «Берлинер Цайтунг» она сказала по этому поводу, что такое решение противоречит элементарным понятиям о демократии и не способствует равноправному обмену мнениями между группами людей, проживающими в объединенной Германии. Но книги Рут Вернер продолжали переиздаваться и в новой Германии.

Занятая работой, Урсула не оставляла и общественной деятельности. В 1956 году она стала членом парткома Союза писателей ГДР, а в 1970-м году была избрана членом правления этой организации, и занималась этой непростой работой более 15 лет. С 1980 года она была также активным членом ПЕН-клуба. И все это время участвовала в работе Комитета антифашистов и участников сопротивления гитлеровскому режиму – организации, которая действует в Германии до сих пор.

Разведчицу Соню не забыли

С разведкой Урсула больше контактов не имела. Но в 1969 году ей неожиданно прислали приглашение. «Как и тридцать два года

назад, – со свойственным ей юмором пишет Урсула, – оно означало, что я должна приодеться. На этот раз на мне был не серый костюм, а черный. Меня наградили вторым орденом Красного Знамени». Кроме того, к 70-летию правительством ГДР она была награждена орденом Карла Маркса, а в июне 2000 года, уже посмертно, российским орденом «Дружбы».

Да, разведчицу Соню помнили в Советском Союзе. И не только там. В начале 90-х годов (спустя сорок лет после возвращения в Германию!) Рут и Лен решили посетить Англию, чтобы встретиться с родными. Совершенно неожиданно этот мирный визит вылился в громкий скандал. Консерватор Грэм Риддик внес парламентский запрос, в котором требовал, чтобы супругам запретили въезд в Англию. Скандал получил выход в прессу, мнения которой разделились. Газеты горячо обсуждали возможные причины предполагаемого отказа, вплоть до самых сюрреалистических – например, что Урсула возвращается в страну, чтобы вывезти спрятанный там архив.

К счастью, английские власти проявили здравый смысл, не захотев выставять свою страну на посмешище перед всем миром. Генеральный прокурор Англии ответил на запрос: «Принимая во внимание все обстоятельства дела, их возраст, пятидесятилетний срок, прошедший с тех пор, когда, возможно, произошли нарушения закона о государственной тайне, и обстановку, в которой они работали, исполняющий обязанности государственного обвинителя решил, что возбуждение против них какого бы то ни было судебного дела не отвечает интересам общества. А член парламента от той же консервативной партии Руперт Алласон высказался более резко: «Если МИ-5 опростоволосились с Бертонами, то это их вина. Просто

это далеко не самая славная страница в истории британской контрразведки, и лучше оставить ее забытой». Право, это мудро...

Так что Рут и Лен благополучно посетили Англию, встретились с родными, навестили места, где жили раньше, и вернулись в ГДР, не нанеся никакого ущерба безопасности Британии. Впрочем, Урсула убеждена в том, что она никогда не наносила ущерба безопасности этой страны. «В то время я не знала, что речь идет об атомной бомбе. Позднее, когда мне стало об этом известно, я считала свою работу фактором стабильности, баланса. У американцев атомная бомба была, и они ее применили. Этого не следует забывать. Я была убеждена, что коммунистическая страна сама войну никогда не начнет. То, что я делала, было направлено не против Англии, а против Гитлера. Я очень люблю английский народ. Он вступил в борьбу на нашей стороне, и я боролась на его стороне»⁵⁸.

Она никогда не считала себя шпионкой. «Шпион, с моей точки зрения, – говорила она, – это человек, которого покупают за деньги. Меня никто не покупал. То, что я делала, было нелегальной партийной работой. Это не жажда приключений, а работа для партии»⁵⁹. И это, действительно, так.

Однако вскоре жизнь подвергла ее убеждения самому тяжелому испытанию за всю ее жизнь. Правда, сначала она, как и многие другие люди, восприняла перестройку как движение вперед. «В ноябре 1989 года на митинге в Люстгартене, после окончания заседания Центрального комитета СЕПГ, она выступила с речью. «Меня зовут Рут Вернер. Я пишу книги», – начала она, и сильные аплодисменты прервали ее сразу же, как только она заявила, что никому не должна была представить свою речь для разрешения. Товарищей она

⁵⁸ "За рубежом". 51, 1991г. Стр.7.

⁵⁹ Рудольф Колчанов. "Она всю жизнь любила Рихарда Зорге. "Труд-7", 7 марта 2001г.

призвала: «Идите в аппарат, сотрудничайте, изменяйте будущее, работайте как чистые социалисты!»⁶⁰

Однако вскоре оказалось, что перестройка – это нечто иное, не обновление, а разрушение социализма. Рут достаточно тяжело пережила крушение строя, который она строила и защищала всю свою сознательную жизнь. Крушение коммунизма в Германии выглядело еще более жестко и обнаженно, чем в России. Она с горечью признавалась: «У меня была трудная жизнь. Но она никогда не была такой трудной, как сейчас. Многие иллюзии рассеялись. Это оставило глубокие раны, и я думаю, что они будут кровоточить до самой смерти».

Но эта женщина удивительным образом, несмотря на крушение иллюзий, сумела сохранить верность идеалам своей молодости. Она вообще отличалась редкой стойкостью в этом смысле. Одни ее товарищи-разведчики погибли на своей работе, такая же участь в случае провала могла ожидать и Урсулу – но это ее не испугало. Другие были репрессированы и умерли в лагерях или провели там по много лет – но это ее не оттолкнуло. Она пережила реформы в Германии – но это ее не сломило. До конца жизни Урсула сохранила эту убежденность в том, что она жила правильно. «Многие говорят, что я прожила жизнь напрасно, – говорила она в 1991 году. – Так говорят мои товарищи, те, кто покинул партию с чувством разочарования. Я же утверждаю, что моя борьба, подобно борьбе Лена в Испании, была борьбой против фашизма. И мы победили. Если моя работа приблизила победу хотя бы на три дня, даже на два часа, я могу ходить с высоко поднятой головой»⁶¹.

⁶⁰ Томас Кампен. "Цветет мировая революция." "Франкфуртер Альгемайне Цайтунг", 13 июля 2000 г.

⁶¹ "За рубежом". 51, 1991г. стр.7.

Дом возле Трептов-парка

В мае 2000 года Рут Вернер посетил один из авторов этой книги, полковник в отставке В. В. Бочкарев. Он – один из последних русских коллег, встречавшихся с ней. Тогда она жила в Берлине, неподалеку от Трептов-парка, где до сих пор находится кладбище советских солдат и офицеров, погибших в битве за Берлин. Недалеко от ее дома – прекрасный лес Плентенвальд. Урсула всегда так любила природу! До последнего времени она часто гуляла в этом лесу.

Полковник Бочкарев вспоминает – точно и лаконично, в стиле рапорта разведчика: «Она занимает квартиру из трех комнат, которые размещены на трех этажах и связаны друг с другом лестницей. Меблировка и весь домашний уклад имеют национальные черты, свойственные для немцев, а также в определенной степени и для англичан, так как ее покойный муж Лен был англичанином, а она продолжительное время жила в Англии. С первого этажа прямо из комнаты имеется выход в небольшой, но ухоженный и красивый садик, где Рут Вернер при хорошей погоде проводит свое время, сидя в кресле.

Для своих 93-х выглядит она сравнительно хорошо. Несколько похудела за последнее время. Передвигается сама по первому этажу и в садике, но на второй и третий этаж уже не поднимается. Когда в квартире никого нет, то сама открывает дверь посетителям. В связи с возрастом больше, чем раньше, отводит время отдыху на диване. Вдаль видит хорошо, но имеет затруднения при написании текста, т. к. на линованной бумаге не видит имеющиеся там линии. В умственном отношении сохранилась очень хорошо, это светлый ум, отличная память. На заданные вопросы отвечает без какой-либо задержки, высказывая свое мнение и проявляя при этом принципиальность в

суждениях. В настоящее время регулярно просматривает утреннюю газету, читает не больше двух статей, по ТВ смотрит лишь последние известия. В течение 1,5 – 2 месяцев может читать интересующую ее книгу.

Если раньше, два-три года назад, с нею можно было без перерыва вести разговор на интересующие ее темы до 2,5 – 3 часов, то теперь этот срок уменьшился до одного часа. Значительно быстрее устает, если с ней беседует несколько человек, и особенно, когда идет видеосъемка. В этом случае она сама останавливает беседу, что нами и делалось по ее просьбе.

В квартире она живет одна, но в дневное время ее посещает специально подобранная женщина средних лет, которая убирает помещение и готовит пищу. Регулярно посещает ее дочь Янина, а периодически – остальные родные, но все это организуется таким образом, чтобы она не уставала и в комнате не собиралось слишком много гостей».

В 1997 году, в возрасте 83 лет, умер Лен Бертон. Его хотели сперва похоронить, как интербригадовца, на специальном секторе кладбища социалистов в Фридрихсфельде, но похоронили на кладбище Баумшуленвег, недалеко от дома. Он просил не устанавливать на его могиле памятник, и эта воля была выполнена, но зато могила обсажена вечнозелеными растениями и цветами. Любимый брат Урсулы Юрген умер в Берлине в 1998 году. Три сестры до сих пор живут в Англии.

Старший сын Урсулы Миша, как и его дед, занимается вопросами социологии. Петер – специалист в области шекспироведения. Янина по характеру похожа на мать – такая же энергичная и разговорчивая, какой она была в ее возрасте. У Урсулы шестеро внуков и внучек и пока что всего один правнук.

Урсула умерла в Берлине 11 июля 2000 года, на 94-м году жизни. Похоронена она на том же небольшом кладбище своего района, рядом со своим мужем Леном Бертоном.

Говорят, что «разведчики бывшими не бывают». Так ли это? Пятьдесят лет своей жизни Урсула Кучински, Соня жила вполне мирной жизнью, без явок, встреч и ночных сеансов. И тем не менее... Она сама признается в своей книге: «Если меня ночью мучает кошмар, то это всегда сон, в котором враг гонится за мной по пятам, и у меня не остается времени уничтожить донесение. Если я оказываюсь в новой местности, то инстинктивно приглядываю местечко для тайника. А прощания детей с родителями на вокзалах я просто не в состоянии видеть!»

Глава 10

О ТЕХ, КОГО ПОМНЯТ И ЛЮБЯТ

Наша книга будет неполной, если, рассказав о послевоенной жизни Сони, мы умолчим о том, что случилось с теми людьми, которые ее окружали. Судьба некоторых из них покрыта тайной, о других известно немного, и лишь некоторые биографии изложены со множеством подробностей, но подробности эти часто недостоверны. Одно из имен, окруженных самым большим ореолом легенд и вымыслов – имя первого руководителя Урсулы, **Рихарда Зорге**. Судьба его общеизвестна. После Москвы легендарный разведчик был направлен в Японию, где в 1941 году был арестован и в 1944-м – казнен вместе с Ходзуми Одзаки.

Брат Урсулы **Юрген Кучински** работал в Берлине преподавателем политэкономии в Берлинском университете, был

председателем общества культурных связей с СССР. Умер в 1998 году.

Сестры Урсулы остались в Англии. Бригитта, или, по-английски, **Бриджет Льюис**, во время войны разошлась с мужем. Жила гражданским браком с Артуром Лонгом, на шесть лет моложе ее (1916 года рождения), родила ребенка. Расставшись с ним, вышла замуж за Джека Никольсона, члена Компартии Англии, работавшего в Шотландии. Бриджет имела высшее образование, была доктором исторических наук. После смерти отца занималась изданием и переизданием его книг по экономике, закончила и издала его работы на тему «Население колоний».

Сестра Урсула **Сабина Леффлер** приняла английское подданство, вышла замуж за адвоката, француза по национальности. Еще одна сестра, **Барбара Тейлор**, была замужем за преподавателем в общеобразовательной секции Би-би-си. Держалась несколько в стороне от семьи, была психически неуравновешенна. Самая младшая сестра, **Рената Симпсон**, во время жизни в Англии, так же, как и Бригитта, помогала Урсуле в ее разведывательной деятельности. Муж ее работал в министерстве сельского хозяйства и рыболовства. Имеет высшее гуманитарное образование, член Компартии Англии, перевела на английский язык книгу сестры «Соня рапортует».

...Как мы уже знаем, незадолго до Второй мировой войны **Рольф Гамбургер** и **Иоганн Патра** снова были направлены в Китай. Наладить работу в Шанхае им не удалось. Тогда Рольф отправился в город Чунцин, где тогда находилось китайское правительство, в надежде найти там знакомых. В Чунцине его и арестовали, либо когда он налаживал радиосвязь, либо после первого выхода в эфир. Приговоренный к смертной казни, он, однако, вскоре оказался на

свободе – как слышала Урсула, благодаря усилиям Советского Союза. Затем он снова работал по заданию Центра, теперь уже в Иране, и был еще раз арестован весной 1943 года американцами. Потом он оказался у англичан, которые 15 мая 1943 года передали Рольфа советским властям. После прибытия в Москву он попал в руки НКВД. Только после 1956 года он был реабилитирован и смог вернуться на родину. Рольф жил в ГДР, работал там архитектором, но недолго, здоровье его было подорвано, и он вскоре умер...

Судьба Иоганна сложилась не более удачно, хотя он избежал ареста. Он несколько лет оставался в Китае, женился на китаянке и имел от не сына. Вскоре после ареста Рольфа его связь с Центром прервалась. Оставшись без связи и поддержки (что тоже немаловажно!) Центра, он попытался найти работу, но неудачно. В Китае это означало голод. Как он писал Урсуле в 1946 году, по подсчетам врача, в течение последних тридцати месяцев он существовал за счет четырехсот калорий в сутки. Так живут и выживают китайцы – оказалось, что так способен жить и европеец. По крайней мере, Иоганн дожил до 1949 года, когда, после освобождения Китая, правительство предложило всем иностранцам покинуть страну. Вернуться в Германию ему так и не удалось. Иоганн уехал в Латинскую Америку, устроился работать механиком, женился на аргентинке, у них родилась дочь. Однако тоска по Европе не оставляла, и в 1967 году он предпринял еще одну попытку вернуться назад. Он приехал в Германию один, жена должна была последовать за ним, как только он скопит денег на проезд.

«Он приехал в начале января 1967 года, – вспоминает Урсула. – С момента нашей последней встречи прошло двадцать восемь лет. Я открыла дверь и увидела, что он буквально на пределе. Говорить он не мог, да и я, впрочем, тоже. Я провела его к креслу. Он дрожал и

жаловался на холод. Я сварила кофе, принесла ему свитер и попросила Лена не входить в комнату, пока Иоганн не возьмет себя в руки. По-настоящему он, однако, так и не смог успокоиться. Он был до крайности измучен, а о состоянии его нервов лучше и не говорить. По словам Иоганна, ему хотелось бы жить в ГДР, но если из этого ничего не выйдет, он сумеет заработать себе на хлеб и в Западной Германии. Человек он неприхотливый. Где бы он ни был, он всегда будет жить как коммунист»⁶². Впрочем, в основном они мало изменились за эти годы. Не успев встретиться, все трое (Лен вскоре присоединился к ним) тут же заспорили о политике, о положении в Китае, где к тому времени как раз началась «культурная революция». Иоганн, как оказалось, одобрял происходившее там, хотя, в случае, если ему удастся остаться в ГДР, был готов не ввязываться ни в какую полемику. Он остался таким же упрямым и неуступчивым, как в молодости, так же не желал прислушиваться ни к каким доводам. Вероятно, Урсула была такой же, иначе бы не случилось так, что политика разделила этих людей, который связывало столь многое в прошлом.

«Изменись Иоганн как человек, растеряй он то, что было в нем хорошего, я и Лен, только сейчас познакомившийся с ним, не были бы так расстроены. По всей вероятности, в этом случае мы быстро расстались бы с ним. Но все его ценные качества остались при нем: сила воли, готовность идти на жертвы, сердечное сочувствие угнетенным, чья нищенская жизнь ежедневно была у него перед глазами». Урсула пишет, что взгляд на мир из ГДР отличается от взгляда на тот же мир из Южной Америки. Но, вероятно, не очень понимает, насколько, если удивляется, что человек, чья жизнь прошла

⁶² Рут Вернер. Соня рапортует. М., 1979. Стр.243.

на этом нищем континенте, в жестокой борьбе за существование, больше склоняется маоизму, чем к коммунизму советского толка.

На следующий день Иоганн побывал на демонстрации, посвященной памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Демонстрация ему понравилась – она была похожа на те, в которых они все участвовали в молодости. Но потом они опять заспорили и опять не пришли к единому мнению. Вечером их гость уехал. Позже он написал им из Западной Германии. В письме говорилось, что от рабочего класса Европы ждать нечего, ГДР тоже обуржуазивается, и он решил вернуться в Южную Америку. Вскоре Иоганн, здоровье которого было серьезно подорвано, умер.

Шанхай

С множеством людей познакомилась Урсула в Шанхае. И очень по-разному сложились их судьбы. **Карл Римм** – после возвращения из Шанхая был начальником отдела в Разведупре, в звании полковника. 11 декабря 1937 года был арестован и 22 августа 1938 года расстрелян. **Григорий Стронский** – тоже бесследно исчез в СССР в 1937 году. **Йозеф Вайнгартен** – после 1935 года, когда он вернулся из Китая, преподавал радиодело в разведшколе РККА (среди его учеников была и Урсула). В 1944 году был заброшен в район Мюнхена, но приземлился неудачно, был схвачен гестаповцами и погиб.

Макс Клаузен в 1933 году вернулся в СССР, работал там радиомастером и трактористом. Но этому человеку не судьба была жить мирно. В 1935 году он снова отправился на Восток – в Японию, и опять работал с Зорге. В 1941 году его арестовали, приговорили к пожизненному заключению. После Победы, 9 октября 1945 года, он был освобожден. Награжден орденом Красного Знамени. С 1946 года жил в ГДР. Умер в 1979 году.

Отто Браун, после того, как в 1939 году его отозвали из Китая, был политкомиссаром в лагере для военнопленных, где был известен как «комиссар Вагнер». В 1954 году вернулся в ГДР, работал в институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. С 1961 по 1963 год был первым секретарем Союза писателей ГДР (интересно, часто ли они спорили с Рут Вернер). С 1964 года работал пропагандистом по делам Китая. В августе 1974 года умер в Берлине.

В пятидесятых годах брат Урсулы Юрген получил письмо. «Глубокоуважаемый профессор! Некоторое время назад я приобрела вашу книгу. Из предисловия я узнала, что Вы работаете в Берлинском университете. Обращаюсь к Вам с просьбой: сообщите мне, пожалуйста, адрес вашей сестры. Много лет мы были очень дружны, но в трудные военные и послевоенные годы потеряли друг друга из виду. Я была бы счастлива, наконец, снова установить контакт со старой подругой. » Письмо было от **Ирен Видемайер, Изы**, с которой они дружили еще в Шанхае. Урсула написала Изе, но ответа не получила.

Москва

После встреч в Москве Урсула никогда больше не виделась с **Агнес Смедли**. Правда, в конце 40-х годов ее подруга некоторое время жила в Оксфорде, но Урсула находилась в то время в сложном положении и решила не подвергать ее опасности. Тем более, что она не знала, какие теперь взгляды у этой очень непростой женщины. Урсула слышала, что Агнес очень озлоблена, ни с кем не общается, несмотря на то, что ее книги тогда были очень популярны. Умерла она в марте 1950 года после операции.

Француженка **Кэт, Рене Марсо**, после окончания школы уехала туда, откуда только что вернулась Урсула – в Шанхай. Она работала радисткой у сменившего Зорге в Шанхае Якова Бронина. Встречалась она и с Зорге. Вскоре Кэт вышла замуж за своего начальника Якова Бронина, и с тех пор в официальных документах значится как Элли Бронина. Под этим именем она в 1935 году получила орден Красной Звезды, а в 1937-м орден Ленина – за Испанию. В Испанию ее отправили в 1936 году, одну, без сопровождающих, с фальшивыми документами и, естественно, под другой фамилией. Она сумела пересечь всю Европу и проникнуть в штаб Франко.

Покончив с разведкой, Элли занялась медициной. Уже в 1949 году защитила кандидатскую диссертацию – кстати, в работе ей немало помогали приобретенные в разведке навыки, в первую очередь, знание языков и умение работать с аппаратурой. Готовилась к защите докторской. Но в 1950 году ее муж был осужден на 10 лет лишения свободы. Элли стала женой «врага народа», была изгнана из клиники. Она работала участковым врачом, занималась переводами, чтобы иметь возможность кормить детей. В середине 60-х ей дали персональную пенсию, признав, тем самым, ее заслуги. А в 1978 году она решилась на очень нетрадиционный по тем временам шаг – вышла из КПСС, в которую вступила в 1942 году, поскольку, как она говорила, осознала: «Партия насаждает несправедливость в стране».

Яков Бронин после освобождения из китайской тюрьмы вернулся в Москву. Получил звание бригадного комиссара, работал в центральном аппарате Разведупра. В 1940-41 годах преподавал агентурную разведку в Высшей специальной школе Генштаба, затем преподавал в военных академиях Ташкента и Москвы. В 1949 году полковник Яков Бронин был арестован и в октября 1950 года осужден

на 10 лет лишения свободы. Реабилитировали его в 1955 году. Выйдя из тюрьмы, он работал в ИМЭМО АН СССР.

С **Натальей Звонаревой** Урсула встречалась каждый раз, когда после очередной зарубежной командировки возвращалась в Москву для отдыха и переподготовки.

Наталья Владимировна Звонарева родилась в 1901 году в Тамбове, в семье довольно высокопоставленного чиновника. После гимназии она училась в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, которую закончила в 1923 году. Хорошо владела немецким и французским языками. В начале 20-х годов она вышла замуж, а в 1922 году родила сына.

В 1923 году ее познакомили с Яном Карловичем Берзиным, в то время – заместителем начальника Разведывательного Управления Штаба РККА. В марте 1924-го он стал начальником Разведупра. В том же 1924 году ей предложили работать в Управлении. Она начала работать в отделе Оскара Стигги. В 1928 году вступила в компартию.

В 1927-29гг. Наталья Звонарева была в командировке в Праге, где работала под руководством уже знакомого нам Леонида Анулова. Кстати, в эту командировку она взяла с собой сына. Пятилетний мальчик никому и никогда не проговорился об этой поездке. В 1931-32 гг. она была в Вене, где одновременно работала с тремя резидентами – Константином Басовым (настоящее имя Ян Абелтынь), Иваном Винаровым и Вальтером Кривицким.

Вернувшись в Москву, с 1932 по 1937 год была сначала секретарем начальника Разведупра, а потом начальником его

секретариата. В 1938 году ее перевели в один из отделов Управления. В 1937 году у нее рождается сын Сергей.

Стоит перечислить тех людей, с которыми встречалась и работала Наталья Звонарева. Это, например, Христофор Салнынь, Ян Тылтынь, Лев Борович, Артур Артузов, Стефан Мрочковский, Рихард Зорге, Лев Маневич и др.

Несмотря на блестящие характеристики, в 1938 году Наталью Владимировну уволили в запас. Незадолго до того были один за другим арестованы начальники Управления Урицкий и Берзин, а вскоре арестовывают и ее брата. Ее саму спасло то, что на партийном собрании, на котором был поставлен вопрос о ее исключении, парторганизация проголосовала «против», лишь поставив ей на вид «за потерю бдительности к брату». По-видимому, ее репутация была, на самом деле, безупречна. После увольнения из армии работала в Наркомздраве СССР.

22 июня Наталья Звонарева подала наркому обороны рапорт с просьбой отправить ее на фронт – но ей было отказано. Тогда, 15 октября 1941 года, она добровольно ушла на фронт, вступив в истребительную роту коммунистического батальона народного ополчения Куйбышевского района Москвы. Из 300 человек она была единственной женщиной, причем только она одна знала немецкий язык. Участвовала в боевых действиях за линией фронта.

В конце декабря 1941 года ее направили в 7-е отделение Главполитуправления Красной Армии, которое занималось спецпропагандой среди войск противника. Спецпропаганда – это допрос пленных, проведение агитпередач, выпуск листовок и газет, рассчитанных на войска противника, агитационные выступления с использованием громкоговорящих установок и т. п. Она получила звание батальонного комиссара (что соответствовало званию майора)

и была направлена в 20-ю, а потом в 49-ю армию. Со своей громкоговорящей установкой прошла через Могилев, Минск, Данциг, Кенигсберг до самого Берлина. Была награждена шестью боевыми орденами, не считая медалей. После окончания войны Наталья Владимировна вернулась в Москву и продолжала службу в том же 7-м отделе Главпура, пока в 1954 году не была уволена в запас в звании подполковника.

Выйдя в отставку, она нашла другое приложение своим силам, активно занявшись реабилитацией репрессированных. При ее содействии реабилитировано огромное число людей. Кстати, именно она в течение многих лет добивалась признания подвига Льва Маневича, и добилась – в 1965 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

С 1956 года Наталья Владимировна работала в международной комиссии Советского комитета ветеранов войны, в течение многих лет была секретарем группы по связи с ветеранскими организациями ГДР. Неоднократно бывала в Берлине в командировках и встречалась там с Урсулой, познакомилась и с ее семьей.

В 1969 году она участвовала в 3-м слете школьников-интернационалистов-зоргинцев, куда ее привлекла другая наша старая знакомая – Любовь Ивановна Римм. В начале 70-х помогала организовать музей Рихарда Зорге в московской школе № 141, рядом с которой стоит памятник разведчику. Кстати, дирекция школы просила Урсулу – человека, работавшего вместе с Зорге, написать обращение к посетителям музея, каковую просьбу она с радостью исполнила. Их встречи и переписка продолжались до самой смерти Натальи Звонаревой в 1994 году.

Пыталась Урсула найти **Лизу**, жену немецкого рабочего, арестованного в 1937 году – те самые друзья, к которым она ездила в гости в Сокольники. В 1959 году, во время пребывания в Москве, она снова была в Сокольниках. Старые дома стояли на своем месте, но она уже не могла припомнить, в котором из них жили ее друзья. Да, впрочем, и не было надежды разыскать их спустя двадцать лет.

Швейцария

Из товарищей Урсулы по швейцарскому подполью больше всего известно о судьбе **Шандора Радо**. Как известно, после войны он был арестован и провел несколько лет в лагерях. Едва ли стоит всерьез опровергать обвинения НКВД, выдвинутые против него. Он, конечно же, не был главным виновником провала резидентуры – ее выявило гестапо. После провала французской и бельгийских групп «Красной капеллы» и захвата шифров для квалифицированных немецких контрразведчиков выявить швейцарскую группу было делом техники. Агенты-двойники привлекались «Дорой» не по собственной инициативе, а с ведома и согласия Центра, за что его даже не раз благодарили. Не мог он быть и агентом английской разведки, иначе англичане, уж верно, не отказали бы ему в политическом убежище в Каире.

Советский биограф Радо Владимир Александров нашел в архивах сведения о том, что Радо еще до войны подозревали в порочащих его связях, но не с англичанами, а кое с кем похуже. Еще до начала Второй мировой войны Центр предполагал послать в помощь «Доре» опытного агента-профессионала – ведь Радо, будучи резидентом, не имел никакой специальной подготовки. «Но, – пишет Александров, – меня насторожил другой пункт: «Необходим – говорилось в нем, – вызов Доры в Союз для выяснения некоторых

вопросов, связанных с вербовкой лиц, подозреваемых старым руководством РУ как агентов гестапо и французской контрразведки, а также уточнить его, Доры, знакомство с троцкистами, например, с «Мадьяром». А затем я нахожу в личном деле Радо следующую запись: «К парижскому периоду его жизни относится сообщение (назван источник) о том, что Дора троцкист, что он якобы был связан с каким-то Мадьяром, будто бы арестованным по делу об убийстве Кирова...»⁶³

В 1938 году такие записи в личном деле означали вещи вполне конкретные и определенные. По крайней мере, майор Анулов («Коля») к тому времени был уже арестован и получил срок. Но Радо тогда повезло – его спасла начавшаяся война. В сентябре 1939 года все европейские границы были закрыты, и ни новый заместитель «Доры» не смог прибыть в Швейцарию, ни он сам – в Москву. Но после войны НКВД рассчитался за все.

В 1954 году Радо был освобожден из заключения и полностью реабилитирован. В июле 1955 года он уехал в Венгрию. По иронии судьбы, годы, проведенные в лагерях, спасли его во время венгерского восстания в 1956 году. Он был занесен восставшими в списки коммунистов, и к его дому явилась разъяренная толпа – а с коммунистами в те дни не церемонились! Но кто-то из руководства восстания объяснил, что этот человек тоже пострадал от рук НКВД, и его оставили в покое. Так Шандор Радо, который формально не был на стороне восставших, уцелел.

Из Франции к нему в Будапешт приехала жена. Правда, прожила она на родине всего три года – до своей смерти в 1958 году.

⁶³ Владимир Александров. Драма Шандора Радо. В кн. Шандор Радо. Под псевдонимом "Дора". Стр. 309.

На ее могиле на почетном кладбище Керепеш написано: «Член Коммунистической партии Германии с момента основания».

Сыновья Радо, выросшие в Швейцарии и десять лет прожившие во Франции, к тому времени успели освоиться в этой стране, женились там и возвращаться в незнакомую им Венгрию не пожелали.

Радо покончил с разведработой и занялся своей любимой картографией, сумев внести значительный вклад в науку. Он был избран членом ряда иностранных академий, много участвовал во всевозможных конференциях и симпозиумах, руководил государственным управлением геодезии и картографии, географическим комитетом академии наук, был награжден орденами ГДР, Венгрии и Советского Союза. Трудно сказать, насколько обрадовал Радо этот факт, но в 1976 году ГРУ извинилось перед ним за ошибочную оценку результатов его работы, и он был награжден орденом отечественной войны I степени.

«Одно время в ЦК партии, – пишет Александров, – когда вышли мемуары «Доры», даже поговаривали о присвоении Шандору Радо звания Героя Советского Союза. Но все это осталось втуне. Когда я спросил одно высокопоставленное лицо: «Отчего же?», то мне ответили: «Радо получил бы орден Ленина, если бы не сбежал тогда в Каир»⁶⁴. Рут увиделась с ним еще раз в 60-х годах в Венгрии.

...А вскоре после выхода в свет мемуаров Радо в квартире Александрова раздался телефонный звонок. «Это говорит Коля. Тот самый Коля, который в 1938 году передал Шандору Радо резидентуру в Швейцарии». Оказалось, что **Леонид Абрамович Анулов** не погиб в лагерях, как предполагалось, а живет в Москве. Александров побывал у него. Жил Анулов на окраине города, в однокомнатной квартире, вместе с женой, тоже побывавшей в лагерях. Жили они бедно, на две

⁶⁴ Там же. Стр. 312

небольшие пенсии. Встреча эта состоялась в 1973 году. Вскоре Анулов умер.

В конце 1969 года, в честь 20-летия ГДР, группа немецких участников Сопротивления была отмечена наградами СССР за помощь в разгроме гитлеровской Германии. Правда, из группы награжденных к тому времени в живых осталось только трое. Одна из них была **Рашель Дюбендорфер**, которая была награждена орденом Красного Знамени.

Пауль Бётхер вернулся в ГДР, где одно время был заместителем главного редактора «Лейпцигер Фольксцайтунг». Умер он в 1975 году в возрасте 84 лет.

Интересная история получилась с человеком, который внес наибольший вклад в работу швейцарской резидентуры – **Рудольфом Рёсслером**. Руководство ГРУ предложило включить и его в список награжденных.

<Министр госбезопасности ГДР Мильке, выслушав мнение советской стороны, откинулся в кресле и посмотрел внимательно на представителя КГБ, сидящего напротив.

– В ГДР уважают труд Рудольфа Рёсслера, отдавшего немало сил разгрому общего врага – гитлеризма и возрождению новой Германии. Однако антифашист Рёсслер вел свой бой хотя и на стороне антигитлеровской коалиции, но не в сплоченных рядах немцев-антифашистов. В ГДР ничего не имеют против награждения этого отважного и честного человека советской правительственной наградой, но полагают, что руководство СССР должно решить этот

вопрос самостоятельно. Вопрос о награждении Ресслера больше не ставился⁶⁵. Вот так!

Эдмонд и Ольга Хамели, Маргарет Болли и Отто Пюнтер после войны жили в Швейцарии. О Пюнтере известно, что сначала он возглавлял информационное агентство социал-демократической партии и был представителем Союза журналистов при швейцарском правительстве, а с 1956 по 1964 год заведовал одним из отделов швейцарского радио. Потом он вышел на пенсию, но продолжал трудиться – он был избран народным судьей.

Фут, предложивший свои услуги английской разведке, вернулся в Англию, где занимал в разведведомстве очень небольшой пост. В 1949 году он выпустил книгу воспоминаний о работе в Швейцарии «Справочник для шпиона». Книга принесла ему неплохие деньги, но, по дружному свидетельству прочитавших ее очевидцев событий, она, мягко говоря, не слишком достоверна. Вскоре – в 1957 году – он умер. В следующем, 1958 году, умер **Рудольф Рёсслер** – «Люци», так и не раскрывший своей тайны.

Трудно сказать, как познакомились Рут Вернер и **Мария Полякова**. Может быть, Полякова инструктировала Урсулу перед работой в Швейцарии – стране, которую она незадолго перед тем покинула. Но, начиная где-то с 1960 года, они регулярно переписывались. Мария Иосифовна, приезжая в Берлин, навещала Урсулу. Встречаясь, они вспоминали Англию, Германию, Швейцарию, Францию... каждой было что вспомнить.

Полякову отозвали из Швейцарии в конце 1937 года. Она счастливо избежала <чисток> в аппарате разведки. В наиболее

⁶⁵ Тайна разведчицы Сиси

опасный для себя момент, когда ей грозило увольнение из армии, Мария написала и отправила секретной почтой письмо Ворошилову и получила ответ: <Климент Ефремович прочитал ваше письмо. Просит не волноваться и продолжать работать>. Она осталась в разведке. Обучала премудростям разведработы новых сотрудников, в том числе и вышестоящих.

В октябре 1941 года ей дали одно из важнейших в ее жизни заданий, которое она, к счастью, выполнить не смогла. Почему «к счастью»? Дело в том, что она была назначена резидентом нелегальной резидентуры... в Москве. 20 октября в столице было объявлено осадное положение. К городу подходили немцы. Тогда же командующий Западным фронтом генерал (тогда еще генерал) Жуков вызвал к себе начальника ГРУ и приказал срочно создать в Москве агентурную сеть с радиосвязью и конспиративными квартирами. При этом он сказал: «Москву мы не отдадим, но готовиться надо ко всему. Береженого Бог бережет».

Капитан Полякова предложила свою кандидатуру в качестве руководителя резидентуры. Сначала начальник ГРУ отказал, не по каким-то объективным причинам, а просто потому, что она — женщина. Но потом переменял решение — ведь Полякова несколько лет работала в качестве нелегала, отлично знала немецкий язык и обстановку. Ей выдали паспорт на другую фамилию, ночной пропуск и справку о том, что ее дом разрушен. После чего поселили в брошенную жильцами при эвакуации квартиру, которая должна была работать в качестве конспиративной.

7 ноября она переехала в эту квартиру, сменив форму капитана Красной Армии на старую шубейку, валенки и старый платок. Вечером она уходила якобы «на работу» в ночную смену, а на самом деле сидела в бомбоубежище ГРУ с шифровками от агентов. Днем,

после нескольких часов сна, занималась подготовкой конспиративных квартир, почтовых ящиков, явок и тайников. Другие офицеры готовили источников и агентов – пожилых людей, освобожденных от военной службы и, естественно, беспартийных. Сеть была успешно создана. К счастью, использовать ее так и не пришлось.

Война тяжело отозвалась на судьбе Марии Поляковой. Ее брат погиб в боях под Ельней, а муж – во время выброски нашей разведгруппы в немецкий тыл в Чехословакии. После войны, с 1946 по 1956 год, она преподавала в специальном учебном заведении. Умерла Мария Полякова 7 мая 1995 года, да два дня до 50-летия Победы.

Англия

Николай Аптекарь – счастливо избежал всех неприятностей, связанных с НКВД. Вернувшись из Англии в апреле 1944 года, он, некоторое время проработав в центральном аппарате разведки и, после учебы, был направлен на оперативную работу в Данию, где пробыл с сентября 1948 по апрель 1949 года. Затем, в 1950-51 годах работал в Польше. Потом, после обучения на высших академических курсах при военно-дипломатической академии, три года – в Китае, в Харбине. В июле 1958 года демобилизовался в звании полковника. За время работы Аптекарь был награжден 6 боевыми орденами (Орден Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды и орден Отечественной войны 2-й степени) и 14 медалями. После увольнения в запас 20 лет проработал в НИИЭМИ в Москве в качестве специалиста по научно-технической информации.

После выхода в свет книги «Соня рапортует» младшая дочь Аптекаря Наташа, будучи в служебной командировке в Берлине, посетила Рут Вернер. После этого Соня и «Сергей» переписывались до самой смерти Николай Аптекаря в 1991 году.

«Холу» – Мелиту Норвуд – можно назвать «долгожителем» в разведке. Она была тоже своего рода «двойным агентом», но одной страны – за этого ценнейшего агента постоянно вели борьбу НКВД и ГРУ. Тут следует вспомнить, что начинала Мелита как агент НКВД, потом была передана Соне, работавшей на военную разведку. В 1944 году, как и Клаус Фукс, перешла под контроль НКВД. В марте 1945 года организации, где она работала, удалось получить контракт, связанный с проектом «Тьюб эллойз». Норвуд, находившаяся абсолютно вне подозрений, получила доступ к документам проекта, таким образом, внося свой вклад в атомный шпионаж.

В апреле 1950 года, после осуждения Клауса Фукса и в связи с усиленным вниманием, которое МИ5 тогда уделяло Соне, Мелита Норвуд была временно законсервирована, но ненадолго. Уже в 1951 году контакт с ней был возобновлен, и она опять перешла под контроль МГБ. Следующие двадцать лет она проработала как агент госбезопасности.

Норвуд была очень осторожна. Со своими связниками она встречалась четыре-пять раз в год, обычно на юго-восточных окраинах Лондона (одно время ее оператором был наш знаменитый разведчик Конон Молодой). Она по-прежнему работала в Британской научно-исследовательской ассоциации цветных металлов, через которую проходило много интересной информации. В 1958 году Норвуд была награждена орденом Красного Знамени. В 1962 году ей дали пожизненную пенсию в размере 20 фунтов стерлингов в месяц, от которой Норвуд впоследствии отказалась, заявив, что в деньгах она не нуждается, а работает по убеждениям.

В 60-е годы сотрудничество Норвуд с советской разведкой продолжалось. В записях Митрохина упоминается агент под

псевдонимом «Хант», завербованный ею в 1967 году. В течение 14 лет «Хант» передавал нашей разведке научно-техническую документацию и информацию о продаже Великобританией оружия. В конце 70-х лондонская резидентура выплатила ему 9000 фунтов стерлингов, чтобы он смог открыть собственный бизнес.

в начале 70-х контакт с «Холой» был временно прерван. Когда же в 1974 году он возобновился, то выяснилось, что Норвуд в 1972 году вышла на пенсию. Доступа к секретным материалам она уже не имела, поэтому регулярное сотрудничество с ней было прекращено. В 1979 году, вместе с мужем, она посетила СССР. В Москве ей предложили финансовое вознаграждение, от которого она опять отказалась. Это то, что известно о Мелите Норвуд, так и не разоблаченном агенте советской разведки.

Клаусу Фуксу повезло меньше. Мы расстались с ним, когда он отправился в Соединенные Штаты, чтобы участвовать в американском атомном проекте. В 1943 году в Квебеке Рузвельт и Черчилль подписали секретное соглашение, которое закрепило объединение усилий Великобритании и США по созданию атомной бомбы. Согласно этому соглашению, техническая база проекта должна была строиться в США, а, поскольку Англия к тому времени имела большую научную базу в этой области, она вносила свой вклад «мозгами» – английские ученые принимали участие в проекте. Согласно этому соглашению, Клаус Фукс выехал в США. Он работал сначала в Манхэттенском центре, затем в Лос-Аламосе, и, по некоторым оценкам, был одним из наиболее информированных участников проекта – и всем, что знал, честно делился с советской разведкой. Начальник ФБР Гувер впоследствии писал в своем секретном меморандуме по этому поводу: «... В июне 1945 года Клаус Фукс передал русскому агенту детальный доклад, который заранее

подготовил в Лос-Аламосе, имея доступ ко всем соответствующим документам и проверяя на месте правильность приводимых им расчетов и формул. Доклад содержал полное физико-математическое описание плутониевой бомбы, которую предполагалось испытать на полигоне «Тринити». Он передал русским также чертеж бомбы и ее отдельных компонентов и сообщил все наиболее важные ее параметры. Он сообщил также, что плутониевое ядерное устройство будет иметь цельнометаллический плутониевый заряд и дал техническое описание инициатора, включая мощность нейтронного компонента, тампера, алюминиевой оболочки и системы имплозивных «линз»... »⁶⁶

Это только один из докладов Клауса Фукса, а их за почти десять лет работы было много.

В 1946 году, после испытания атомной бомбы, Клаус Фукс вернулся в Великобританию, как и большинство английских ученых. Из сотрудничества двух стран ничего не получилось. 1 августа 1946 года был принят так называемый «Акт Макмагона», запрещавший администрации США всякое сотрудничество с другими странами в ядерной области. Америка, попросту говоря, обманула союзника, воспользовавшись английскими научными разработками и ничего не дав взамен. Тогда английское правительство приняло решение о создании собственной атомной бомбы, работы над которой начались в 1947 году. Фукс возглавлял теоретический отдел проекта, так как едва ли какой-нибудь другой человек в стране знал в этой области больше, чем он. Связь с советской разведкой в Англии возобновилась (но уже теперь с разведкой МГБ, что было более чем оправданно, так как

⁶⁶ Цит. по В.Кулишов. Конец атомному секрету. В сб. Профессия – разведчик. М., 1991г. Стр.144.

ведомство Берия курировало к тому времени атомную программу Советского Союза).

К тому времени как английские, так и американские спецслужбы уже знали о том, что имеет место утечка информации по атомному проекту, причем известно было, что в США она происходила из британской военной миссии. Английская контрразведка, проверив все досье, всерьез заинтересовалась Фуксом и начала его разработку. За ним тщательно следили, прослушивали телефонные разговоры, проверяли всю корреспонденцию – но тщетно. Подозрения подозрениями, однако никаких доказательств его сотрудничества с советской разведкой найти не удавалось. К тому времени Фукс был опытным агентом, встречался со связниками редко и в условиях строжайшей конспирации, а в остальное время следить за ним было бесполезно – его жизнь ничем не отличалась от жизни его коллег. Однако кое-что тщательное наблюдение дало – оно помогло контрразведчикам составить психологический портрет объекта разработки.

К тому времени ученый уже начал подумывать о том, чтобы уйти из атомного проекта. Его отец принял решение переехать в ГДР, что давало ему формальный повод сменить место работы. Однако дело было не в этом. Война закончилась, соотношение сил в мире изменилось, начиналась «холодная война». В новых обстоятельствах он уже не был так уверен в этической оправданности своих действий. Работая в проекте на благо Англии, одновременно он фактически работал против страны, ставшей его второй родиной, и такая двойная жизнь изматывала этого принципиального и совестливого человека. Сказывалась и психологическая усталость от многолетней работы в условиях повышенного риска – все это время Фукс был уверен, что в случае разоблачения ему грозит смертная казнь. Внутренний разлад,

депрессия – позднее он охарактеризовал свое тогдашнее состояние как «контролируемую шизофрению». Да, улик против него не было, но, тем не менее, он как никогда был близок к провалу. (Вот уж чего никогда не испытывала Урсула – так это идейного разлада!)

Этим его состоянием воспользовались опытные психологи из МИ5. После серии бесед, изощренными психологическими приемами они заставили Фукса признаться в работе на советскую разведку. Суд над ним состоялся 1 марта 1950 года. Приговор был неожиданно мягким: 14 лет тюрьмы. Оказалось (о чем не знал Фукс), что, в соответствии с английским уголовным законодательством, статья об «измене Родине» могла быть к нему применена, только если бы он передавал информацию враждебному государству во время войны, Если бы он работал до 1945 года на Германию, Италию или Японию – то, вполне вероятно, был бы казнен. А так он был осужден в соответствии с законом о защите государственных секретов по статье, максимальная мера наказания по которой составляла 14 лет, которые Фукс и получил.

Вот как вспоминает об этом моменте своей жизни сам Фукс, «... из всего судебного заседания я запомнил только ступеньки, которые вели к огороженной от всего зала скамье подсудимых. Когда я, не видя ничего вокруг себя, сел на нее, мой защитник, наклонившись ко мне, спросил: «Вы знаете, какое вас может ожидать максимальное наказание?» – «Да, – сказал я, – я знаю, это – смертная казнь». – «Нет, – сказал он, – максимальная мера наказания за это – 14 лет тюремного заключения». Самое странное, что я ничего в этот момент не почувствовал. Я был уверен, что меня ожидает смертная казнь, смирился и был готов к этому. В этом как раз и заключалась моя ошибка – настоящий разведчик должен был драться, бороться за жизнь до последнего. А затем я вдруг почувствовал то, что и должен

был почувствовать в моей ситуации смертник, которому неожиданно говорят: тебя не казнят, ты будешь жить... »⁶⁷

Тяжелое душевное состояние Фукса усугублялось еще и тем, что Советский Союз на официальном уровне отказался от него. 6 марта 1950 года ТАСС опубликовало заявление по поводу процесса над Фуксом: «... Выступивший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, что будто бы Фукс передавал атомные секреты «агентам советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения». Это не значит, что советская разведка бросала своих работавших за границей сотрудников и агентов. При малейшей опасности для их спасения делалось все возможное и невозможное. Но при одном условии. В то время в советской разведке существовало жестокое правило: признавшийся разведчик – предатель. По этой причине многолетнему забвению было предано имя Рихарда Зорге. По той же причине Советский Союз отказался и от Фукса. (Кстати, Фукс, что бы о нем ни говорили, признавая факт собственной работы на советскую разведку, назвал только одно имя, да и то под давлением неоспоримых улик, представленных ФБР – он опознал своего американского связника Раймонда – Гарри Голда).

Не так повела себя ГДР, в общем-то, послушный сателлит Советского Союза. Для немцев Клаус Фукс, кроме всего прочего, по-прежнему оставался немецким коммунистом. Вспоминает его вдова Грета Кельсон-Фукс: «В ЦК сразу же стали думать, как помочь, по крайней мере, как приободрить Клауса в тюрьме, дать ему понять, что в ГДР не забыли и ждут его. Я уже не говорю о том, что это был очень

⁶⁷ Там же. Стр.160.

деликатный вопрос, решить который необходимо было, не затрагивая интересы советских товарищей... »⁶⁸

В тюрьме Фукс просидел 9 лет. В июле 1959 года власти ГДР его обменяли, и он тут же вылетел в ГДР, обосновавшись в Дрездене. Там он встретил свою старую знакомую, еще по недолгому пребыванию в Париже в 1933 году – Грету. Вскоре они поженились и прожили вместе 28 лет – до самой смерти Клауса Фукса в 1988 году. В ГДР Фукс сразу же возглавил институт ядерных исследований в Россендорфе, показав себя не только ученым, но и прекрасным организатором науки. Коллеги вспоминают его как выдающегося ученого и как прекрасного человека, полностью чуждого всякого высокомерия, простого, доброжелательного и внимательного к людям. В общем-то, наверное, правы те, кто говорит, что, если бы не работа на советскую разведку, то Клаус Фукс мог бы достичь в жизни гораздо большего, войти в число самых крупных ученых двадцатого века, стать нобелевским лауреатом. Забывая при этом одно: если бы в 1949 году Советский Союз не заявил об испытаниях атомной бомбы, трудно сказать, каким бы сегодня был мир и существовали ли бы в нем нобелевские премии...

Первый связник Фукса, **Семена Кремера**, после возвращения в СССР служил в танковых войсках – тогдашний и. о. начальника ГРУ генерал Ильичев «подарил» его танкистам. Вот что сам Кремер рассказывает в письме одному из авторов этой книги: «В 1942 году тов. Ильичев на запрос командующего бронетанковыми войсками генерала Федоренко: «Кремер вам очень нужен?» – тут же, прямо при мне, ответил: «Нет, не нужен!» Тогда тов. Федоренко сказал: «Вышлите его личное дело мне». С тех пор я служил в танковых

⁶⁸ Там же. Стр.166.

войсках. Генерал Ильичев отказался от меня, потому что знал, что в те дни мною интересовались люди из ведомства проклятого Берии. А Федоренко тоже знал, что уже две ночи меня допрашивали следователи Берии». Ильичев, на совести которого было много репрессированных разведчиков, отказался от Кремера и тем, может быть, спас ему жизнь – служа в танковых войсках, тот стал Героем Советского Союза и дослужился до звания генерал-лейтенанта.

Кстати, вернувшись домой, Кремер дружил с Аптекарем, и даже умерли они одновременно. 1 ноября 1991 года он получил из Москвы телеграмму, что скоропостижно скончался Аптекарь. Прочитав эту телеграмму, он почувствовал себя плохо и на следующий день умер.

Берлин

С интересными людьми Урсула общалась и дома. Всех, конечно, перечислить невозможно. Остановимся на двоих, которые были связаны с разведкой и имели с Урсулой общих знакомых.

В двух кварталах от ее дома жила ее давняя и хорошая знакомая **Фрида Зибенэйхер**, муж которой, Эдуард Лепинлауск, был двоюродным братом бывшего руководителя советской военной разведки Яна Карловича Берзина. Она родилась в 1908 году в немецкой крестьянской семье в небольшой силезской деревне, которая после 1945 года осталась в Польше. Работать начала с детства, ей не было еще и 14 лет. Одно время она была домработницей у немецкого профессора в городе Герлице, затем уехала в Берлин, где начала работать в местной больнице младшей медсестрой.

Однажды ее пациентом оказался нарком иностранных дел Советской России Чичерин. Он занимал в больнице две палаты. В одной находился сам нарком, в другой – его личный секретарь и охранник, чекист Эдуард Лепинлауск. Латыш по национальности, он

свободно владел немецким языком. Родился Эдуард примерно в 80-х годах 19 века и был вдвое старше Фриды. Вскоре девушка вышла за него замуж, хотя ее родители возражали против этого брака. Сестры мужа также плохо к ней относились.

Фрида жила с мужем в Риге, потом в Москве. Долгое время они жили на квартире Берзина. Фрида занималась домашним хозяйством и воспитанием сына Берзина Андрюши, которому в то время было 8 лет (жена Яна Карловича с ним вместе не жила). Муж ее часто бывал в командировках за границей.

После возвращения Берзина из Испании его сначала отправили в санаторий на Кавказ, а после возвращения оттуда арестовали и расстреляли. Арестован был и муж Фриды – его постигла та же судьба. Она тоже подготовила чемодан с вещами и ждала ареста. Через несколько месяцев пришли и за ней. Один из сотрудников НКВД сказал ей: «Гражданка, вы прожили 8 лет в роскошных условиях с видным работником, теперь вам предстоит снова прожить 8 лет, но уже в тюремном заключении».

Она попала в лагерь № 26 в городе Акмолинске, в Казахстане. Поскольку Фрида была родом из деревни, ее направили на учебу на лагерные курсы. Вскоре она стала трактористкой и работала на сельхозработах, хоть и под охраной, но в степи. Да и паек там был несколько больше.

С началом войны ее, как медсестру, определили в психиатрическое отделение лагерной больницы. Через некоторое время перевели на угольные копи под Карагандой, где Фрида работала машинистом небольшого паровоза, который вывозил из шихты уголь. Это была тяжелая работа, зато у нее был усиленный паек и несколько лучшие, чем у других заключенных, бытовые условия.

Освободившись из заключения, она уехала в Москву, затем была реабилитирована, как и ее муж, и Берзин. В 1957 году Фриде предложили переехать в Берлин, и она согласилась. Здесь она познакомилась с Рут Вернер. Несмотря ни на что, Фрида осталась другом русских, работала в обществе германо-советской дружбы. Умерла она в мае 2000 года, несколько раньше Рут, и была похоронена на том же кладбище, где и она. Кстати, в Москве Фрида была знакома с Звонаревой, с которой поддерживала хорошие отношения и после выезда из СССР.

Еще один из немецких друзей Рут – **Роланд Фейкс**, доктор исторических наук, который тоже жил в Берлине, в Карлхорсте. Он родом из антифашистской немецкой семьи. Его отец погиб в концлагере Нойенгамме, старший брат пытался в начале войны перейти через линию фронта на сторону Красной Армии, но был расстрелян. Сам Роланд несколько позже перешел на нашу сторону вполне успешно.

Вскоре его прикомандировали к группе подполковника Натальи Звонаревой, которая занималась пропагандой, направленной против гитлеровцев. В его обязанности входило составление листовок с предложением немецким военным служащим сдаваться в плен, которые разбрасывались с наших самолетов на территории, занятой противником. Занимался он и агитацией через громкоговоритель – то самое, известное нам по фильмам: «Дойче зольдаты!» и т. д. Во время Белорусской операции несколько раз был заброшен в районы, где находились окруженные группировки немцев, и выводил их в расположение наших войск для сдачи в плен. С нашими войсками прошел по маршруту: Могилев, Холм, Данциг, Кенигсберг, Берлин. После окончания войны он несколько раз приезжал в СССР,

встречался со Звонаревой, которую называл «своим ангелом-хранителем». Через Звонареву он познакомился и с Рут Вернер.

К знакомым Урсулы берлинского периода можно отнести и одного из авторов

этой книги – разведчика, полковника в отставке **Виктора Бочкарева**. Он родился

в 1917 году. До армии работал котельщиком на машиностроительном заводе, в

литейном цехе, был строителем, матросом. В 1940 году, когда красноармеец

Бочкарев был откомандирован в военную разведку, он, в свои неполные 23

года, знал шесть языков: английский, немецкий, французский, румынский,

испанский и... эсперанто, знал радиodelo, имел опыт журналистской работы.

Занимался спортом: альпинизмом, велогонками, лыжами, плаванием.

Едва попав на службу в разведку, он, весной 1940 года, был направлен во

Львов, выполнять особое задание Центра. В 1941-м он – оперативный офицер

пограничного разведпункта в Каунасе. В начале войны служил в первом отделе

ГРУ, где подбирали сотрудников для заброски в немецкий тыл и готовили

разведгруппы. Потом – в спецгруппе ГРУ. А всего он прослужил в военной

разведка тридцать три года, побывал в тридцати странах. Служил оперативным

офицером в разведуправлениях и в Центре, был военным атташе. В 90-х годах

Бочкарев несколько раз приезжал в Берлин, бывал в гостях у Рут Вернер, с

которой впервые познакомился заочно еще тогда, когда та посылала из Англии

свои первые радиогаммы.

– Может сложиться впечатление, – говорит Виктор Бочкарев, – что Рут Вернер

была не очень везучей разведчицей, поскольку в конце каждой ее командировки

возникала ситуация, когда она была вынуждена прекращать работу, а в ряде

случаев выезжать из страны. Но это не так. Надо иметь в виду, что в Китае и

Манчжоу-Го она работала в то время, когда там шли военные действия,

обстановка была напряженной, а контрразведка работала особенно активно. Ее

командировка в Польшу проходила всего за пару лет до начала Второй мировой

войны, а в Данциге агенты гестапо работали не менее усердно, чем в

Германии. В Швейцарии она попала в очень сложную ситуацию из-за

предательства ее няньки Олло, а работа в Англии была осложнена такими

обстоятельствами, как арест ее первого мужа в Иране, предательство Аллана

Фута, бегство Гузенко и попытка бегства Радо. Ее выезд из Англии в ГДР был

ускорен арестом Клауса Фукса. Но, несмотря на все неблагоприятные

обстоятельства, ей удавалось без потерь выходить из самых сложных ситуаций,

не терять мужества и быть психологически готовой на новом месте продолжать

работу разведчицы.

Рут Вернер обладала очень важными для разведки качествами: острым умом,

превосходной зрительной и слуховой памятью, которая нисколько не ослабела с

возрастом. Она была способна запоминать наизусть множество секретных

сведений – пароли, явки, тайники, адреса, даты, фамилии и др., осваивать

иностранные языки, в том числе такие сложные, как китайский и русский.

По характеру это была энергичная, общительная, веселая и жизнерадостная

женщина, благожелательно настроенная к окружающим, но не навязчивая в

поведении и разговоре. Она была вынослива физически, непритязательна по

части еды и одежды, неприхотлива в быту. Занималась спортом, не курила,

очень ограниченно употребляла спиртные напитки и снотворные средства. В

сложных ситуациях всегда была оптимистично настроена, а в случае болезни

психологически настраивала себя на выздоровление, что не всем, как

известно, удается.

Рут Вернер обладала и некоторыми специфическими, ценными для разведчика

качествами: умением ориентироваться в сложной обстановке и принимать

самостоятельные решения. Она прекрасно держалась на допросах в полиции в

Швейцарии и Англии – спокойно, умея разгадать суть хитрого провокационного

вопроса и ответить на него, перевести разговор в другое русло, обратить его

в шутку. Острая и быстрая на язык, она всегда была готова, по ее собственному выражению, на «словесный удар» допрашиваемого сразу же, без

раздумий, ответить своим «словесным ударом» (по-немецки это состояние

звучит как «шлафертиг» – готовность к ответному удару, откуда бы он ни исходил).

И еще одно важное для разведчика качество было присуще Рут. Во время всех своих командировок она была все время в состоянии мобилизационной готовности. Она знала, что в любое время может нагрянуть полиция, начаться обыски и допросы, заранее готовила себя к тому, как вести себя во время ареста и в тюрьме. Но все это не носило навязчивого характера, не влияло на работу и на ее по натуре оптимистичный и жизнелюбивый характер.

Урсула до конца жизни оставалась активным и деятельным человеком. В беседе с немецким писателем Эберхардом Паницем она заявила, что у нее было две жизни. Первая жизнь – это работа в советской военной разведке, вторая – 50 лет ее литературной и общественной деятельности в Германии. Она не предавалась ностальгическим воспоминаниям о своем славном прошлом, но и не отказывалась от него. Когда Рут закончила работу в разведке, она поставила

себе целью дожить до 80 лет, а дожила до 93-х. Современная история не

знает других примеров, когда разведчица, работавшая в пяти командировках,

сумела при этом вырастить и воспитать троих детей и всю свою долгую и

напряженную жизнь оставалась счастливой и благодарной судьбе.

Основные даты биографии Урсула Кучински (Рут Вернер)

Родилась 15 мая 1907 г.

1924г. – начала работать учеником продавца. Вступила в КСМГ и в профсоюз служащих.

1927г. – вступила в КПГ.

1929г. – вышла замуж за архитектора Рудольфа Гамбургера.

июнь 1930г. – супруги Гамбургер приехали в Китай.

ноябрь 1930г. – знакомство с Рихардом Зорге.

Зима 1931г. – родился сын Миша.

Лето 1933г. – Урсула покидает Китай и отправляется на учебу в Москву.

Весна 1934г. – направлена на работу в Мукден (Манчжурия) вместе с Иоганном Патра.

1935 г. – отъезд из Китая. Начало командировки в Польшу.

Апрель 1936г. – рождение дочери Янины.

1938г. – отъезд из Польши.

Осень 1938г. – Урсула приезжает в Швейцарию.

Февраль 1940г. – выходит замуж за Леона Бертона.

Декабрь 1940г. — отъезд из Швейцарии в Англию.

1943г. — рождение сына Петера.

1950г. — возвращение из Англии в ГДР.

1957г. — выход в свет первой книги Рут Вернер.

Урсула Кучински умерла 11 июля 2000 года в возрасте 93 лет.

Приложение № 1

Не так давно были обнародованы интересные документы из архива ГРУ, касающиеся друга и учителя Урсулы Кучински Рихарда Зорге. Они написаны людьми, которые близко знали как самого Зорге, так и Урсулу. Думаем, они будут небезынтересны нашим читателям.

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЗИДЕНТУРЫ «РАМЗАЯ»

М.И.Сироткин

Раздел III. ПЛАН ОРГАНИЗАЦИИ ТОКИЙСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

А. Организационный план 1933 года

План организации резидентуры в Токио (1933 г.), определяющий цели создания и общие задачи резидентуры, излагающий предварительную схему ее организации и перечень намечаемых мероприятий, не был зафиксирован каким-либо специальным документом.

Лишь сопоставление отдельных архивных документов — заметок, оргписем, резолюций и т.п. — дает возможность воссоздать в общих чертах картину предварительного планирования и последующего развития схемы организации резидентуры и проследить практическую реализацию намеченных мероприятий. Было ли со стороны Центра ошибкой решение послать резидентом в Токио все же именно «Рамзая» — после того, как он всего лишь год назад был отозван из соседней с Японией страны под угрозой расшифровки?

Ответ на этот вопрос и уяснение мотивировки решения Центра имеет существенное значение.

На протяжении последних 5 лет существования резидентуры в аппарате Центра неоднократно составлялись «справки-доклады» на резидентуру «Рамзая». В каждой из этих справок, в качестве исходной основы для сомнений в полноценности резидентуры, неизменно фигурирует перечень шанхайских «грехов» «Рамзая», и если не высказывается прямо, то явно сквозит осуждение руководства Центра, «легкомысленно» направившего «Рамзая» в 1933 году в Токио после его ошибок и промахов в Шанхае.

Какие же соображения могли обосновать решение Центра в выборе кандидатуры «Рамзая»?

В пользу «Рамзая» говорило:

ряд его личных качеств, отвечающих требованиям и условиям предстоящей работы: энергичность, решительность, «пронируемость», умение приобретать

широкие связи; известная склонность к авантюризму — в положительном смысле этого слова, т. е. «любовь к приключениям»; хорошая профессиональная подготовка как журналиста; свободное владение немецким и английским языками; наличие 5-летнего опыта зарубежной работы по линии Коминтерна; 3-летний опыт нелегальной разведывательной работы в Шанхае.

Его личные политические доклады и обзоры показывали, что он довольно успешно изучает и осваивает проблемы Дальнего Востока, умеет правильно анализировать военно-политическую обстановку и давать обоснованные, грамотные выводы.

Личные недостатки, ошибки и промахи в методах и направлении агентурной деятельности «Рамзая» не являлись решающим препятствием к дальнейшему использованию его в Японии: они требовали лишь твердого и четкого инструктирования и руководства, систематического наблюдения и контроля со стороны Центра в процессе будущей деятельности «Рамзая».

Сомнительными моментами, требовавшими особого внимания и создававшими определенный риск для дальнейшей работы «Рамзая» в Токио, являлись:

- 1) угроза со стороны Берлина: возможность того, что берлинские полицейские органы заинтересуются личностью Зорге после того, как в газетах начнут появляться корреспонденции из Японии и статьи за его подписью. Полицейская картотека может дать справки о прежней деятельности «Рамзая» в Европе по линии Коминтерна;
- 2) возможность того, что «Рамзай», в результате своих шанхайских ошибок, взят на учет японской контрразведкой и сразу же будет находиться под наблюдением;
- 3) угроза из Шанхая — по линии связи между немецкими колониями: возможность передачи информации о «неблаговидной» советско-коммунистической деятельности «Рамзая» в Шанхае.

Нет сомнения, что руководство Центра, планируя организацию токийской резидентуры и намечая кандидатуру «Рамзая», учитывало все эти сомнительные моменты и взвешивало тот риск, который они могут создать для успеха предприятия.

Соответствующий стиль и политическая окраска помещаемых в газетах статей должны были помочь этой цели и нейтрализовать внимание берлинской полиции. Позиция немецкого журналиста-фашиста, работа под германской крышей вместе с тем в какой-то мере путали карты японской контрразведки, если даже она взяла «Рамзая» на учет в Шанхае.

Наблюдение за любым иностранцем в Японии было делом совершенно неизбежным. Легализационной задачей «Рамзая» было лишь всем своим поведением демонстрировать приверженность идеалам фашистской Германии, родственным по духу идеалам определенных агрессивных кругов Японии.

Опасения справок берлинской полиции и японской контрразведки следовало оценивать все же с точки зрения лишь известной вероятности.

Наиболее реальную и почти неизбежную угрозу представляла возможность поступления информации о шанхайской деятельности «Рамзая» по линии связей между шанхайской и токийской колониями немцев. Эта опасность была наиболее реальной, если учесть близкое соседство и регулярные связи между Токио и Шанхаем.

К сожалению, в освещении плана организации резидентуры для нас остается весьма существенный пробел, который играет важную роль — как в оценке решения Центра и оргплана в целом, так и в последующей оценке деятельности «Рамзая» и анализе его взаимоотношений с германским посольством.

Этот пробел заключается в следующем:

нигде, ни в одном документе не зафиксировано, какие установки и указания получил «Рамзай» при инструктировании и обсуждении плана работы — по вопросу о парировании «Шанхайской угрозы», какая была разработана легенда для объяснения прежней деятельности «Рамзая» в Шанхае — на случай, если токийские немцы получают какие-то сообщения из Шанхая. Трудно допустить, чтобы этот вопрос, определявший основной риск использования «Рамзая» в Японии, остался вне поля зрения «Рамзая» и руководства Центра. Если даже допустить, что в силу какой-то небрежности этот вопрос не обсуждался, то трудно поверить, чтобы сам «Рамзай», многократно напоминавший Центру об «угрозе из Шанхая», не продумал заранее для себя легенды и тактики поведения на случай, если из Шанхая в Токио «долетят кое-какие брызги грязи».

«Рамзай» уже имел позади 7-летний опыт зарубежной нелегальной работы, обладал достаточной предприимчивостью, находчивостью и изворотливостью. Маловероятно, чтобы он, напоминая несколько раз Центру о «тяжелой опасности, грозящей ему из Шанхая», лично сам оставался в роли безучастной жертвы, пассивно ожидающей неизбежного удара.

Возможно, что он окончательно конкретизировал план своего поведения и легенду лишь после приобретения связей в посольстве, учтя реальную обстановку и характер своих взаимоотношений с сотрудниками посольства.

Основными лицами, которым предстояло составить основное ядро резидентуры, являлись:

1) «Жиголо» (Бранко Вукелич) <...> намеченный на первое время в качестве связующего центра для прибывающих сотрудников резидентуры.

По национальности серб, натурализовавшийся во Франции. Родился в 1904 году в Сербии. Окончил университет в Загребе, по специальности искусствоведение. В 1924 году в Загребе подвергался аресту как член группы студентов-марксистов. В 1925 году принимал участие в движении за независимость Хорватии. 1926 году уехал во Францию и поступил на юридический факультет Парижского университета. 1932 году вступил во французскую компартию. В марте 1932 года привлечен вербовщиком «Ольгой» к работе на идейно-политической основе. В феврале 1933 года, выполняя указания Центра, получил корреспондентские поручения от французского иллюстрированного журнала «Обозрение» («La Vue») и югославской газеты «Политика» и прибыл в Японию с женой («Эдит») и сыном. «Рамзай», установив в конце 1933 года связь с «Жиголо», в письме Центру от 07.01.34 г. дал «Жиголо» следующую начальную характеристику:

«Жиголо», к сожалению, очень большая загвоздка. Он очень мягкий, слабосильный, интеллигентный, без какого-либо твердого стержня. Его единственное значение состоит в том, что мы его квартиру, которую мы ему достали, начинаем использовать как мастерскую.

Так что он в будущем может быть для нас полезен лишь как хозяин резервной мастерской».

2) «Отто» (Одзак Ходзуми) — японец, видный журналист-литератор, крупный специалист по вопросам Китая. По политическим убеждениям сочувствующий идеям марксизма.

С 1930 по 1932 г. использовался «Рамзаем» в Шанхае в качестве информатора. В 1932 году возвратился из Шанхая в Японию и в 1933 году проживал и работал в г. Осака — в иностранном отделе редакции газеты «Осака Асахи» и в институте социальных проблем «Охара».

3) «Джо» (Мияги Йотоку) — японец, по профессии художник. Родился в Японии в

1903 году. В 1919 году уехал в США (в Калифорнию). В 1925 году окончил художественную школу в Сан-Диего.

В 1926-1933 гг. в компании с другими японцами содержал ресторан в Лос-Анджелесе. В 1926 г. совместно со своими друзьями-японцами организовал группу по обсуждению социальных проблем (общество «Пробуждение» — «Реймейкай»). В 1929 году вступил в организацию коммунистического фронта — Общество пролетарского искусства. В 1931 году вступил в Компартию Америки. Предполагалось, что «Рамзай», выехав из Москвы 15 мая 1933 года, в течение 1,5 месяцев осуществит в Европе все предварительные мероприятия, необходимые для обеспечения его легализации в Японии в качестве немца журналиста, корреспондента европейских газет.

Раздел IV. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЗИДЕНТУРЫ

Практическое осуществление начального плана Центра по организации и упрочению резидентуры потребовало значительного времени (порядка 2-х лет), причем условия реальной обстановки на месте внесли ряд существенных изменений и дополнений в первоначальные наброски Центра.

В истории организации резидентуры различаются два периода:

1-й период (1933-1936 гг.) — можно характеризовать как период подготовительной организационной деятельности, обоснования резидентуры на месте и приобретения основных связей для последующего развертывания работы.

<...>

2-й период (1936-1941 гг.) — период развернутой деятельности резидентуры.

После вызова в Москву (июль-август 1935 г.) для личного доклада и инструктирования «Рамзай» возвращается в Японию, снабженный конкретным планом дальнейшего развертывания работы.

Взамен отозванного «Бернгарда» в резидентуру направляется радист «Макс» («Фриц»), работавший ранее в шанхайской резидентуре «Рамзая». «Фриц» налаживает регулярную радиосвязь с Владивостоком и, успешно легализуясь, создает прочную коммерческую крышу.

<...>

К середине 1936 года он уже приобретает положение видного журналиста, состоя корреспондентом следующих газет и журналов:

- 1) «Амстердаме Альгемейне Гандельсблатт» (голл.);
- 2) «Гамбургер Фремден Блатт» (нем.);
- 3) «Франкфуртер Цейтунг» (нем.);
- 4) «Геополитик» (нем.);
- 5) «Дер Дейтше Фольксвирт» (нем.).

Крепнут и углубляются его связи с германским посольством.

<...>

Германский ВАТ Отт, уезжая летом 1936 года в отпуск в Германию, предлагает «Рамзаю» включить его в штат посольства в качестве «вольноработного сотрудника» — для работы в роли «помощника Отта по линии промышленно-экономического изучения страны».

«Рамзай», опасаясь официального согласования своей кандидатуры в Берлине, воздерживается от окончательного ответа на это предложение, ссылаясь на свою занятость корреспондентской работой.

Представитель Центра в Шанхае — «Алекс» так характеризовал положение «Рамзая» в 1936 году:

«В колонии «Рамзай» завоевывает все больший авторитет как крупный отечественный журналист. Он теперь является представителем не только одной маленькой газеты, с которой он начал, но, как Вам может быть известно, корреспондентом одной из крупнейших тамошних газет и ведущего толстого экономического журнала. Его отношения с другими сотрудниками посольства также хороши, и те из них, которые были натянуты, теперь улучшились». В письме от 14.05.37 г. «Рамзай» сообщает, что он «стал известным журналистом» и является «заместителем руководителя одного важного бюро» (Германское информационное бюро в Токио).

В 1939 году (1940?) «Рамзай» назначается на должность корреспондента и пресс-атташе германского посольства, т.е. становится его постоянным штатным сотрудником.

<...>

В чем причина и основа успеха легализации «Рамзая», какие условия обеспечили ему возможность приобрести особое доверие со стороны германских «друзей» и войти в посольство в качестве штатного сотрудника? Попытка найти ответ на эти вопросы будет сделана ниже, при анализе связей и деятельности «Рамзая» в германском посольстве.

Здесь же можно ограничиться лишь следующими замечаниями:

1. «Рамзай», руководствуясь конкретной и ясной установкой Центра относительно характера его взаимоотношений с посольством («войти в полное доверие сотрудников германского посольства», «считать наиболее эффективным установление служебного или полуслужебного сотрудничества в посольстве»), мог завоевать такое доверие, лишь оказывая эффективные услуги посольству, — в первую очередь военному атташе — разведчику Отту. Как это будет подробнее изложено ниже, эти услуги заключались в снабжении Отта разного рода полуофициальными и неофициальными информацией по экономике, внутривнутриполитическому положению и военно-политическим мероприятиям Японии. Это явилось основным, важнейшим фактором, который помог «Рамзаю» сделаться «своим человеком» в германском посольстве.

2. Назначение «Рамзая» на штатную должность в посольство и на пост заместителя главы Германского информационного бюро позволяет сделать вывод, что немцы считали «Рамзая» достаточно проверенным и не располагали какими-либо материалами, компрометирующими «Рамзая».

Если предположить, что посольство имело какие-то сведения о прежней или настоящей работе «Рамзая» на советскую разведку, то можно еще допустить, что военный атташе Отт все же пошел бы на использование его как информатора-двойника для получения сведений по Японии, но невозможно считать вероятным, чтобы немцы, зная или подозревая «Рамзая» как советского разведчика, могли назначить его на штатную должность в посольстве и на ответственный пост заместителя руководителя Германского информационного бюро.

«Фриц» (Макс Клаузен)

«Фриц», направленный к «Рамзаю» в качестве радиста взамен отозванного «Бернгарда», был старый знакомым «Рамзая». С 1929 по 1931 год «Фриц» (под именем «Макс») работал радистом в шанхайской резидентуре «Рамзая», а с конца 1931 года до июля 1933 года был самостоятельным резидентом в Мукдене. В 1933 году он вместе с женой «Анной» был отозван в Москву, несколько месяцев работал инструктором в радиошколе Центра, а затем был отчислен и вместе с

«Анной» отправлен на поселение в Республику немцев Поволжья.

До 1935 года «Фриц» работал там механиком Краснокутской МТС. «Фриц» в своем отчете от 1946 года, упоминая о своем временном увольнении, связывает его с неприязненным отношением к нему со стороны одного из руководящих работников Центра в результате каких-то недостатков или упущений «Фрица» во время работы в Мукдене:

«...так как, видимо, мое имя не пользовалось хорошей репутацией из-за Мукдена, тов. Давыдов недолго любил меня... В результате этого, для меня и моей жены не было больше места в нашей семье, и мы были отправлены в Республику немцев Поволжья».

В действительности причина, вызвавшая отчисление «Фрица» из состава РУ, была несколько иная: руководство Центра сочло невозможным использовать в дальнейшем «Фрица» на нелегальной работе, так как он, будучи в Шанхае, женился на белоэмигрантке Анне Раутман.

В 1935 году новый начальник РУ пересмотрел вопрос об увольнении «Фрица», расценив его отчисление как показатель «отсутствия достаточной заботливости к старым кадрам со стороны Р.У.»

Весной 1935 года «Фриц» вместе с «Анной» был вызван обратно в Москву, вновь привлечен к работе и направлен в токийскую резидентуру «Рамзая».

<...>

«Анна» (Анна Раутман-Валенниус-Клаузен — жена «Фрица»).

«Анна», находившаяся с 1933 года также в Республике немцев Поволжья, в 1935 году была вместе с «Фрицем» вызвана в Москву. После отъезда «Фрица» «Анна» оставалась в Москве, ожидая известия о благополучном прибытии «Фрица» на место.

После получения этого извещения, 2 марта 1936 года «Анна» была отправлена в Шанхай, откуда в дальнейшем «Фриц» должен был перевезти ее к себе в Японию.

<...>

Поскольку «Анна» до брака с «Фрицем» носила фамилию первого мужа-финна Валениус, при оформлении брака она была зарегистрирована как финка и в дальнейшем превратилась в немецкую гражданку — финку по происхождению. По прибытии в Токио «Анна» была введена «Фрицем» в местную немецкую колонию, завела знакомство с немецкими женщинами и стала принимать участие в жизни немецкой колонии, как к тому ее обязывало положение жены добропорядочного немецкого коммерсанта.

Свою легализацию в Токио и положение в немецкой колонии «Анна» характеризует так:

«Не чуждаясь немецкого общества внешне, мы стали его членами. Я завела знакомства с немецкими женщинами. Они часто устраивали различные благотворительные мероприятия в пользу немецких солдат. Я вынуждена была принимать в этом участие, и это дало очень много для упрочения нашей легализации. Меня принимали за постоянную немку. Как-то председательница немецкого женского общества фрау Эгер спросила меня, почему я не имею детей, и посоветовала обзавестись ими, так как «нашей стране» нужны дети, они будут иметь счастливое будущее. Это подтвердило лишний раз, что они считали меня своей. У японцев я была зарегистрирована как немецкая гражданка-финка. Также была ориентирована и домашняя прислуга».

Легализацию «Анны» в качестве жены немецкого коммерсанта, немецкой гражданки, финки по происхождению, следует признать успешной и надежной.

Оформление брака «Фрица» и «Анны» сыграло положительную роль и в укреплении положения самого «Фрица», так как он затребовал из Германии и представил в консульство документы, свидетельствующие о «чисто-арийском происхождении его самого и всех его предков».

Работник аппарата Центра, уже не первый год непосредственно ведающий резидентурой «Рамзай», пишет на телеграмме, поступившей от резидента: «Тов. В. Ведь Фриц имел торговлю от американской фирмы. Зачем ему амы, торгуя с немцами? По-моему, денег давать не нужно. 29.12.40. П.» Эта резолюция убедительно показывает, что ответственные сотрудники Центра совершенно безответственно относились к серьезнейшему делу денежного снабжения резидентуры. Легализационные связи резидентуры, обеспечивающие маскировку денежного снабжения, не изучались, не учитывались и, по существу, оставались Центру неизвестными; при переводах денег фамилию получателя указывали, полагаясь лишь на свою память и фантазию, не затрудняя себя справкой в личном деле адресата.

Вплоть до 1945 года во всех справках о резидентуре, периодически составлявшихся подразделением аппарата Центра, непосредственно ведавшим резидентурой, в качестве легализационного предприятия «Фрица» фигурирует «мастерская по продаже велосипедов, смазочных масел и пр.» — предприятие, которое в действительности было лишь мелким, временным эпизодом легализационной деятельности «Фрица» в 1935-1936 гг.

Уже с осени 1937 года «Фриц» создал самостоятельное торгово-производственное предприятие по производству и продаже копировальных аппаратов. Материалы для этих аппаратов ему приходилось выписывать из Германии.

17.02.41 г. «Рамзаю» отправляется письмо следующего содержания:

«Дорогой Рамзай. Внимательно изучив Ваши материалы за 1940 год, считаю, что они не отвечают поставленным Вам задачам. <...>

Большая часть Ваших материалов несекретны и несвоевременны. Наиболее ценные сведения достаете лично Вы, а Ваши источники ценных материалов не дают. <...>

Требую активизировать Вашу работу, обеспечить меня оперативной информацией. <...>

Считаю необходимые сократить расходы по Вашей конторе до 2000 иен в месяц. Платите источникам только за ценные материалы, сдельно. Используйте доходы предприятия «Фрица» для дополнительного финансирования нашей работы. <...>.

В письме Центру от 26.03.41 г. он сообщал:

«...Когда мы получили Ваши указания о сокращении наших расходов наполовину, мы восприняли их как своего рода меру наказания. <...>

Если Вы настаиваете на сокращении нашего бюджета до 2000 иен, — писал Рамзай, — то Вы должны приказать мне уволить Джо и Жиголо, которые были присланы мне распоряжением Центра. Вы должны также приказать мне и Фрицу жить здесь на половинном жаловании. Если Вы настаиваете на сокращении наших расходов до 2000 иен, то вы должны быть готовы к разрушению того маленького аппарата, который мы создали. Если Вы не найдете возможным согласиться ни с одним из этих предложений, я вынужден буду просить Вас отозвать меня домой. Вы знаете, что я просил об этом уже несколько раз. Пробыв здесь 7 лет и став физически слабым, я считаю это единственным выходом из этих трудностей».

На основе архивных материалов не удастся документально установить истинную

причину, вызвавшую решение о сокращении сметы резидентуры.

<...>

Личная деятельность «Рамзая» как разведчика и руководителя резидентуры

а) Германское посольство как крыша и источник информации «Рамзая».

В истории резидентуры заслуживают особого внимания вопросы сотрудничества «Рамзая» с германским посольством в Токио, приобретение близких связей и прочного положения в посольстве в качестве полуофициального, а в последующем и <...>

Прежде чем говорить о развитии и углублении личных и служебных взаимоотношений «Рамзая» и Отта, следует остановиться подробнее на личной характеристике Отта, поскольку он являлся центральной фигурой, главным лицом, связь с которым обеспечила «Рамзаю» прочную позицию в посольстве.

б) Германский посол Эуген Отт.

Эуген Отт был представителем старых кадров германской разведывательной службы. Еще в период первой мировой войны (1914-1918 гг.) он был ближайшим помощником небезызвестного «полковника Николаи, возглавлявшего в то время всю систему германского шпионажа».

Надо полагать, что и в годы, непосредственно предшествовавшие приходу к власти Гитлера, Отт сохранял эту связь с Николаи, ведя под его руководством пока еще скрытную деятельность по воссозданию и развертыванию разведывательной службы германского рейхсвера.

«Рамзай» в письме Центру от 07.01.34 г., сообщая о своем знакомстве с подполковником Оттом, прикомандированным на полгода к японским войскам, называет его «правой рукой Шлейхера».

Этот эпитет, дающий известную политическую характеристику Отту, был, видимо, не случаен, а основывался на соответствующих сведениях, почерпнутых из общения «Рамзая» с супругами Отт.

Генерал Шлейхер, предшественник Гитлера на посту рейхсканцлера, 30 июня 1934 года по приказу Гитлера был убит — убран с дороги как опасная фигура, пользовавшаяся большим влиянием в антигитлеровских оппозиционных кругах офицерства рейхсвера.

Есть основания считать, что и Отт не относился к числу ярых приверженцев и последователей Гитлера, а скорее придерживался известных оппозиционных антигитлеровских взглядов, свойственных старому кадровому офицерству рейхсвера.

<...>

в) Сотрудничество «Рамзая» с Оттом. «Шанхайская угроза».

Назначенный по окончании стажировки военным атташе Эуген Отт оказался перед нелегкой задачей. Ему предстояло всесторонне изучить Японию как потенциального военного союзника: состояние японских вооруженных сил, мобилизационные возможности, военно-экономический потенциал страны, военно-политические группировки, истинный смысл их политических претензий и т.п.

Германия, не имевшая до этого особых интересов в Японии, не располагала там каким-либо более или менее развитым агентурным аппаратом. Рассчитывать на широкую готовность японских органов давать официальную, достоверную информацию не приходилось: Отт не мог не убедиться уже в недоверии и настороженности, скрывааемых под маской японской доброжелательной улыбки. Отту предстояло заново изыскивать и создавать иные возможности для

выполнения своих задач. В этих условиях старый знакомый жены — германский журналист Зорге явился для него ценной находкой. Зорге хорошо ориентировался в общеполитической обстановке на Дальнем Востоке, свободно разбирался в вопросах экономики, внешней и внутренней политики Японии, имел связи и знакомства в местных японских и иностранных журналистских и деловых кругах, умел добывать некоторые неофициальные сведения и злободневные слухи. Фрау Отт протезирует своему старому другу — доктору Рихарду Зорге и приглашает его на интернациональные вечера, устраиваемые военным атташе Оттом.

Отт охотно беседует с «Рамзаем», от которого нередко получает информации по интересующим его вопросам.

Постепенно «Рамзай» становится своим человеком в доме Отта. Отдельные информационные услуги со стороны «Рамзая» развиваются в более доверенное неофициальное сотрудничество: он уже не только снабжает отдельными информациями, но и помогает Отту составлять доклады и военно-политические обзоры для представления в Берлин. Иногда «Рамзай» даже помогает Отту шифровать донесения в Берлин <...> Отт знакомит Рамзая с получаемыми директивами и указаниями, а также с различными документами, поступающими в посольство от германских представительств в Китае и т.п.

По мере углубления этого полуофициального сотрудничества все более укрепляются личные отношения между «Рамзаем» и Оттом, переходя в близкую дружбу.

Близость к разведчику Отту, покровительство с его стороны являются достаточно высокой маркой, своего рода показателем для других сотрудников посольства.

Примеру Отта следует военно-морской атташе Венекер, а в дальнейшем — преемники Отта — военные атташе Шолль, Кречмер, с которыми также устанавливаются отношения неофициального сотрудничества.

С доверием к «Рамзаю» относится и сам посол Дирксен, которому, видимо, стало известно от Отта о ценных информациях и широкой осведомленности «Рамзая». Дирксен периодически принимает «Рамзая» для докладов, использует его информации в своих донесениях в Берлин.

<...>

Естественно поставить вопрос: как мог старый, матерый разведчик Отт так просто довериться «Рамзаю», не предприняв каких-либо мер к проверке «Рамзая» через соответствующие берлинские органы? Зная от своей жены, что «Рамзай» — бывший коммунист, не мог ли Отт подозревать в нем советского агента?

Во-первых, мы не знаем, делал ли или не делал Отт запрос берлинским органам относительно «Рамзая».

Может быть, такой запрос был послан, и в ответ получен такой же расплывчатый, неопределенный отзыв, какой получил Шелленберг в 1940 году, потребовав у гестапо досье на Зорге (см. ниже).

Во-вторых, надо думать, что на первых порах Отт видел в «Рамзае» не доверенное лицо, а лишь источник необходимых ему ценных информации по Японии.

Если даже у Отта возникали подозрения о работе «Рамзая» на советскую разведку, то могло ли это служить поводом к отказу от использования его информации по Японии? «Рамзай» доставлял ему ценные сведения, и, в конце концов, не все ли равно ему было, дает ли «Рамзай» эти сведения только ему или же работает еще на кого-то. Даже и в этом случае, используя «Рамзая», Отт едва ли мог бы считать это преступлением против принципов германской разведки.

Вскоре после знакомства с Оттом «Рамзай» значительно подкрепил свое

положение, вступив в нацистскую партию и став в местной фашистской организации инструктором пропаганды. Это бесспорно решительно укрепило его позиции.

Германский журналист Зорге — член нацистской партии, инструктор пропаганды местной фашистской организации — приобретал более прочный облик надежного, доверенного лица.

Если негласное использование Оттом «Рамзая» в качестве информатора относилось к области частных методов Отта и не требовало согласования с берлинскими властями, то назначение на должность пресс-атташе посольства требовало, вероятно, уже официальной санкции высших инстанций и сопровождалось соответствующей проверкой «Рамзая» через органы гестапо. Такая проверка действительно была произведена, но результаты ее не дали конкретных компрометирующих материалов в отношении «Рамзая».

Об этом мы имеем некоторые сведения от Шелленберга, который в своих мемуарах отводит специальную главу «Делу Рихарда Зорге».

Шелленберг говорит, что личность и деятельность Зорге привлекла внимание центральных органов германской разведки и контрразведки лишь в 1940 году в связи с запросом, поступившим от фон-Ритгена, главы Германского информационного бюро в Берлине.

Зорге, работавший в то время заместителем Германского информационного бюро в Токио, представлял свои доклады и обзоры Ритгену, который оценивал материалы Зорге весьма высоко.

По словам Шелленберга, Ритген в 1940 году обратился к нему с просьбой «проверить в соответствующих органах гестапо дела Зорге с целью определить, нельзя ли найти возможность оградить Зорге, как ценного и нужного информатора, от препятствий, которые ему чинит токийская организация нацистской партии в связи с его политическим прошлым» (Шелленберг, с.251).

Шелленберг затребовал и просмотрел дела Зорге, и картина, которую он раскрыл, «не выглядела слишком хорошей для Зорге», а именно:

«Если не было никаких доказательств, что Зорге был членом германской компартии, то не было сомнения в том, что он, по крайней мере, симпатизировал ей. Зорге, конечно, был в связи со множеством людей, которые известны нашей разведке как агенты Коминтерна, но он в то же время имел тесные связи с людьми из влиятельных кругов, и последние обычно защищали его от нежелательных слухов. В период между 1923 и 1928 годами Зорге был связан с немецкими националистами и крайними правыми кругами, и в то же время он держал связь с нац. социалистами. Таким образом, прошлое Зорге по тем делам, с которыми я познакомился, было довольно запутанным» (Шелленберг, с.251, 252).

Нетрудно видеть, что эта характеристика, которая, по мнению Шелленберга, «не выглядела слишком хорошей для Зорге», не содержала ни одного конкретного факта, а лишь общие рассуждения и предположения и с равным успехом могла быть отнесена как к Зорге, так и к тысячам других любых немецких граждан.

Указания на какие-то связи с немецкими националистами, крайними правыми и национал-социалистами вообще не соответствовали подлинным биографическим данным «Рамзая». Деятельность его в качестве инструктора Коминтерна в странах Скандинавии и в Англии (где он даже был слегка скомпрометирован), как видно, вообще не попала на учет гестапо. Не исключена возможность, что справочные данные на Зорге столь неопределенного, «запутанного» содержания были наскоро состряпаны чиновниками гестапо в ответ на запрос Шелленберга за отсутствием подлинных материалов, которые, возможно, еще не были вскрыты в обширных

архивах догитлеровской полиции.

Единственный конкретный факт, который упоминает Шелленберг и который он оценивает как «подозрительный», — это связь Зорге с советником Чан Кайши — Стиннесом — бывшим руководителем штурмовых отрядов, бежавшим из Германии в 1934 году.

Однако ссылка и на этот факт может вызвать лишь недоумение, так как, судя по всем материалам, которыми мы располагаем, «Рамзай» не имел никакой связи со Стиннесом. Если бы даже во время одной из поездок в Китай он и имел с ним случайную встречу, то это не имело никакого отношения к разведывательной деятельности «Рамзая».

Вывод, к которому следует придти: в 1940 году гестапо не располагало какими-либо конкретными материалами, компрометирующими Зорге, вскрывающими его связь с советской военной разведкой и прежнюю работу в Коминтерне.

В 1940 году, после проверки, проведенной Шелленбергом, берлинское руководство решило все же использовать Зорге как информатора, поручив негласное наблюдение за ним представителю гестапо в Токио.

«Фон-Ритген, — указывает Шелленберг, — наконец решил, что, если даже предположить о наличии связи у Зорге с русской секретной службой — мы должны, приняв необходимые меры предосторожности, найти путь к использованию его глубоких знаний.

В конце концов мы пришли к соглашению, что я должен буду защищать Зорге от нападков со стороны нацистской партии, но только при условии, что Зорге в своих докладах будет включать секретные сведения о Советском Союзе, Китае и Японии. Я сообщил этот план Гейдриху. Последний согласился, но добавил, что Зорге необходимо держать под строгим надзором и всю его информацию пропускать не через обычные каналы, а предварительно подвергать специальной проверке. Первое условие Гейдриха о надзоре практически выполнить было очень трудно, так как наши агенты в Японии были очень молоды и в большинстве совершенно неопытны.

Поскольку в то время (1940 г. — М.С.) полицейское представительство в Токио должен был возглавлять Мейзингер, я решил перед его отъездом поговорить с ним о Рихарде Зорге. Мейзингер обещал тщательно следить за Зорге и регулярно информировать вас по телефону. Все это он впоследствии делал, но обычно Мейзингер и Мюллер разговаривали по телефону с таким сильным баварским акцентом, что я ничего из их разговора понять не мог.

Насколько я припоминаю, отзывы Мейзингера о Зорге были в основном положительными. Он говорил, что Зорге был нужным лицом в германском посольстве, поскольку он имел тесный контакт с японским правительством» (Шелленберг, с.252, 253, 255, 256).

Ряд замечаний Шелленберга свидетельствует о том, что германское руководство высоко оценивало информации, получаемые от «Рамзая». Описывая попытки германской разведки разгадать истинные замыслы японского правительства летом 1940 года и оценивая донесения, полученные от одного из германских агентов, Шелленберг указывает: «Это донесение, наряду с донесением представителя Германского информбюро в Токио Зорге, Гейдриху предстояло обсудить на совещании с участием Гитлера, Гимmlера, Риббентропа, Кетеля и Иодля.

Материалы, которые присылал Зорге Ритгену, были очень полезными и по своему содержанию не могли вводить в заблуждение» (Шелленберг, с.256, 404).

Шелленберг не упоминает ни одного случая, когда Зорге прислал бы какую-либо информацию по Советскому Союзу. Предъявленное «Рамзаю» требование:

«включать в его доклады секретные сведения о Советском Союзе» — носило по существу формальный характер и выглядело довольно странно. «Рамзай» в течение семи лет работал в Японии, имел связи в японских правительственных кругах, и было, по меньшей мере, нелогично ожидать от него секретных информации по Советскому Союзу. Следует остановиться на замечании Шелленберга по поводу каких-то препятствий, которые чинила токийская «организация нацистской партии» в связи с его политическим прошлым. Сам «Рамзай» никогда не писал Центру о каких-либо трениях или недоразумениях с местными нацистами.

«Алекс» в письме Центру от 29.11.36 г. сообщал:

«Рамзай как-то намекнул Густаву, что один немец, являющийся агентом гестапо, ему не нравится, вернее, ему не нравится отношение этого человека к нему».

О некоторых сотрудниках посольства, настроенных враждебно по отношению к «Рамзаю», рассказывал «Фриц» в своем докладе от 1936 г.:

«В посольстве были люди, которые не любили Рамзая и завидовали его тесной дружбе с Оттом. Это были слепые приверженцы Гитлера: граф Дюркхейм, Шмидт, Шульце и др.».

<...>

Не исключена возможность, что кое-какие слухи о прежней деятельности и леворадикальных связях «Рамзая» в Шанхае дошли до Токио по линии связи между токийскими и шанхайскими нацистами. Да и сам «Рамзай», вступая в местную организацию нацистов, вероятно, должен был в каком-то виде преподнести свою автобиографию и характеризовать свою прежнюю политическую принадлежность. Помимо того, при близком дружеском общении с Оттом, Венекером, Шоллем и др. неизбежно должны были возникать иногда разговоры о прежней жизни и деятельности «Рамзая». При этом «Рамзай» мог быть уверен, что сведения о его шанхайской деятельности без сомнения рано или поздно дойдут до посольства: германские представители из Шанхая нередко бывали в Токио, а сотрудники посольства выезжали в Китай и посещали шанхайские представительства.

Скрывать свою прежнюю работу в Шанхае, отрицать связи с леворадикальными элементами, близость с Агнессой Смедли, сотрудничество в коммунистической газете «Чайна Форум» — перед лицом живых свидетелей — было бы неразумно, так как это вызвало бы лишь недоверие и подозрения. Следовательно, нужно было, не отрицая своей прежней шанхайской деятельности, прикрыть ее какой-то легендой, позволяющей увязать теперешние политические взгляды (нацистские) и сотрудничество в посольстве фашистской Германии с леводемократической окраской деятельности шанхайского периода.

К сожалению, как уже указывалось, ни в архивных документах резидентуры, ни в дополнительных материалах, полученных после провала, нет никаких указаний на то, как именно разрешил «Рамзай» эту деликатную проблему.

Все, что мы можем, это лишь в порядке предположения рассмотреть наиболее вероятные варианты его решения, исходя из реальной обстановки того времени (1933-1934 гг.).

В 1933 году германское посольство в Токио состояло в основном из старых кадров догитлеровских дипломатических работников. Аппарат посольства, да и вся немецкая колония, были сравнительно невелики. Соответственно и местная нацистская группа не была еще многочисленна и организована, гестапо еще не было создано, а следовательно, и при посольстве еще не было его представителя. «Рамзай», прибыв из Германии, где только что пришли к власти фашисты,

приобретая знакомства в немецкой колонии, конечно, не обошел и местных нацистов и, надо думать, в разговорах с ними рассказывал о положении в Германии, демонстрировал свое одобрение и сочувствие новому режиму. Это был первый подход к поставленной цели — приобретению прочной легализации. Сближение с Оттом, неофициальные информационные услуги ему, Венекеру, Дирксену обеспечили «Рамзаю» положительную характеристику со стороны посольства, отзыв о его полезной и квалифицированной информационной деятельности.

В докладе Центру от 07.35 г. «Рамзай» сообщал:

«Когда я понял, что не смогу себя обеспечить, оставаясь вне фашистской организации, я добился того, что через посольство был введен в местную организацию нацистов».

<...>

Выражение «введен через посольство», очевидно, надо понимать так, что заявление «Рамзая» о приеме в партию было подкреплено соответствующими отзывами Дирксена и Отта.

Как же обстояло дело с опасениями относительно «слухов из Шанхая»? Вероятнее всего, «Рамзай» не обходил вопрос о своей шанхайской деятельности ни при вступлении в партию, ни в беседах с «друзьями». Он мог рассказывать о своей журналистской работе и прежних связях в Шанхае, но во-первых — изображать все свои леворадикальные связи как своего рода вынужденный прием журналиста, ищущего доступа к интересующим его объектам освещения, во-вторых — прямо заявить об изменении своих прежних «ошибочных» политических взглядов и суждений и утверждении в фашистском мировоззрении. Это тоже не выглядело бы особо натянуто и невероятно, если учесть, что в этот период волна фашистской демагогии захлестнула широкие массы населения Германии, и в фашистскую партию, наряду с мелкой и средней буржуазией и интеллигенцией, нередко вступали даже довольно значительные группы одураченных рабочих.

«Рамзай» был принят в нацистскую партию и даже вскоре был назначен «инструктором пропаганды» (Schulungsleiter), а его политическое прошлое было принято к сведению и взято на заметку.

В дальнейшем, с развитием германо-японских отношений, аппарат германского посольства сильно расширился и, конечно, был укреплен теми «слепыми приверженцами Гитлера», о которых упоминал в своем докладе «Фриц». Атмосфера соперничества, взаимного подсиживания, борьба за место и влияние — весьма характерные для нацистской партии вообще — бесспорно нашли себе место и в разросшейся токийской организации нацистов.

Близость «Рамзая» к послу Отту, доверие, оказываемое ему ответственными сотрудниками посольства, известное влияние, которое он на них имел, не могли не вызывать зависть и недоброжелательство со стороны некоторых особо рьяных нацистов — сотрудников посольства.

Вполне возможно, что, узнав от местного нацистского руководства кое-какие сведения о «политическом прошлом» «Рамзая», они пытались использовать эти сведения против него.

Именно этим, вероятно, и было вызвано обращение «Рамзая» в 1940 году к фон-Ритгену и ходатайство последнего за «Рамзая» перед Шелленбергом.

Этим, по существу, исчерпываются наши возможности исследования вопроса о парировании «шанхайской угрозы», которой так опасался «Рамзай», отправляясь в Токио в 1933 году.

г) «Рамзай» — немецкий журналист-нацист. Образ жизни, поведение в быту,

отношения с коллегами, знакомыми, друзьями

«В физическом отношении Зорге был крупный человек, высокий и коренастый, с каштановыми волосами. Как заметил один из его знакомых японцев, с первого взгляда на его лицо можно было сказать, что он прожил бурную и трудную жизнь. В выражении глаз и линии рта сквозили надменность и жестокость. Он был горд и властен, сильно любил и горячо восхищался теми, чьей дружбы он искал, но был безжалостен к остальным и откровенно ненавидим ими. Многие его японские коллеги по печати видели в нем типичного головореза, высокомерного нациста и избегали его. Он был горячий человек, любивший сильно выпить и привыкший часто менять своих любовниц. Известно, что за годы службы в Токио он находился в интимных отношениях примерно с 30-тью женщинами... И все же, несмотря на увлечение женщинами, запойное пьянство и тяжелый характер, он ни разу не выдал себя» (Меморандум).

<...>

Эта довольно образная и меткая характеристика «Рамзая», которую дает Уиллоуби по отзывам и рассказам лиц, близко знавших Зорге, интересна для нас прежде всего как свидетельство того, что «Рамзай» сумел полностью вжиться в образ своего «второго я», надежно прикрывшись обликом высокомерного головореза-нациста.

Вместе с тем, говоря о серьезной и весьма щекотливой проблеме — деятельности советского разведчика под маской фашиста, уместно поставить вопрос: не выходил ли «Рамзай» за пределы необходимого, не преступал ли он допустимых границ и норм поведения советского разведчика-коммуниста, усиленно демонстрируя некоторые отрицательные в моральном смысле черты, свойственные нацистскому головорезу?

Речь идет, в частности, о пьянстве и беспорядочных связях с женщинами. Кроме замечания Уиллоуби, у нас нет иных, более конкретных указаний на запойное пьянство «Рамзая». Однако склонность к злоупотреблению спиртными напитками бесспорно была одной из слабостей «Рамзая», проявившейся в первые же месяцы его работы еще в Шанхае, где случалось, что в пьяном виде он ввязывался в драки и скандалы в барах и ресторанах. <...>

Образ жизни «Рамзая», вся система его взаимоотношений со знакомыми, коллегами, друзьями, несдержанность, высокомерие и т.п. позволяли безошибочно причислить его к разряду разнузданных представителей «высшей расы», для которых не существует обветшалых границ морали и нравственности. В этом смысле «Рамзай» добился большой удачи, надежно обеспечив себе соответствующую репутацию, вводившую в заблуждение и гестапо, и японскую контрразведку.

д) Германское посольство как основной объект личной разведывательной деятельности «Рамзая».

Особенностью деятельности «Рамзая» как резидента являлось то, что он не только объединял и направлял работу своей агентуры, но и лично сам вел непосредственную активную разведку по Германии, используя приобретенное им положение доверенного лица германского посольства.

Как уже указывалось, исходной основой для этого явилось сближение с германским военным атташе, впоследствии послом, Оттом и установление с ним неофициального сотрудничества в области сбора информации по Японии.

Примеру Отта в дальнейшем следовали другие ответственные сотрудники посольства: военные атташе Шолль, Кречмер, моратташе Венекер, Литцман и др.

<...>

Практически «Рамзай» приобрел возможность:

- 1) обмениваться мнениями с ответственными сотрудниками посольства и знакомиться с их докладами в Берлин по конфиденциальным вопросам германо-японских отношений и вопросам политики Германии в Европе и на Дальнем Востоке;
- 2) знакомиться с рядом документов, поступающих в посольство от периферийных германских органов — консульств, представительств, миссий и т.п., а также с различными директивами, указаниями и распоряжениями берлинских правительственных органов;
- 3) фотографировать документальные материалы, получаемые для ознакомления на дом, а в некоторых случаях фотографировать документы непосредственно на месте, в посольстве.

Такого рода возможности «Рамзаю» удалось приобрести уже в 1935 году, то есть не более чем через полтора-два года по прибытии в Японию.

В октябре 1936 года шанхайский резидент «Алекс» после встречи с «Рамзаем» сообщал Центру об условиях и методах его деятельности в германском посольстве: ««Рамзай» дает Отту информации главным образом по экономике Японии, пишет ему на эти темы доклады. Время от времени передает ему также сведения военного и военно-политического характера. Отт целиком использует доклады «Рамзая» для своих докладов в Берлин. Дирксен также относится к «Рамзаю» с доверием и принимает его для докладов, используя неоднократно информации «Рамзая» для своих докладов в Берлин. Отт, получив какие-либо интересные материалы или собираясь писать, приглашает «Рамзая» и знакомит его с материалами. Менее важные передает «Рамзаю» на дом для ознакомления, более важные, секретные — «Рамзай» читает у него в кабинете. Бывает, что Отт, дав материал, уходит из кабинета по делам или с очередным докладом к послу. «Рамзай» выявил расписание этих докладов (продолжающихся 20-40 минут) и, пользуясь этим, приходит к Отту минут за 15 до доклада — с тем, чтобы задержаться с материалами на время его отсутствия. За это время он имеет возможность сфотографировать материалы».

Особенно массовое фотографирование немецких документов «Рамзай» практиковал в 1936-1938 гг., когда штат германского посольства не был многочисленным, помещения посольства не были переполнены сотрудниками и не была еще организована жесткая охрана и контроль за хранением и выдачей документов. В этот период нередко с очередной почтой «Рамзай» присылал по несколько сот кадров заснятых на пленку документов. В числе этих документов (часть которых получала высокую оценку) были: экономические и политические обзоры и доклады германских консульств и посольства в Китае, доклады в Берлин военного атташе, политические доклады посла Дирксена и т.п.

Однако начиная примерно с 1938 года, обстановка в стенах германского посольства начала изменяться, делаясь все более неблагоприятной для деятельности «Рамзая». По мере расширения японо-германских связей после заключения договора кадры германских представительств стали сильно разрастаться. В посольстве появляется много новых лиц, помещения посольств заполняются многочисленными новыми сотрудниками, организуется специальный аппарат охраны, условия для подробного изучения, выноса и фотографирования документов становятся все более неблагоприятными.

Характеризуя возросшие трудности разведывательной деятельности в посольстве, «Рамзай» в июне 1939 года писал Центру:

«При современных условиях переполненности помещений посольства и

усиленной охраны возможность взять что-либо с собой из помещений аппарата посольства или ВАТ-а почти совершенно исключается. В теперешней обстановке даже лучший мой друг не решился бы выдать из аппарата посольства даже простого клочка бумаги. Есть опасение, что вся новая техника, которую я здесь развернул, а именно: обработка материала на месте — стоит под угрозой в связи с чрезвычайным недостатком места».

«Рамзай» продолжает сохранять положение доверенного лица, поддерживает деловую связь с ответственными сотрудниками посольства и даже сам, по представлению посла Отта, зачисляется в штат посольства как пресс-атташе. Но прежние условия для свободного выноса материалов и фотографирования на дому или непосредственно в посольстве уже не восстанавливаются. Возможности «Рамзая» по сбору информации путем ознакомления с документами и личного общения с работниками посольства не только не уменьшаются, но в известном отношении даже возрастают (как пресс-атташе «Рамзай» является зам. нач. Германского информационного бюро), исключается лишь возможность фотографирования документов.

Добытые «Рамзаем» сведения сообщаются Центру в форме сводок-докладов и телеграфных донесений и нередко получают высокую оценку.

Однако сотрудники аппарата Центра, явно игнорируя сообщения «Рамзая» об изменении обстановки в посольстве и проявляя ничем не оправданный формализм, ставят ему в упрек почти полное прекращение присылки фотокопий документальных материалов, расценивая это как понижение уровня разведывательной деятельности. В марте 1941 года «Рамзай» вынужден снова писать об обстановке в посольстве, снова повторять о невозможности применения фото в существующих условиях:

«В течение последних 3-х лет учреждения германского посольства настолько расширились и появилось такое большое количество новых людей, что буквально не найти ни одного свободного местечка. При этих условиях почти совершенно исключена какая бы то ни было возможность фотографирования того материала, который еще сейчас мне удастся получать для прочтения. За все эти годы мне удавалось, несмотря на существенную смену аппарата, сохранить свое положение человека, пользующегося доверием. Сейчас мне также удастся читать почти столько же материалов, сколько и прежде, а может быть и больше. Но, к сожалению, в большинстве случаев я не могу их фотографировать, как я это делал прежде. Вы должны понять, что материалы и документы, которые мне разрешают читать, я не могу при существующих условиях ни в коем случае выносить за пределы учреждения. Только в самых редких случаях удастся что-либо подобное. Этому мешает строгая секретность и предосторожность против местных шпионов, царящие в названных учреждениях».

Подробный анализ и оценка материалов и информации, добытых резидентурой, даются ниже. Характеризуя в целом разведывательную деятельность «Рамзая» в германском посольстве, следует признать, что эта деятельность была весьма эффективна и являлась большой разведывательной удачей «Рамзая». В течение ряда лет Центр получал подробную и достоверную информацию о развитии германо-японских отношений, о скрытых трениях и противоречиях между правительствами Германии и Японии, о планах и конкретных мероприятиях германского правительства по подготовке войны против СССР.

В частности, именно по линии германского посольства «Рамзаем» были заблаговременно добыты и сообщены Центру точные данные о готовящемся нападении на Польшу, а за 1-1,5 месяца до начала второй мировой войны был

установлен намеченный срок вторжения в СССР и добыты ориентировочные сведения об общем количестве и группировке войск первого эшелона и предполагаемом направлении главного удара.

е) Профессиональные и прочие связи «Рамзая».

В качестве немецкого журналиста, корреспондента ряда германских и голландских газет, сотрудника германского посольства «Рамзай» имел многочисленные связи среди германских, иностранных и японских журналистов и довольно широкие знакомства в местных немецких и голландских деловых кругах. Однако все эти связи и знакомства, особенно за последние 3-4 года, почти не имели какого-либо разведывательного значения и в основном были полезны лишь для укрепления легализации.

По словам «Рамзая», до 1938 года он еще частично использовал связи с германскими инженерами и бизнесменами для добывания некоторых информации об общеэкономической обстановке и германо-японском военно-экономическом сотрудничестве.

В числе такого рода источников он называет, в частности, германского инженера Мюллера — представителя германской машиностроительной компании, главу германского химического концерна Кальбауна, инженера Хаага — представителя германской авиапромышленной компании «Хейнкель» и др.

По мере укрепления положения «Рамзая» в германском посольстве, значение этих связей все более снижалось и к началу 1939 года оно полностью утратило какую-либо ценность, поскольку «Рамзай» получил возможность основывать свою разведывательную деятельность целиком на материалах, добываемых в посольстве (Шанхайский заговор. С. 215).

До 1938 года «Рамзай» как корреспондент голландской газеты «Амстердам Гандельсблатт» поддерживал связь также с голландскими дипломатическими и деловыми кругами, откуда черпал некоторые сведения относительно активизации японской политики в Голландской Восточной Индии и о голландско-британских, а позднее — голландско-американских совместных усилиях по пресечению японской экономической экспансии в Голландской Индии.

Связь с голландцами прервалась в 1938 году, когда политика Германии в Европе привела к напряженности в отношениях между Голландией и Германией.

«Рамзай» занимал довольно солидное положение среди местных германских журналистов, с которыми поддерживал тесные профессиональные связи. Свои взаимоотношения с ними он характеризовал так:

«Мои профессиональные связи с другими германскими журналистами в Японии были, естественно, очень тесными. Я часто встречался с Вайзе и Коров из Германского информационного агентства, Шурцом — из “Дойче Альгмейне Цейтунг”, Магнусом — из Германского экономического агентства и Цермейером — из “Трансоцеан Пресс”. Ни один из них не подозревал о моем истинном положении и деятельности. Конечно мы, как газетные работники, обменивались мнениями о разного рода случаях и политических событиях, обсуждали различные проблемы и, по журналистской привычке, высмеивали разных политиков. Я считался хорошо информированным среди других корреспондентов, которые не давали мне каких-либо новых сведений, заслуживающих внимания. Это до некоторой степени было причиной их желания получать сведения от меня. Но я должен подчеркнуть, что никогда не передавал никаким другим журналистам информации, полученных от моих японских сотрудников, или секретные сведения, добытые мною в германском посольстве. В этом отношении я был очень строг и точен. Другие журналисты уважали меня не только как известного

германского журналиста, но и как отзывчивого друга, готового помочь в случае необходимости. Например, когда Вайзе уезжал в отпуск, я оставался за него в Германском информационном агентстве. Также если случалось что-либо, заслуживающее телеграфного донесения, о чем другим узнать не удалось, то я их информировал. Мы не только встречались в служебном помещении, но и обедали вместе и бывали друг у друга дома. В свою очередь, когда они знали, что я не хочу идти куда-либо, например, в “Домэй” или информационное бюро японского правительства, то они делали это за меня.

Меня считали слегка ленивым, обеспеченным репортером. Конечно, они не имели понятия о том, что мне приходится делать очень многое помимо моей журналистской работы. В целом мои отношения с германскими журналистами были близкими, приятельскими» (Показания Рамзая // Шанхайский заговор. С. 213).

Отношения «Рамзая» с прочими иностранными корреспондентами — представителями европейской и американской прессы — были, по его словам, «весьма отчужденными», не более чем «условно-деловыми», поскольку не могло быть речи о сближении между работниками антигерманской прессы и нацистским журналистом (Шанхайский заговор. С. 220).

Это отчуждение не создавало особых забот «Рамзаю» и не наносило ущерба деятельности резидентуры, поскольку задачу сбора информации среди иностранных корреспондентов с успехом выполнял <...> «Жиголо».

Также весьма ограничены были связи и с японскими журналистами, с которыми «Рамзай» старался общаться «не более, чем это было нужно для того, чтобы не создать впечатление о полном перерыве отношений с японцами». «Рамзай» поддерживал с ними лишь строго официальное общение, изредка приглашая на завтрак репортеров из «Асахи», «Ници-ници», «Домэй». Строго официальными рамками ограничивались отношения также с представителями отдела прессы японского военного министерства, армейскими офицерами и политическими деятелями, с которыми «Рамзай» знакомился через германского посла или ВАТа. Как штатный информатор посольства «Рамзай» нередко присутствовал на официальных приемах и встречах с японскими деятелями, получал у них интервью, посещал пресс-конференции и т.п. (Шанхайский заговор. С. 220-221).

В целом все профессиональные связи «Рамзая» и его связи в иностранных и местных кругах по линии посольства играли почти исключительно лишь легализационную роль, способствуя укреплению положения и авторитета «Рамзая» как видного германского журналиста-нациста и доверенного лица германского посольства.

Надо признать безусловно правильной строгую направленность, целеустремленность «Рамзая» в его личной разведывательной деятельности.

Основным объектом личной разведывательной деятельности и важнейшим источником информации являлось для него германское посольство. Он был совершенно прав, используя все остальные личные связи лишь для обеспечения и укрепления своего официального положения, не размениваясь на рискованные поиски и приобретение второстепенных источников среди своих коллег-друзей. Несколько слов об использовании «Рамзаем» его партийных связей: с отдельными членами местной нацистской организации «Рамзай», по его словам, поддерживал довольно тесный контакт и нередко получал от них откровенные политические информации о внутреннем положении в Германии, о закулисных планах и антисоветских настроениях германской военщины и нацистского руководства.

Сведения, полученные по линии нацистской организации, иногда являлись

ценным дополнением к информации, добытым в посольстве.

ж) «Рамзай» как резидент — руководитель агентурной организации.

Одиннадцать лет нелегальной разведывательной деятельности в Китае и Японии дали «Рамзаю» богатый опыт руководства резидентурой в специфических условиях стран Дальнего Востока.

В показаниях, данным после провала, он довольно подробно останавливается на вопросах руководства резидентурой, говорит о роли и задачах резидента, его личных качествах и подготовке, обеспечивающих успех нелегальной разведывательной деятельности в условиях Японии, приводит ряд конкретных примеров из личной практики (Шанхайский заговор. С. 191-228). Однако не все высказывания и положения, выдвигаемые «Рамзаем», можно принять полностью и безоговорочно, не все примеры и факты из его личной практики можно считать положительными образцами. Надо учитывать, что показания «Рамзая» содержат значительный элемент самовозвеличивания и приукрашивания личной деятельности. Он ни слова не говорит о своих ошибках, промахах, упущениях, организационных неполадках в работе резидентуры, рисуя картину безупречно и слаженно действовавшей разведывательной организации.

Мотивы, которыми при этом руководствовался «Рамзай», в данном случае не имеют значения.

Важно лишь учесть, что положения и факты, приводимые в показаниях «Рамзая», необходимо принимать, сопоставляя их с архивными документами и фактическим материалом, характеризующим деятельность резидентуры в целом и «Рамзая» лично.

Обобщение всех этих данных позволит правильное и всесторонне характеризовать «Рамзая» и установить, что, при всем его богатом опыте разведчика-нелегала, он как резидент не был лишен и серьезных недостатков, допуская в руководстве резидентурой порочные методы, таившие в себе опасные последствия.

Исследование и оценка деятельности «Рамзая» как резидента заставляют остановиться на следующих основных моментах, характеризующих как личные качества и методы работы «Рамзая», так и его взгляды и выводы о наиболее целесообразной системе руководства нелегальной разведывательной организацией в условиях Японии:

1. Личная подготовка резидента. Важнейшее требование — детальное знание страны противника.

Нельзя не согласиться с утверждением «Рамзая» о том, что успех его легализации и эффективной разведывательной деятельности в значительной мере обуславливались его глубоким и всесторонним знанием Японии, приобретенным в результате упорной, настойчивой учебно-исследовательской работы на протяжении всего времени пребывания в стране.

«Я не намеревался, — говорит «Рамзай», — действовать только как почтовый ящик для информации, собираемых другими. Напротив, я считал абсолютно необходимым лично приобрести наиболее полное понимание проблем Японии...

Моя научно-исследовательская работа в Японии была абсолютно необходима для моей разведывательной деятельности. Без этой работы и общего культурного базиса моя секретная миссия была бы невозможна, и мне никогда не удалось бы закрепиться в посольстве и германских журналистских кругах.

Больше того, я никогда не смог бы пробыть безболезненно и спокойно в Японии в течение восьми лет. В этом смысле наибольшее значение имело именно мое основательное изучение и знание Японии, а не ловкость и не какая-либо специальная подготовка в московской разведывательной школе».

«Рамзай» уделяет много места подробному описанию своей многолетней работы по изучению Японии. С первых же дней пребывания в стране он приступил к подбору и изучению необходимой литературы, приобретая все иностранные издания оригинальных японских работ, лучшие иностранные книги по Японии, лучшие иностранные переводы японских трудов. Личная библиотека «Рамзая» к 1941 году насчитывала до 1000 книг.

Кроме того, он широко пользовался библиотекой германского посольства и обширнейшей библиотекой токийского германского Общества Восточной Азии, посещал академические собрания, лекции и доклады этого общества, тщательно изучал текущую японскую экономическую и политическую литературу, бюллетени и различные издания правительственных органов и т. п.

Начав с изучения древней истории Японии, этапов многовекового развития ее экономики, политики, общественных отношений, он последовательно перешел к проблемам современной Японии, уделяя особое внимание вопросам развития индустрии, аграрному вопросу, внутренней и внешней политике, истории японской культуры и искусства, современному быту.

Не ограничиваясь лишь «кабинетным» изучением страны, он совершал многочисленные поездки по Японии (главным образом до 1938 г.), которые позволяли ему ближе и живее ознакомиться с населением, бытом и культурой страны и, по его выражению, «обеспечили ему прочную интуитивную основу для изучения истории и экономики. Все такие поездки «Рамзай» совершал всегда один, никогда не путешествуя с кем-либо из членов своей агентурной группы, так как считал это слишком рискованным.

Он проявлял также интерес к истории культуры и искусства Японии, изучал, в частности, влияние различных китайских школ в средние века и современные модернистские течения в японском искусстве новейшего времени. Это, в известной мере, создавало нормальное обоснование его знакомству и встречам с Мияги, который как профессионал-художник оказывал ему помощь в изучении этих вопросов.

«Я никогда не смог бы понять японского искусства без Мияги, — говорит «Рамзай». — Наши встречи часто происходили на выставках и в музеях, и не было ничего необычного, если беседы на научные и политические темы отступали на задний план перед нашими беседами об японском и китайском искусстве». Еще более серьезную помощь в освоении проблем Японии оказывал «Рамзаю» его второй помощник-групповод «Отто» (Одзаки). Обладая обширными познаниями и большой эрудицией, Одзаки в своих беседах умело связывал реальные современные проблемы с вопросами истории Японии, проводя аналогии с явлениями из жизни других государств, и с предельной ясностью разъяснял некоторые специфические, труднодоступные для понимания европейца, явления из японской действительности. «Мои встречи и беседы с Одзаки, — говорит „Рамзай“, — были неоценимы ввиду его необычайно глубоких знаний в области истории Японии и других государств. Благодаря этим двум друзьям и сотрудникам (Одзаки и Мияги), я получил ясное понимание особой роли японской армии в контролировании государственной политики, а также понял сущность института советников при императоре (Генро) — то есть то, что не поддавалось юридическому определению. Их помощь заключалась не столько в сообщении мне отдельных фактов и исторических аналогий, сколько в том, чтобы дать мне отчетливое, обобщенное понимание сущности данного вопроса».

2. Основные функции резидента по руководству резидентурой. Роль квалифицированных помощников-групповодов (Шанхайский заговор. С. 191).

Говоря о руководстве агентурной организацией, «Рамзай» особо выделяет следующие основные обязанности резидента:

- распределение работы, постановка задач агентам;
- отбор, оценка и обобщение добытых материалов;
- подготовка донесений Центру.

Распределение обязанностей и задач по сбору разведывательных данных в значительной мере автоматически определилось самим составом агентурной группы «Рамзая»:

«Фриц» (Клаузен) выполнял обязанности радиста, был полностью освобожден от активной разведывательной деятельности;

групповоду «Джо» (Мияги) был поручен сбор военных сведений (организация, дислокация, переброска войск и т. п.) и некоторых материалов по экономике; кроме того, на его обязанности лежала организация перевода японских документов;

«Отто» (Одзакэ) добывал главным образом политические, экономические и военно-экономические информации из японских правительственных и околоправительственных кругов и по линии органов ЮМЖД;

«Жиголо» (Вукелич), выполняя техническую работу (фотообработка материалов), являлся хозяином конспиративной квартиры и частично собирал информацию среди иностранных корреспондентов и в местной французской колонии; сам «Рамзай» основным объектом разведки имел германское посольство, используя его как источник информации по вопросам японо-германских отношений и общим вопросам подготовки Германии и Японии к войне.

Постановка задач резидентом каждому из его сотрудников-агентов проводилась отдельно и дифференцированно.

Общее задание, полученное резидентурой, как правило, сообщалось тому или иному исполнителю лишь в части, специально к нему относящейся.

Вместе с тем при встрече резидента с сотрудником обсуждались все вопросы, которые последний считал важными. При этом «Рамзай», по его словам, в таких случаях, лишь как исключение, сообщал о сведениях, добытых лично им или кем-либо из других сотрудников.

«Я делал это,— пишет «Рамзай»,— только если считал особо необходимым с целью указать определенное направление их усилий или предупредить возможность сбора ложной информации. Бывали такие случаи, когда по общеполитическим соображениям я считал важным информировать моих сотрудников о сведениях, добытых лично мной или кем-либо из членов нашей группы».

«Рамзай» подчеркивает, что в распределении обязанностей и постановке задач он старался сохранять известную гибкость, позволявшую ему в неординарных случаях быстро сосредоточить усилия всей группы на решении какой-либо одной важной и срочной разведывательной задачи.

В этом случае обычная специализация агентов по выполнению определенных задач временно, частично или полностью отменялась. Об этом он говорит так: «Я сохранял за собой право пересмотреть в случае необходимости обычный установленный порядок, когда каждый сотрудник концентрирует усилия на выполнении порученных ему основных задач.

Как правило, я старался всемерно избегать подобных пересмотров. Тем не менее бывали особые случаи, когда я сосредоточивал усилия всех сотрудников на решении какой-либо одной частной задачи, независимо от индивидуальных функций каждого.

Так, во время событий 26 февраля 1936 года я просил всех сотрудников сосредоточить внимание на сборе разного рода сведений, на основе которых я мог бы сделать общее заключение. В 1937 году, в первые недели после возникновения китайских событий, я приказал всем направить усилия на сбор сведений о подготовке первой мобилизации японской армии. Когда начались бои у Номангана, я поставил всем задачей сосредоточиться исключительно на выяснении того, какие подкрепления может Япония направить на монгольскую границу, чтобы я мог судить о возможном развитии конфликта.

Когда Германия напала на СССР, все мои сотрудники собирали всякого рода информации, характеризующие позицию Японии в вопросе вступления в войну. Это дало мне возможность подробно проследить размеры и направление (север или юг) большой мобилизации, начатой в то время Японией.

После того как я убедился, что войны между Японией и СССР не будет, я направил внимание всех своих сотрудников на ход и развитие японо-американских переговоров, которые велись в условиях напряженных отношений между этими странами».

Особо серьезной и ответственной обязанностью резидента, требующей от него наличия глубоких и всесторонних знаний обстановки в стране, «Рамзай» считает оценку добытого материала и отбор из всей суммы полученных информации наиболее достоверных и ценных сведений для сообщения Центру.

«Было бы неправильно думать,— говорит «Рамзай»,— что я без разбору передавал все данные, которые мы собирали. Я взял за правило следить за тем, чтобы наша информация была возможно более тщательно просеяна, и посылалось только то, что я считал существенным и абсолютно не вызывающим сомнений. Процесс отбора часто требовал многих часов упорной работы. В такой же степени это относится и к анализу политической и военной обстановки. Способность отбирать материал и давать общую оценку или картину данного события является первым требованием для действительно ценной разведывательной деятельности, и достигнута она может быть только путем серьезной и настойчивой научно-исследовательской работы».

«Рамзай» подчеркивает особую важность такого тщательного изучения всех сторон жизни и обстановки в стране — именно в условиях стран Дальнего Востока, где характерным является наличие огромного количества слухов и предположений, с которыми разведчику-резиденту приходится иметь дело несравненно более, чем где-либо в Европе.

1941 год

Обстановка в Европе и на Дальнем Востоке в первой половине 1941 года характеризовалась явными признаками нарастания непосредственной военной угрозы со стороны гитлеровской Германии и Японии.

На оккупированной немцами территории Польши — непосредственно у государственных границ Советского Союза — началось сосредоточение значительных масс германских войск. Пограничные органы советской военной разведки фиксировали интенсивные переброски германских воинских масс, прибывающих непрерывным потоком из Германии. Сотни воинских эшелонов доставляли пехотные и моторизованные соединения, артиллерию, танки, инженерные средства, боеприпасы и прочие воинские грузы. На территории Польши спешно проводились военно-административные мероприятия: польский административный аппарат заменялся германским, расширялась сеть военных

госпиталей, различных баз военного снабжения, создавались дополнительные военно-административные органы и т. п.

Все это в целом создавало убедительную картину непосредственной подготовки гитлеровской Германии к нападению на СССР.

<...>

Японское правительство, резервируя возможность выбора наиболее выгодного варианта агрессии — в зависимости от развития событий в Европе и результатов готовящегося удара Германии против Советского Союза,— вело маневренную дипломатическую игру, пытаясь маскировать подготовку к войне — как против СССР, так и против США.

В сентябре 1940 года Япония подписала «тройственный пакт» о военном союзе с гитлеровской Германией и нацистской Италией. Этот пакт не гласно дополнялся соглашением между Японией и Германией о взаимной помощи в случае войны против СССР.

Вместе с тем японское правительство предложило Советскому правительству заключить пакт о нейтралитете, и этот пакт, после соответствующих переговоров, был подписан в Москве в апреле 1941 года.

Однако систематическое наращивание сил Квантунской армии в Маньчжурии, интенсивная подготовка японскими милитаристами маньчжурского военного плацдарма и самый факт тесного военного сотрудничества Японии с Германией убеждали в том, что пакт о нейтралитете не может являться для Советского Союза надежной гарантией против военной угрозы со стороны Японии.

Не оставляя одновременно подготовки агрессии и в южном направлении, японское правительство дополнительным договором с французским правительством от марта 1941 года еще более укрепило позиции Японии в Индокитае и Таиланде и усиливало нажим на Голландскую Индию, с которой велись длительные переговоры о предоставлении Японии особых преимуществ в области импорта и экспорта товаров и сырья, получения горно-рудных концессий, иммиграции и т. п.

В целях маскировки своих агрессивных планов в Юго-Восточной Азии и выигрыша времени для завершения военной подготовки против США, японское правительство в марте 1941 года через своего посла в Вашингтоне вступило с правительством США в переговоры «об урегулировании спорных вопросов японо-американских отношений».

В процессе этих переговоров, обнаруживших глубокие и непримиримые противоречия между США и Японией, обе стороны отстаивали свои претензии на колониальное господство в Китае и Юго-Восточной Азии, причем США проявляли готовность пойти на сговор с Японией за счет Китая и СССР.

Переговоры тянулись до конца ноября 1941 г. и завершились разрывом, сопровождавшимся внезапным нападением японского флота и авиации на базу флота США — Пирл-Харбор.

О провале

«Рамзай» (Рихард Зорге) в течение пяти месяцев после ареста вел себя мужественно и стойко, с презрением отвергая показания «Фрица» и отказываясь сам от дачи каких-либо показаний.

Однако японская контрразведка, видимо, сумела применить достаточно эффективные методы для того, чтобы сломить его упорство и заставить говорить.

В начале 1942 года он также признал предъявленные ему обвинения и подтвердил

показания «Фрица», «Анны» и «Джо».

В сентябре 1943 года суд приговорил «Рамзая» к смертной казни. Одна ко еще в течение года приговор не приводился в исполнение. «Рамзай» со держался в тюрьме.

<...>

«Отто» (Одзаки Ходзуми), поставленный перед фактом разоблачения его деятельности показаниями «Фрица», «Анны» и «Джо», полностью и откровенно признался в своей агентурной деятельности в качестве ближайше го помощника «Рамзая».

Однако в процессе всего предварительного и судебного следствия он вел себя с большим достоинством, сохранив лицо подлинного коммуниста, твердо и последовательно обосновывая свою сознательную деятельность в пользу Советского Союза как базы борьбы всего трудящегося, прогрессив ного человечества за светлое коммунистическое будущее (Протокол допро са Одзаки от 09.02.42 г.).

Судя по отдельным замечаниям Уиллоуби в его книге «Шанхайский заговор», Бранко Вукелич («Жиголо»), которого «Рамзай» склонен был считать мягкотелым и легковесным представителем богемы, также не по шел ни на какие сделки со своей совестью, не пытался искать снисхождения и расположения противника и был предельно ограничен в своих показаниях.

«Вероятно, Вукелич, — говорит Уиллоуби, — проявил под давлением го раздо больше мужества, чем кто-либо другой, потому что даже в сохранив шихся материалах и отчетах следователей, которые имеются у нас полно стью, ему уделено мало места.

Его ранняя смерть в тюрьме вызывает предположение о применении пыток. Когда он умер, ему был только 41 год, и в протоколе не говорится, что перед арестом его физическое состояние было ниже среднего. Вполне возможно, что он упорно отказывался отвечать на вопросы, что вызвало соответственные меры принуждения».

Суд токийской префектуры вынес приговор по делу Зорге в сентябре 1943 года (с последующим утверждением Верховным судом Японии):

«Рамзай» (Рихард Зорге) и «Отто» (Одзаки Ходзуми) приговорены к смертной казни через повешение и казнены 7 ноября 1944 года.

«Жиголо» (Бранко Вукелич) — к пожизненному заключению (умер в тюрьме).

«Джо» (Мияги Йотоку) — умер до суда.

«Фриц» (Клаузен Макс) — к пожизненному заключению.

«Анна» (Клаузен Анна) — к 3 годам заключения.

в) Причины провала. Японо-американская версия

Что явилось причиной провала резидентуры?

Организационные погрешности, промахи, нарушение конспирации «Рамзаем» или кем-либо из его сотрудников или агентов? Может быть, предательство кого-либо из агентов?

Японская и американская контрразведки дружным дуэтом преподносят одну и ту же версию:

Организация Зорге была вскрыта «случайно» — в результате «преда тельства» видного японского коммуниста Ито Рицу, который, будучи аре стован 27 июня 1940 г., «раскался» в своей коммунистической деятельно сти и показал на допросе, что Китабаяси Томо (агент <...> из группы «Джо») является шпионкой. Арестованная на основе этих показаний, Кита баяси призналась в своей

шпионской деятельности и связи с Мияги, от кого рого получала указания и задания по добыванию разведывательных сведений.

Так, якобы, было положено начало раскрытию организации «Рамзая».

На первый взгляд, как будто трудно подвергнуть сомнению эту версию, так как примерно так же она изложена даже в официальном секретном документе японской тайной полиции: в одном из наградных листов на поли цейских, участвовавших в расследовании и ликвидации организации Зорге, указывается: «Расследование дела Зорге фактически началось с показания Ито Рицу, который заявил, что прибывшая из США женщина — Китабаяси Томо — член компартии Америки и является шпионкой иностранного государства» (Донесение начальника особого отдела тайной полиции генерал-инспектору полиции № 127 — о представлении к наградам полицейских.— Перевод с японского — <...>).

Однако выражение «фактически началось» (особенно, учитывая перевод с японского) можно понимать более пространно, как «получило реальную основу», тем более что в другом месте этого же документа говорится несколько иначе, а именно, что «показания Ито Рицу следует считать началом арестов по данному делу».

Что касается самих показаний Ито Рицу, то это является самой слабой частью всей этой версии, плохо продуманной детали, вскрывающей нехитрую уловку японской контрразведки.

Ито Рицу не имел никакого отношения к агентурной сети «Рамзая». Что могло дать ему повод считать 57-летнюю портниху Китабаяси «шпионкой иностранного государства»?

Было бы непростительной наивностью принимать на веру эту японско-американскую версию без учета цели, которая преследовалась ее авторами, без анализа обстоятельств и причин, которые действительно могли создать реальную почву для провала. Необходимо иметь в виду:

— во-первых: что ни одна контрразведка не склонна раскрывать до конца свои подлинные методы и пути борьбы с агентурой противника, а, наоборот, предпочитает создавать ложную картину, скрывающую истинные приемы и методы деятельности;

— во-вторых: что японская полиция является квалифицированным мастером провокаций, особенно искусной в борьбе против коммунистического движения;

— в-третьих: что дело Зорге явилось для полиции чрезвычайно благоприятным материалом, который мог послужить основой для развертывания широкой антикоминтерновской кампании и компрометации японской компартии. Эта задача была особо актуальна для японских правящих кругов в последние годы второй мировой войны, когда, в результате затянувшейся войны и военных неудач японо-германского блока, внутривнутриполитическая обстановка в Японии с каждым днем становилась все более напряженной и грозила революционным выступлением народных масс против правящей милитаристской верхушки. Замысел японской полиции в последующие годы был охотно подхвачен американской контрразведкой, широко реализовавшей те задачи, которые имелись в виду авторами версии о «предательстве» Ито Рицу.

Штаб Мак-Артура в лице его начальника разведки — Уиллоуби приложил максимум усилий к тому, чтобы заслужить право соавторства с японской контрразведкой.

г) Наиболее вероятные истинные причины провала

Было бы неправильно ставить вопрос о какой-то одной, «основной» причине

провала, искать эту причину в чем-то «предательстве», организационной ошибке или неосторожности кого-либо из сотрудников резидентуры.

Если даже условно принять за истину примитивную японо-американскую версию об Ито Рицу, то и в этом случае должны были быть еще какие-то дополнительные условия, позволившие контрразведке разом вскрыть всю организацию и ликвидировать целиком всю сеть.

<...>

А. Истоки и формирование политического недоверия к «Рамзаю»

«Рамзай» направлялся на нелегальную работу в Токио примерно через год после отъезда из Шанхая, где он, работая около 2-х лет (1929—1932 гг.) в качестве нелегального резидента, допустил ряд ошибок, главным образом в смысле нарушения норм и правил конспирации, в результате чего оказался под угрозой расшифровки.

Следует все же подчеркнуть, что нет никаких реальных оснований для выводов о том, что в Шанхае он был раскрыт как советский разведчик и как таковой взят на учет китайской, японской, английской или какой-либо другой контрразведками.

<...>

<...> руководство Центра, направляя «Рамзая» в Японию, основательно изучило и взвесило истинный характер и возможные последствия упущений и ошибок «Рамзая» в Шанхае и пришло к выводу, что нет оснований считать его расшифрованным контрразведкой. «Рамзай», отправляясь в Японию, пользуется доверием Центра. Упреки, которое ему можно предъявить, связаны лишь с его ошибками и личными проступками в Шанхае: пренебрежением требованиями конспирации и излишне разгульным личным поведением — злоупотреблением пьянством, участием в скандалах и драках во время попойек в барах и ресторанах. Летом 1935 года, в связи с провалом шанхайской резидентуры, «Рамзай» по вызову Центра приезжает в Москву — для доклада о развертывании работы в Японии и обсуждения вопроса о том, не может ли и он быть задет шанхайским провалом. Признаков какой-либо угрозы для «Рамзая» не обнаруживается, и он снова возвращается в Токио, где и остается в течение последующих 6-ти лет, т. е. до конца своей деятельности.

Откуда же и какими путями зарождается недоверие к «Рамзаю»?

Если говорить о партийно-политической характеристике «Рамзая», то следует упомянуть один факт, который бесспорно заслуживал внимания, т. е. свидетельствовал о наличии известной неустойчивости и ошибочности его политических взглядов как коммуниста.

В октябре 1934 года шанхайский резидент «Абрам», поддерживавший курьерскую связь с резидентурой «Рамзая», сообщал письмом Центру, что «Рамзай» в разговоре с выезжавшим к нему курьером <...> (беспартийным), обсуждая политику Коминтерна, высказывал политически неверные взгляды.

Он утверждал, что «линия Коминтерна, начиная с 1939 г. (т. е. с тех пор как исчезли из руководства правые), построена на пассивной тактике удержания наличного, а так как “наличное” сводится главным образом к существованию СССР, то вся политика Коминтерна построена на задаче помощи социалистическому строительству в СССР, причем соответствующим образом ограничивается активность компартий на Западе. Он критиковал недоскональную активность нашей внешней политики, наше вступление в Лигу наций».

Это высказывание «Рамзая» свидетельствовало о том, что в оценке политики Коминтерна он занимал явно неустойчивую позицию, уклоняясь вправо от линии

партии, недооценивал роль и значение СССР как базы мирового коммунистического движения и одновременно выдвигал «ультралевые» требования активизации коммунистического движения Запада. Характерно, что эта неустойчивость политических взглядов «Рамзая» почти не нашла отражения в его характеристиках, содержащихся в многочисленных «справках на резидентуру».

Во время пребывания в Москве в 1935 году «Рамзай» имеет несколько встреч и служебных бесед с ответственным сотрудником Центра — начальником отделения т. Покладоком. О результатах этих встреч и личных впечатлениях о «Рамзае» <...>

<...>

Во второй половине 1937 года принимается решение об отзыве «Рамзая» и ликвидации всей резидентуры. Это решение через несколько месяцев все же отменяется. Руководство Центра не может не сознавать, что «Рамзай» доставляет много ценных сведений <...>

Резидентура сохраняется, но уже с сомнительным грифом «политически неполноценной», «вероятно, вскрытой противником и работающей под его контролем».

Весьма характерен элемент двойственности в отношении Центра к резидентуре. Информационные материалы, поступающие от «Рамзая», получают в большинстве случаев высокую оценку, но когда по заданию руководства составляются «справки о личном составе и деятельности резидентуры», то исполнители-авторы этих справок не решаются отказаться от наложенного на резидентуру штампа «политического недоверия» и, вопреки здравой логике, не считаясь с реальными результатами деятельности резидентуры, подводят под этот штамп свои выводы и заключения. При этом, за отсутствием каких-либо убедительных обоснований для таких доводов, каждый раз используются все те же ссылки на выводы и заключения по шанхайскому провалу, утверждение Покладока (от 1937 г.) о «несомненности дезинформации» и прочие домыслы и предположения из предыдущих справок.

<...>

РАЗДЕЛ V. ИТОГОВЫЕ ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1. Документальное исследование деятельности резидентуры «Рамзая» позволяет, прежде всего, сделать заключение, что «Рамзай» был несомненно добросовестным и честным советским разведчиком.

К такому выводу приводит не только изучение всех обстоятельств и последствий провала и осуждения «Рамзая», но и анализ и оценка реальных итогов деятельности резидентуры — документов и информации, добытых ею за время существования.

Отношение недоверия к «Рамзаю», утверждение, что он — «двойник», не имели под собой твердой почвы. Ошибки, допущенные «Рамзаем» в Шанхае, вызвали некоторые вполне законные и естественные сомнения и опасения насчет возможной расшировки «Рамзая» контрразведкой. Однако это совершение не давало основания для того, чтобы без какой-либо серьезной дополнительной проверки, развивать эти сомнения в законченный вывод о «двойственной» работе «Рамзая».

<...>

2. Оценивая «Рамзая» с точки зрения его деловых качеств, надо признать, что он

был энергичным и талантливым разведчиком, умевшим правильно ориентироваться в сложной обстановке, находить в ней главное и решающее и целеустремленно и настойчиво добиваться намеченной цели.

Заслуга «Рамзая» в том, что он в трудных условиях, в малоизученной агентурной обстановке в Японии, нашел пути создания агентурной разведывательной организации и на протяжении долгих восьми лет вел эффективную разведывательную деятельность, умело прикрываясь маской классово-чуждого ему германского фашиста.

<...>

«Рамзай» как разведчик и руководитель агентурной организации имел свои слабые стороны и существенные недостатки, которые нередко породили серьезные ошибки — как и в его личном поведении, так и в области организации работы его резидентуры.

<...>

3. Реальные результаты разведывательной деятельности токийской резидентуры «Рамзая» заслуживают в целом высокой оценки.

<...>

Установившееся в течение последних четырех лет предвзятое отношение к «Рамзаю» как к «двойнику» неизбежно привело к резкому понижению качества руководства резидентурой со стороны Центра.

Раз резидент — «двойник», то резидентура работает под контролем противника и рано или поздно бесспорно обречена на провал. Пока она существует, надо ее использовать по мере возможности, но нет смысла тратить усилия на ее укрепление или развитие.

Именно такого рода соображения определяли стиль и содержание руководства резидентурой со стороны Центра в последние годы ее существования.

<...>

ВОСПОМИНАНИЯ ЯКОВА БРОНИНА О РИХАРДЕ ЗОРГЕ

<...> Несколько слов о внешности Рамзая. Выше среднего роста; статный, стройный, он был весьма представительным человеком. Черты лица, светлые глаза, жесты, мимика — все выражало большую уверенность в себе, твердую убежденность в своих суждениях, волевою решительность, проницательный ум. Помнится, с какой революционной страстностью он говорил о политической ситуации, о росте фашистской угрозы. Тяга к революционному действию, к революционной борьбе была доминирующей чертой характера Зорге, хотя за аналитическим складом его ума эта черта не всегда была различима. Главное впечатление, которое у меня осталось от Зорге, это — его целеустремленность, целеустремленность разведчика-коммуниста, закаленного большим опытом нелегальной работы.

Мы договорились о формах конспиративной связи между Токио и Шанхаем. С конца 1933 года и вплоть до моего ареста в Шанхае в мае 1935 года мы поддерживали довольно регулярные контакты. В течение этого времени я пять или шесть раз направлял к Рамзаю своих людей за почтой, передавал по своим двум радиостанциям отдельные телеграммы токийской резидентуры, когда у них не ладилась связь с «Висбаденом» (Владивостоком). Мы вели с Рамзаем

конспиративную переписку (Центр пре доставил нам для этого специальный шифр), он имел шанхайский конспиративный адрес на случай срочных сообщений. В общем, я за эти полтора года мог «с близкой дистанции» наблюдать за развертыванием работы токийской резидентуры. Впоследствии мне приятно было узнать, что в письме Центру от 1934 года Рамзай подчеркивал «исключительную товарищескую готовность помочь, которую проявляют наши люди в Шанхае».

<...>

2. план легализации рамзая через гитлеровскую германию

Этот план был чрезвычайно смелым. Рамзай с 1919 по 1925 год активно работал в германской компартии, в том числе два года находился на нелегальном положении. И вот он теперь является под своим подлинным именем в фашистскую Германию, да еще должен был заручиться «путевкой» в Токио в форме корреспондентского билета нацистских газет!

Опасности были очевидны: в полицейских архивах могло быть заведено на Рамзая «дело», как на активного коммуниста, кроме того, он мог быть опознан людьми, с которыми ему пришлось так или иначе столкнуться в период работы в партии. Можно вполне понять Рамзая, когда он 9 июня писал из Берлина Центру: «Положение для меня здесь не очень привлекательное, и я буду рад, когда смогу отсюда исчезнуть».

<...>

Тем не менее этот план, при всей его смелости, был правильным, разумным. Он был, конечно, связан с риском, но это был риск разумный, оправданный, поскольку шансы на успех были весьма значительными. Этот план был осуществим благодаря взаимодействию такого маститого руководителя РУ, как П. И. Берзин, и такого талантливой разведчика, как Р. Зорге.

В адресованном мне письме тов. Берзин в декабре 1934 г. писал: «В нашей работе смелость, дерзание, риск, величайшее „нахальство“ должны сочетаться с величайшей осторожностью. Диалектика!»

Тов. Берзин в замечательной степени владел этой «разведывательной диалектикой». План легализации Зорге базировался на двух факторах: во-первых, нацисты еще были новичками у власти, нацистский аппарат, в частности аппарат гестапо, только создавался. Во-вторых, можно было рассчитывать на личные качества, выдержку и опыт Р. Зорге.

В Германию он поехал «идейно-подкованным»: прочитал практически все, что можно было достать из нацистской литературы, специально изучал и усваивал ходкие нацистские фразы, пытался вживаться в мир нацистских настроений.

«Мейн кампф» Гитлера он практически изучил наизусть.

Был ли Рамзай известен полиции, было ли заведено на него дело? Да, было. В «Меморандуме», опубликованном военным министерством США в августе 1949 года (полное название этого документа: «Меморандум для печати. Прилагается доклад штаба Дальневосточного командования „Шпионская организация Зорге“ — очерк по вопросу международного шпионажа на Дальнем Востоке». В целях сохранения государственной тайны из первоначального доклада изъяты некоторые небольшие разделы), говорится: «После ареста Зорге гестапо разыскало совершенно отрицательное досье на него, начиная с его первых дней в Германии, с указанием связей с Советским Союзом» <...>. Но в то время, летом 1933 года,

это досье спокойно пребывало в пыли и мраке архивных подвалов. Его оттуда извлекли бы, если бы возникли подозрения против Рамзая, но он своим умелым поведением и своими «идеологически выдержанными» высказываниями сумел укрепить доверие к себе со стороны нацистов как к человеку, политически вполне благонадежному.

Учитывая обстановку, Рамзай вел себя в Германии весьма осмотрительно. Это, в частности, видно по тому, как он осуществил рекомендацию Центра о вступлении в нацистскую партию. Вопреки тому, что пишется в зарубежных изданиях, Рамзай не сделал этого в Германии. Было, конечно, заманчивым прибыть в Токио с нацистским партийным билетом в кармане. Но он рассудил, что такой шаг был бы чересчур рискованным. В случае вступления в нацистскую партию в Германии могли начать копаться в его прошлом. Зорге правильно рассчитал, что это будет легче и вернее сделать в Токио. В самом деле, он туда прибывает, облеченный определенным политическим доверием: сам по себе факт направления его корреспондентом видных нацистских газет служил в известной степени политической рекомендацией для приема его в нацистскую партию. Так оно и произошло: в Токио его вступление в партию прошло просто и безболезненно. Стоит процитировать, как в последнем письме из Берлина Рамзай сам оценивает результаты своих усилий в Германии. Здесь сказываются его неукротимое стремление к действию и присущая ему скромность.

«К сожалению, я не могу утверждать, что поставленная мною цель достигнута на все 100%. Но большего просто невозможно было сделать, а оставаться здесь дольше для того, чтобы добиться еще других газетных представительства, было бы бессмысленным... Так или иначе — надо попробовать, надо взяться за дело. Мне опротивело пребывать в роли праздношагающего... Многое зависит от везения, от благоприятных обстоятельств. Пока что могу лишь сказать, что предпосылки для будущей работы более или менее созданы».

3. отдельные моменты разведывательной работы

Р. зорге В ЯПОНИИ

В американском «Меморандуме» говорится: «Начав с ничего в стране, в которой Зорге до этого никогда не был, он сумел развернуть самую всеобъемлющую и успешную шпионскую деятельность в истории Японии... Вероятно никогда в истории не существовало столь смелой и успешной шпионской организации». Для полной, объективной оценки того, что Рамзаем было сделано для советской разведки, надо учесть особенности обстановки в Японии.

<...>

Ко всем без исключения иностранцам применялась ничем не стесняемая, можно сказать, нахальная открытая слежка, которая проводилась через «прикрепленных» к данному человеку шпионов. В то же время осуществлялась и тайная слежка. Все японцы, обслуживающие иностранцев, привлекались к внутреннему осведомлению: они обязаны были постоянно и внимательно заглядывать во все уголки занимаемого иностранцем жилья, рыться в его вещах, приглядываться к тому, кто приходит к нему в гости. Хотя Германия была тогда в весьма дружественных отношениях с Японией, наблюдение велось и за немцами, и за немецким посольством в Токио.

Рамзай, конечно, испытал на себе все прелести такого пристального внимания

контрразведки к иностранцам, но при его опыте и уме он сумел хорошо приспособиться к обстановке.

<...>

В таких-то условиях Рамзай с чрезвычайным успехом проработал полных восемь лет. То исключительное положение, которое он сумел себе создать в немецкой колонии и в немецком посольстве в Токио, конечно, укрепляло его позиции у японских властей. Для контрразведки он становился «старожилом», влиятельным и убежденным нацистом, немаловажным представителем фашистской Германии, союзницы Японии по агрессивным планам. С весны 1939 года Рамзай становится официальным работником (пресс-атташе) немецкого посольства. На машине Рамзая теперь был особый вымпел, означавший, что полицейские не имели права ее останавливать. И все же, несмотря на все это, надо было всегда и неизменно быть сугубо настороженным, чтобы не споткнуться, не оступиться. С 6 сентября 1933 года по 13 октября 1941 года работа Рамзая оставалась все такой же напряженной и изнурительной.

Свою маскировку под убежденного нациста Зорге осуществлял с поразительной целеустремленностью, очень продуманно, не переигрывая.

Он со временем становится ведущим «идеологическим работником» нацистской организации в Токио — это было основное направление его маскировки.

Он был «шулунгслейтер», т. е. руководил «политическим просвещением» членов нацистской организации, агитацией и пропагандой, «дружил» с корреспондентом центрального органа нацистской партии «Фельхишер Beobachter», а также с заведующим токийским отделением официального германского телеграфного агентства «Дейчес Нахрихтен Бирс» Вейсsem. Когда Вейсс уезжал в отпуск или в командировку, то Зорге его замещал. Зорге издавал также в посольстве газету немецкой колонии. Тот факт, что он себя «зарекомендовал» подобной идеологической активностью, явился одной из главных предпосылок его последующего назначения на должность пресс-атташе посольства.

Один советский товарищ, который наблюдал Рамзая на разных дипломатических приемах, рассказывает, что он внешне выступал «как самый выдержанный пруссак-нацист». К дипломатам и гражданам других стран Зорге относился в полном соответствии с политикой «своего» германского правительства: проявлял дружественное отношение к союзникам — итальянцам, прохладно относился к французам или англичанам, избегал контактов с советскими людьми.

Наш товарищ, присутствовавший на встрече германского посла Отта после его возвращения из отпуска, рассказывает: «Зорге, выделявшийся своей самоуверенной осанкой, стоял в первом ряду представителей немецкой колонии. Он первым поднял руку в фашистском салюте и рявкнул: „Хейл Гитлер“».

В американском «Меморандуме» говорится: «Многие его японские коллеги по печати видели в Зорге типичного высокомерного нациста и избегали его».

Если идеологическое направление было главным в маскировке Рамзая, то побочную подкрепляющую роль играла бытовая маскировка. Он был «компанейским» человеком, не пропускал балов и банкетов, был «другом дома» влиятельных членов немецкой колонии. Он старался покачать себя во всех отношениях «хорошим немцем», активно участвовал во всяких мероприятиях, которые устраивались его земляками. Радист Клаузен рассказывает, как он впервые увидел Зорге в немецком клубе в Токио, где был организован «вечер берлинцев»: в центре внимания присутствующих, вызывая их веселые выкрики, был Зорге, который в цилиндре и фраке продевал сосиски (это было организовано с благотворительной целью). Выдержанный нацист, яркий журналист, умный,

веселый и интересный себе седник, Зорге был «в большом спросе» в немецкой колонии в Токио. Помогали этой бытовой маскировке и весьма распространенные слухи об успехах Рамзая у женщин. Кое-что в этом отношении действительно было, но слухи были крайне преувеличенными. Но Рамзая они вполне устраивали: они также отвлекали от всяких подозрений, являясь в какой-то мере элементом маскировки.

Пожалуй, самым ярким подтверждением прочности этой маскировки являлись «дружеские отношения» между Зорге и представителем гестапо в посольстве полковником Мейзингером.

Этот Мейзингер настолько «отличился» своими неслыханными зверствами, грабежом и разбоем в Варшаве, что даже среди гестаповцев считали, что он хватил через край. Если верить известному гестаповцу Шелленбергу, одно время предполагалось даже предать Мейзингера суду. Но его друзья добились отмены этого решения и направления Мейзингера в Токио. И вот даже этого зверя среди зверей Зорге сумел водить за нос и доставать от него информацию для советской разведки.

В заграничной литературе о Зорге попадаются утверждения, что Мейзингер, якобы, подозревал Рамзая, следил за ним. Это совершенно неверно. Эти «сведения» инспирированы гестаповскими кругами. В фильме «Кто Вы, доктор Зорге?» этот вопрос также показан неправильно.

В самом же деле питал к Рамзаю полное доверие. Как указывается в американском «Меморандуме», Мейзингер «смотрел на Зорге как на своего друга и сообщал ему очень много ценных сведений». Мейзингер считал, что Зорге — человек, на которого «можно до конца положиться». Когда он услышал об аресте Зорге, «он отказался поверить, что тот — советский разведчик, и считал, что японская полиция допустила грубую ошибку».

Кто бы мог подумать, наблюдая со стороны Рихарда Зорге, этого «надменного нациста», что это — революционер, коммунист, который «очень болезненно переживает отрыв от корпорантской (партийной.— Я. Б.) жизни и необходимость играть роль, которая ему выпала на долю»!

в) Как Зорге сумел «приручить» крупного немецкого разведчика генерала Отта

Зорге сумел установить «дружеские отношения» с широким кругом лиц, представляющих интерес с точки зрения разведывательной информации: с работниками германского посольства, с токийскими представителями крупнейших немецких военных концернов. В беседах с Зорге они были довольно откровенны и становились источниками информации для советской разведки. Это относилось также к самому послу Дирксену (бывшему послу Германии в Москве), который благоволил Рамзаю. Но особенно большое, можно сказать решающее, значение для разведывательной деятельности Зорге имели его отношения с военным атташе, а потом (с середины 1938 года) послом Германии в Токио генералом Эйгеном Оттом.

Чтобы в полной мере оценить значение того факта, что Зорге сумел «приручить» этого человека, надо учесть, что сам Отт был крупным немецким разведчиком. Еще в период первой мировой войны Отт сотрудничал с известным полковником Николаи, тогдашним руководителем немецкой военной разведки. В двадцатые годы Николаи отошел от специальных разведывательных дел, но с приходом Гитлера к власти вернулся к своей старой профессии, работая под прикрытием

Института истории новой Германии в качестве его директора. Николай и явился инициатором посылки Отта осенью 1933 года в Японию с основной задачей — наладить сотрудничество между германской и японской разведками. Отт, тогда полковник, поехал в Японию в качестве «военного наблюдателя». Он вступил в контакт с известным японским разведчиком Доихарп, числившимся начальником «континентальной службы», т. е. руководителем разведывательной службы на азиатском материке. Отт установил тесные связи с теми наиболее шовинистически, профашистски настроенными кругами молодых офицеров, которые впоследствии в феврале 1936 года организовали убийство премьер-министра Инука. Особенно близко Отт сошелся с одним из представителей этих кругов, полковником Хироси Осима, работавшим тогда непосредственно у Доихара; по поручению последнего Осима знакомил Отта с «системой и техникой японского военного шпионажа». Как мог потом убедиться Отт, Осима рассказал ему далеко не все, наиболее интересные данные он от Отта скрыл. Японцы, вопреки активному желанию немцев, вообще очень осторожно шли на сотрудничество своей разведки с германской, хотя в принципе против этого не возражали.

Весной 1934 года Отт поехал в Берлин с докладом об установлении связей с японской разведкой и о политическом положении в Японии и через несколько месяцев вернулся в Токио в качестве военного атташе. Осима прошел такой же путь продвижения, как Отт: в конце 1934 года он поехал в Берлин в качестве военного атташе, в 1938 году стал послом Японии при германском правительстве. Как и Отт, Осима за это время достиг звания генерала. Отт и Осима приняли самое активное участие в создании «антикоминтерновского пакта» в ноябре 1936 года. Этот пакт, как известно, содержал ряд секретных статей, относящихся к военному и разведывательному сотрудничеству.

Таков портрет Эйгена Отта, матерого немецкого разведчика.

Впервые Зорге упоминает его в письме Центру от 7 января 1934 года: он передает информацию, полученную им в ходе беседы с Оттом. <...> Следовательно, их знакомство состоялось еще в 1933 году. Есть все основания думать, что уже тогда Зорге оказал помощь Отту в подведении итогов его командировки в Японию в качестве военного наблюдателя. В дальнейшем «дружба» между Рамзаем и Оттом неизменно укреплялась, Отт питал к Рамзаю полнейшее политическое доверие. В результате резиденту советской военной разведки открылись буквально все секреты германского посольства в Токио.

Как это могло произойти?

Решающей базой этой «дружбы» было то, что Зорге стал незаменимым политическим советником Отта.

Отт был военным человеком, его политический кругозор был ограниченным.

Между тем, когда он стал военным атташе, Берлин требовал не только чисто военные, но и военно-политические доклады, оценки. Возможность стать послом и потом закрепиться в этой должности в весьма значительной степени зависела от того, как в Берлине будут оценивать его умение разбираться в сложной политической обстановке на Дальнем Востоке. И вот недостающий Отту политический кругозор «восполнялся» его «дружкой» с Рамзаем.

Рамзай проделал огромную работу по изучению Японии, поглотил сотни книг не только по современным проблемам страны, но и по ее истории, обычаям. В немецкой колонии в Токио, в немецком посольстве Зорге, по общему признанию, был наилучшим знатоком страны. Рамзай считался также хорошим знатоком Китая, а Отт по своему служебному положению интересовался также и этой

страной. Как был убежден Отт, Зорге не только прекрасно знал политическую обстановку на Дальнем Востоке, но и вполне владел нацистской идеологией. Отт не сомневался в том, что Рамзай дает такую интерпретацию политических событий, кото рая вполне соответствовала настроениям и установкам гитлеровского правительства.

В американском «Меморандуме» говорится, что Отт «пришел в вос торг, обнаружив в своем новом друге Рихарде необычайный источник ин формации о японских обычаях, о японской политике и ее тенденциях, равно как и обнаружив в нем мудрого советчика».

Надо еще учесть, что Отт, как и многие другие старые офицеры рейхсвера, не был убежденным нацистом. Правдоподобной является сле дующая политическая характеристика Отта в американском «Меморан думе»: «Отт не симпатизировал программе нацистов, но он выполнял приказы своего правительства. Он прибыл в Японию в 1933 году, будучи переведенным туда вышестоящими офицерами, опасавшимися за его безопасность перед лицом готовящихся нацистами „чисток“». Это в ос новном совпадает с оценкой, которая дается Рамзаем в процитированном письме от 07.01.34г.: об Отте здесь сказано, что он — «правая рука Шлейхера», т. е. известного генерала рейхсвера Шлейхера, который был убит на квартире гитлеровцами в июне 1934 года по подозрению в оппо зиции нацистскому режиму. Люди типа Отта недолюбливали «коренных нацистов», «нацистских выскочек». Зорге же в глазах Отта был солидным представителем догитлеровской немецкой интеллигенции, в то же время Зорге был идеологически выдержанным нацистом. Опираясь и полагаясь на Зорге как своего главного политического советника, Отт был уверен, что это создает для него известную гарантию правильной политической линии, что таким образом он, Отт, будет идти в ногу с требованиями на цистской идеологии.

Отмечу еще такой момент. В американском «Меморандуме» указывает ся, что Зорге познакомился с Оттом через жену последнего. Радист Клаузен пишет, что последняя «знала, что Рамзай был коммунистом, так как она са ма была коммунисткой после первой мировой войны». Но это утверждение Клаузена никакими данными не подтверждается. Правильно, однако, что жена Отта благоволила Рамзаю и в какой-то мере содействовала его работе. В своем отчете о работе Рамзай в августе 1935 года пишет: «Жена полков ника Отта также протежирует мне и часто приглашает меня, когда у воен ного атташе собирается интернациональное по составу общество». Но эти симпатии жены Отта к Рамзаю имели под собой, по всем данным, не поли тическую, а романическую базу. 25 июля 1936 года Центр пишет Рамзаю: «И Кота (кличка Отта.— Я. Б.), и друзей можете снабжать всевозможными статьями и прогнозами касательно положения в Ваших краях. И чем добросовестнее и аккуратнее Вы это будете делать, тем прочнее Вы свяжетесь с ними».

И Рамзай так и делал. Это был тяжелый труд, «помощь» Отту требовала очень много времени и нервного напряжения.

Как указывает Клаузен, Рамзай «часто должен был работать ночью в немецком посольстве». Представитель ГРУ в Шанхае «Алекс» (тов. Борович) сообщает в Центр осенью 1936 года: «Рамзай тратит на работу с Котом очень много нервов и приходит от него иногда в полном исто щении».

Со временем установился такой порядок: Зорге по утрам приходил к Отту и они вместе просмаривали поступившую дипломатическую почту, советовались между собой, договаривались, как отвечать на ту или иную бумагу. Зорге помогал Отту составлять политические донесения; политиче ские доклады писались главным

образом Рамзаем.

Алекс 06.10.36 г. сообщает Центру: «Когда Отт получает интересные материалы или собирается написать сам, он приглашает Рамзая и знакомит его с материалами. Менее важные документы он по просьбе Р. передает ему на дом для ознакомления. Более важные секретные материалы Р. читает у него в кабинете». В вышедшей в Лондоне в 1955 году книге Г. О. Мейснер, бывший третьим секретарем германского посольства в Токио, утверждает, что «Отт показывал Рихарду Зорге секретные бумаги, которые он не имел права показывать даже первому секретарю посольства».

Еще одна интересная деталь: когда Отт был еще военным атташе, Зорге иногда помогал ему также в шифровке телеграмм, узнав таким образом тайну германского шифра.

«Дружба» между Оттом и Зорге оказывала свое влияние на других работников посольства: они легко вступали в доверительные отношения с Зорге. Это относилось и к новому военному атташе Шоллю, к военноморскому атташе Веннекеру и другим. Все они охотно делились с Зорге интересными сведениями, которыми они располагали по своему служебному положению, консультировались с ним по разным вопросам японской и международной политики. Ничего не подозревая, все они, так сказать, по мере сил и возможности, работали «вслепую» на советскую разведку. Как мы видели, и представитель гестапо Мейзингер снабжал Рамзая ценными сведениями.

О том, какое положение Зорге занимал в германском посольстве, можно судить по следующему эпизоду, о котором Мейснер рассказывает в упомянутой книге. «Вскоре после нападения Японии на Китай посол вызвал к себе сотрудников посольства, в том числе меня, для заслушивания доклада Зорге о событиях. Его интерпретация событий должна была служить нам для информации и руководства». Следовательно, Рамзая поручили сделать «инструктивный доклад» для работников посольства по такому важнейшему событию, как война Японии против Китая.

г) Замечательный подвиг Рамзая по добыванию документальной информации

Положение, которое Рамзай создал себе в посольстве, открыло бо́льшие возможности добывания ценной агентурной информации. Особое значение имела документальная информация. Но как ее передавать в Центр?

Не представляло особого труда передавать содержание тех интересных бесед на дипломатические и военно-политические темы, которые имел Рамзай с работниками посольства, прежде всего с Оттом. Но как передавать те документы, которые Рамзай давали читать в стенах посольства? Передавать их содержание на память? Конечно, и в таком виде эта информация была бы ценной для Центра. Но человеческая память не всегда надежна. Есть документы, содержание которых относительно нетрудно запомнить, если надлежащим образом тренировать свою память (а для разведчика такая тренировка обязательна). Но как запомнить большой документ, который вам дается на короткий срок, особенно если в нем приводится много цифровых данных или конкретных фактов? Ведь достаточно перепутать не которые цифры и данные — и информация разведчика против его воли становится дезинформацией.

Рамзай пришел к заключению: эти документы необходимо фотографировать. Но как это сделать? Выносить материал из посольства было почти невозможно.

Подлинно ценные секретные материалы Отт, как правило, давал Рамзаю для ознакомления только в посольстве. Кроме того, нужно было учитывать конкретную агентурную обстановку в Токио: выносить материалы было рискованно при существующей системе наблюдения за немецким посольством со стороны японской контрразведки извне и гестаповских уполномоченных внутри посольства.

И Рамзай принимает исключительное по смелости решение: фотографировать документы в здании посольства!

Он это начал делать в 1936 году, используя для этого имевшийся у него аппарат «лейка». Но снимки не всегда получались удовлетворительными. И Рамзай обратился в Центр с просьбой прислать ему аппарат, более подходящий для съемок в подобных условиях. Центр не сразу согласился с этим предложением, учитывая огромный риск, связанный с фотографированием в посольстве: «Вы ни в коем случае не должны недооценивать активную работу нацистов по доскональной проверке всех членов колонии и наблюдению за отдельными ее членами. Именно поэтому мы выражаем большую тревогу в связи с просьбой выслать Вам специальный фотоаппарат. Простое обнаружение такого аппарата кем-либо из посторонних лиц может поставить Вас под удар... Нет нужды подвергаться такому исключительному риску, даже из-за тех материалов, которые Вам удавалось получить от Кота».

По повторной просьбе Рамзая специальный фотоаппарат был ему, однако, послан, и в течение пяти лет Рамзай фотографировал секретные документы в здании посольства.

Архивные материалы рассказывают, как Рамзай это делал. После встречи с Рамзаем в Пекине Алекс пишет в Центр 06.10.36 г.: «Более важные материалы Рамзай читает у Кота в кабинете. Рамзай говорит, что очень часто Кот, дав ему на прочтение материал, уходит из кабинета по делам. Рамзаю даже удалось установить время, когда Кот отправляется с очередным докладом к Дику (кличка тогдашнего посла Дирксена.— Я. Б.), что у них делается по расписанию. Доклад продолжается от 20 до 40 минут. Используя этот факт, Рамзай выбирает время для посещения Кота таким образом, чтобы оно предшествовало минут 10—15 времени, установленному для доклада Кота. По словам Рамзая, в это время он имеет полную возможность заснять все материалы, которые ему даны для прочтения».

В письме Центру от января 1938 года Рамзай нарисовал условия этого фотографирования:

«Вы понимаете, что это технически не просто и что обстановка кругом такова, что работать можно только при величайшем напряжении. Быстро та — это единственное, что может немного уменьшить большой сам по себе риск, с которым связана работа такого рода. Риск тем не менее остается достаточно крупным, и только такие отпетые грешники, как Вике (Вике — одна из кличек Рамзая.— Я. Б.), способны в таких обстоятельствах сохранять в достаточной мере спокойствие, чтобы сделать фотоснимки».

В письме от 26.03.41 г. Рамзай писал: «Большинство посылаемых материалов приходит от Викаса, который сам снимал их на месте работы. Вике со своей маленькой машинкой в кармане просто пробирался в одну из комнат этих трех ведомств (имеются в виду «ведомства» посла, военного и военно-морского атташе.— Я. Б.) и начинал снимать, одним глазом держа под наблюдением дверь и настороженно ловя ухом всякий шорох. Вы можете себе представить, что это работа очень тяжелая, сильно изнуряющая».

Со временем условия фотографирования документов в стенах посольства становились все более трудными. Но, несмотря ни на что, Рамзай проделал эту работу вплоть до самого ареста.

У меня есть свой собственный опыт нелегальной работы, я знаком со многими фактами из истории советской разведки, читал много литературы о деятельности иностранных разведок. И мне неизвестен второй случай подобного рода. Ведь, фотографируя в посольстве, Рамзай был все время буквально на волосок от смерти: если бы это было обнаружено, то его прикончили бы тут же, не давая выйти из здания, а потом объявили бы, что «Зорге скоропостижно скончался». Это было в буквальном смысле этого слова как том самопожертвования советского разведчика в интересах Родины и социализма. Вся восьмилетняя деятельность Рамзая в Токио представляется нам теперь как большой подвиг. А фотографирование в посольстве было подвигом внутри подвига.

<...>

Репрессии периода культа личности, которые привели к уничтожению практически всего руководства ГРУ, не могли не отразиться отрицательно на руководстве Центра резидентурой Рамзая. Врагами народа были объявлены как некоторые товарищи, в свое время пригласившие Рамзая на работу в Коминтерн (старый революционер-большевик тов. Пятницкий), так и руководители ГРУ, направившие его на нелегальную работу (тт. Берзин и Урицкий). Соответственно, тень недоверия легла и на Рамзая.

<...>

Агентурные условия в Японии, длительное пребывание в ней тяжело отражались на здоровье Рамзая, на нервной системе. Он тосковал по Советскому Союзу, по коммунистической среде, он все надеялся и стремился поскорее наконец на работу домой, в Москву.

Начиная с 1933 года, Рамзай не раз ставил вопрос об отъезде из Японии. Но на все его просьбы следовал резонный ответ, что его нечем заменить. В самом деле, позицию, которую занял Рамзай, было невозможно кому-либо передать. Те тесные доверительные отношения, которые установились у него с работниками посольства в Токио, прежде всего и главным образом с Оттом, с отъездом Рамзая перестали бы существовать. А эти связи были ведь самым крупным капиталом резидентуры, с обострением же международной обстановки их ценность еще больше возрастала. Рамзай это понимал — и мирился с «горькой необходимостью».

Единственный и последний раз, когда Рамзай после 1935 года имел возможность «отвести душу» со своим человеком, была его встреча в августе 1936 года в Пекине с представителем ГРУ Алексом, которого он знал еще в Москве. Алекс потом рассказывал в письме, что Рамзай, этот «волевой человек», «чуть не прослезился при прощании со мной».

В этих исключительно трудных условиях внимательность и чуткое отношение со стороны Центра должны были иметь для Рамзая особенно большое значение. Кто из нас, советских разведчиков-нелегалов, не вспомнит, как благотворно действовало, как согревало сердце теплое ободряющее слово из дома? А Рамзай, в конкретной обстановке его работы, должен был чувствовать и переживать это с особой остротой.

<...>

Особое следует остановиться на так называемых «мемуарах Зорге». Этот документ, написанный Рамзаем в тюрьме, опубликован в упомянутой книге «Шанхайский заговор» (С. 133—230). Подлинность документа навряд ли вызывает сомнения.

Если бы даже не приводилось факсимиле отдельных, отпечатанных на машинке страниц оригинала на немецком языке с рукописной правкой Рамзая, то само содержание документа подтверждает авторство Рамзая. Возможно, конечно, какая-то доля «творчества» полиции, но, по всей видимости, этот документ в основном написан Рамзаем.

Надо прежде всего оговориться, что Зорге в этих «мемуарах» говорит только о людях, уже известных следствию, он не сообщает никаких фактов, которые были бы новы для следствия и которые, следовательно, могли бы ухудшить положение людей, арестованных по делу. Больше того, там, где Рамзаю кажется, что следствие не обладает достаточно определенными уликами, он пытается запутывать следы, отвести внимание полиции.

Приведу три примера.

Рамзаю показывали фотографии работников советского посольства в Токио и предложили опознать тех, с которыми он встречался. Рамзай знал, что по этому вопросу следователи могли получить информацию от одного лишь Клаузена и поэтому показания Рамзая были бы ценными для японской контрразведки. И в «мемуарах» он запутывает вопрос, доказывая, что он не в состоянии припомнить лица тех, о которых идет речь.

Так же он поступает, когда речь идет о личности «Коммерсанта», за вербованного Рамзаем в Шанхае. В токийской резидентуре о «Коммерсанте» мог знать один лишь Клаузен, да и тот — не очень много. И Рамзай старается возможно более убедительно показать, что «Коммерсант» был только его приятелем, что тот ему нравился как умный человек, но никогда к организации Рамзая не принадлежал. В третьем случае Рамзай старается дезориентировать контрразведку по вопросу о курьерско-почтовой связи между Шанхаем и Токио. Речь у него идет о том периоде, когда он к нему направлял людей из Шанхая, и все дело у него излагается так, что нельзя получить ни малейшего представления о том, кто к нему ездил: когда приезжала женщина, он говорит о мужчине и т. д.

В «мемуарах» не только нет ничего, что можно было бы истолковать как идейное отступничество, но, наоборот, Рамзай с силой подтверждает, подчеркивает свои коммунистические убеждения.

<...>

некоторые замечания ПО современным вопросам

Пользуюсь случаем, чтобы поставить некоторые вопросы, которые прямо или косвенно связаны с Зорге.

1. Мне думается, что настало время публично сказать о деятелях разведки, погибших в период культа личности. Все они реабилитированы, но так как они работали в такой области, как разведка, мы в газетах ничего о них не говорим. Мне кажется, что так же как о работниках других отраслей, надо публично сказать о таких товарищах, как Берзин, Урицкий, Давыдов, Никонов, Стига и др.

2. Зорге теперь стал как бы символом мужества советского разведчика. Масса людей, особенно молодежь, жаждет материалов о нем. Печать же наша кормит читателей перепечатками из иностранных книг, в которых много белиберды, иногда отнюдь не безобидной. До меня дошло, что собираются даже издать книгу «Шанхайский заговор». Это было бы прямой ошибкой: это книга сугубо антисоветская, антикоммунистическая. Кроме того, мы совершенно не заинтересованы в том, чтобы публиковать «мемуары» Рамзая.

Мне думается, что назрела прямая необходимость написать нашу советскую

книгу о Зорге.

3. Широко пропагандируя подвиг Зорге, мы впервые стали полным го лосом говорить о советской разведке. Не следует ли подумать о том, чтобы теперь повести продуманную пропаганду, которая разъясняла бы молодежи жи, что такое советская разведка, как почетны ее задачи?

Все капиталистические страны этим занимаются, создавав ореол вокруг своих разведчиков (особенно умело это делают англичане). А мы о своих разведчиках, которые содействуют не капиталистическому разбою, а помо гают бороться за коммунизм, ничего не говорили. Теперь, в связи с делом Зорге, положение меняется.

Не настала ли пора тщательно продумать и развернуть пропаганду со ветской разведки? Ведь в борьбе за коммунизм, против сил империализма, разведке нашей предстоит еще совершить великие дела, а разведчиков на это потребуется ведь очень и очень много.

19.10.64г.

Опубликовано по:

Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы//Публ., вступ. ст. и комм. А.Г. Фесюна. СПб.; М.,Летний сад, 2000. Стр.139-173, 177-191.

Приложение № 2

В немецкой энциклопедии Biographisches Handbuch der deutschsprachigen Emigration nach 1933. Bd.II: Politik, Wirtschaft, Offentliches Leben, Munchen (u.a.) 1980. мы обнаружили интересные сведения, напрямую касающиеся первого мужа Урсулы Рудольфа Гамбургера. Это биографии его брата и товарища по учебе и по последующей жизни в Китае и ГДР.

ГАМБУРГЕР ВИКТОР

Профессор биологии, родился в г. Ландесхут, Силезия, Германия. (Каменна Гора, польск.) 9 июля 1900 г. Протестант. Эмиграция в 1934 г. в США. Гражданство: с 1940 США; прежнее гражданство немецкое.

Отец — Макс Гамбургер, род. в Бреслау, Силезия, Германия. (Вроцлав, польск.) в 1868 г., умер в 1952 г. Еврей. Закончил гимназию. Текстильное производство, владел фабрикой. Эмигрировал в Китай, США, затем в Швейцарию. Член городского муниципалитета.

Мать — Эльзе Граденвиц, род. в Бреслау в 1871 г., умерла в 1937 г. Еврейка. Закончила гимназию. Организовала ясли и пансионат для детей из рабочих семей.

Братья: Рудольф, род. в Ландесхуте в 1903 г. Архитектор. Эмигрировал в Китай, СССР и ГДР.

Отто, род. в Ландесхуте в 1907 г. Закончил университет по специальности промышленный экспорт. Эмигрировал в Китай и Великобританию, в 1928 женился на Марте Фрикке (родилась в Детмолде, Липпе, Германия, в 1898 г., умерла в Беркли, Калифорния, в 1964 г., протестантка, закончила гимназию, эмигрировала с супругом).

Дети: Дорис Слоан, родилась во Фрейбурге, Баден, Германия, в 1930 г.

эмигрировала с семьей. Имеет научную степень магистра. Геолог.

Карола Грингард, родилась в Сент-Луисе, штат Миссури в 1937 г. Доктор философии, до 1978 г. — профессор-консультант (доцент) античной философии, университет Уэсли, Миддлтаун, Коннектикут, 1978 — слушатель Йельской Медицинской Школы.

В июне 1918 г. Виктор Гамбургер был призван на службу в германскую армию; демобилизован в декабре 1918 г.

В 1918–1924 учится в университетах Бреслау, Гейдельберга и Фрейбурга/Брейсгау/;

1924 — доктор зоологии, университет Фрейбурга;

1925 — 1929 — ассистент в области экспериментальной эмбриологии. Институт биологии Кайзера Вильгельма, Берлин — Далем;

1929 — 1932 — ассистент Зоологического института Фрейбургского университета;

1930 — исследования в области развития нервной системы с использованием методов экспериментальной эмбриологии;

1932 — США, годичная студенческая виза;

1932 — 1935 — член Рокфеллеровского научного общества, преподаватель, Чикагский университет. Весной 1933 отчислен из университета Фрейбурга.

В 1934 г. эмигрировал в США; получает помощь от Чрезвычайного Фонда помощи перемещенным ученым Германии (Рокфеллеровский фонд). В 1934 г. получает иммиграционную визу.

1935 — сотрудник факультета отделения зоологии Вашингтонского университета, Сент-Луис, штат Монтана;

1935 — профессор-консультант;

1935 — ассоц. профессор;

1941 — профессор;

1941-1966 — химическое отделение кафедры зоологии;

1968 — 1969 — Маллинкродт. Окр. профессор. Исследования в области экспериментального анализа развития нервной системы и развития подвижности и поведения эмбриона и утробного плода;

Членство в научных обществах:

Национальная Академия Наук; N.I.H.; Американская академия искусств и наук.

Членство в других научных обществах: Общество американских зоологов (президент 1955; вице-президент 1960, химико-зоологическое отделение);

Общество Развития биологии (президент 1950: 1951).

Библиография: Пособие по экспериментальной эмбриологии. Чикаго, 1947, повт. вып. 1966); автор около 100 статей и публикаций в профессиональных журналах, посвященных неврологии и генетике.

ПАУЛИК РИХАРД

(Псевдоним — Петер Винслоу), архитектор, профессор.

Родился в Росслау, Анхальт, Германия, 7 ноября 1903 г., умер в Восточном Берлине в 1980 г. Эмигрировал в 1933 г. в Шанхай, в 1950 г. в ГДР. Гражданство:

немецкое, прежнее немецкое гражданство отменено.

Отец: Рихард, род. в г. Шарлоттенбург в 1876 г., художник по фарфору, член Социал-демократической партии Германии (СДПГ), член городского совета Росслау, член парламента провинции Анхальт, после 1905 г. — редактор «Фольксблат фюр Анхальт», 1944 г. — в концентрационном лагере Бухенвальд; 1945 — соучредитель отделения Социал-демократической партии Германии (Анхальт).

Мать: Хелена.

Брат: Рудольф, род. приблизительно в 1907 г.; учился — Балхауз; специальность — архитектура, 1933 — переезжает в Шанхай.

Женат: 1. 1928. Эльзе Бонгертс, танцовщица, преподаватель актерского мастерства. Развелись. 2. 1939. Теа Данцигер. 3. 1961. Джемма Гейм.

Посещает (учится) Фридрицианум в Дессау, член ученического совета;

1923 — абитуриент,

1923–1925 — изучает архитектуру в Техническом Институте в Дрездене; среди преподавателей — Мартин Дюльфер; дружба с архитектором Рудольфом Гамбургером.

1925 — продолжает учебу под руководством Ханса Пельцига и Х. Хансена, Технический Институт, Берлин — Шарлоттенбург.

1926 — временный консультант, студия документальных фильмов «Гумбольдт-Фильм», Берлин. Совместно с преподавателем из Баухауза Георгом Мюхе работал над созданием типовых проектов зданий из стали, Дессау-Тертен.

1927 — получает диплом, работает в Дессау в архитектурном бюро под руководством Вальтера Гропиуса;

1928 -1930 — после Гропиуса был повышен до должности директора; особо занимался разработкой проекта в районе Берлин-Хазельхорст.

В 1930 г. с будущим эмигрантом Германном Цвейгенталем построил Кант-Гараж в Берлине. С Гропиусом и другими спроектировал здание Веркбунд — Выставки в Париже. Член Социалистической Рабочей партии Германии (САП).

1930 — 1933 — владелец архитектурного бюро в Берлине и Дессау; проектирует многоквартирные здания и район ДЕВОГ, Дессау;

1932 — активно участвует в организации рабочей забастовки, руководимой Коммунистической партией Германии (КПГ).

Весной 1933 эмигрирует в Италию с коллегой-евреем; подвергся аресту, находясь в Мюнхене.

Май 1933 — в Венеции садится на корабль, идущий в Шанхай; ему оказывает помощь Рудольф Гамбургер, работавший в Шанхайской городской администрации.

1933–1937 — работает в компании «Современное жилище», мебель и интерьеры, компания Санс-Лимитед; проектирует гостиничные и жилые интерьеры, среди них — столовые в китайском стиле для отеля «Валдорф-Астория» в Нью-Йорке.

1934г. — работает в информационном агенстве в Шанхае.

1936 — под псевдонимом «Петер Уинслоу» соучредитель газеты «Голос Китая», Шанхай, совместно с писательницей Агнесой Смедли и Хейнцем Гржибом (псевдонимы «Азиатикус», Эрих Меллер).

1937 — ликвидируется корпорация «Современное жилище», и Рихард Паулик, кооперируясь со своим братом и неким армянским архитектором, преобразует корпорацию в новое «Современное жилище», а также основывает фирму «Паулик и Паулик»; проектирует частные дома и промышленные объекты; путешествует в

Японию. С Эрнестом Ашнером и Герхардом Герехтером — содиректор нелегальной организации — предтечи «Союза демократических немцев» (учреждена в 1945 г.) в Шанхае. Связи в Германском посольстве и Военно-морском флоте.

Организует фирму прикрытия для эмигрантской организации и одновременно работает художником-постановщиком в немецко-язычном театре в Шанхае.

1942 — по рекомендации В.Гропиуса — профессор Сент-Луисского университета в Шанхае.

В конце 1944(?) — директор городского строительства в Шанхае; конструирует первый генеральный план расширения Шанхая.

1950 — возвращается в ГДР. Член магистрата по расширению Берлина. Работает руководителем отдела Института Строительства Академии Наук Германии, Вост. Берлин, под руководством директора Ханса Шаруна;

1952 — директор Института Домостроительства Академии Наук Германии; специальный представитель по проектированию национальной программы восстановления; участвовал в реконструкции Оперы на Унтер ден Линден и Спортхалле; директор группы по реконструкции Сталиналлее (Восточный Берлин);

1953 — особое участие в разработке реконструкции Дрездена;

1954 — 1962 — конструкция и проектирование Института Путей сообщения в Дрездене, руководитель рабочей группы реставрационного совета и преподаватель студии в Министерстве Реконструкции;

1955 — член консультативного совета по строительству Совета Министров;

1955–1965 — вице-президент Академии Строительства Германии;

1956 — 1968 — директор и главный архитектор строительства новых промышленных городов, среди них:

1956 — 1961 — Хоерсверда

1962–1964 — Шведт

1963 — 1968 — Халле-Нойштадт

1960 — член научно-технического консультативного совета Министерства Культуры;

1963 — член Отделения Стандартизации;

1964 — штатный сотрудник Министерства Общественных работ;

1967 — 1969 — заканчивает восстановление Альтес Кронпринценпалас, Вост. Берлин;

1968 Главный архитектор района Халле; освобожденный директор городского планирования и архитектуры;

1969 — 1974 — директор моделирования и экспериментальной мастерской Академии Строительства в Берлине.

С начала 1970-х гг. — разработки и проекты зданий культуры (среди них Домский собор в Берлине) разработки для исследовательских центров (Академия Научной организации марксистско-ленинских наук, Бенлин-Вюльхейде и Исследовательский центр, Берлин-Лихтенберг).

Награды: Премия Гете города Восточный Берлин (1951); Национальная премия первого разряда по архитектуре (совм. с коллективом Сталиналлее, 1952), Серебряный орден Победы (1954); Национальная (Государственная) премия 2-го разряда совм. с проф. К.Хеммерлингом; доктор Академии строительства, Берлин; Медаль «За заслуги», ГДР (1963); Золотая медаль Иоханнеса Бехера (1967); Орден «Знамя Труда» (1968); Государственная премия (с коллективом Халле-Нойштадта (1969)).

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИЦЫ СОНИ

Глава 1

ДЕВОЧКА ИЗ ЦЕЛЕНДОРФА

Глава 2

ДАЛЕКО НА ВОСТОКЕ

Глава 3

В ГРУППЕ РИХАРДА ЗОРГЕ

Глава 4

В РАЗВЕДШКОЛЕ

Глава 5

В ПАРТИЗАНСКОМ РАЙОНЕ

Глава 6

ОТ МОСКВЫ ДО ПОЛЬШИ СОВСЕМ НЕДАЛЕКО

Глава 7

«ЖМЕРИНКА» ВЫХОДИТ НА СВЯЗЬ

Глава 8

«СОНЯ» СТАНОВИТСЯ «МАРГАРИТОЙ»

Глава 9

ДОМОЙ!

Глава 10

«МЕНЯ ЗОВУТ РУТ ВЕРНЕР. Я ПИШУ КНИГИ»

Глава 11

О ТЕХ, КОГО ПОМНЯТ И ЛЮБЯТ

Послесловие